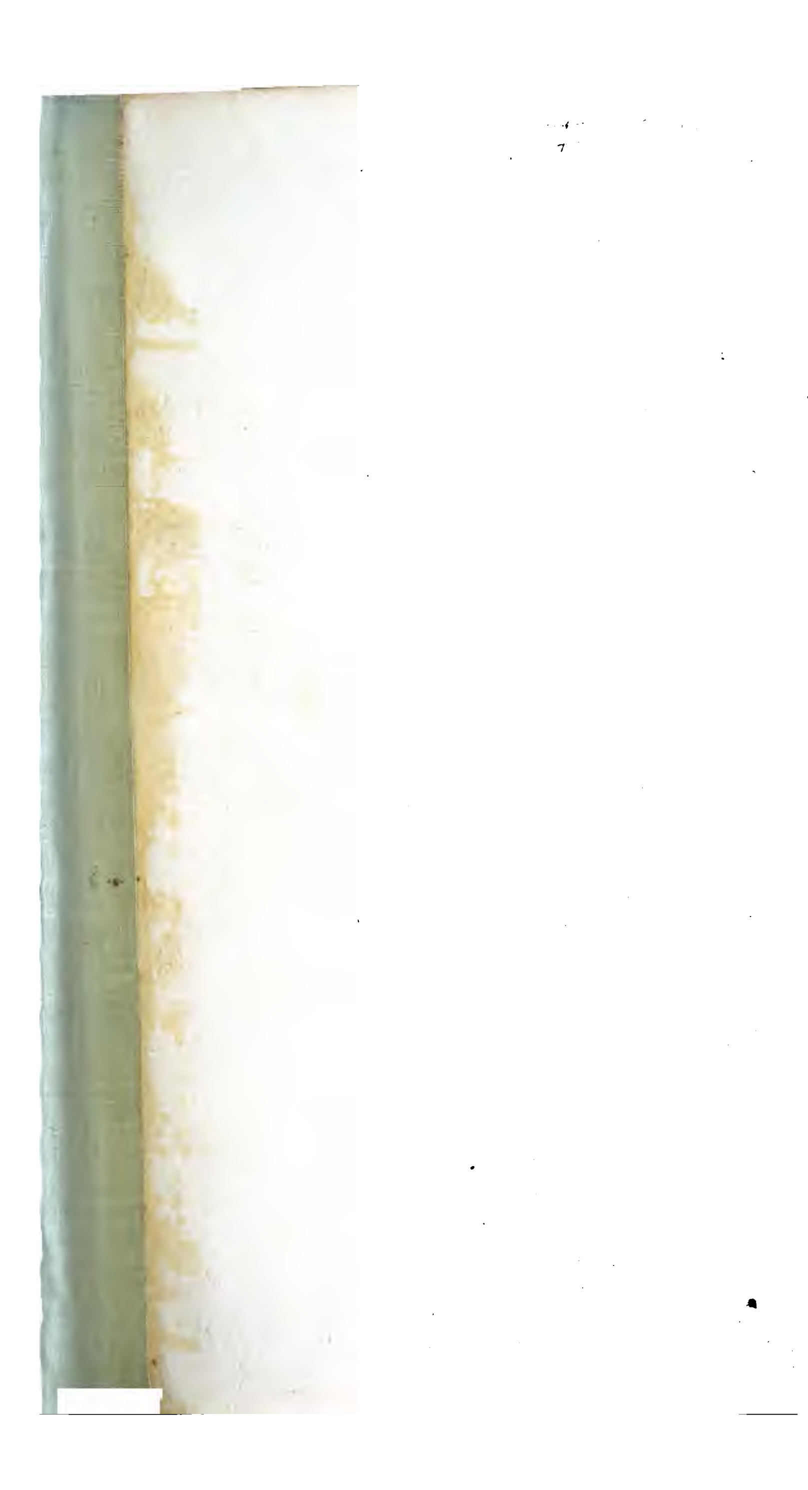
ШАХНОВСКІЙ

ЖЕЛТАЯ ТУЧА

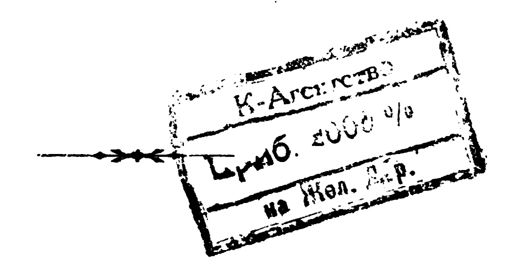

И. К. Шахновскій.

Желтая туча

(12 мѣсяцевъ войны съ Японіей).

ДНЕВНИКЪ КОРРЕСПОНДЕНТА.

Изданіе Д. П. Ефимова.
Москва, Моховая, домъ гр. Бенкендорфъ.
1905.

Типографія А. П. Поплавскаго. Ляляинъ пер., соб. домъ.

Вмѣсто предисловія.

Легенда о „голой истинѣ“.

«Голая истина»—это нагая красота, яркая и ослѣпляющая; такою, по крайней мѣрѣ, она представлялась пылкому воображенію молодого рыцаря.

— Ахъ,—какъ-то разсуждалъ рыцарь,—всѣ утверждаютъ, что истина, голая истина, отличается поразительной, ослѣпляющей красотой, но кто видѣлъ ея соблазнительныя формы, кто ласкалъ ее, чистую и непорочную?!.

И пылкое сердце рыцаря загорѣлось безумнымъ желаніемъ отыскать «голую истину».

— Я найду ее, хотя бы она скрывалась въ чащѣ дѣвственныхъ лѣсовъ, или на вершинахъ неприступныхъ скалъ, или въ пучинѣ морской.

И рыцарь, одѣвъ свои доспѣхи, отправился въ далекій путь на поиски «голой истины».

— Я найду ее и разскажу о ней друзьямъ,—беззвучно шептали его губы

Пошелъ рыцарь къ воинамъ, стоявшимъ на границѣ его страны.

— Куда держишь путь, славный рыцарь?—обратились къ нему воины.

— Друзья, — съ глубокою грустью отвѣчалъ рыцарь, — я странствую съ цѣлью отыскать красавицу, отличающуюся ослѣпительною красотой... Ни одинъ взоръ не въ состояніи видѣть ея красоты...

— Кто же эта поразительная красавица, рыцарь? Ея имя?

— Она зовется «голая истина».

— «Голая истина»... Ха-ха-ха... О, хо-хо-хо...—Долго смѣялись воины и, наконецъ, успокоившись, обратились къ странствующему рыцарю съ слѣдующими странными рѣчами:

— Другъ! Мы стоимъ на этой границѣ и всегда встрѣчали всѣхъ путешественниковъ. Ни одна красавица, тѣмъ болѣе отличающаяся ослѣпительною красотой, и притомъ нагая, ха-ха-ха, не миновала насъ. Оставь мечту свою, примкни къ намъ и познаешь истину: мечъ булатный, вино искрометное, женщины, не одна, а всѣ, сколько ихъ есть,—вотъ гдѣ истина.

Рыцарь глубоко вздохнулъ и, не взглянувъ на воиновъ, побрелъ своею дорогой.

Встрѣчаетъ рыцарь на пути монастырь. Отшельники живутъ за крѣпкими стѣнами и скрываются отъ взоровъ людскихъ, чтобы избѣжать соблазна.

Они съ радушіемъ приняли странствующаго рыцаря, но на вопросъ: не встрѣчалъ ли кто изъ старцевъ «голой истины» — ослѣпительно яркой, нагой красавицы, монахи сокрушенно покачали сѣдыми головами и отвѣтили:

— Истины въ видѣ обнаженной соблазнительной красавицы мы не видали: мы всю жизнь проводимъ въ уединеніи... Однако, полагаемъ, такая истина есть плодъ больной фантазіи развращеннаго человѣчества. Истину ты обрѣтешь у насъ, въ нашей тихой обители, подъ сѣнью храма, въ окружающей его дубравѣ, гдѣ и листья немолчно славятъ Бога... Вотъ какова истина.

Рыцарь, глубоко вздохнувъ, произнесъ:

— Я увижу ее, мою мечту, «голую истину», и разскажу о ней своимъ друзьямъ, да что друзьямъ, я повѣдаю всему свѣту о ея дивной красотѣ.

И рыцарь побрелъ далѣе.

Много встрѣчалъ онъ лицъ, молодыхъ и старыхъ, мужчинъ и женщинъ, у всѣхъ онъ допытывался, гдѣ

находится убѣжище «голой истины». Иные, сокрушенно вздыхая, покачивали головами, очевидно считая рыцаря человѣкомъ съ не совсѣмъ здравымъ умомъ, иные отсылали его на дно глубокаго колодца, гдѣ она будто-бы скрывается отъ взоровъ людскихъ, иные, хохоча, говорили:—«нѣтъ, мы не видали «голой истины» въ видѣ обнаженной красавицы... Да и нѣтъ ея на свѣтѣ. Это твоя фантазія, бѣдный, рехнувшійся рыцарь».

Но бѣднякъ никого не слушалъ и вновь отправлялся на поиски. Такъ добрелъ онъ до острова, поросшаго лѣсомъ. Вода голубая, подобно выси небесной, и прозрачная, какъ воздухъ, отражала въ своей глубинѣ дивный хрустальный замокъ, построенный на берегу озера. Рыцарь въ нѣмомъ восторгѣ замеръ, и его пылкое воображеніе рѣшило, что этотъ замокъ и есть убѣжище «голой истины».

— О, если въ этомъ восхитительномъ замкѣ я не найду моей красавицы, стало быть, ея искать нечего... Стало быть, ея не существуетъ.

Въ то время, какъ рыцарь произнесъ послѣднее слово, его горящіе лихорадочнымъ блескомъ глаза увидѣли старуху. Казалось, всѣ вѣка промчались надъ этой старой каргой. Ея лицо высохло и кожа была желтѣе старинной хартіи. Носъ длинный, загнутый крючкомъ, а глаза зіяли въ глубокихъ впадинахъ, черныхъ и мрачныхъ.

— Старуха! Ты прожила всѣ вѣка. Передъ твоими очами промчалась безконечность... Ты все видѣла и знаешь, гдѣ находится убѣжище «голой истины».

Старуха, опершись на свою суковатую клюку, вперила взоръ свой въ блѣдное лицо рыцаря. Ея глаза странно мерцали въ своихъ глубокихъ впадинахъ. Невозможно было опредѣлить, смѣются они или плачутъ.

— Ты ищешь истины, рыцарь,—беззвучно прошептали ея высохшія губы. Казалось, не она произнесла эти слова, а злобный вѣтеръ пустыни принесъ ихъ изъ пространства. — Голая истина—это я, — зловѣще

прошептала старуха, стукнувъ о сухую землю клюкою.—Гляди, если хочешь.

— О, старая! Что-же я повѣдаю своимъ друзьямъ, всему міру? Я имъ всегда представлялъ голую истину не иначе, какъ въ образѣ обнаженной красавицы, ослѣпительно яркой... О! что я имъ скажу?

Старуха впилась въ рыцаря своими зіявшими, какъ двѣ пропасти, впадинами и произнесла:

— А ты солги...

И старуха исчезла.

Итакъ, приступаю къ изложенію событій на такъ-называемомъ «театрѣ войны» не съ цѣлью розыскать несуществующую красавицу - «голую истину» и не съ цѣлью «солгать», по совѣту старой карги, но съ единственнымъ желаніемъ представить читателю протекшія за 12 мѣсяцевъ кровавыя событія въ томъ видѣ, какъ я ихъ видѣлъ и понялъ.

На бѣднаго, святого и великаго «сѣраго молчальника-страстотерпца» русскаго солдата навели столько хулы и клеветы, что я желалъ-бы одного, чтобы прочитавшій мои очерки повѣрилъ моей искренности и правдивости живого свидѣтеля, пробывшаго на войнѣ ровно 12 мѣсяцевъ.

Авторъ.

Генералъ отъ инфантеріи Н. П. Линевичъ.

Главнокомандующій.

Генералъ-адъютантъ А. Н. Куропаткинъ.

Командующій 1-й арміей.

Генералъ отъ кавалеріи баронъ А. А. Каульбарсъ.

Командующій 2-й арміей.

Генералъ Батьяновъ.

Командующій 3-й арміей.

Русско-китайская школа въ Харбинѣ.

7 марта 1904 г.

Минуя путевые наброски, не представляющіе интереса для читателей, я начинаю воспоминанія съ первыхъ шаговъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, или вѣрнѣе въ глубокомъ тылу его, въ Харбинѣ. Первая моя встрѣча съ подполковникомъ пограничной стражи А. Д. Хитрово, личностью въ высокой степени оригинальной, по своимъ убѣжденіямъ.

Горячій сторонникъ русско-китайскаго сближенія, онъ обратилъ мое вниманіе на русско-китайскую школу, учрежденную китайскимъ «политическихъ дѣлъ мастеромъ», генераломъ Джао-Мянъ, и руководимую безусловно образцовой учительницей, г-жей Хитрово.

Въ началѣ военныхъ дѣйствій—это было 1-го марта 1904 года,—о желтой тучѣ навѣянной блестящимъ германскимъ императоромъ Вильгельмомъ, никто серьезно не помышлялъ, да едва-ли и теперь кто-либо вполнѣ понимаетъ эту угрозу цивилизованному міру. Поэтому неудивительно, если и авторъ настоящей книги, подпавъ подъ вліяніе убѣжденнаго китаефила, представилъ читателю статью о школѣ въ томъ видѣ, какъ она появилась на газетномъ столбцѣ, но, повторяю, истина, голая истина, иногда оказывается столь неуловимой, что лучше имѣть достаточно мужества сознаться въ невольной ошибкѣ.

Итакъ, представляю читателю всѣ происходившія передъ моими глазами событія со дня пріѣзда въ Манджурію въ такомъ видѣ, въ какомъ я понималъ ихъ.

Русско-китайская школа находится при Харбинскомъ или Хейлудзянскомъ бюро для «дипломатическихъ сношеній». Исторія ея возникновенія слѣдующая: жена штабъ-офицера для порученій при начальникѣ заамурскаго округа, г-жа А. П. Хитрово, изъ расположенія къ представителямъ мѣстнаго китайскаго общества, охотно давала уроки русскаго языка ихъ дѣтямъ. Результаты получались поразительные. Въ баснословно короткій срокъ молодой китайченокъ настолько овладѣвалъ рѣчью, что его можно было понимать; онъ читалъ бѣгло и осмысленно, а писалъ почти каллиграфически.

Генералъ Джао-Мянъ, случайно ознакомившись съ результатами успѣховъ учениковъ г-жи Хитрово, рѣшилъ, что недурно было-бы устроить школу. Опять-таки чуть-ли не съ феерической быстротой (въ одинъ мѣсяцъ) выросъ прекрасный домъ, на европейскій ладъ, въ которомъ и открыли образцовую школу, состоящую изъ образцово устроенной классной, столовой, двухъ комнатъ для учительницы (г-жи Хитрово), «рекреаціоннаго» зала и кухни. Гимнастика устроена во дворѣ и «общежитіе» на 40 человѣкъ въ отдѣльномъ зданіи, также выросшемъ съ феерической быстротой.

Такимъ образомъ, кустарная дѣятельность насадительницы русской грамоты среди китайцевъ приняла болѣе опредѣленный характеръ.

Я пріѣхалъ въ школу къ началу уроковъ и видѣлъ съ какой любовью и радостью встрѣтили ученики свою учительницу.

— Здравствуйте, здравствуйте! — сыпалось изъ устъ болѣе двухъ десятковъ «китаезовъ», какъ

ихъ здѣсь называютъ, и каждый стремился пожать руку своей просвѣтительницы.

Затѣмъ начался урокъ, на которомъ я получилъ разрѣшеніе присутствовать. Долженъ сознаться, я былъ пораженъ и восхищенъ. Школа открылась всего въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1903 года, при чемъ въ праздникъ новаго года (китайскаго) въ теченіе мѣсяца уроковъ не было; кромѣ того, г-жа Хитрово не могла заниматься съ учениками по болѣзни въ теченіе еще двухъ недѣль, такъ что учебныхъ дней было всего 40, и вотъ въ такой незначительный промежутокъ времени двадцать учениковъ школы «вполнѣ овладѣли чтеніемъ и письмомъ». Всѣ читали сознательно и прекрасно писали. Нѣкоторые недурно овладѣли склоненіями. Метода преподаванія г-жи Хитрово поразительно проста. Ничего подобнаго я себѣ представить не могъ-бы, если-бы даже обладалъ самымъ пылкимъ воображеніемъ.

Четырнадцатилѣтній китаецъ, вызванный къ доскѣ, пишетъ мѣломъ и на словѣ, гдѣ въ концѣ требуется звукъ ѣ, обращается къ учительницѣ на чисто русскомъ языкѣ, лаконически:

— Ѣ или е?

Пишутъ всѣ каллиграфически, точь въ точь какъ въ прописи.

Поразительно, что учительница, г-жа Хитрово, не знаетъ китайскаго языка, и помощникомъ служитъ ей ея-же ученикъ, Тандинъ, или Чарльзъ, какъ его почему-то называютъ. Онъ въ 1½ года настолько овладѣлъ русскою рѣчью, что даже употребляетъ литературные обороты. Когда ученикъ читаетъ по русски отрывокъ изъ книги и переводитъ на свой родной языкъ, Тандинъ или Чарльзъ внимательно вслушивается и при малѣйшей неточности останавливаетъ ученика. Читаетъ онъ дальше, когда усвоитъ непонятое.

Правила школы очень строгія. Напримѣръ, за

шалость, послѣ третьяго замѣчанія, ученикъ возраста старше 16 лѣтъ исключается изъ училища, болѣе молодымъ — дѣлаютъ 4 выговора, послѣ которыхъ слѣдуетъ изгнаніе. На мой вопросъ, почему такая строгость, мнѣ отвѣтили:

— Пускай хорошо учится, желающихъ такое множество, что нѣтъ необходимости терпѣть нерадивыхъ.

Намъ покажется курьезнымъ, что ученики старше 17 лѣтъ — всѣ женаты (9 человѣкъ). Нѣкоторые, едва поженившись, бросили женъ дома и отправились учиться на два-три года.

Кромѣ русскаго языка, преподается и китайская премудрость, конечно, китайскимъ учителемъ, и классное время распредѣлено слѣдующимъ образомъ: послѣ завтрака, съ $8^1/_2$ часовъ утра до 1 дня—уроки русской грамоты, отъ 1 до 2 часовъ — обѣдъ, съ 2 часовъ занятія китайскимъ языкомъ продолжаются до 8 вечера съ перерывомъ на $^1/_2$ часа въ 6 часовъ.

Желая убѣдиться въ успѣхахъ учащихся, я бесѣдовалъ съ нѣкоторыми, задавая имъ общеупотребительные вопросы, и получалъ вполнѣ толковые отвѣты.

Русско-китайской школѣ нельзя не придать огромнаго значенія. Два-три десятка учениковъ расползутся по своимъ норамъ и разнесутъ добрую молву о русскихъ, въ которыхъ они встрѣтили столько любви и вниманія.

Вообще задача насажденія добрыхъ русско-китайскихъ отношеній выполняется господиномъ и г-жею Хитрово съ такой заботливостью и такимъ тактомъ, которые, право, выше всякой похвалы.

Въ настоящій моментъ, готовясь выпустить въ свѣтъ настоящую книгу, я не могу сказать, чтобы я продолжалъ считать отношенія китайцевъ

къ русскимъ «въ достаточной мѣрѣ искренними»...

Кто виноватъ, судить не берусь. Предоставляю этотъ трудъ болѣе старательнымъ историкамъ.

Русско-китайскій судъ.

9 марта 1904 г.

На томъ-же дворѣ того-же бюро для «дипломатическихъ сношеній» учрежденъ русско-китайскій судъ, состоящій изъ представителей китайскаго и русскаго правительствъ.

Предсѣдатель суда, генералъ Джао-Мянъ, пригласилъ меня присутствовать на одномъ изъ его засѣданій, представляющемъ несомнѣнный интересъ, какъ съ точки зрѣнія казуистической, такъ и бытовой.

Въ мѣстности, носящей названіе пристани, за рѣкой Сунгари, на обширномъ пространствѣ раскинулись помѣщенія дипломатическаго бюро. Здѣсь имѣется вполнѣ комфортабельно обставленный домъ для пріема европейцевъ, окруженный множествомъ строеній китайскаго и русскаго типа.

По одну сторону генеральской резиденціи раскинута обширная веранда. Подъ ея черепичной крышей, окрашенной въ свѣтлозеленый цвѣтъ, стоитъ на высокомъ пьедесталѣ красивая будочка съ аккуратно выточенными колонками, затѣйливо раскрашенными. Это «ковчегъ». Въ немъ хранятся «таблички» предковъ, чтимыхъ китайцами какъ святыни.

По другую сторону дома—широкія ворота, открываемыя лишь для прохожденія почетныхъ посѣтителей; эти почетныя врата украшены атрибутами власти: большой желѣзный трезубецъ, бамбукъ и китайскіе іероглифы на красныхъ дощечкахъ.

Перпендикулярно къ этимъ воротамъ расположенъ длинный каменный сарай. Гдѣ-то, здѣсь-же, вблизи,—временное помѣщеніе для приводимыхъ арестантовъ и караула.

«Залъ судебныхъ засѣданій» находится въ каменномъ сараѣ, предоставляемомъ въ распоряженіе Ѳемиды въ минуту необходимости произвести «судъ и расправу». Въ глубинѣ сарая сооруженъ простой бѣлый столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ чернымъ бордюромъ. Подъ столомъ разостланъ коверъ. На столѣ атрибуты власти: трезубецъ и вазочки, въ которыхъ находятся узенькія дощечки съ вырѣзанными въ видѣ пламени концами. На этихъ дощечкахъ китайскими іероглифами надписывается имя арестанта и выдается солдату для привода послѣдняго изъ-подъ караула. У стола экзекуціонная скамья, изъ-подъ которой краснорѣчиво выглядываетъ орудіе наказанія, длинная бамбуковая палка. Засѣданіе суда происходитъ въ присутствіи самого генерала, его помощника, мандарина 2-й степ., имѣющаго голубой шарикъ на шапкѣ съ павлиньимъ перомъ, подполковника Хитрово и представителя Восточно-Китайской желѣзной дороги. Судили двухъ китайцевъ, обвиняемыхъ въ принадлежности къ шайкѣ хунхузовъ. Ихъ ввели въ залъ засѣданія вмѣстѣ съ свидѣтелемъ, закованнымъ въ желѣзныя кандалы. Видъ несчастныхъ прямо удручающій: изможденные, исхудалые, они скорѣе походили на живыхъ скелетовъ. Всѣ трое стали передъ судомъ на колѣни, нагнувъ головы.

Изъ разбора дѣла выяснилось, что свидѣтель

«донесъ» по злобѣ на двухъ китайцевъ объ ихъ принадлежности къ хунхузамъ. Въ дѣйствительности это были мирные китайскіе манзы (крестьяне), служившіе у одного изъ начальниковъ участка Кит.-Восточной желѣзной дороги.

Они явились въ судъ незакованными, потому что предварительное слѣдствіе выяснило ихъ полную невиновность, а по китайскимъ законамъ лже-свидѣтель безъ промедленія обращается въ обвиняемаго, заковывается въ кандалы и ввергается въ ужасную китайскую тюрьму до выясненія обстоятельствъ дѣла, т.-е. если доносъ произведенъ вслѣдствіе полученныхъ ложныхъ свѣдѣній отъ постороннихъ лицъ, то наказаніе ограничивается нѣсколькими ударами бамбука, тутъже, при судьяхъ, въ самомъ залѣ засѣданія. Буде-же выяснится, что свидѣтель имѣлъ противъ обвиняемыхъ злобу и свѣдѣнія представляютъ плодъ его собственной фантазіи, въ наказаніе опредѣляется *смертная казнь*, или вѣрнѣе—то наказаніе, которое полагалось-бы виновному, если-бъ обвиненіе, на немъ тяготѣющее, подтвердилось. Необходимо имѣть въ виду, что въ китайскомъ судѣ окончательный приговоръ можетъ быть опредѣленъ лишь послѣ сознанія обвиняемаго, не взирая на ясность и очевидную правдивость свидѣтельскихъ показаній и даже вещественныхъ доказательствъ.

Разумѣется, обвиняемый, борясь за свою участь, отвергаетъ свою вину и, чтобъ вынудить у него сознаніе, его подвергаютъ мучительнымъ пыткамъ.

На мое замѣчаніе, что пытка можетъ кончиться смертью подсудимаго, мнѣ отвѣчали:

— Хорошій китайскій чиновникъ въ правѣ употреблять всѣ средства для приведенія обвиняемаго къ сознанію, однако, съ условіемъ, чтобы подсудимый остался живъ. У хорошаго

мандарина обвиняемый подъ самыми мучительными пытками умереть не «имѣетъ права»...

И не умираютъ.

Засѣданіе продолжалось часа два. Хунхузы были оправданы, а свидѣтеля въ кандалахъ отправили въ тюрьму.

Незамѣтные герои.

11 марта 1904 г.

Манджурія представляется столичному жителю страной враждебной, готовой при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ причинить вредъ нашимъ интересамъ на Дальнемъ Востокѣ.

Такъ полагалъ и вашъ покорный слуга, отправляясь въ эту окраину, гдѣ, казалось, всѣ засыпаютъ убаюканные «грохотомъ» орудій, гдѣ всѣ задыхаются въ пороховомъ дыму.

Когда я глубокой ночью подъѣхалъ къ станціи «Манджурія», я не безъ нѣкоторой тревоги вглядывался въ темные силуэты крышъ, зловѣще высматривавшихъ по ту сторону станціонныхъ строеній.

Это—китайскія фанзы, догадывался я и ждалъ, что вотъ-вотъ выбѣжитъ изъ-за угла толстый рослый китаецъ съ раскосыми глазами и произведетъ «насиліе»...

— Здѣсь дня не проходитъ безъ убійства,— сказалъ кто-то.—Здѣсь человѣческая жизнь гроша ломанаго не стоитъ...

На ряду съ этимъ «китаезы» смѣло подходили къ пассажирамъ, хватали багажъ и таскали его въ другой «манджурскій» поѣздъ, получивъ

30—40 коп., умильно улыбались и ласково произносили:

— Шанго, капитана... Шанго...—А нѣкоторые даже произносили что-то похожее на «пасьбо» (спасибо).

Когда раннимъ утромъ тронулся поѣздъ, я нерѣдко выглядывалъ въ окна, всматриваясь въ безконечную степь, еще тогда покрытую снѣжнымъ покровомъ. Я ждалъ крушенія, нападенія хунхузовъ, непріятельскихъ наемниковъ, авансомъ получившихъ свои серебренники за причиненіе русскимъ вреда.

Но поѣздъ равнодушно мчался впередъ, спокойно минуя степи, горы, рѣки, ручьи и мосты.

Пріѣхавъ вь Мукденъ и попавъ въ незнакомую оригинальную обстановку, я вновь съ тревогой всматривался въ лица снующихъ взадъ и впередъ китайцевъ. Проходя по безконечной улицѣ, между двумя рядами лавокъ, мнѣ казалось, что китайцы враждебно настроены, и я даже читалъ на ихъ желтыхъ лицахъ готовность «вспыхнуть», «возмутиться». Между тѣмъ поѣзда съ шумомъ и грохотомъ подходили къ станціи и отходили, рабочіе китайцы мирно работали у вокзала, и если-бы не цѣпь сторожевыхъ постовъ, казалось— ничто не нарушаетъ мирной обстановки.

Въѣзжаю въ Харбинъ. Замѣчаю въ выросшемъ съ чисто американской быстротой городѣ большое оживленіе, прохожденіе войскъ, пѣсни, на площадяхъ тактическія ученія, на базарахъ—торгъ, и вновь получается впечатлѣніе мирнаго преуспѣянія города, нарушаемое лишь алчностью, увы! русскихъ торгашей...

Далѣе различные слухи то вновь возбуждаютъ мою тревогу, навѣвая зловѣщіе кошмары, то успокаиваютъ меня... То отдаленнымъ эхомъ приходитъ изъ Портъ-Артура вѣсть о новой и новой бомбардировкѣ, о какихъ-то таинственныхъ дви-

женіяхъ генерала Ма съ арміей, а жизнь течетъ по своему руслу, поѣзда, переполненные войсками, безъ суеты приходятъ и отходятъ и все идетъ, какъ говорится, безъ приключеній, возможныхъ и въ «самое мирное» время.

Порою задаю я себѣ вопросъ: хорошо-то хорошо, а продовольствіе, а деньги, про которыя Бисмаркъ еще, подобно древней пиѳіи, изрекалъ: для войны необходимы, «во-первыхъ», деньги, «во-вторыхъ»,—деньги, «въ-третьихъ»,—деньги?..

И продовольствіе закупается спокойно, безъ суеты, безъ «рыскотни», свозится китайцами безъ *малѣйшаго* понужденія. Имъ платятъ наличными, скупаютъ китайскіе тяжеловѣсные неуклюжіе ланы, но китайцы-продавцы, добродушно улыбаясь, отрицательно качаютъ головами и просятъ наши русскія бумажки. Бумажныя деньги китайцы принимаютъ охотнѣе сребра и злата!.. И это, дорогіе читатели далекой отчизны, не «реклама», а фактъ, который мнѣ приходится видѣть каждый день собственными глазами.

И невольно приходитъ мнѣ въ голову, кто эти незамѣтные труженики, незамѣтные герои, ведущіе безъ приключеній поѣзда, подготовляющіе успѣхъ нашему оружію, поднятому лишь для «защиты чести»?.. Такой вопросъ неизбѣженъ, когда на мѣстѣ видишь адскую работу, не покладая рукъ, почти безъ сна и отдыха, лицъ, обслуживающихъ «манджурку», какъ здѣсь называютъ Китайско-Восточную дорогу.

Проѣхавъ отъ Харбина до Куанчендзы и внимательно вглядѣвшись въ пространство по обѣ стороны полотна дороги, увидѣвъ подъ мостами на еще покрытой льдомъ поверхности рѣки часовыхъ съ ружьями, я понялъ, гдѣ искать отвѣтъ на мой вопросъ. Надо видѣть, съ какимъ тщаніемъ охраняется дорога чинами пограничной стражи, и тогда все станетъ яснымъ, какъ день.

Не только полотно не спускается съ «глазъ», все пространство на 30 верстъ по обѣ стороны дороги находится въ «полѣ зрѣнія» конныхъ разъѣздовъ подъ начальствомъ офицеровъ. «Ни сна, ни отдыха», зри и бди, забудь о себѣ и помни обо всѣхъ!.. И ни стона, ни звука жалобы на тягость службы; всѣ несутъ ее съ рвеніемъ, трогательнымъ до глубины души, до слезъ... Всѣ, отъ послѣдняго желѣзнодорожнаго стрѣлочника, пограничнаго солдата, до генерала включительно!..

И тогда мнѣ становится яснымъ, почему все такъ спокойно, почему обстановка ничего не напоминаетъ о войнѣ, если не считать, конечно, отдаленнаго эха бомбардировокъ Портъ-Артура.

И я прихожу къ убѣжденію, что мы полъ-войны выиграли, что мы можемъ терпѣливо ждать дальнѣйшихъ результатовъ, что честь Россіи находится подъ надежной охраной. *)

Кромѣ того, штабомъ округа заарестованы въ Харбинѣ японки, подозрѣваемыя въ шпіонствѣ.

Одна изъ нихъ оказалась сильно скомпрометированной перехваченными и найденными у нея документами.

Еще до войны она «вышла замужъ» въ Харбинѣ за китайца, который и помогалъ ей шпіонить.

Развѣдка Заамурскаго округа могла многое предупредить и отвратить, если-бъ... Къ несчастію, за эту войну насчитывается такое множество «если-бъ», что о нихъ тяжело и просто непріятно говорить...

---

*) *Примѣчаніе автора.* Прошу читателя не сомнѣваться въ искренности и правдивости разсказа. Въ качествѣ „живого свидѣтеля“, пробывшаго на войнѣ 12 мѣсяцевъ, могу съ увѣренностью сказать, что не пограничники виноваты въ постигшихъ насъ неудачахъ на полѣ сраженія...

Поимка и арестъ японскихъ шпіоновъ.

4 апрѣля 1904 г.

Въ части города «Новый Харбинъ», на такъ называемомъ «Большомъ проспектѣ», стоитъ большое каменное зданіе, сурово и солидно взирающее на снующихъ взадъ и впередъ китайцевъ.

Это помѣщеніе штаба заамурскаго округа пограничной стражи.

О функціяхъ пограничной стражи въ нашемъ далекомъ отечествѣ имѣютъ понятіе по тѣмъ обязанностямъ, которыя на нее возлагаются на западныхъ границахъ: борьба съ темными силами, стремящимися протащить черезъ границу запретное.

Совсѣмъ не то представляетъ собою пограничная стража Манджуріи. Счастливая доля досталась ей: охранять важнѣйшіе интересы государства Россійскаго на Дальнемъ Востокѣ и насаждать европейскую культуру среди дикихъ азіатовъ.

Третій мѣсяцъ войны, а стража Манджуріи смѣло можетъ сказать, что она и не переставала воевать съ самаго возстанія «большихъ кулаковъ», т. е. съ 1900 года.

Назначенный вскорѣ послѣ пресловутаго усмиренія кулаковъ начальникъ заамурскаго округа, генералъ Чичаговъ, превосходно понялъ огромное значеніе охраны желѣзнодорожнаго пути въ Манджуріи отъ враждебныхъ элементовъ и организовалъ широкую развѣдку страны во всѣхъ отношеніяхъ. Его начальникъ штаба, полковникъ Богдановичъ, несомнѣнно явился вполнѣ достойнымъ сподвижникомъ. Это, кажется, былъ незаурядный представитель нашего генеральнаго

Генералъ Чичаговъ.

Начальникъ Заамурскаго округа отдѣльнаго корпуса пограничной стражи.

штаба. Энергичный, чуждый рутины, онъ велъ охрану и развѣдку съ честью. Лично могу сожалѣть, что штабъ дѣйствующей арміи не всегда руководствовался свѣдѣніями штаба заамурскаго округа. Нѣтъ сомнѣнія, армія могла-бы миновать много подводныхъ камней, ловко разставленныхъ нашимъ противникомъ, если-бъ начальники ея почаще обращались къ содѣйствію пограничной стражи, отличавшейся знаніемъ мѣстности, какъ у себя на родинѣ.

Въ то время, когда все, повидимому, было спокойно, и жители столицъ не ждали грома съ яснаго неба, штабъ заамурскаго округа въ предчувствіи, конечно, на основаніи добытыхъ свѣдѣній, войны, принялъ свои мѣры, установивъ такой надзоръ на рѣкахъ Нонни и Сунгари, который вполнѣ обезпечилъ неприкосновенность этихъ сооруженій.

Наѣзжавшіе въ Манджурію еще въ мирное время сановники, видя удивительное спокойствіе, сопровождающее движеніе, даже требовали снятія охраны, полагая, что въ Манджуріи такъ же безопасно, какъ въ Тамбовской губерніи, но генералъ Чичаговъ зналъ причины «безопасности» и непоколебимо шелъ по намѣченному плану.

Но незамѣтные герои, проводившіе по 18 часовъ въ сутки въ сѣдлѣ и оберегавшіе путь, какъ хорошая няня бережетъ довѣренное ей дитя, безъ шума дѣлали свое важное и «незамѣтное» дѣло.

Днемъ и ночью бродили они вдоль всего протяженія полотна, и только отъ ихъ бдительнаго ока не ускользнуло, повидимому, незначительное въ пустынѣ явленіе: раскинутая палатка кочевниковъ въ 12 верстахъ отъ пути, 30 верстахъ отъ великолѣпнаго моста черезъ рѣку Нонни и 38 верстахъ отъ станціи Турчихэ.

Казачій разъѣздъ охранной стражи прибли-

зился къ палаткѣ и, увидѣвъ тамъ азіатовъ въ монгольскихъ желтыхъ халатахъ, заглянулъ къ нимъ съ самой невинной цѣлью: завести на всякій случай легкое знакомство съ кочевниками.

Послѣ первыхъ взаимныхъ привѣтствій на особомъ волапюкѣ, которымъ отлично пользуются наши стражники, послѣдовали разспросы:

— Твая, ходя, видалъ?.. Тамъ, въ степи...

Жесты поясняютъ монголу, о чемъ его спрашиваютъ.

— Тунда? (понимаешь).

— Путунда (не понимаю).

— Мамандиl (погоди),—не отстаетъ казачокъ.— Кушъ-кушъ ю?

— Мею.

— Врешь! А это что? — указываетъ казакъ рукой на черный мѣшокъ, давно привлекшій его зоркій глазъ.

Это былъ лихой казакъ 26-й сотни Пашка Гежа. Взращенный азіатской степью, онъ питаетъ къ ней и ея кочевникамъ крайнее недовѣріе, прекрасно освоившись съ ихъ чисто звѣриной хитростью.

Этотъ казакъ мнѣ разсказывалъ:

— Ежели, господинъ, идетъ китаецъ и тащитъ яйца, это онъ навѣрное волочитъ кормъ хунхузамъ и я его обнаковенно выслѣжу.

И, дѣйствительно, выслѣдитъ.

Запустивъ руку въ черный мѣшокъ, онъ извлекъ изъ него предметы, возбудившіе въ немъ сильныя подозрѣнія.

— Записныя книжки, али тамъ «молитвенники» ихніе—ничего, а то електричество, хвонарь и все такое, неподходящее дикому кочевнику... Ну, я его и сгребъ...

Въ черномъ мѣшкѣ оказались вещи, дѣйствительно непригодныя для простого кочевника: печатныя карты Монголіи, Манджуріи и Кореи,

электрическій фонарь, Бикфордовъ шнуръ, солнечные часы, нѣсколько компасовъ, бинокль, ленточныя пилы для перепиливанія телеграфныхъ столбовъ, приспособленія для разрѣзыванія проводовъ, тонкая мѣдная проволока для отвода электрическаго тока, пироксилинъ въ шашкахъ и запалы для производства взрывовъ. Нѣкоторые, изъ находившихся въ палаткѣ, вышли «съ ведрами», вскочили на коней и удрали, но двое были арестованы и приведены къ начальнику поста, поручику Шванебаху, который немедленно пустился въ погоню за убѣжавшими, но настигшая ночь и невозможность слишкомъ удалиться отъ полотна пути помогли убѣжавшимъ ускользнуть, хотя едва ли надолго, если они не удалятся въ глубь Монголіи.

Арестованные оказались чистѣйшими японцами, переодѣтыми въ монгольскіе балахоны и желтыя шапочки съ шишками наверху. Они были вооружены магазинками системы Мурата, револьверами и палашами, оправленными въ черешневыя ножны.

На допросѣ въ штабѣ Заамурскаго округа, въ Харбинѣ, 31-го марта, пойманные японцы сознались, что они командированы въ Манджурію взорвать мосты на рѣкахъ Нонни и Сунгари и вообще для порчи пути...

Я видѣлъ арестованныхъ въ зданіи штаба. Одинъ изъ нихъ, молодой поручикъ, инструкторъ китайской арміи, производитъ впечатлѣніе симпатичнаго и добродушнаго парня. Кромѣ родной рѣчи владѣетъ еще китайскимъ языкомъ. Другой, постарше, обросъ бородой, служилъ капитаномъ въ пекинской миссіи, говоритъ по англійски.

Вышли они партіей въ 14 человѣкъ изъ Пекина въ началѣ февраля и направились въ Манджурію черезъ монгольскія пустыни.

По словамъ одного, вся партія состоитъ изъ офицеровъ, кромѣ 4 китайцевъ-проводниковъ, по словамъ другого, ихъ лишь два офицера, остальные будто бы студенты...

Японцы разсказывали о страшныхъ лишеніяхъ, перенесенныхъ ими въ тяжеломъ пути. Бездорожье, холода, снѣгъ едва ихъ не сгубили... Но монголы имъ оказывали всякое содѣйствіе.

Денегъ японцы взяли съ собою 300 серебряныхъ ланъ (около 1,500 руб.) и бязь — бумажная ткань кармазиноваго цвѣта. Послѣднюю монголы принимали охотнѣе, чѣмъ серебро.

Такимъ образомъ, лишь благодаря поистинѣ молодецкой службѣ охранниковъ пограничной стражи и превосходно организованной начальникомъ штаба Заамурскаго округа полковникомъ Богдановичемъ развѣдкѣ, неприкосновенность желѣзнодорожныхъ сооруженій была обезпечена.

Японскіе офицеры: полковникъ генеральнаго штаба Чонзо Іокока и капитанъ Тейске Іоки, передъ военно-полевымъ судомъ.

9 апрѣля 1904 г.

7-го апрѣля(1904 года) офицеры Чонзо Іокока и Тейске Іоки предстали передъ военно-полевымъ судомъ въ Харбинѣ.

Въ залъ судебнаго засѣданія была превращена небольшая комната въ одномъ изъ домовъ на самомъ концѣ Манджурской улицы.

Ровно въ часъ пополудни отдано приказаніе

ввести подсудимыхъ. Засѣданіе суда объявлено открытымъ.

Публики для тѣснаго помѣщенія довольно много. Все больше офицеры, взиравшіе на подсудимыхъ, отправившихся по приказанію начальства на вѣрную смерть, съ нескрываемымъ уваженіемъ.

Не обошлось безъ уголовныхъ дамочекъ, которыя и въ Харбинѣ отдали дань своему полу.

Подсудимые назвались: старшій — полковникомъ генеральнаго штаба, окончившимъ высшую военную школу въ Японіи, Шонзо (или Чонзо) Іокока, 44 лѣтъ, лютеранскаго вѣроисповѣданія; младшій—капитаномъ Тейске Іоки, 31 года, буддійскаго исповѣданія.

Оба обнаруживаютъ огромное самообладаніе. Показанія даютъ черезъ переводчиковъ—англичанина, служащаго въ Русско-Китайскомъ банкѣ, и г. Габѣева, драгомана, владѣющаго въ совершенствѣ китайскимъ языкомъ.

Былъ приглашенъ еще бурятъ съ серебряной медалью на георгіевской лентѣ, но его участія въ дѣлѣ не потребовалось.

Подсудимые признали себя виновными, подтвердивъ данныя, добытыя предварительнымъ слѣдствіемъ. На столѣ лежали въ запечатанномъ пакетѣ вещественныя доказательства: пироксилинъ, Бикфордовъ шнуръ и прочее.

Не взирая на чистосердечное признаніе подсудимыхъ, были допрошены свидѣтели Павелъ Гежа (онъ же Гежинъ), изъ старыхъ охранниковъ казачьяго сословія, и Кропаковъ, рядовые пограничной стражи.

Немного времени потребовалось для провѣрки предварительнаго слѣдствія. Все было такъ ясно, наглядно, что при наличности чистосердечнаго сознанія подсудимыхъ оставалось только вынести строгій, но справедливый приговоръ.

Тѣмъ не менѣе, послѣ пятиминутнаго перерыва, объявили судебныя пренія. Разумѣется, прокуроръ требовалъ примѣненія статьи закона, полагающей за военное шпіонство смертную казнь черезъ повѣшеніе и *лишеніе всѣхъ правъ* (это для японцевъ-то!). Защитникъ, молодой кандидатъ на военно-судебныя должности, просилъ смягчить наказаніе въ виду чистосердечнаго сознанія, замѣнивъ смертную казнь каторжными работами.

Рѣчи обвинителя и защитника были переведены полковнику англичаниномъ, капитану—драгоманомъ Габѣевымъ. Къ сожалѣнію, англичанинъ плохо владѣлъ родной рѣчью. Слова прокурора «смертная казнь черезъ повѣшеніе» онъ перевелъ словомъ kalth, чѣмъ привелъ подсудимаго въ недоумѣніе.

Предсѣдатель суда, полковникъ Афанасьевъ, попросилъ мягко переводчика поискать въ своемъ лексиконѣ болѣе подходящее слово для опредѣленія угрожающаго подсудимому наказанія.

Послѣ получасового перерыва временной военно-полевой судъ вынесъ резолюцію, опредѣлившую обоимъ подсудимымъ за военное шпіонство смертную казнь черезъ повѣшеніе.

Японцы выслушали приговоръ спокойно. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на ихъ бронзовыхъ лицахъ. Твердыми шагами въ сопровожденіи вооруженнаго конвоя покинули они залъ засѣданія. Резолюцію суда по телеграфу передали командующему манджурской арміей, генералъ-адъютанту А. Н. Куропаткину, который замѣнилъ казнь черезъ повѣшеніе — разстрѣляніемъ.

8-го апрѣля подсудимымъ объявили приговоръ въ окончательной формѣ. Въ 4 часа пополудни я былъ въ штабѣ Заамурскаго округа, гдѣ находились осужденные. Никто не сказалъ-бы, что это люди, обреченные черезъ два съ половиною часа на смерть. Они спокойно разсуждали съ

комендантомъ черезъ переводчика, дѣлая свои «послѣднія» распоряженія. Полковникъ Іокока выразилъ желаніе видѣть православнаго священника. Послѣдній немедленно явился къ осужденному, который поцѣловалъ крестъ и евангеліе.

Кромѣ того, онъ передалъ коменданту китайскій «банкнотъ» на тысячу рублей, которые просилъ принять въ пользу Краснаго Креста. На замѣчаніе, что не лучше-ли было-бы отослать эти деньги семьѣ, онъ отвѣтилъ: «о моей семьѣ позаботится микадо, а эти деньги прошу передать въ пользу Краснаго Креста».

Оба осужденные пожелали написать роднымъ письма и принять ванну. Желанія немедленно были удовлетворены.

5 часовъ. Послѣднія предсмертныя приготовленія. На столѣ въ камерѣ бутылка водки. Старшій выпилъ стаканъ. Младшій, едва отхлебнувъ, отказался.

Послѣ этого осужденныхъ усадили въ крытую пролетку, окруженную вооруженнымъ конвоемъ, и отправили на мѣсто казни, верстахъ въ 3-хъ отъ Новаго Харбина, въ полѣ, за линіей восточной вѣтки Китайской желѣзной дороги. Небольшой валъ въ два человѣческихъ роста. Черная земля мрачно смотрѣла на косые лучи заходящаго солнца. Двѣ доски съ привязанными веревками. Передъ валомъ взводъ солдатъ подъ командою офицера.

Пріѣхали осужденные. Они спокойно сошли съ пролетки и въ послѣдній разъ закурили папироски. Полковникъ поклонился всѣмъ присутствовавшимъ, которыхъ было немного: комендантъ, два доктора и два представителя прессы—пишущій эти строки и художникъ «Нивы» г. Табуринъ. Въ послѣднія минуты осужденные обнаружили все то же самообладаніе, все ту же спокойную покорность судьбѣ.

Твердыми шагами подошли они къ валу. Полковникъ позволилъ завязать себѣ глаза, а капитанъ пожелалъ смотрѣть смерти въ лицо съ открытыми глазами.

Оба просили не привязывать ихъ къ доскамъ, что и было исполнено.

Еще нѣсколько тоскливо-мучительныхъ минутъ ожиданія и послѣдовала команда, за нею залпъ и два героя, какъ подкошенные, упали...

Занавѣсъ поднимается.

18 апрѣля 1904 г.

Послѣ нападенія на флотъ, названнаго «вѣроломнымъ», потому что японцы не предупредили насъ о своемъ намѣреніи или же, вѣрнѣе, потому, что «предержащія» власти наши на берегахъ Тихаго океана находились въ блаженномъ невѣдѣніи, — прошло около трехъ мѣсяцевъ. Видимая активная дѣятельность врага Россіи выразилась въ нѣсколькихъ бомбардировкахъ и попыткахъ заградить входъ въ Портъ-Артурскій рейдъ. Операціи на сушѣ существеннаго ничего не дали. Генералъ Мищенко находился съ своимъ отрядомъ въ Кореѣ, тамъ-же дѣйствовалъ партизанскій отрядъ полковника Мадритова, а въ тылу всѣ мнѣнія русскихъ генераловъ сводились къ «опасеніямъ, что японцы не выйдутъ изъ Кореи».

— Имъ выгоднѣе выждать, когда мы пойдемъ въ Корею «вышибать» ихъ.

Такое убѣжденіе держалось до 15 апрѣля (1904 г.), пока передовые отряды арміи Куроки не появились на берегахъ Ялу.

По донесеніямъ генералъ-лейтенанта Засулича, 16-го апрѣля началось наступленіе японской арміи.

Такимъ образомъ, таинственная завѣса «военнаго театра» нѣкоторымъ образомъ приподнялась; начался первый актъ кровавой трагедіи на манджурскомъ материкѣ: японцы начали наступленіе переправой черезъ рѣку Ялу, составляющей, какъ извѣстно, границу Манджуріи и Кореи.

Японцы сосредоточились у Ый-Чжу и сѣвернѣе Чайдехекоу.

Темными непроглядными южными ночами японцы перевозили понтоны, доски и суда къ устью р. Ялу.

Наши свѣдѣнія ограничивались оффиціальными донесеніями генерала Мищенко, что онъ еще 23-го марта покинулъ Корею, блестяще выполнивъ операцію переправы 18-ти сотенъ и 6 конныхъ орудій съ лѣваго берега на правый, при условіяхъ, исключающихъ всякую возможность переправы: полный ледоходъ при штормѣ и отчаянномъ холодѣ.

Эту тактическую задачу генералъ выполнилъ съ математической точностью, имѣвъ столкновеніе на рѣкѣ Чхонъ-Чон-Ганъ, гдѣ двѣ спѣшившіяся казачьи сотни разстрѣляли эскадронъ японской конницы, оставивъ позицію лишь, когда подошли нѣсколько ротъ непріятельской пѣхоты.

И въ самомъ дѣлѣ, у наступающаго врага были всѣ преимущества. Слѣдуя по пятамъ нашихъ казаковъ, онъ имѣлъ полную возможность настигнуть полки Мищенко, захватить ихъ въ наиболѣе трудную минуту,—въ моментъ переправы,—и нанести имъ чувствительный уронъ.

Къ счастью, непріятель, по непонятной причинѣ, упустилъ эти «моменты», какъ принято

называть ихъ въ высшей военной наукѣ, именуемой стратегіей.

Спустя три недѣли было замѣчено усиленное сосредоточеніе японцевъ на рѣкѣ Ялу. Движеніе ихъ ограничивалось ничтожными перестрѣлками съ своего берега даже безъ всякихъ попытокъ занять острова, разбросанные по рѣкѣ между Шахедзы и Ый-Чжу. Это-то обстоятельство и породило мнѣніе среди военныхъ авторитетовъ, склонявшееся въ пользу плана японцевъ оставаться въ Кореѣ.

Ошибочность этого предположенія выяснилась изъ донесенія отъ 8-го апрѣля объ усиленныхъ приготовленіяхъ японцевъ къ переправѣ.

Великолѣпная ночь съ 12-го на 13 е апрѣля. Молодой мѣсяцъ такъ ясно и ласково смотрѣлъ съ высоты голубого свода. Ни малѣйшаго вѣтерка. Тихо вокругъ, все спитъ давно, лишь темные силуэты маленькихъ людей обнаружили необыкновенную энергію, издавая то едва слышные гортанные звуки, то протяжные, то короткіе свистки. Вотъ по водной поверхности поплыли понтоны, осторожно управляемые этими маленькими японскими солдатами.

Это происходила переправа ловкаго и пронырливаго непріятеля черезъ Ялу.

Наши охотничьи команды пытались воспрепятствовать или, по меньшей мѣрѣ, выслѣдить намѣреніе противника, но шестьдесятъ человѣкъ, притаившихся немного сѣвернѣе Сыдягоу, на островкѣ, могли только констатировать переправу на понтонахъ значительнаго авангарда японцевъ.

Потерявъ въ безплодной перестрѣлкѣ почти всѣхъ лошадей и 18 человѣкъ ранеными, наши охотники отступили въ горы.

Японцы же безпрепятственно продолжали переправу на понтонахъ, пробиваясь по мѣрѣ высадки къ деревнѣ Лизавенъ, которую и заняли,

Незначительный отрядъ произвелъ попытку захватить Тюренченъ, но огонь нашей артиллерiи отбросилъ его, заставивъ пѣхоту уйти въ горы, а артиллерiя скрылась на островѣ. Одновременно съ этой переправой (у Сыдягоу) японцы приступили къ наводкѣ мостовъ сѣвернѣе Ый-Чжу, но наши охотники замѣтили маневръ непрiятеля и, кажется, огнемъ съ высоты Тюренчена заставили его прекратить работы.

Въ теченiе послѣднихъ дней, 15-го и 16-го апрѣля, японцы продолжали усиливать передвигавшiяся войска и къ вечеру 15-го заняли Лизавенъ и Хусанъ двумя батальонами гвардейской пѣхоты и 3 горными ордiями съ небольшимъ количествомъ кавалерiи. Въ то же время закончилась наводка мостовъ у Ый-Чжу, и колонны подтянулись къ устью рѣки Амбихэ, перебросивъ небольшой отрядъ на правый берегъ между Чайдехекоу и Сяпусихе. Этотъ отрядъ занялъ позицiю у деревни Чанденза.

Другой отрядъ японцевъ у деревни Лизавенъ очутился въ центрѣ нашихъ войскъ, наблюдавшихъ переправу. Это обстоятельство побудило начальника восточнаго отряда отдать приказанiе выбить непрiятеля изъ занятой имъ позицiи.

На зарѣ 16-го апрѣля, едва красный дискъ солнца показался на горизонтѣ, одинъ батальонъ пѣхоты и двѣ конно-охотничьихъ команды подъ начальствомъ подполковника генеральнаго штаба Линда осторожно спустились съ высотъ и безшумно стали приближаться къ деревнѣ Лизавенъ. Тѣмъ временемъ артиллерiя съ высотъ у деревни Потетынза начала обстрѣливать вражескую позицiю. Подъ прикрытiемъ этого огня отрядъ перешелъ въ бродъ рѣчку Эйхо и со всей стремительностью бросился на противника.

Японцы не выдержали натиска и бѣжали въ паническомъ страхѣ на сѣверъ, въ горы, къ

Амбихе, оставивъ на позиціи 26 раненыхъ и 10 убитыхъ. Наши потери были ничтожны. Такъ гласило оффиціальное донесеніе.

На помощь удиравшему во всѣ лопатки непріятелю двинулась японская артиллерія и, занявъ позиціи сѣвернѣе Ый-Чжу, убійственнымъ огнемъ начала обстрѣливать высоты Хусана. Тѣмъ не менѣе наши все-таки утвердились въ Лизавенѣ, выславъ для наблюденія за противникомъ разъѣзды въ долину къ рѣкѣ Амбихе.

Этотъ успѣхъ нашъ имѣетъ весьма важное значеніе, полагали мы. Помимо нравственнаго вліянія на наши силы, онъ открылъ намъ настоящія свойства противника, до сего времени намъ неизвѣстнаго. Слишкомъ ужъ много прокричали объ осторожности, упорствѣ и отчаянной храбрости японцевъ, между тѣмъ первое-же столкновеніе ничего подобнаго не подтвердило. Лучшая, отборная гвардія микадо въ страхѣ передъ истинной храбростью бѣжитъ, бросивъ не только позиціи, но и раненыхъ. А покинутая позиція, какъ передовой пунктъ, имѣла для противника огромное значеніе. И невольно вспомнилъ я все, что до войны и послѣ объявленія ея мнѣ приходилось слышать. Генералъ Церпицкій, въ разговорѣ со мною, утверждалъ, что японцы «легко подвержены паникѣ», и его слова оправдались при первомъ столкновеніи.

Вдвое сильнѣйшій отрядъ противника, состоявшій изъ отборной императорской гвардіи, бѣжалъ отъ храбраго натиска *одного* армейскаго батальона русскихъ солдатъ!..

Оговариваюсь: все изложенное подтвердилось разсказами плѣнныхъ.

Но 16-го апрѣля къ вечеру значительныя силы противника, 1,500 человѣкъ при 12 горныхъ орудіяхъ, начали переправу черезъ Ялу у деревни Амбихе. Переправа эта наблюдалась ***двумя ро-***

тами при трехъ горныхъ орудіяхъ, подъ командой подполковника Гусева. На этотъ разъ оффиціальное донесеніе ставитъ насъ въ извѣстность, что значительное превосходство противника, главнымъ образомъ, *преобладаніе артиллеріи*, побудило подполковника Гусева *отойти*, потерявъ 4 нижнихъ чина ранеными. Полковникъ самъ былъ контуженъ.

Главные пункты переправы силъ противника выяснились въ слѣдующихъ мѣстахъ: Ый-Чжу-Хусанъ-Амбихе, откуда идутъ кратчайшіе пути на Ляоянъ и Мукденъ. Въ этихъ мѣстахъ переправа обезпечивалась содѣйствіемъ флота.

О томъ, что еще задолго до начала войны японскіе агенты скупали въ Шахедзы, Дагушанѣ и Фынхуанченѣ значительные запасы продовольствія, мы почему-то узнали только послѣ дѣла у деревни Лизавенъ.

Первый актъ кровавой драмы.

Примѣчаніе. Эту корреспонденцію оставляю безъ капитальныхъ исправленій. Контръ-атаки 9 и 11 восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ велись съ такой стремительностью, что они дѣйствительно возымѣли огромное вліяніе на дальнѣйшую судьбу «японскихъ наступательныхъ дѣйствій». Этими контръ-атаками объясняется задержка японскихъ главныхъ силъ въ Фынхуанченѣ и крайняя медлительность въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Окажись генералъ Куроки настоящимъ военнымъ геніемъ, каковымъ его считалъ самъ командующій нашей арміей, Харбинъ могъ

Генералъ-лейтенантъ М. И. Засуличъ.

бы быть въ рукахъ японцевъ къ концу мая 1904 года.

За эту оплошность мы можемъ только благодарить генерала Куроки.

Авторъ.

Неувядаемой славой покрыли себя русскія войска на безвѣстной, заброшенной въ дебряхъ Манджуріи, рѣкѣ, сдѣлавшейся теперь достояніемъ исторіи.

Въ ночь съ 13-го на 14-е апрѣля, едва молодой мѣсяцъ скрылся за набѣжавшими тучами, со стороны рѣки Ялу стали раздаваться подозрительные всплески воды, шорохъ, звуки, лязгъ оружія. Наши развѣдчики донесли о переправѣ небольшого японскаго отряда въ двухъ пунктахъ: Сыдягоу и Чайдехегоу.

«Наконецъ-то» — мелькнуло въ головѣ каждаго.—«Начинается», — и у многихъ сердце екнуло.

У Сыдягоу непріятель занялъ позицію, расположивъ у деревни Лизавенъ 2 батальона 4-го гвардейскаго полка при 3-хъ орудіяхъ и незначительномъ кавалерійскомъ разъѣздѣ, очевидно, съ цѣлью прикрытія «головы» переправы.

Нѣсколько сѣвернѣе, у Ый-Чжу японцы возвели два моста.

Такъ шло до 16-го апрѣля. Послѣ пораженія головного прикрытія противника, послѣдній обнаружилъ свое присутствіе у устья рѣки Амбихе, гдѣ онъ въ теченіе ночи успѣлъ сосредоточить одну дивизію.

Въ 10 часовъ утра 16-го апрѣля, при великолѣпной погодѣ, переправился черезъ рѣку отрядъ въ 1,500 японцевъ и при помощи 12 горныхъ (скорострѣльныхъ) орудій «оттѣснилъ» отрядъ подполковника Гусева, состоявшій всего изъ двухъ ротъ 24-го полка, 3 сотенъ уссурійскихъ казаковъ и двухъ горныхъ орудій. Такимъ обра-

зомъ, непріятелю удалось занять позицію у деревни Амбихе, на которой онъ и укрѣпился.

Весь восточный отрядъ нашъ состоялъ изъ слѣдующихъ силъ: 6 пѣхот. полковъ, не считая двухъ, выдѣленныхъ у Дагушаня и Куандянсяня въ видѣ глубокихъ резервовъ, 6 батарей и казачьей дивизіи съ 2 конными батареями.

Расположеніе силъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: казачья дивизія, раздѣленная на двѣ бригады, обязана наблюдать за лѣвымъ флангомъ рѣки Ялу, сѣвернѣе Чайдехегоу и пути на Ляоянъ и Мукденъ. Правый флангъ—устье Ялу, ниже Ый-Чжу, и побережье поручено 22-му полку, занявшему позицію у деревни Потетынза, и 12-му полку на высотахъ Тюренчена.

Стрѣлковыя позиціи находились подъ прикрытіемъ 3-й батареи 6-й восточно-сибирской бригады; кромѣ того, 10-му полку поручено было наблюденіе за рѣкою у Шахедцзы, 9-й и 11-й полки составляли общій резервъ у дер. Тензы*) и части 24-го полка съ батареей выдвинули къ Хунси и Амбихе.

Отсюда видно, что всѣ наши силы вмѣстѣ съ глубокими и общими резервами состояли всего изъ 18 батальоновъ при 24 орудіяхъ, при чемъ участіе въ бою кавалеріи, вслѣдствіе необходимости слѣдить за путями сообщенія, оказалось невыполнимымъ**).

16-го апрѣля начальникъ восточнаго отряда, осмотрѣвъ позиціи, убѣдился въ необходимости выбить японскій отрядъ изъ деревни Лизавенъ. Эту операцію блестяще выполнилъ полковникъ Линда.

*) Въ 15 верстахъ отъ передовой линіи.

**) Во время Тюренченскаго боя кавалерійскіе отряды генераловъ Ренненкампфа и Мищенко находились въ «безвѣстной отлучкѣ».. Они не могли даже предупредить появленіе непріятельской кавалеріи въ тылу нашихъ позицій.

Такимъ образомъ, снова занявъ деревню Лизавенъ, командиръ, озаботившись возстановленіемъ связи съ 24-мъ полкомъ, выслалъ незначительную часть охотниковъ на развѣдки къ Амбихе и Сыдягоу.

17-го апрѣля, подъ прикрытіемъ южной темной ночи, непріятель перевелъ на правый берегъ значительныя силы—около 3 дивизій, а въ 10 часовъ утра началъ обстрѣливать наши позиціи изъ орудій, воздвигнутыхъ на высотахъ, находящихся къ сѣверу отъ Ый-Чжу.

По показаніямъ артиллерійскихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ этомъ жаркомъ бою, гдѣ каждый квадратный футъ забрасывался пулями и осколками снарядовъ, на непріятельскихъ позиціяхъ находилось 24 полевыхъ и 12 стодвадцатимиллиметровыхъ орудій, «превосходно укрытыхъ и отлично пристрѣлявшихся».

Огню противника отвѣчала наша батарея съ высотъ Тюренчена.

Канонада началась съ 10½ часовъ утра. 36 жерлъ непріятельской артиллеріи изрыгали огонь и приносили смерть и разрушеніе нашимъ 8 орудіямъ. Въ нѣсколько минутъ выбыли изъ строя всѣ офицеры: командиръ дивизіона полковникъ Мейснеръ, батарейный командиръ, подполковникъ Малеръ, и 3 младшихъ офицера.

Генералъ Кашталинскій, замѣтивъ критическое положеніе нашей батареи, боровшейся противъ 36 орудій, приказалъ прекратить огонь.

Тѣмъ временемъ японская пѣхота, прикрываемая превосходной артиллеріей, перешла рѣку у Сыдягоу и атаковала наши позиціи на высотахъ Хусана.

Почти одновременно съ этимъ сильныя части въ колоннахъ появились у деревни Лизавенъ со стороны Амбихе, а на позицію осторожно выѣхала непріятельская горная батарея.

У д. Лизаренъ, какъ сказано было выше, находился нашъ небольшой передовой отрядъ, который успѣли усилить 3 батальонами 22-го полка подъ командой полковника Громова.

Появленіе противника въ силахъ, значительно превосходившихъ наши, не было для насъ сюрпризомъ. 22-й полкъ встрѣтилъ непріятеля свинцовымъ дождемъ, а батарея съ высотъ Потетынза поддерживала огонь стрѣлковъ.

Но японцы, обладая силами въ 4 раза болѣе нашихъ, немедленно стали угрожать лѣвому флангу, что вынудило полковника Громова выдѣлить одну роту для противодѣйствія охвату. Горная батарея противника буквально засыпала эту роту смертоносными снарядами, послѣ чего она вынуждена была отойти, отступивъ съ полкомъ отъ высотъ Лизавена къ Потетынза *).

Канонада съ высотъ Тюренчена не прекращалась до 5 часовъ вечера (съ 10 утра); непріятелемъ было выпущено 2000 снарядовъ, уничтожившихъ почти весь конскій составъ нашей артиллеріи и испортившихъ большинство орудій, которыя были приведены въ негодность...

Наши потери, по оффиціальнымъ донесеніямъ— 1 офицеръ, командиръ батальона 12-го полка подполковникъ Пахомовъ, ранено 8 офицеровъ, нижнихъ чиновъ убито 3, ранено 19.

Къ концу боя на позиціяхъ Потетынза прочно укрѣпились 22-й и 12-й стрѣлковые полки и 3 батареи 6-й восточно-сибирской бригады.

Въ ночь съ 17-го на 18-е апрѣля начали насѣдать дивизіи генерала Куроки. Съ 4 часовъ пополуночи полевыя и осадныя орудія противника

*) Отступленіе это, какъ впослѣдствіи стало извѣстно, оказалось полнымъ бѣгствомъ полка въ паническомъ страхѣ. Причины паники и результаты ея слѣдуетъ искать въ общемъ планѣ защиты Тюренченскихъ высотъ, въ слабости начальника восточнаго отряда и полной неподготовленности высшихъ командныхъ чиновъ.

изъ-за Ялу начали «осыпать» наши позиціи дождемъ пуль и снарядовъ, приносившихъ смерть и разрушеніе. Не взирая на то, что огонь увеличивался съ каждой минутою, подобно разражающемуся ливню, наши стрѣлки не дрогнули.

Всѣ понимали значеніе «обстрѣла» артиллеріи и ждали наступленія врага. Въ 8 часовъ утра солнце стало допекать, а къ 10 часамъ стало знойно. Еще ночью начальникъ восточнаго отряда отдалъ приказаніе по позиціямъ принять бой *).

Вотъ расположеніе войскъ: двумъ батальонамъ 22-го полка съ 3 батареями предстояло оборонять броды у Потетынза, первому батальону 22-го полка предстояло охранять флангъ, 12-й полкъ занялъ высоты Тюренчена, 10-й полкъ у Шахедзы, 9-й и 11-й были поставлены въ общій резервъ вблизи деревни Тензы.

Самое наступленіе непріятеля замѣтили съ ранняго утра. Двѣ дивизіи направились на позиціи Потетынза (защищаемыя всего 3 батальонами). Одна гвардейская дивизія вытянулась къ Тюренчену, а резервная бригада пошла на позицію Шахедзы.

Такимъ образомъ, вся тяжесть боя неминуемо должна была обрушиться на 22-й и 12-й полки, т.-е. противъ 6 батальоновъ японцы направили 8 полковъ, или 24 батальона, силы, превосходящія наши въ *четыре* раза, при огромномъ превосходствѣ артиллеріи.

Непріятель, видя свое превосходство, ураганомъ несся къ нашимъ позиціямъ; переходя въ бродъ рѣчку Эйхо, онъ понесъ огромныя потери, тѣмъ не менѣе разсыпающіяся колонны,

---

*) Боя ни въ какомъ случаѣ принимать не слѣдовало. Все равно, слабый отрядъ нашъ не былъ въ состояніи оказать серьезнаго сопротивленія, стало быть, жертвы были совершенно непроизводительны...

оставляя на пути груды тѣлъ, стремились въ атаку на позиціи Потетынза и Тюренчена съ неимовѣрной быстротою.

Стрѣлки подпустили противника на дистанцію 150—200 шаговъ и, давъ залпъ, сами бросились въ контръ-атаку. Но японцы контръ-атаки нашихъ не принимали, а поспѣшно ретировались, очищая мѣсто; стоящіе сзади резервы сыпали съ колѣна залпами въ стрѣлковъ. Дорого обошлись намъ эти контръ-атаки, но не мало полегло и враговъ: груды труповъ покрыли высоты и долину Эйхо.

12-й полкъ, потерявъ до 40 проц., занялъ тыловую позицію подъ прикрытіемъ двухъ батальоновъ, одной батареи и пулеметовъ, жесточайшій огонь которыхъ остановилъ непріятеля.

Началъ отступленіе 22-й полкъ, противъ коего противникъ предпринялъ обходное движеніе. Непріятелю удалось сбить его у Чингоу, предпринявъ движеніе на Лауфангоу. Полкъ отступилъ въ полнѣйшемъ безпорядкѣ къ горамъ Люшангоу.

Батарея 6-й бригады, занявшая позицію у Потетынза, понеся страшныя потери въ личномъ составѣ, прислугѣ и лошадяхъ, вынуждена была оставить орудія.

Генералъ Засуличъ, имѣя въ виду облегченіе отступленія, выслалъ изъ общаго резерва 11-й стрѣлковый полкъ при 3-й батареѣ подполковника Муравскаго.

Въ то-же время 9 и 10-му полкамъ отдано приказаніе отступать къ Сагоуцзы, выиграть время и, втянувшись въ горы, отодвинуться къ Пьямыну. 12-ый полкъ съ 3 батареями 6-й восточносибирской бригады, опираясь на 11-й полкъ, отошелъ къ Санчену, а 2-я батарея той-же бригады двинулась туда-же другой дорогой.

Наступилъ часъ дня. Солнце съ своего зенита жарило во-всю. Японцы придвинулись къ пози-

ціямъ 11-го полка, осыпая перекрестнымъ огнемъ дорогу на Санченъ. Отступленіе по этой дорогѣ затруднило движеніе 12-го полка, обстоятельство, вынудившее полков. Муравскаго остаться на позиціи до конца битвы. Весь составъ офицеровъ батареи погибъ вмѣстѣ съ своимъ славнымъ командиромъ. Нѣсколько уцѣлѣвшихъ нижнихъ чиновъ успѣли заклинить орудія за невозможностью сняться съ позицій безъ коней (изъ 110 коней убито 108).

Японцы въ огромныхъ силахъ продолжали насѣдать. Вотъ они начали охватывать живымъ кольцомъ 11-й полкъ, вступившій въ бой подъ командой полковника Лайминга. Лихой, храбрый командиръ, видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, приказалъ развернуть полковое знамя и съ священникомъ *), державшимъ крестъ въ рукахъ, съ музыкой, съ такой стремительностью ударилъ въ противника, что ошеломилъ его... Японцы потянулись назадъ, чѣмъ дали возможность пробиться молодцамъ стрѣлкамъ 11-го полка.

Пулеметная рота находилась на той-же позиціи и уже снялась съ мѣста для отступленія, но, замѣтивъ критическое положеніе батареи полковника Муравскаго, вернулась на мѣсто и снова открыла бѣшеный огонь по противнику. Выпущено было по оффиціальнымъ донесеніямъ 30,000 пуль. Потери—половина личнаго состава и весь конскій. Люди сдѣлали попытку вынести пулеметы на своихъ плечахъ, но это оказалось выше человѣческихъ силъ. Вся рота до одного легла костьми на полѣ брани, покрывъ себя неувядаемой славой.

Батальоны-же 11-го полка *отступали*, *«производя непрерывныя атаки»*; въ одной изъ такихъ

---

*) Григоріемъ Щербаковскимъ.

атакъ погибъ командиръ 11-го полка, полков. Лаймингъ. Вмѣстѣ съ своимъ славнымъ начальникомъ легъ костьми въ неравномъ бою весь батальонъ, недавно прибывшій на комплектованіе 11-го полка изъ Кіевскаго округа отъ 11 и 31 пѣхотныхъ дивизій (1-го апрѣля этотъ безсмертный батальонъ выступилъ изъ Ляояна и 10-го апрѣля присоединился къ полку).

Знамя вынесли два другихъ батальона, отступившіе въ полнѣйшемъ порядкѣ.

Батарея 6-й бригады, пытавшаяся выйти къ Санчену другой дорогой, не могла подняться въ горы съ половиной наличнаго состава, поэтому она вновь выѣхала на позицію и, поддерживая 11-й полкъ, съ честью погибла вся. Въ этотъ, поистинѣ, ужасный для насъ день мы потеряли $2^1/_2$ тысячи убитыми и ранеными нижнихъ чиновъ и 44 офицера *).

Кромѣ того, эта битва стоила намъ двадцати орудій и всѣхъ пулеметовъ третьей дивизіи.

Японцы утверждаютъ, что ими взято въ плѣнъ 30 офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ.

Если это и вѣрно, то, во всякомъ случаѣ, въ плѣну очутились тѣ тяжело раненые, которыхъ не успѣли вынести съ поля сраженія.

Отступившія войска заняли позиціи у дер. Пьямынь.

Лазареты у Фынхуанчена, прекрасно снабженные всѣмъ необходимымъ, приняли раненыхъ. Продовольственные магазины съ этого-же пункта снабдили отдыхавшія на бивакѣ части продовольствіемъ и боевыми снарядами.

Къ вечеру, 20-го апрѣля, передовые разъѣзды противника появились у дер. Кіадяпуза.

---

*) Эти свѣдѣнія едва-ли вполнѣ точны. Въ дѣйствительности, наши потери на Тюренченскихъ высотахъ нѣсколько выше, приблизительно около 3 или $3^1/_2$ тысячъ человѣкъ.

Потери не повліяли на духъ нашего войска. Люди попрежнему бодры, храбры и могущественны. Отстаивая каждую пядь земли грудью, они дали непріятелю такой отпоръ, котораго онъ никогда не забудетъ.

Въ теченіе 10 часовъ они упорно держались на позиціи, обстрѣливаемой перекрестнымъ огнемъ изъ 66 орудій (36 на позиціяхъ Ый-Чжу и 30 противъ Потетынза).

Нельзя не воздать должнаго и японцамъ, оказавшимся достойными противниками: искусное сосредоточеніе силъ, отличное распредѣленіе ихъ для удара, умѣлый выборъ артиллерійскихъ позицій, группировка огня — доказываютъ, что тактическое обученіе у непріятеля стоитъ на высотѣ.

Тѣмъ больше чести храбрецамъ державшимся съ такой небывалой стойкостью на позиціи, растянувшейся на протяженіи 15 верстъ.

Славное дѣло подъ Тюренченомъ раскрыло карты непріятеля.

Первая армія въ Манджуріи.

Получилось извѣстіе о высадкѣ второй у Бицзыво.

Сопоставляя дѣйствія нашего противника въ настоящую войну съ его дѣйствіями въ кампанію противъ китайцевъ въ 1894 году, замѣчается очень много сходства въ тактическихъ пріемахъ и стратегическихъ принципахъ. Подождемъ—увидимъ.

Все-таки «посмѣется тотъ, кто будетъ смѣяться послѣднимъ», говорилъ я себѣ послѣ первой неудачи на сушѣ.

Изъ бесѣдъ съ ранеными.

29 апрѣля 1904 г.

Вчера, 28-го апрѣля, отправился на сѣверъ послѣднiй транспортъ раненыхъ. Бесѣдуя съ нижними чинами, я замѣтилъ среди нихъ желтолицаго субъекта; у его койки стояла табуретка, на которой лежала форменная солдатская фуражка съ желтымъ околышемъ; рядомъ съ фуражкой— двѣ пачки папиросъ.

Наши солдаты рѣдко «балуютъ» себя папиросами; курящiе предпочитаютъ махорку, стало быть, желтолицый несомнѣнно принадлежитъ къ семьѣ нашихъ враговъ.

И дѣйствительно, у кровати стоялъ другой съ узкими, продолговатыми глазами. Онъ оказался переводчикомъ. Это былъ «русскiй японецъ», т. е. мать японка, отецъ русскiй. Прожилъ онъ долго въ Японiи, а потому, сносно владѣя русской рѣчью, служилъ переводчикомъ въ штабѣ уссурiйскаго округа.

Въ Ляоянъ выписанъ въ качествѣ переводчика.

— Какъ зовутъ раненаго японца?—попросилъ я переводчика перевести плѣнному.

— Като, 4 гвардейскаго полка, рядовой 3-й роты.

— Гдѣ и когда былъ раненъ?

— На Ялу, 12-го апрѣля; я переправлялся въ составѣ своей роты. На манджурскомъ берегу роту раздѣлили по-взводно и направили въ разныя стороны. Взводъ, съ которымъ я пошелъ,

натолкнулся на небольшую группу русскихъ охотниковъ. О, храбрые люди, хорошо стрѣляютъ, но больше предпочитаютъ штыкъ... А мы, японцы, штыка не признаемъ. Всѣ бросились бѣжать кто куда. Товарищъ былъ раненъ, и я хотѣлъ взять его съ собой, но тутъ пуля попала мнѣ въ бокъ, и я свалился. Меня подобрали русскіе санитары и снесли въ вашъ госпиталь.

— Спросите Като, доволенъ-ли онъ русскими? хорошо-ли обращались съ нимъ?

— О, очень доволенъ. Русскіе великодушны, сильны и храбры...

Раненый японецъ остановился, подумалъ немного и добавилъ:

— Русскіе сильны, однако не настолько, чтобы ихъ нельзя было побѣдить.

И въ глазахъ раненаго вспыхнули злые огоньки...

Зашелъ въ офицерскій вагонъ. Тамъ другое настроеніе. Всѣ веселы и бодры.

Среди нихъ лежатъ два унтеръ-офицера изъ вольноопредѣляющихся, оба 11-го полка, награждены знаками отличія военнаго ордена. Одинъ раненъ тяжело, другой съ легкой раной стремится обратно въ строй; умывается безъ посторонней помощи, но я замѣчаю, что онъ прихрамываетъ.

— Э, это пустяки,—весело отвѣчаетъ онъ мнѣ.— Черезъ три дня буду здоровъ.

Хотя вольноопредѣляющійся величина незначительная, тѣмъ не менѣе я поинтересовался, каково его мнѣніе о японцахъ.

— Врагъ, съ которымъ слѣдуетъ считаться, но—разобьемъ, взлупимъ! — рѣшительно и безапелляціонно отвѣчаетъ онъ.

Въ груди юнаго воина клокочетъ задоръ, жажда показать, что мы можемъ драться съ японцами. Онъ чувствуетъ это всей силой молодой души, что невольно вырывается, такъ сказать, наружу,

и невольно улыбаешься этому милому и симпатичному задору. Улыбается, глядя на вольноопредѣляющагося, и старый ротный командиръ капитанъ Зубаревъ, 20-го стрѣлковаго полка, раненый четырьмя пулями. Заговариваю съ нимъ. Меня поражаетъ здравый и трезвый взглядъ капитана.

— Японецъ врагъ серьезный,—также серьезно говоритъ Зубаревъ.—Это противникъ, отличающійся необыкновенной храбростью; но драться онъ не умѣетъ. Вы удивляетесь, потому что вы не знаете японцевъ, а я ихъ отлично изучилъ и понимаю. Я не говорю о столкновеніи японцевъ съ нами равными силами, но когда нашихъ будетъ половина, т.-е. скажемъ 20 тысячъ противъ сорока, они разобьютъ свои храбрыя головы, какъ о каменныя скалы. Не мало наблюдалъ я ихъ. Въ 1900 году храбрая японская рота съ остервѣненіемъ лѣзла на фортъ Таку. Она превосходно выполнила задачу, но ротный командиръ отсутствовалъ по болѣзни. На слѣдующій день, послѣ взятія форта, еще больной ротный явился въ свою роту и сказалъ: «Благодарю васъ! Вы сдѣлали мнѣ честь, доказавъ, что я васъ хорошо училъ. Вы достойны похвалы и наградъ, а я больше никому не нуженъ», и тутъ же сдѣлалъ себѣ «харакири», т.-е. распоролъ животъ. Извините, это не храбрость, а безуміе. Это храбрость, которая будущаго не имѣетъ. Ихъ тактика—дѣтская тактика. Все-таки я не думаю, чтобы они дѣло подъ Тюренченомъ считали особеннымъ успѣхомъ... Да, подождите. Я убѣжденъ, немного времени потребуется, чтобы убѣдиться въ несостоятельности японской арміи.

— Говорятъ, они превосходно стрѣляютъ,—замѣтилъ я.

Капитанъ улыбнулся.

— Стрѣляютъ, говорите, хорошо. Знаете, при

современномъ оружіи, японцы должны были перестрѣлять нашихъ, а, сравнительно, потери при 5,000 противъ 50,000 слѣдуетъ считать ничтожными. Двѣ равныя арміи, по современной теоріи, должны взаимно уничтожиться, а въ результатѣ процентъ пораженія — изъ восьми тысячъ пуль попадаетъ *одна*. Цѣлятся первыя пять минутъ, а послѣ все переходитъ въ хаосъ, среди котораго ничего не разберешь... Каждый стремится выпустить большее количество снарядовъ, но никто не цѣлится. Нервное напряженіе доходитъ до крайнихъ предѣловъ, и увидите — въ концѣ концовъ, бой окончательный рѣшитъ нашъ русскій штыкъ.

О переправѣ черезъ Ялу капитанъ сказалъ, что японцы ползли, «какъ черви». Ихъ была убита такая масса, что вмѣсто брода образовался «мостъ» изъ труповъ, и колонна шагала по этому удивительному «мосту». Много полегло въ Ялу японцевъ.

Первые волонтеры изъ осажденнаго Портъ-Артура.

10 мая 1904 г.

Ожидая поѣздъ въ Хайченъ, я неожиданно встрѣтилъ капитана генеральнаго штаба Гурко, сына покойнаго фельдмаршала. Молодой капитанъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ на вокзалѣ Ляояна произвелъ нѣкоторымъ образомъ сенсацію, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что онъ находится въ изолированномъ отъ сообщенія съ остальнымъ міромъ Портъ-Артурѣ.

— Что-жъ онъ на воздушномъ шарѣ переле-

тѣлъ, что ли?—слышалъ я съ разныхъ сторонъ, и глаза станціоннаго населенія съ жаднымъ любопытствомъ устремлялись на капитана.

Я обратился къ капитану съ просьбой разъяснить окутывающую его въ Ляоянѣ таинственность.

— Какая таинственность! — недовольнымъ голосомъ прервалъ меня Гурко:—я пріѣхалъ окружнымъ путемъ черезъ Чифу,—отвѣтилъ онъ просто, какъ будто рѣчь шла объ обыкновенномъ partie de plaisir.

— Однако, русскому и въ Чифу попасть изъ Портъ-Артура не такъ-то просто, — возразилъ я капитану и возобновилъ просьбу разсказать о путешествіи изъ Портъ-Артура «окружнымъ путемъ».

Я, въ качествѣ бывшаго военнаго, не могъ не понимать всей важности и опасности переѣзда изъ Портъ-Артура въ раіонъ дѣйствій нашей арміи внѣ Ляодунскаго полуострова.

Юркіе японцы, наводнившіе Китай, имѣющіе и въ Чифу, и въ Тіенъ-Тцзинѣ свои отряды, легко могли подкараулить капитана и поступить съ нимъ, какъ со шпіономъ...

Послѣ настоятельной просьбы, капитанъ удовлетворилъ мое любопытство. Капитанъ генеральнаго штаба Гурко нанялъ нѣсколько джонокъ съ цѣлью пробраться изъ Портъ-Артура въ дѣйствующую въ Манджуріи армію. Въ двѣ изъ законтрактованныхъ случайно не удалось попасть, и онѣ были захвачены японцами.

Двѣ, заполучивъ задатки, удрали; оставалось воспользоваться услугами пятой джонки. На всякій случай ее «нагрузили» достаточнымъ количествомъ пироксилина... 9-го мая, ночью, при попутномъ вѣтрѣ, джонка пустилась «по волнамъ Тихаго океана».

Умышленно избрали свѣтлую лунную ночь, а

когда послѣдняя пряталась за тучки, поверхность залива освѣщалась прожекторами. Въ 12 верстахъ утлая ладья храбраго капитана попала въ «штиль», и пришлось остановиться, но къ утру поднялся попутный вѣтеръ, который погналъ джонку съ неимовѣрной быстротой.

Японцы слѣдили и за этой джонкой, но, къ счастью, ее загнало въ средину цѣлой флотиліи другихъ китайскихъ торговыхъ судовъ различнаго типа, что и дало возможность уйти отъ бдительности преслѣдовавшихъ ее крейсера и миноноски. Отважному капитану помогло еще и то обстоятельство, что ночью послышалась канонада съ стороны Портъ-Артура, показался свѣтъ отъ японскихъ прожекторовъ, и суда, вѣроятно, вслѣдствіе полученнаго вызова, ушли назадъ...

Послѣ 50 часовъ опаснаго путешествія удалось добраться до Чифу, но тамъ капитана Гурко съ его слугой отказались принять на пароходы, идущіе въ Инкоу, откуда они могли бы по желѣзной дорогѣ отправиться въ Ляоянъ и Мукденъ. Поневолѣ пришлось сѣсть на пароходъ, крейсирующій между Чифу и Тьенъ-Тцзиномъ.

Въ Тьенъ-Тцзинѣ капитанъ Гурко перебрался съ парохода на берегъ на японскомъ катерѣ. Японцы усердно всматривались въ лица пассажировъ, очевидно, подкарауливая кого-то.

И дѣйствительно, на берегу, едва кули взялся за багажъ капитана, японецъ по-китайски что-то приказалъ ему, и кули молча ушелъ, оставивъ Гурко въ безпомощномъ положеніи. Становилось жутко. Ясно, японцы подозрѣвали пассажира и намѣревались арестовать его. Но смѣльчака выручила находчивость и великолѣпное знаніе англійскаго языка.

На вопросъ японскаго офицера (по-англійски), откуда мистеръ ѣдетъ, получился смѣлый отвѣтъ: «изъ Нагасаки».

Японецъ распорядился перенести вещи капитана на вокзалъ, откуда ему удалось добраться до Инкоу и Ляояна, гдѣ мы встрѣтились.

На мой вопросъ: «какъ въ Портъ-Артурѣ»? я получилъ отвѣтъ:

— Въ Портъ-Артурѣ все спокойно. Японцевъ не боимся.

— Ну, и слава Богу,—подумалъ я.

Звонокъ возвѣстилъ объ отходѣ поѣзда въ Мукденъ, и мы разстались *).

Дѣло сибирскихъ казаковъ.

(Прелюдія сраженія при Вафангоу).

17 мая 1904 г.

Попасть въ передовой отрядъ, посмотрѣть «собственными очами» величественную картину сраженія, такъ сказать, нюхнуть запахъ пороха, внять ужасамъ жужжащихъ подобно гигантскому рою шмелей пуль—мечта каждаго военнаго корреспондента. Но въ настоящей войнѣ, въ войнѣ, какую въ данное время приходится наблюдать пишущему эти строки, сраженія бываютъ не каждый день, и попасть въ такую обстановку,

*) Отвѣтъ капитана Гурко о спокойствіи въ Портъ-Артурѣ не совсѣмъ соотвѣтствовалъ истинѣ. Отъ генерала Стесселя приходили донесенія крайне тревожнаго характера, и, говорятъ, командующій манджурской арміей посовѣтовалъ генералу Стесселю позаимствовать мужества у генераловъ Кондратенко и Фока. О доблестномъ защитникѣ крѣпости, генералѣ Смирновѣ, отказавшемся дать слово «не воевать», тогда никому ничего не было извѣстно.

гдѣ-бы передъ вашими очами развернулась картина смертнаго боя со всѣми ея ужасами—дѣло не легкое. Необходимъ случай и, если хотите, особое счастье.

14-го мая я рѣшилъ во что-бы то ни стало побывать въ Инкоу, въ этомъ огромномъ центрѣ европейско-китайской торговли. Бросивъ вещи въ Ляоянѣ и сдѣлавъ необходимыя распоряженія на всякій случай, я взялъ билетъ, сѣлъ въ «телячій» вагонъ, радуясь, что хотя такимъ образомъ имѣю возможность передвигаться, и отправился, какъ здѣсь принято выражаться, на «югъ», вѣрнѣе на «юго-западъ». Отъ станціи Дашицао построена вѣтка на Инкоу.

— Чего вы, батенька, не видѣли въ Инкоу,— укоризненно обратился ко мнѣ одинъ изъ моихъ военныхъ друзей.—Поѣзжайте на югъ, вотъ гдѣ предвидятся событія. А городъ вы еще сто разъ успѣете разсмотрѣть. Поѣдемте вмѣстѣ. Я отправляюсь въ отрядъ генерала Самсонова.

Не долго думая, повернулъ «курсъ» и отправился на югъ.

Въ дорогѣ я уже зналъ, что около Вафангоу мнѣ удастся хотя однимъ глазкомъ посмотрѣть на какое-нибудь «дѣло». Трудно передать испытанное мною волненіе. Я вспоминалъ о всѣхъ корреспондентахъ, русскихъ и иностранныхъ, поплатившихся жизнью за свое «любопытство», но приближаясь къ роковому полю, гдѣ «предполагались» стычки съ японцами, я принималъ твердое рѣшеніе «не» трусить...

— Вотъ, въ этихъ мѣстахъ, между Вафандяномъ и Вафангоу находятся передовые отряды противника,—сообщилъ мнѣ мой спутникъ.—Мы находимся въ центрѣ нашего авангарда, который завтра или сегодня ночью неизбѣжно столкнется съ врагомъ.

И дѣйствительно, въ Вафандянѣ намъ сооб-

щили о скоромъ отправленіи головного отряда на Вафангоу съ цѣлью развѣдки.

Благодаря любезности моего военнаго знакомаго, я получилъ разрѣшеніе двигаться «за отрядомъ», въ «летучемъ» обозѣ, т. е. въ обозѣ, заключающемъ въ себѣ лишь необходимые боевые припасы, незначительный запасъ провіанта и медицинскую часть. Весь отрядъ состоялъ изъ эскадрона драгунъ, одной сотни пограничной стражи заамурскаго округа, сотни сибирскихъ казаковъ и конно-охотничьей команды.

Впереди, въ разстояніи 100—150 шаговъ, двигалась голова отряда, сзади въ взводномъ строю шли остальные, имѣя на флангахъ патрули.

5 часовъ утра.

Яркое солнце обѣщаетъ жаркій день, хотя одинокія тучки, бѣлыя и пушистыя, бродятъ по небу, то растягиваясь въ причудливыя, словно саваномъ одѣтыя фигуры, то суживаясь, соединяясь съ другими, принимаютъ буросвинцовый оттѣнокъ и на минуту закроютъ солнечный дискъ, окутавъ складки мѣстности бѣгущими тѣнями, какъ дневными призраками.

На юго-западъ мѣстность понижается къ морю, принимая характеръ равнины, кое-гдѣ вспаханной и засѣянной не нашими, не русскими злаками. Къ востоку и юго - востоку складки мѣстности постепенно переходятъ въ чернѣющія вдали горы.

Безмолвіе пустыни вдругъ нарушено звуками сигнала.

Въ мигъ отрядъ подтягивается, выстраивается въ боевой порядокъ.

Отдаются распоряженія. Указывается перевязочный пунктъ. Получились свѣдѣнія о движеніи значительнаго отряда японцевъ отъ ст. Вафандянъ на Вафангоу.

Въ 9 часовъ утра изъ-за складокъ мѣстности

вынырнула цѣпь японской пѣхоты. Это было на разстояніи не болѣе $1^1/_2$—2 верстъ отъ расположенія нашего отряда.

Раздался залпъ... Затарахтѣли отдѣльные выстрѣлы противника, очевидно, выжидавшаго приближеніе «главныхъ» силъ. На правомъ флангѣ показалась непріятельская кавалерія. Сзади замѣтили пулеметы, выѣзжавшіе на возвышенную позицію.

Драгуны и охотники спѣшились и открыли быстрый, хорошо дисциплинированный огонь по противнику. Остальная часть отряда оставалась въ выжидательномъ положеніи. Непріятельская цѣпь вмѣстѣ съ кавалеріей быстро надвигалась...

Цѣпь—перебѣжками, одна часть поддерживала другую залпами «пачками».

Непріятельская кавалерія мчалась къ нашей позиціи, вѣроятно полагая, что имѣетъ дѣло съ одной охотничьей командой, съ дѣйствіями которыхъ противникъ уже успѣлъ познакомиться въ другихъ стычкахъ.

Сибирскіе казаки близко подпустили непріятельскую кавалерію.

Когда четыре эскадрона японцевъ приблизились на разстояніе 150 шаговъ, казаки, взявъ пики на перевѣсъ, съ гикомъ, съ чисто стихійной стремительностью бросились «лавой» на противника. Съ фронта на нихъ пошла пограничная сотня, а драгуны и охотники кинулись на лѣвый флангъ.

Казаки буквально врѣзались въ непріятельскую кавалерійскую колонну...

Пишущій эти строки находился на разстояніи не болѣе 800 шаговъ, на такъ-называемомъ перевязочномъ пунктѣ, при лазаретной фурѣ, но картину видѣлъ ясно, отчетливо. Не могу сказать, чтобы перевязочный пунктъ находился въ полной безопасности. И тамъ пули, жужжа, проле-

таютъ, исчезая гдѣ-то далеко или глухо шлепаясь о землю...

Жутко. Страшно. Какое-то особое ощущеніе овладѣваетъ всѣмъ организмомъ. Трепетъ-ли передъ лицомъ смерти, смотрящей вамъ прямо въ глаза и какъ-бы смѣющейся надъ вами, быть можетъ, жажда помѣриться силою съ самой смертью, которую мы привыкли считать неумолимою, безпощадною... А пули свистятъ и жужжатъ, шлепаясь о землю, разбивая встрѣчающіеся песчаниковые камни...

А тамъ, вдали, лихіе казаки, молодцы - пограничники, драгуны и охотники сокрушаютъ врага, рубятъ и колютъ его...

Большая часть непріятельской кавалеріи въ этой маленькой стычкѣ была изрублена. Остальные бросились наутекъ къ главнымъ силамъ, состоявшимъ изъ 8 ротъ пѣхоты при артиллеріи.

Раздался сигналъ, одинъ, другой, и наши молодцы, группируясь по частямъ, въ порядкѣ стали отходить.

Дѣло было сдѣлано. Задача выполнена. Выяснено мѣсто нахожденія противника и его цѣль. Забрали раненыхъ и двинулись назадъ.

Оказался тяжело раненымъ одинъ казачій офицеръ, выбыли изъ строя легко ранеными 21 нижній чинъ.

Участники стычки, утверждаютъ, что потери противника весьма значительны. Совершенно уничтоженъ весь лѣвый флангъ непріятельской кавалеріи, на который обрушились молодцы сибиряки съ своими длинными пиками.

Одинъ охотникъ мнѣ передавалъ о грозившей его жизни почти неминуемой опасности. Лошадь опрокинула его въ тотъ моментъ, когда онъ изготовился схватиться съ налетѣвшимъ на него японцемъ. Японецъ также слетѣлъ съ лошади, но ловкій охотникъ въ одинъ мигъ вынырнулъ

изъ-подъ лошади и нанесъ смертельный ударъ врагу... Лихость сибирскихъ казаковъ, ихъ удаль, быстрота и сила выше всякихъ похвалъ.

Подробности стычки 17 мая.

Бой 17-го мая явился слѣдствiемъ рекогносцировки, произведенной 16-го мая отрядомъ ротмистра пограничной стражи (Заамурскаго округа) графа Армфельда.

Сама рекогносцировка производилась подъ руководствомъ командира 4-го желѣзнодорожнаго батальона, полковника Кашуба, личности въ высокой степени интересной. Кашуба представляетъ собою типъ весьма скромнаго и въ то же время чрезвычайно разумнаго командира-славянина. Всѣ его подчиненные иначе не отзываются о немъ, какъ объ ангелѣ,—способномъ на самопожертвованiе. Это герой, который и самъ того не сознаетъ, а между тѣмъ это герой въ полномъ смыслѣ слова.

Да, вотъ, судите сами.

Участокъ желѣзной дороги отъ Ляояна до Цзинь-Чжоу обслуживается желѣзнодорожнымъ батальономъ, ввѣреннымъ его командѣ.

Послѣ закрытiя движенiя отъ Вафангоу, симпатичный командиръ не могъ успокоиться, понимая важность линiи на случай наступленiя нашей армiи на югъ.

Слѣдствiемъ этого было то, что полковникъ Кашуба отправился на свой участокъ и все время объѣзжалъ его на дрезинѣ, забывая о возможности попасть въ лапы японцевъ или свирѣпствующихъ тамъ хунхузовъ.

13-го мая полковникъ приступилъ къ обстоятельной рекогносцировкѣ желѣзнодорожнаго пу-

ти подъ прикрытіемъ отряда пограничной стражи, находившагося у станціи Вафангоу подъ командой ротмистра графа Армфельда.

14 мая китайскій полковникъ сообщилъ намъ о разъѣздахъ японскаго кавалерійскаго отряда силою въ 300 верховыхъ по направленію къ Ванзелину. Полковникъ Кашуба предложилъ графу Армфельду попытаться отрѣзать путь отступленія японскому отряду. Для этой цѣли въ 8 часовъ вечера, едва южное солнце скрылось за горизонтомъ и дневной жаръ нѣсколько спалъ, весь отрядъ выступилъ въ походъ, выславъ впередъ незначительный разъѣздъ подъ начальствомъ корнета пограничной стражи Рыбасова.

Послѣдній, осторожно двигаясь, прибылъ на мѣсто и подъ покровомъ ночи выбралъ укромный уголокъ для засады, пославъ полковнику Кашубѣ донесеніе о японскомъ разъѣздѣ, покинувшемъ занятую корнетомъ мѣстность часа два-три до прибытія нашихъ. Явилась необходимость въ быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствіяхъ. Кашуба поднялъ отрядъ и, пользуясь темнотой южной ночи, двинулся всѣми силами въ 160 верховыхъ къ Вафангоу. Полковникъ оцѣнилъ тактику японцевъ преслѣдовать противника съ значительно превосходными силами, а потому рѣшилъ выждать приближенія отряда генерала Самсонова который, по расчетамъ, долженъ былъ приблизиться къ Вафангоу 17-го мая. Къ тому-же и люди рекогносцировочнаго отряда и лошади были утомлены, неся съ 21-го апрѣля строгую сторожевую службу, обязанные прикрывать наши главныя силы на протяженіи почти 200 верстъ. Только побывавъ въ арміи на аванпостахъ, поймешь значеніе нести въ теченіе мѣсяца сторожевую службу.

Принявъ въ соображеніе эти обстоятельства, полковникъ Кашуба далъ отряду отдыхъ на 15-е

мая. Однако, ночью съ 15-го на 16-е мая, Кашуба все-таки предпринялъ обходъ фланга непріятеля, горами, къ востоку отъ станціи, влѣво отъ линіи дороги.

Послѣ тропически жаркаго дня къ ночи погода рѣзко измѣнилась. Небо заволокло тучами. Сталъ накрапывать мелкій дождикъ. Темнота ночи требовала особой осторожности. Двигались шагъ за шагомъ. Достигли деревни, расположенной верстахъ въ 14-ти отъ Вафангоу, въ которой рѣшили расположиться на ночлегъ, выславъ однако впередъ поручика Скрынникова для занятія съ маленькимъ передовымъ отрядомъ скрытаго мѣста, удобнаго для наблюденія за противникомъ.

Часовъ около 9—10 утра 16 мая полковникъ Кашуба достигъ деревни, расположенной верстахъ въ 7—8 южнѣе Вафангоу, между первой и второй казармами желѣзной дороги къ сторонѣ Пуландяна.

Курьезно, что здѣсь отрядъ расположился на отдыхъ и завтракъ всего въ *двухъ верстахъ* отъ мѣстонахожденія противника.

Китайцы, увидѣвши въѣхавшій въ деревню русскій отрядъ, вытаращили глаза. Имъ казался непонятнымъ столь близкій отдыхъ въ виду самого противника. Тѣмъ не менѣе отрядъ былъ принятъ довольно радушно, его предупредили о близости противника, скрывъ однако численность.

Начальникъ передового разъѣзда, вахмистръ Кулаковъ донесъ, что при появленіи нашихъ разъѣздовъ непріятель поспѣшилъ снять свои два конныхъ поста.

Это побудило полковника распорядиться усиленіемъ разъѣздовъ до 20 верховыхъ подъ командой поручика Скрынникова.

Съ правой стороны дороги лежала лощинка.

Ее и занялъ Скрынниковъ со своими людьми, выславъ переводчика-китайца съ тремя нижними чинами въ деревню съ цѣлью наведенія справокъ о численности противника.

Японцы замѣтили это движеніе и выслали 14 кавалеристовъ въ погоню за ними. Наши молодцы быстро разсыпались и затѣяли перестрѣлку съ японцами, а китаецъ поспѣшилъ къ поручику Скрынникову съ донесеніемъ о близости японскаго отряда, состоящаго изъ кавалеріи и пѣхоты въ неопредѣленномъ количествѣ.

Тѣмъ временемъ наши разъѣзды заняли широкій фронтъ, а полковникъ Кашуба ввелъ въ цѣпь спѣшенную часть подъ командой поручика Веревкина, который съ удивительной лихостью, словно на ученьи, прошелъ съ спѣшенными стрѣлками по открытой мѣстности, занялъ правый флангъ боевого расположенія, имѣя коноводовъ скрытыми въ оврагѣ, въ 300—400 шагахъ. Этотъ ловкій маневръ далъ возможность обмануть непріятеля, вселивъ въ немъ убѣжденіе, что нашъ рекогносцировочный отрядъ располагаетъ пѣхотной частью. Такое обстоятельство заставило и японцевъ разсыпать стрѣлковыя цѣпи, что дало возможность, руководствуясь протяженіемъ ихъ фронта и кучками резервовъ сзади, опредѣлить и количество.

Размѣръ непріятельской боевой линіи опредѣлился въ 1 батальонъ пѣхоты.

Поручикъ Скрынниковъ распорядился отправить 10 нижнихъ чиновъ подъ командой все того же вахмистра Кулакова правѣе нашей цѣпи, въ горы, амфитеатромъ окружающія мѣстность. Не прошло и полчаса, какъ получилось извѣстіе о нахожденіи между горами, въ лощинахъ, двухъ эскадроновъ непріятельской кавалеріи. Желая убѣдиться въ силѣ и стремясь побудить врага обратить на себя вниманіе, было приказано от-

крыть огонь, выславъ въ деревню для наблюденія половину сотни подъ командой ротмистра Максимова.

Приказаніе занять деревню съ цѣлью охраненія фланга отъ обхода противникомъ было исполнено военнымъ корреспондентомъ Тагѣевымъ, проскакавшимъ къ графу Армфельду подъ градомъ пуль японскихъ стрѣлковъ.

Перестрѣлка усиливалась.

Замѣчалось напряженіе боя. Обѣ стороны зорко наблюдали другъ за другомъ. Это настоящій турниръ, достойный кисти великаго мастера. Время въ бою тянется медленно. Минута иногда кажется цѣлымъ часомъ.

Полковникъ Кашуба съ полной ясностью опредѣлилъ силы противника и приказалъ своему отряду медленно и осторожно отходить. Достигли поля, занятаго ротмистромъ Максимовымъ. Отрядъ сомкнулся. Были вызваны пѣсенники. Въ арьергардѣ расположили небольшую цѣпь, которая стрѣляла по непріятелю «пачками», прикрывая такимъ образомъ отступающій отрядъ, маршировавшій по полю сраженія подъ звуки лихихъ пѣсенниковъ пограничной стражи.

Разумѣется, и врагъ не дремалъ, и онъ обдавалъ отступающихъ огнемъ «пачекъ» и даже залпами, что уже совсѣмъ не въ характерѣ японской тактики и, очевидно, перенято ими у насъ.

Четыре часа дня. Не доходя 6 верстъ до станціи Вафандяна, пала раненая лошадь. Достигли станціи около 5 часовъ и расположились на отдыхъ. Пообѣдали чѣмъ Богъ послалъ на походѣ. Явился посыльный и сообщилъ, что японцы слѣдятъ за нами «по пятамъ».

Около 6½ часовъ вечера снова двинулись обратно къ Вафангоу. Пришли усталые, изнуренные напряженіемъ цѣлаго боевого дня къ 9 часамъ. Стемнѣло, какъ всегда темнѣетъ на югѣ:

сразу, безъ сумерокъ. Въ темной дали небосвода замигаютъ звѣзды, словно милліарды глазъ привѣтствуютъ васъ съ безконечной выси. Ночью прохладно. Отдыхаешь послѣ дневного жара. Разогрѣваютъ воду, завариваютъ чай, который пьешь съ наслажденіемъ. Особая, лишь въ походѣ знакомая, нѣга овладѣваетъ всѣмъ тѣломъ. Вспоминаешь о далекой родинѣ, о родныхъ, о друзьяхъ, быть можетъ, объ обманутой любви...

Ночью непріятельскіе разъѣзды подошли къ Вафангоу и натолкнулись на выставленный нами секретъ у перваго большого моста, воздвигающагося къ сѣверу отъ станціи.

Разъѣздъ ускакалъ.

8 часовъ утра 17-го мая, знаменательнаго для исторіи казачьихъ войскъ и ихъ традиціонныхъ пикъ. Пятьдесятъ квартирьеровъ ген. Самсонова вошли въ деревню Вафангоу съ цѣлью занять ее, а въ ней оказался сильный разъѣздъ японской кавалеріи. Затрещали выстрѣлы. Квартирьеры, отстрѣливаясь, начали отступать.

Полковникъ Кашуба, услышавъ выстрѣлы, понялъ, что «моментъ» приближается. Однако, желая ускорить ходъ событій, онъ сѣлъ на дрезину съ корреспондентомъ Тагѣевымъ и «во весь духъ» помчался навстрѣчу генералу Самсонову съ цѣлью предупредить его о близости врага и о начинающемся «дѣлѣ».

Головныя части генерала Самсонова встрѣчены были въ 6—7 верстахъ къ сѣверу отъ Вафангоу. Полковникъ Кашуба съ дрезины закричалъ имъ о необходимости поспѣшить, вслѣдствіе чего генералъ Самсоновъ отрядилъ сотню казаковъ, приказавъ ей рысью бѣжать на мѣсто сраженія.

Немного далѣе казаковъ полковникъ Кашуба замѣтилъ бивакирующую на отдыхѣ сотню пограничной стражи и батарею забайкальскаго казачьяго войска. Имъ также крикнули о необхо-

димости поспѣшить, и батарея вмигъ снялась и поскакала по направленію выстрѣловъ.

Результатомъ этого и былъ знаменитый бой нашихъ сибирскихъ казаковъ съ японской кавалеріей. Онъ надолго останется въ памяти врага. О длинныхъ казачьихъ пикахъ, приносящихъ смерть, будутъ разсказывать гейшамъ въ чайныхъ домикахъ, дѣтямъ въ вечернія сумерки, женамъ и матерямъ въ часы досуга.

Сюянь.

29 мая 1904 г.

Сюянь лежитъ къ югу отъ Хайчена на большой дорогѣ, идущей къ Даушаню.

Дорога змѣйкой вьется, пробиваясь то между горными ущельями, пересѣкая живописныя долины, быстро текущіе горные ручьи и рѣчки, лѣтомъ почти высыхающіе.

Ѣдешь по этому пути, смотришь на голыя остроконечныя вершины такъ называемыхъ сопокъ, безъ признака растительности; лишь обнаженные камни мрачно взираютъ на мимопроходящіе обозы, на далеко растянувшіеся ряды войска. Зловѣщее безмолвіе нарушается громыханіемъ артиллеріи, тарахтѣньемъ обозныхъ телѣгъ и двуколокъ.

Населеніе въ этой полосѣ Китая не густое. Изрѣдка попадаются деревни, импани съ характерными глиняными стѣнами, кумирни, отличающіяся своей дикостью, запустѣніемъ и зловѣщей мрачностью.

Вся эта полоса представляла въ іюнѣ прошлаго 1904 года театръ военныхъ дѣйствій.

Съ одной и съ другой стороны воюющихъ то сближаются, то удаляются разъѣзды, пѣшіе и

конные патрули. Иногда сближаются «отдѣльныя боевыя единицы», пострѣляютъ другъ въ друга, каждый старается нанести своему противнику смерть и разрушеніе, и въ концѣ концовъ безрезультатно разойдутся.

Въ качествѣ посторонняго зрителя смотрю на эти «ходы», и вся Манджурія представляется мнѣ колоссальной шахматной доской. Одинъ ведетъ свою игру смѣло, не жалѣя пѣшекъ, но вдругъ остановится, призадумается надъ ходомъ, словно оцѣнивая качества противника и нащупывая его слабое мѣсто.

Другой ведетъ игру спокойно, хладнокровно, не удивляется и не порицаетъ смѣлыхъ ходовъ противника, но заранѣе увѣренъ, что побѣда за нимъ, что поле сраженія, въ концѣ концовъ, достанется ему, и игра его носитъ характеръ полнѣйшаго спокойствія, спокойствія несокрушимой силы и мощи.

Вотъ небольшой авангардъ нашихъ молодцовъ раннимъ утромъ снялся съ бивака и, растянувшись по дорогѣ къ Сюяню, пошелъ занять позицію. Разъѣзды донесли, что врагъ перешелъ въ наступленіе. Вблизи показались разъѣзды противника, а намъ извѣстно, что его кавалерія «сидитъ» на пѣхотѣ; стало быть сзади имѣются вражескіе полки *).

Нашихъ немного. Къ вечеру ожидаются 4 сотни, которыя должны притти изъ Самайцзы, а непріятель, уже освѣдомленный черезъ китайскихъ лазутчиковъ о нашей малочисленности, насѣдаетъ.

Кавалерію свою онъ и самъ въ расчетъ не принимаетъ, лелѣетъ ее и носится съ ней какъ съ

---

*) *Примѣчаніе.* Эта статья относится къ маю 1904 года, когда въ насъ еще крѣпко держалось убѣжденіе, что мы не только одержимъ рядъ блестящихъ побѣдъ, но и, какъ принято выражаться, «шапками закидаемъ».

писаной торбой. Смѣшно сказать, рядомъ съ лошадью бѣжить въ прискочку бывшій рикша, т. е. двуногій извозчикъ, дома зарабатывающій хлѣбъ свой перевозкой пассажировъ въ маленькой легкой двухколесной телѣжкѣ. У насъ говорятъ, пѣшій конному не товарищъ, а у японцевъ—шиворотъ навыворотъ: у нихъ пѣшій служитъ помощникомъ и «поддужнымъ» кавалеристу. Можно вообразить лихость японской конницы?

Итакъ, японцы, руководясь малочисленностью нашего авангарда, начали наступленіе дивизіей пѣхоты, двуми горными батареями и 5-ю эскадронами.

Въ боевой линіи было не болѣе одной бригады.

Наши заняли высоты на югъ отъ Сюяня.

Японцы повели атаку съ юга, но ихъ встрѣтилъ мѣткій огонь нашей батареи, энергія и мѣткость которой не понравились японцамъ и они начали отступать, понеся, повидимому, нѣкоторыя потери.

Одновременно съ этимъ завязался бой между нашей казачьей сотней и нѣсколькими ротами непріятеля. Казаки расположились на перевалѣ восточнѣе Сюяня, спѣшились и вели перестрѣлку съ пѣхотой, поддерживаемые 3 горными орудіями; но кавалерія безъ поддержки пѣхоты не можетъ выдержать сраженія, а потому сотнѣ пришлось отступить, и перевалъ немедленно заняла японская пѣхота, но мѣткій и энергичный огонь нашей батареи заставилъ врага снова покинуть перевалъ.

Странный поединокъ: горсточка ожесточенно дралась съ дивизіей (бригада въ боевой линіи и бригада въ резервѣ). Противникъ, видя тщету своихъ усилій съ «превосходными силами», вывелъ на позицію горную батарею, направилъ ее противъ нашего праваго фланга, но и ей не по-

везло. Едва она сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ по нашимъ цѣпямъ, какъ наша батарея, направивъ на непріятельскія орудія свой огонь, буквально заклевала ее, и она замолкла.

Въ этомъ бою противникъ выказалъ много упорства и настойчивости. Не испытавъ всѣхъ ухищреній, онъ не рѣшался отступить и затѣялъ обходъ, черезъ гряду горъ, нѣсколькими батальонными колоннами.

Горсточка нашихъ молодцовъ, выдержавшая упорный бой съ 11 часовъ утра до 5 часовъ пополудни (27-го мая), вынуждена была отступить, чтобы не быть отрѣзанной отъ главныхъ силъ до прибытія подкрѣпленія. Отодвинулись и заняли позиціи сѣверо-западнѣе Сюяня, а затѣмъ еще отошли и расположились въ долинѣ Ундятень. Здѣсь наша батарея вновь устроилась на возвышенности и направила сильный огонь по наступавшимъ густымъ колоннамъ противника.

Подъ прикрытіемъ этой батареи и огня спѣшившихся казаковъ стрѣлки отошли къ Мадянхэ и расположились западнѣе большой дороги, ведущей на Хайченъ. Къ вечеру подошли 4 сотни и присоединились къ биваку.

Такъ закончилось дѣло 27 мая. Японцы оттѣснили насъ отъ Сюяня и Саймацзы не безъ цѣли. Этимъ путемъ они разсчитывали установить связь съ арміей Оку, надвигавшейся съ юга отъ Бицзыво. И дѣйствительно, тотчасъ, послѣ отхода авангарда отъ Саймацзы и Сюяня, японцы двинули большія силы изъ Дагушаня и Чинтайцзы.

Вообще, нельзя не признать, что задачи противодѣйствія наступающему противнику выполнялись крайне неумѣло, а потому и вяло. Кто знаетъ, если бы руководство этимъ отрядомъ находилось въ болѣе опытныхъ рукахъ, возможна была бы совсѣмъ иная картина.

Второй ударъ, нанесенный русскому оружію.

Дѣло подъ Вафангоу 31 мая, 1 и 2 іюня 1904 г.

Начало наступленія слѣдуетъ отнести къ 31-му мая. Наступала армія Оку, высадившаяся въ Бицзыво. Всѣ мелкія стычки отъ 16-го мая происходили съ передовыми отрядами этой арміи. Собственно, ждали этого сраженія еще 23—25 мая, но, когда я возвращался изъ Инкоу, намѣреваясь вновь спуститься на югъ къ Пуландяну, мнѣ сообщили, что передовые отряды противника отодвинулись на югъ, за Пуландянъ. У всѣхъ явилось предположеніе, что коварные японцы заманиваютъ насъ къ нашимъ бывшимъ цзинь-чжоускимъ позиціямъ.

Такимъ образомъ, съ 25-го мая по 5-е разъѣзды непріятеля и его заставы то сближались съ нашими, то удалялись.

30-го мая у всей линіи отъ Вафандяна къ Пуландяну, по вновь открытому энергичнымъ подполковникомъ Спиридоновымъ пути Вост.-Кит. ж. д., чувствовалось нѣкоторое напряженіе, воздухъ былъ насыщенъ электричествомъ, словно передъ сильной грозой.

Наши аванпосты провели ночь на позиціяхъ. Съ 6 часовъ утра 31-го мая замѣтили наступленіе передовыхъ частей непріятеля.

Наступленіе японцевъ грандіозной картиной обрисовалось около половины восьмого. Открытая, волнообразная мѣстность, окаймленная со всѣхъ сторонъ горами. Вдали виднѣются фанзы деревни Пудзятунь и Гаудятунь, между линіей желѣзной дороги и узенькой лентой рѣчки Тасахо. Это въ разстояніи 12 верстъ отъ станціи

Вафандянъ. Около 11 часовъ отчетливо обрисовалась колонна изъ трехъ ротъ съ пулеметами, быстро, почти бѣгомъ, двигавшаяся къ деревнѣ Вафанъ, сзади чернѣли резервы, а еще подальше горизонтъ застилался густыми облаками пыли, указывавшими на движеніе густыхъ непріятельскихъ массъ.

Головной отрядъ японской пѣхоты расположился на рельефѣ, вблизи кумирни, верстахъ въ 8-ми отъ Вафандяна. Позади, въ долинѣ рѣки Тасахо, вытянулась длинная колонна, медленно двигавшаяся вдоль полотна желѣзной дороги.

Полдень. Въ тихомъ знойномъ воздухѣ раздались первые звуки выстрѣловъ. Сухіе, отрывистые. Можно было подумать, что обѣ стороны, прежде чѣмъ приступить къ кровавому поединку, привѣтствуютъ другъ друга, какъ борцы-атлеты на цирковой аренѣ.

Два часа дня. Фронтъ наступленія начинаетъ вырисовываться по обѣимъ сторонамъ полотна дороги, нѣсколько южнѣе деревни Ванденгоу, до долины рѣчки Тасахо.

Ширина фронта, на глазомѣръ, опредѣляется въ 12 верстъ. Стало ясно, что передовыя силы японцевъ составляютъ не менѣе 2-хъ дивизій пѣхоты; замѣтно значительное количество полевой и горной артиллеріи съ дюжиной эскадроновъ конницы.

Невыносимо жарко. Солдаты и офицеры на своихъ мѣстахъ зорко слѣдятъ за непріятелемъ, обливаясь потомъ.

— Ф-ф-фу! Ну, и жарко въ этой Манджуріи,—произноситъ какой-то стрѣлокъ.

— Погоди, жарче будетъ,—прерываетъ его другой.—Эфто што? Эфто—рай. Тяпло, стало быть, и не дуетъ...

— А макаки-то словно черви, подлые, ползутъ. Тьфу! Мразь! Сволочь одна!—плюется унтеръ.

— Ишь, подлые, остановились, — замѣтилъ зоркій бородачъ изъ запасныхъ.

И дѣйствительно. Около 5 часовъ наступленіе пріостановилось до 7-ми часовъ вечера.

Наши передовыя заставы, не спѣша, отходили на сѣверъ, къ главнымъ силамъ, перестрѣливаясь съ головными частями японцевъ.

Часовъ около $8^1/_2$ стянулись у ст. Вафандянъ съ незначительными потерями: ранены сотникъ Черепахинъ и три нижнихъ чина.

Люди поужинали. Горнисты и барабанщики сыграли зорю. Въ воздухѣ разнеслись звуки молитвы. А потомъ все стихло. Только слышны были шаги удаляющихся секретовъ...

Ночь съ 31-го мая на 1-е іюня прошла спокойно.

Едва первые солнечные лучи брызнули съ далекаго горизонта, вернувшіеся секреты донесли о движеніи противника тремя колоннами. Правая—по долинѣ р. Тасахо, средняя—вдоль желѣзной дороги и лѣвая направилась къ западу отъ линіи ущельемъ, хорошо знакомымъ нашимъ казакамъ. Оно выходитъ изъ Ванденгоу къ Вафандяну *).

Увидѣвъ приближающагося противника, заставы отъ казаковъ и приморскихъ драгунъ стали медленно отходить къ главнымъ силамъ.

Часамъ къ 10 утра нашъ отрядъ передвинулся къ позиціямъ въ трехъ верстахъ отъ Уцзятуня.

Массы японцевъ, дѣйствительно, словно черви ползли, тѣсня нашу конницу. Наши передовыя части не завязывали «дѣла» съ огромнымъ по количеству противникомъ, а шагъ за шагомъ отодвигались къ станціи Вафандянъ, куда къ

*) *Примѣчаніе.* Почему-то этотъ маневръ не былъ принятъ въ расчетъ нашими доморощенными стратегами, а между тѣмъ. въ этомъ ущельи можно было нанести японцамъ серьезный ударъ...

этому времени успѣли стянуться на позиціи главныя силы южнаго отряда. Наступленіе противника продолжалось, и къ полудню японцы обрисовались на высотахъ верстахъ въ 6 отъ Вафандяна.

Около двухъ часовъ завязался бой, упорный, кровопролитный... Желтая туча направила всѣ усилія на нашъ лѣвый флангъ, но этотъ день для нея не былъ счастливымъ. Прекрасная дивизія съ своимъ достойнымъ начальникомъ генераломъ Гернгроссомъ во главѣ нанесла японцамъ чувствительный уронъ.

Въ этотъ день наши потери, сравнительно съ непріятельскими, были не велики.

Погибъ доблестный командиръ 1-го в.-с. стрѣлковаго Его Величества полка полковникъ Хвастуновъ. Однимъ осколкомъ гранаты убило храбраго командира и его адъютанта подпоручика Драгослава-Надточинскаго. Начальникъ первой дивизіи генералъ Гернгроссъ получилъ шрапнельную рану въ нижнюю челюсть съ поврежденіемъ надкостницы и, не взирая на это, все время боя оставался въ строю.

Мужественный генералъ!

1-го іюня раненъ капитанъ генеральнаго штаба Криницкій; кромѣ того, мы потеряли убитыми и ранеными—офицеровъ 20 и нижнихъ чиновъ 311. Таковы были оффиціальныя донесенія.

Итакъ, 1-го іюня кончилось для насъ благополучно. Противникъ понесъ тяжелый уронъ, но это не охладило его рвенія. За ночь онъ предпринялъ обходъ нашего праваго фланга, а 2-го іюня снаряды уже разрывались на станціи Вафангоу. Отрядъ генерала Штакельберга еще держался до вечера, но, понеся огромныя потери, началъ отступленіе ночью со второго на третье іюня.

И въ данномъ случаѣ приходится сказать не-

лицепріятно, что этотъ ударъ постигъ насъ только благодаря слабости обороны, отсутствію иниціативы и твердаго руководства отрядомъ.

Странно, что мы тогда еще не знали японской тактики, и наши батареи располагались, по указаніямъ офицеровъ генеральнаго штаба, такъ, что артиллерія противника приводила наши орудія къ полному бездѣйствію. Привожу мнѣніе одного изъ ротныхъ командировъ, которое считаю не безинтереснымъ.

Штабсъ-капитанъ Марковъ 4-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка разсказываетъ: 31-го мая японцы не вели правильнаго наступленія; видно было, что они лишь берутъ направленіе, выстраиваются въ боевой порядокъ. Привычка у нихъ наступать большими густыми массами, имѣя въ поддержкѣ значительное количество артиллеріи. Артиллерія у нихъ играетъ главную роль. Всѣ надежды у нихъ на орудійный огонь, который они развиваютъ съ необыкновенной силой. Совершенно не считаютъ и не жалѣютъ снарядовъ. Напримѣръ, двигается маленькій разъѣздъ въ 3—5 человѣка, батарея начинаетъ палить по немъ залпами; скачетъ одиночный всадникъ — жерла орудій направляютъ и на него смертоносные снаряды. Вслѣдствіе огромнаго количества орудій у противника и особаго свойства ихъ снарядовъ, разрывающихся съ страшной силой, получается тягостное впечатлѣніе, морально дѣйствующее на нашихъ солдатъ. Весь день 1-го іюня они ударяли въ нашъ лѣвый флангъ. Но видя тщетность своихъ усилій, они выслали къ ночи на 2-е іюня свѣжую дивизію, которая съ утра направила всѣ усилія на правый флангъ.

Такъ несчастливо кончилось дѣло подъ Вафангоу. Нанеся большой уронъ противнику, мы вынуждены были покинуть сильную пози-

цію, на которой могли-бы разгромить японскую армію, разсѣять желтую тучу.

Побѣду подъ Вафангоу мы подарили японцамъ.

На развѣдкѣ. *)

8 іюня 1904 г.

Поручику фонъ-Лангъ дано порученіе съ маленькимъ отрядомъ пройти въ тылъ арміи Куроки, осмотрѣть дороги, расположеніе непріятельскихъ силъ,—словомъ, произвести то, что на войнѣ называется развѣдкой.

Подобное порученіе сопряжено съ немалымъ рискомъ. Выборъ того или другого лица для выполненія такой важной задачи всегда возбуждаетъ много толковъ и, пожалуй, нѣкоторую зависть среди «обойденныхъ« товарищей, также готовыхъ положить свои доблестныя головы на алтарь отечества.

Итакъ, изъ Ланьшаньгуаня выступаетъ наскоро сформированный отрядъ изъ 27 молодцовъ подъ командой молодого офицера, полнаго энергіи и стремленія какой-бы то ни было цѣной добыть тѣ цѣнныя свѣдѣнія, которыя имѣютъ вѣсъ лишь тогда, когда получаются не отъ продажныхъ шпіоновъ и лазутчиковъ, а отъ вѣрнаго сына арміи, составляющаго частичку ея плоти и крови.

---

*) *Примѣчаніе*. Привожу этотъ очеркъ въ виду нареканій на нашихъ офицеровъ, не умѣющихъ вести развѣдки. На эти несправедливыя нареканія у меня одинъ отвѣтъ: «ищите и обрящете». Офицеры и даже очень хорошіе у насъ имѣются, только ихъ слѣдуетъ знать и умѣть использовать ихъ индивидуальныя способности.

Выступленіе назначено въ 4 часа 23-го мая. Составъ отряда — два добровольца: желѣзнодорожный техникъ Венгеровъ, и вольноопредѣляющійся, юноша лѣтъ 19, Родневъ; кромѣ того 25 бородатыхъ и безбородыхъ осетинъ.

Можно смѣло сказать, всѣ были наподборъ, молодецъ къ молодцу, а главное, вмѣстѣ съ молодымъ начальникомъ составляли «едино тѣло, единъ духъ».

Жарко. Въ нашей сѣверной Пальмирѣ не имѣютъ представленія о той температурѣ, которая царитъ здѣсь съ утра до вечера, и только съ закатомъ солнца становится легче измученному непривычному пришельцу.

Тѣмъ не менѣе отрядъ въ 4 часа сидѣлъ на своихъ крѣпконогихъ монголахъ и ждалъ команды, чтобы двинуться въ опасный путь.

— Впередъ! — скомандовалъ офицеръ, выѣхавшій на дорогу.

Вольноопредѣляющійся украдкой перекрестился, доброволецъ-техникъ ринулся за своимъ командиромъ. Всѣ поскакали «перемѣннымъ аллюромъ», наблюдая минуты, стремясь пройти 10—12 верстъ въ часъ.

Путь не легкій. Рѣчонка узенькой лентой вьется по каменистому дну. Дорога тянется къ переваламъ по долинѣ, параллельно рѣкѣ. Переходы въ бродъ. О мостахъ, конечно, и думать нечего. Мѣстность голая, мрачная, скалистая, ни признака растительности.

Но далѣе, за такъ называемымъ Фыньшулинскимъ переваломъ, природа рѣзко мѣняется, оживленная лѣсной зеленью, яркой и радостношумливой; шелестъ кажется напѣвомъ, однообразнымъ, но пріятно ласкающимъ слухъ послѣ равнодушно молчаливыхъ, мрачныхъ скалистыхъ горъ.

Въ глубинѣ долины виднѣются палатки расположившихся на бивакѣ войскъ, обозовъ, коновязей. Доносятся голоса, слышатся солдатскія пѣсни. Является желаніе остановиться около своихъ, но задача не терпитъ потери во времени и отрядъ проходитъ мимо, углубляясь въ горныя ущелья.

Темною ночью приблизились къ деревнѣ Сыдзяпудза. Необходимъ ночлегъ, отдыхъ людямъ и лошадямъ. А деревня спитъ. Фанзы утонули въ высокихъ каменныхъ заборахъ и не подаютъ признака жизни. Тихо. Нигдѣ не мелькнетъ характерный огонекъ нашихъ родныхъ деревень, бодрящій усталаго путника.

Два осетина соскочили съ коней и, передавъ ихъ товарищамъ, выбрали ворота «понаряднѣе», предполагая, не безъ нѣкотораго основанія, найти въ жилищѣ, скрывшемся за этимъ высокимъ заборомъ, болѣе удобствъ, чѣмъ въ другихъ, и начали неистово стучать.

Ни звука. Словно всѣ вымерли.

Къ стучавшимъ пришли на помощь еще нѣсколько спѣшившихся конныхъ и принялись колотить по деревяннымъ воротамъ во всю мочь. Мертвые—и тѣ должны были-бы проснуться.

Кто-то догадался перелѣзть черезъ заборъ. Ворота оказались припертыми огромной деревянной колодой. Сдвинуть ее одному было не подъ силу. Нѣсколько поспѣшившихъ товарищей пришли на подмогу, и ворота открыли. Отрядъ хлынулъ во дворъ, нарушивъ ночное безмолвіе своимъ веселымъ ропотомъ; голоса охотниковъ смѣшались съ ржаніемъ коней, точно они переговаривались другъ съ другомъ.

Изъ фанзы выползъ старый манза, повидимому, слуга. Вглядываясь въ лица незванныхъ гостей, онъ какъ-то безпомощно болталъ руками,

словно плетьми. Онъ дрожалъ; очевидно, страхъ сковалъ ему языкъ.

— Чефань ю? (Чефань — обѣдъ, ужинъ, словомъ,—ѣда, ю—имѣешь).

— Мыю (нѣтъ), мыю, капитана,—жалобно запищалъ старикъ.

— Чумиза (родъ проса), гаолянъ (злакъ) ю? Кушъ-кушъ ю? *) накинулись на китайца съ вопросами другіе.

— Ка-а-п-пи-таанъ,—жалобно тянулъ манза,— кушъ-кушъ мыю, чефань мыю, чумиза мыю, тунъ-тунъ мыю... (ровно ничего нѣтъ).

— Вретъ каналья! — заревѣли охотники. Но командиръ знакомъ остановилъ порывъ. Нѣсколько ободрившійся китаецъ заговорилъ, указывая на сосѣднія фанзы:

— Тады (тамъ) тунъ-тунъ (все-все) ю.

Но двѣ рублевыя бумажки, сунутыя въ руку манзы, окончательно успокоили его. Тотчасъ нашлись и чумиза, и гаолянъ, и чефань,—словомъ, все необходимое.

Поручикъ въ сопровожденіи своей команды вошелъ въ фанзу. Она оказалась пустой, однако на канѣ остались ясные признаки исчезнувшихъ обитателей. Валялось китайское покрывало изъ дрели, на плетеныхъ изъ гаоляновой соломы матахъ разбросаны убогія постельныя принадлежности, а висячая оконная рама, выходящая на задній дворикъ и имѣющаяся въ каждой фанзѣ, чуть чуть колыхалась. Очевидно, обитатели ушли, пользуясь этимъ отверстіемъ въ стѣнѣ. Къ этой хитрости жители китайскихъ селеній прибѣгаютъ всегда въ минуты угрожающей опасности. Дома остается обыкновенно одинъ слуга, а хозяева ухо-

---

*) Русско-китайскій жаргонъ, означающій:—нѣтъ-ли чего покушать.

дятъ, уводя женщинъ и дѣтей въ горы, гдѣ легко укрыться, пока не минуетъ опасность.

Вскипятивъ воду въ котлѣ, вдѣланномъ въ канъ, команда напилась чаю; накормили лошадей и расположились на ночлегъ, кто на канѣ, кто на землѣ, а кто на дворѣ, вблизи коновязей.

Старый манза, награжденный деньгами, сахаромъ, папиросами и ласковымъ обращенiемъ, усѣлся на канѣ, поджавъ подъ себя ноги, и умильно шепталъ:

— Шанго, капитанъ, шанго! Тунъ-тунъ ю... суй (вода) ю, чумиза ю, чефань ю... тунъ-тунъ...

Съ разсвѣтомъ отрядъ зашевелился. Начальникъ заботливымъ окомъ осмотрѣлъ команду и лошадей. Всѣ были бодры и веселы. Изъ невидимыхъ щелей, откуда ни возьмись, выползли дѣти и женщины, показался самъ хозяинъ.

Запаслись въ дорогу необходимымъ и, разспросивъ китайцевъ, тронулись въ дальнѣйшiй путь, по направленiю къ городу Саймадзы, гдѣ предполагалось присутствiе дивизiи генерала Ренненкампфа.

Саймадзы—захолустный китайскiй городъ, лежащiй на перепутьи между Сюяномъ и Фынхуанченомъ. Въ мирное время, говорятъ, онъ служитъ сосредоточiемъ манджурскихъ бандитовъ — хунхузовъ, прячущихъ здѣсь награбленное золото для отправки въ Корею, а награбленное въ Кореѣ—для транспортированiя въ Китай.

Дивизiи генерала Ренненкампфа не оказалось въ Саймадзы. Еще въ 7 часовъ утра она снялась съ бивака и ушла на Цзянь-Чанъ. Встрѣтились разъѣзды изъ отряда генерала Грекова, сообщившiе, что дорога къ востоку занята японскими кавалерiйскими заставами, а путь на Эр-дао-хецзы занятъ пѣхотой.

Послѣ ночевки въ Саймадзы, собравъ свѣдѣнiя о горныхъ перевалахъ, и характерѣ мѣстно-

сти, развѣдчики, съ Лангомъ во главѣ, двинулись на сѣверъ. Пройдя 8 верстъ, снова свернули на востокъ, по дорогѣ на Эр-дао-хецзы, рѣшивъ обслѣдовать мѣста, занятыя противникомъ, его силы и, если возможно, проникнуть въ его намѣренія.

Но вездѣ встрѣчалась густая цѣпь непріятельскихъ разъѣздовъ и дозоровъ. Прорваться сквозь эту завѣсу — не входило въ расчеты начальника отряда. Необходимо пройти скрытно, чтобы врагъ не замѣтилъ. Другое дѣло, когда пути изъ долины рѣки Айхэ будутъ изучены, о, тогда, въ случаяхъ крайней необходимости, можно прорываться силою, но теперь, въ цѣляхъ успѣшнаго выполненія задачи, требуется осторожное, скрытное движеніе.

Очевидно, японцы усилили сторожевую цѣпь, имѣя въ виду маскировать какой-нибудь маневръ. Предположенія оправдались. Японцы наступили на Саймадзы, гдѣ въ этотъ день, 25 мая, и произошло столкновеніе съ отрядомъ генерала Грекова. Усиленная сторожевая цѣпь и прикрывала правый флангъ во время атаки противникомъ нашего отряда.

Охотники слышали залпы и отдѣльные выстрѣлы, но были заняты своимъ дѣломъ и, карабкаясь по горнымъ скаламъ, преодолѣвали мрачные массивы, стремясь впередъ...

Замерли вдали орудійные залпы и сухая трескотня японскихъ малокалиберныхъ винтовокъ. Отрядъ перевалилъ на южный склонъ хребта.

Природа рѣзко измѣнилась. Внизу разстилалась широкая долина, покрытая яркой зеленью. Склоны горъ обросли роскошной, густой, дѣвственной растительностью. Рука культуртрегера-европейца еще не коснулась этого дикаго лѣса.

Картина необыкновенной красоты, поразительной, ошеломляющей, пожалуй, опьяняющей... И

Генералъ-маіоръ П. К. Ренненкампфъ.

вся она освѣщена яркими лучами южнаго солнца, а воздухъ пропитанъ ароматомъ растущей сирени, жасмина и множества цвѣтовъ, названія которыхъ не знаешь. Нѣтъ утомительной духоты, горная свѣжесть бодритъ и веселитъ.

Среди густого кустарника гордо вздымаются къ небу высокія деревья, обвитыя густолиственными ползучими паразитами.

Осторожно пробирается отрядъ сквозь густую дѣвственную чащу, подъ сѣнью чудной зелени. Ниже по скатамъ, пробиваются горные ручейки. Прозрачная вода журча весело сбѣгаетъ внизъ, въ долину, образуя на днѣ ея рѣчку Айхэ.

Попадается дикій виноградъ. Зеленые гроздья густо нависли, пригибая вѣтви. Поразительный контрастъ: въ то время, когда южный скатъ представляетъ чудную картину яркой, разнообразной растительности, сѣверный склонъ представляетъ мрачную картину густыхъ тайно-брачныхъ мховъ и папортниковъ при полномъ отсутствіи хвойнаго лѣса.

Еще поражаетъ европейца бѣдность фауны при такомъ богатствѣ флоры.

Только изрѣдка прокукуетъ кукушка, иногда прокричитъ фазанъ или прошелеститъ между листьями змѣя, удирая къ своей норѣ.

Надъ массивами скалъ рѣютъ хищные коршуны, а снизу изъ фанзъ долетаетъ отвратительный ревъ ишака.

Попадаются изрѣдка слѣды заброшенныхъ капкановъ. Быть можетъ, звѣриный промыселъ не прельщаетъ земледѣльца китайца; быть можетъ, онъ оставилъ его до болѣе безопаснаго времени.

Минуя рѣдкіе поселки, приходилось убѣждаться, что японцамъ не безызвѣстны наши движенія. Шпіоны слѣдили за охотниками. При разспросахъ манзъ, послѣдніе нерѣдко стремились направить развѣдчиковъ на врага. Но моло-

дой начальникъ, угадывая намѣренія ихъ, всегда принималъ направленіе, совершенно противоположное даннымъ указаніямъ. Предосторожность оправдывалась. Наблюдая деревню съ горы, куда китайцы направляли нашихъ, замѣчалось усиленное движеніе, непріятельскіе разъѣзды, засады... И какою радостью бились сердца храбрецовъ отъ сознанія, что удалось перехитрить врага, обладающаго чисто звѣринымъ инстинктомъ, у котораго шпіонство возведено въ культъ, доведено до высоты, вполнѣ достойной азіатовъ, точащихъ свои хищные клыки на европейскую культуру.

Начальникъ развѣдочнаго отряда щедро расплачивался съ китайцами за пріобрѣтенный у нихъ фуражъ, за малѣйшую услугу, и результаты не замедлили оправдаться.

Однако, ночевокъ по деревнямъ въ тылу непріятельскаго расположенія избѣгали.

Углубляясь на востокъ и сѣверо-востокъ, приходилось устраиваться на ночевки въ рощахъ и на сопкахъ, скрываясь или въ густой заросли, или въ хорошо укрытыхъ расщелинахъ.

Нерѣдко сквозь темную ночь часовой наблюдалъ конныхъ японцевъ, черныя фигуры которыхъ зловѣщими силуэтами мелькали у дороги. Охватило страстное желаніе поймать лихого, злобнаго врага, но цѣль сдерживала охотничій порывъ.

Наконецъ, цѣль достигнута.

Долина Айхэ составляла глубокій тылъ арміи Куроки къ сѣверо-востоку. Здѣсь развѣтвляются дороги и тропы въ разныя стороны по различнымъ направленіямъ: на Мукденъ къ сѣверо-западу, на Догушанъ къ юго-востоку и на востокъ въ Корею...

Обслѣдованіе дорогъ и кроки мѣстности произведены были со всей тщательностью. Харак-

терныхъ слѣдовъ прохода войскъ большими или малыми силами не оказалось. А замести эти слѣды возможнымъ не представляется. Запасы у жителей не истощены, нигдѣ не видно телеграфныхъ проводовъ, остатковъ бивакирующихъ отрядовъ, дорога не избита.

Такимъ образомъ, выполнивъ задачу и составивъ донесеніе, оставалось выбрать двухъ наиболѣе расторопныхъ изъ охотниковъ и отправить въ штабъ генерала Келлера, въ Лянь-шань-гуань. Затѣмъ, важно было избрать удобное мѣсто для бивака: возвратный путь требовалъ возстановленія силъ у людей и животныхъ, разбившихъ ноги по большимъ горнымъ переходамъ.

Бивакъ устроили въ лѣскѣ, притаившемся за лощиной съ хорошимъ путемъ отступленія на югъ, въ горы, покрытыя на скатахъ густыми зарослями; съ сѣвера имѣлась естественная защита въ видѣ крутого обрыва, заросшаго лѣсомъ; на востокъ рѣчка Айхэ, тихо журчащая теперь и превращающаяся въ бурный потокъ во время дождей, дугой обвила мѣсто бивака. Разставивъ дозоры, отправились къ деревнѣ разспросить о непріятелѣ. Китайцы указали на присутствіе японскихъ разъѣздовъ въ различныхъ направленіяхъ, на ближайшихъ дорогахъ. Требовалась сугубая осторожность: ни малѣйшаго шума, ни огня, чтобы не привлечь къ себѣ вниманія враговъ.

Китаецъ принесъ извѣстіе о близости большой конной заставы. Отвлечь ея вниманіе въ сторону, противоположную отъ мѣста нашего отдыха, являлось вопросомъ не малой важности. Для этой цѣли желѣзнодорожному технику Венгерову отдано приказаніе отправиться съ нѣсколькими охотниками верстъ за 20 къ югу, къ другой непріятельской заставѣ, поднять тамъ тревогу, немного продержаться и скрытно вернуться на бивакъ.

Одновременно съ этимъ нарядили двухъ смѣльчаковъ съ донесеніями въ штабъ.

День склонялся къ вечеру. Укрытымъ въ гущѣ конямъ надѣли на морды мѣшки съ ячменемъ, чтобы они ржаніемъ не выдали своихъ. Наступила тихая звѣздная ночь. Какъ-то вдругъ тяжело стало всѣмъ, словно отъ предчувствія приближающейся грозы. Столкновеніе съ японцами казалось близкимъ и неизбѣжнымъ. А время быстро текло. Проходили часы за часами. Необходимо было сняться съ бивака, но Венгерова съ людьми нѣтъ, какъ нѣтъ... Это еще увеличивало нашу тревогу. Неужели бѣдняги попались въ плѣнъ,— мелькало въ головѣ оставшихся. Если-бы они попали въ засаду, были-бы слышны выстрѣлы.

Минула полночь. Пробѣжалъ еще часъ тяжелаго ожиданія. Послышался осторожный шорохъ. Навострили уши, но бояться нечего: впереди секреты, пробраться на бивакъ могутъ лишь свои. И дѣйствительно, Венгеровъ съ командой вернулся и сообщилъ, что ни заставъ, ни разъѣздовъ онъ нигдѣ къ югу на разстояніе 8 верстъ не встрѣтилъ. Изъ донесенія явствовало, что японцы сняли конныя заставы, чтобы итти на нашихъ развѣдчиковъ. Оставалось принять всѣ мѣры предосторожности и... ждать нападенія.

Не успѣлъ начальникъ отряда отдать необходимыя распоряженія, какъ раздался первый выстрѣлъ со стороны сѣвернаго секрета... Ему отвѣтилъ дружный залпъ непріятеля, потомъ еще, и еще, и затрещали сухіе, отрывочные выстрѣлы японскихъ винтовокъ. Пули свистѣли надъ лощиной, неслись надъ головами бивакирующаго отряда, сбивая листья и обрывая вѣтви.

Охотники въ мигъ очутились у своихъ коней. Начальникъ отдавалъ приказанія шопотомъ.

— Братцы! не стрѣлять въ пустую... Мелькнетъ

огонекъ, по тому направленію и цѣль,—командовалъ поручикъ.

Послѣдовали выстрѣлы со стороны сѣверо-восточнаго секрета. По ряду мелькнувшихъ огоньковъ видно было о наступленіи на бивакъ цѣлой непріятельской шеренги.

— Г. поручикъ!—шепнулъ Венгеровъ, стоявшій рядомъ со своимъ командиромъ: — еслибъ намъ только взобраться на гору? Оттуда много удобнѣе было-бы отвѣчать на выстрѣлы...

Взобраться на гору съ лошадьми въ темнотѣ было не такъ просто, а японцы налегали. Они были совсѣмъ близко... Почти вплотную. Явственно слышались слова команды, свистки, мелькалъ свѣтъ электрическихъ фонариковъ съ отличными рефлекторами. Японцы, что-бы ни увидѣли у европейцевъ, тотчасъ переймутъ. Всякій кавалеристъ и даже большинство пѣхотныхъ снабжены электрическими фонарями, что въ ночную пору представляетъ не малое удобство. Вотъ замѣтно стало приближеніе японцевъ къ рѣчкѣ. Охотники усилили огонь, стрѣляя то пачками, то залпами. Раздались неожиданные звуки сигнальнаго рожка, и противникъ прекратилъ огонь. Это привело отрядъ въ недоумѣніе. Необходимо торопиться, принять энергичныя мѣры, чтобы не попасть въ руки японцевъ. Отдано было приказаніе выводить коней къ южному подъему лощины, откуда являлась возможность вскарабкаться на гору, цѣпляясь за кустарникъ.

— Та-та-та-та-та,—раздался сигналъ и послѣдовалъ дикій визгливый крикъ:—і-я-а-а-а...

Этотъ визгливый крикъ соотвѣтствуетъ нашему «ура!». Развѣдчики успѣли выбраться изъ лощины, куда стремительно бросились враги. Поднимаясь въ гору, приходилось отстрѣливаться изъ-за круповъ лошадей. Отступали осторожно, шагъ за шагомъ, но сказалось неудобство бѣлой

масти монгольскихъ коней: всѣ были убиты или ранены, а изъ темныхъ ранили только одну.

Первоначально японцы кинулись преслѣдовать развѣдчиковъ на гору, но скоро спустились; замѣтно было, какъ они раздѣлились на двое и пошли въ разныя стороны, очевидно намѣреваясь обойти нашихъ. Охотники воспользовались моментомъ и живо добрались до гребня горы, гдѣ немного пріостановились, чтобы осмотрѣться, подсчитать убыль въ людяхъ и лошадяхъ. Подсчетъ показалъ отсутствіе 11 человѣкъ, двое были посланы съ донесеніями, стало быть осталось 14 охотниковъ, но было извѣстно, что 6 осетинъ спустились въ оврагъ, лежавшій вправо отъ подъема. Эти несомнѣнно вскорѣ присоединятся, а 5 товарищей, повидимому, остались на полѣ брани.

Развѣдчики спѣшили укрыться отъ насѣдающаго противника. Оріентируясь по звѣздамъ, они шли по гребню горы, держа направленіе на югъ. Стало ясно, что враги потеряли добычу...

На далекомъ горизонтѣ мелькнула заря. Выкатилъ лучезарный Фебъ на своей огненной колесницѣ и разсыпалъ свои золотые лучи по цвѣтущей долинѣ, которую только что покинули. Еще разъ мелькнула змѣйка рѣки и притаившаяся въ излучинѣ деревня У-дя-хе-цзы...

Охотники бросили послѣдній взглядъ на красивую долину, стоившую жизни пятерымъ товарищамъ, и пошли дальше.

Осталось 7 лошадей; приходилось чередоваться, пользуясь ихъ спинами по очереди. Весь день шли горами. Свернуть на дорогу мѣшали непріятельскіе разъѣзды, рыскавшіе внизу словно шакалы, ищущіе добычу...

Не рѣдко выручали китайцы, предупреждая о грозящей опасности, указывая гдѣ противникъ.

Пересѣкая горныя тропинки, мы замѣчали

слѣды коней, что указывало на благополучное путешествіе ранѣе посланныхъ развѣдчиковъ съ донесеніями.

Въ попутныхъ деревняхъ узнавали о бывшихъ столкновеніяхъ съ японцами. Предстояло добраться до Цзянь-Чана, но между отрядомъ развѣдчиковъ и лагеремъ генер. Ренненкампфа стояла густая цѣпь непріятельскихъ сторожевыхъ постовъ и кавалерійскихъ разъѣздовъ. Вечеромъ явился кривой на одинъ глазъ китаецъ и сообщилъ, что повсюду на пути находятся «ипенъ, шибика минога ипенъ»...

Поневолѣ пришлось углубиться въ горныя дебри къ западу.

День ото дня приходилось тяжелѣе.

Окончательно выбились изъ силъ. Люди дошли до крайней степени усталости и кромѣ того изголодались.

Лошади разбили ноги на скалистыхъ горныхъ кручахъ. Днемъ прибавлялась мучительная жажда, которую на южныхъ скатахъ удавалось утолять, жуя виноградные листья. Даже привычные и наиболѣе выносливые охотники, Венгеровъ и Родневъ, еле двигались...

На привалѣ начальникъ отряда занялся разсматриваніемъ картъ и плана маршрута, раздумывая, куда ближе итти. Вонъ тянутся къ небесамъ хребты Фыншулинскаго перевала, позади которыхъ цѣль всѣхъ стремленій.

Тамъ лагерь генер. Ренненкампфа, а оттуда недалеко до Ляньшаньгуаня, мѣстонахожденіе штаба восточнаго отряда графа Келлера.

За то и преодолѣть эти горные скалистые массивы представлялось для голодныхъ развѣдчиковъ дѣломъ почти недостижимымъ... Однако, отрядъ снова двинулся въ путь, дѣлая неимовѣрныя усилія, преодолѣвалъ препятствія, казавшіяся непреодолимыми. Скрываясь то въ густыхъ

Генералъ-лейтенантъ графъ Ѳ. Э. Келлеръ.

заросляхъ, то въ дикихъ ущельяхъ, они бродили дни и ночи, отдыхая въ часы, когда жара достигала наибольшаго напряженія.

Въ попадавшихся деревняхъ спрашивали китайцевъ.

— Ипенъ мыю?

И китайцы указывали руками кругомъ, повторяя, какъ попугаи:—ю-ю-ю-ю... Тунъ-тунъ-ю...—т.-е. вездѣ есть японцы.

Но охотники шли впередъ, хранимые Богомъ. Мучимые голодомъ и жаждой, они переходили одинъ хребетъ за другимъ. Иногда, наблюдая съ гребня горы, они замѣчали дымокъ костровъ въ долинахъ и ущельяхъ. Тогда приходилось давать «крюкъ», чтобы избѣжать непріятнаго столкновенія.

Спустились, скользя по мхамъ, цѣпляясь за папоротники, съ одного склона. Внизу кто-то замѣтилъ струящуюся изъ расщелины воду. Радость охватила всѣхъ. Вѣроятно, спутники Колумба испытали не меньшую радость, увидѣвъ послѣ продолжительнаго плаванія землю. Измученные жаждой, развѣдчики приникли губами къ чистому горному источнику. По очереди всѣ утолили жажду.

— Отдохнуть бы! — несмѣло произнесъ Венгеровъ.

Но раздавшійся залпъ заставилъ всѣхъ встрепенуться... На лицахъ охотниковъ изобразилось отчаяніе, то тоскливое отчаяніе, которое не рѣдко заставляетъ человѣка итти на вѣрную смерть. Будь, что будетъ. Умирать, такъ умирать! — рѣшилъ про себя каждый, и отрядъ снова двинулся впередъ безъ отдыха, не видя врага, предполагая засаду въ открытомъ мѣстѣ. Надъ головами пронеслось нѣсколько птицъ. Охотники подняли головы, и дружный раскатистый смѣхъ огласилъ ущелье. Залпъ оказался трескомъ не-

вѣдомой птицы. Когда она щелкаетъ клювомъ, получается впечатлѣніе сухихъ пачечныхъ выстрѣловъ японской винтовки.

Наконецъ достигли цѣпи разъѣздовъ и заставъ генерала Ренненкампфа, и долгіе мучительные переходы, голодовка, жажда — были вознаграждены радостью встрѣчи съ своими, а оказанное гостепріимство, незатѣйливое угощеніе кашей и хлѣбомъ заставили забыть всѣ перенесенныя невзгоды.

Дѣло было сдѣлано. Всѣ, отъ начальника до послѣдняго охотника, были на высотѣ, честно послуживъ родинѣ.

Это описаніе похожденій одного развѣдывательнаго отряда. Но такихъ смѣльчаковъ въ нашей арміи было не мало. Стоитъ объявить вызовъ охотниковъ, и многіе, почти каждый, спѣшатъ заявить о своей готовности положить свою голову за честь родины.

Восточный отрядъ.

29 іюня 1904 г.

Ляньданьсянъ.

Жаркій манджурскій день; солнце жжетъ немилосердно.

Лошади лѣниво передвигаютъ ноги; всадники, изнемогая отъ зноя, покачиваются въ дрянныхъ китайскихъ сѣдлахъ, изрѣдка перекидываясь замѣчаніями по поводу текущихъ событій. Всѣхъ занимаетъ свѣжее въ памяти дѣло подъ Хаяномъ (съ 20-го на 21-е іюня).

Мы ѣдемъ къ первоисточнику, стало быть тамъ и узнаемъ настоящую обстановку этого дѣла, результаты котораго неизбѣжно отразятся

на нашей дальнѣйшей тактикѣ противъ японцевъ. Такъ по крайней мѣрѣ полагали мы еще тогда, когда о пораженіяхъ никто и не помышлялъ, и предыдущія событія считались только случайными неудачами, входившими, кстати сказать, въ планы командующаго.

Отъ Ляояна дорога идетъ по небольшой долинѣ рѣки Тайдзихэ. Пыльно. Мѣстами еще не высохла грязь отъ выпавшихъ дождей. Тянутся обозы, то и дѣло застрѣвающіе въ низинахъ. Несчастные мулы, понукаемые китайцами, выбиваются изъ силъ, стараясь вытащить увязшую въ глубокой, липкой грязи нагруженную арбу.

— И-и-и! ё--е-е! ва-ва-ва! — пищатъ китайцы, а несчастныя животныя ни съ мѣста.

Миновавъ линію позицій, защищающихъ Ляоянъ, и проѣхавъ около 6—7 верстъ по долинѣ, мы попали въ ущелье, по обѣимъ сторонамъ котораго тянутся горы. Небо стало заволакиваться тучами. Вдали съ юго-востока послышались глухіе раскаты грома, которые мы приняли за орудійные залпы. Съ высоты облаковъ упало на землю нѣсколько капель дождя. Раздался громъ, на высотѣ горъ блеснула молнія. Мы пустили лошадей рысью и, проѣхавъ пятнадцать верстъ, прибыли въ такъ называемый полуэтапъ Ванбатай.

Это — небольшая китайская деревня, расположившаяся на широкой площади, окруженной съ трехъ сторонъ горами. Не болѣе двухъ десятковъ фанзъ, оригинальныхъ по своимъ высокимъ каменнымъ заборамъ, съ рядами однотипныхъ продолговатыхъ строеній внутри.

У одной изъ этихъ каменныхъ оградъ, въ густыхъ вѣтвяхъ высокаго тополя устроена вышка, на которой стоитъ часовой и зорко смотритъ вдаль. Національный флагъ указываетъ, что здѣсь находится комендантъ пункта.

Дальше ѣхать становилось опаснымъ: густыя сумерки окутали долину, и мы рѣшили заночевать, чтобы раннимъ утромъ пуститься въ дальнѣйшій путь.

На нашихъ этапныхъ пунктахъ по линіи къ восточному отряду можно провести вечеръ съ истиннымъ наслажденіемъ. Первобытнаго устройства фанзы убраны плетеными изъ гаоляновой соломы циновками; хорошо содержимый земляной полъ устланъ тѣмъ же соломеннымъ ковромъ и осыпанъ обломками растущаго въ горахъ ельника, отчего воздухъ фанзъ пропитанъ пріятнымъ смолистымъ запахомъ.

Предъявивъ свои корреспондентскіе паспорты, записавъ ихъ куда слѣдуетъ и позаботившись о кормѣ лошадямъ, мы отправились въ бесѣдку во дворѣ, по приглашенію любезнаго коменданта, пить чай.

Темнота южной ночи, фонарикъ съ тускло горящей въ немъ свѣчкой, отдаленность родины— все вмѣстѣ располагаетъ къ обмѣну мыслей.

Иногда тишину ночи прорѣзываетъ свистокъ. Это—сигналъ часового, извѣщающій о прибытіи транспорта, а быть можетъ, о возможности близкой опасности...

Прибыла партія нижнихъ чиновъ, возвращающихся къ своимъ частямъ изъ госпиталей. Ихъ размѣстили. Пріѣхали офицеры, кто съ транспортомъ, кто съ разными покупками.

Офицеры присоединяются къ намъ и завязывается общая бесѣда. Каждый излагаетъ свои боевыя впечатлѣнія; послѣднія сводятся къ отдѣльнымъ эпизодамъ, рисующимъ простоту и героизмъ русскаго воина.

Офицеры, молодые и старые, съ трогательной нѣжностью вспоминаютъ различные эпизоды съ нижними чинами.

— Вотъ,—разсказываетъ штабсъ-офицеръ,—вѣ-

стовой входитъ въ палатку; я замѣчаю, что онъ взволнованъ.

— Чего тебѣ, Сидоренко?—спрашиваю.

— Такъ что, ваше вы—діе, убитый Андрюхинъ вернулся.

— Что ты городишь?

— Такъ точно! Гляжу, мертвецъ идетъ, я испужался.

— Чего же ты испугался? Солдатъ ничего не долженъ бояться.

— Такъ точно, а только что мертвецъ, оно и страшновато...

— Что же дальше было?

— Я его, стало-быть, окликаю: Андрюхинъ, ты? Откликается, какъ живой. Ажно страхъ беретъ... Оборванный, думаю—мертвый.

Въ результатѣ оказывается, что Андрюхинъ, послѣ отступленія цѣпи, очутился сзади противника. Онъ скрылся въ кустахъ, гдѣ пробылъ нѣсколько сутокъ безъ пищи. Его спасъ находившійся вблизи горный источникъ, изъ котораго онъ пилъ. Постепенно переходя отъ кустика къ кустику, онъ выбрался за линію непріятельскаго расположенія, но своихъ нашелъ лишь черезъ нѣсколько дней скитанія по горнымъ рощицамъ. Явился ослабленный отъ голода, изорванный, но аммуниція и ружье оказались при немъ въ полномъ порядкѣ...

Потолковали и разошлись по фанзамъ спать.

Утромъ вмѣстѣ съ зарею отправляемся далѣе. Въ верстѣ отъ Ванбатая начинается перевалъ. Долина сузилась, перешла въ тѣсное ущелье; дорога стала подниматься выше и выше. Дивная картина! Крымъ,—да и только.

Узенькой лентой, зигзагами, вьется горная дорога, скверная, изрытая и тѣсная. Безконечный обозъ тянется въ гору. Тяжело нагруженныя арбы волокутъ малосильныя монгольскія лошаденки или крѣпконогіе мулы. Попадаются мало-

рослые волы, но обязательно въ компаніи измученныхъ коней или муловъ.

Дорога настолько узка, что разъѣхаться съ встрѣчнымъ транспортомъ не представляется возможнымъ; даже конному трудно пробраться, а подъемъ становится все круче и опаснѣе. Пробираясь между повозками транспорта, мы должны были слѣзать съ лошадей и вести ихъ въ обходъ.

Наконецъ, мы на вершинѣ. Глазамъ представляется чудная панорама. Кругомъ горныя цѣпи тянутся въ разныя стороны. Склоны покрыты кустарной порослью, а остроконечныя вершины желтѣютъ своими голыми макушками. Свѣжій горный воздухъ. Вдыхаешь его полной грудью.

Спускаемся. Транспорты остались уже позади, а впереди шевелится новая безконечная лента. По пути встрѣчаются саперы съ офицерами. Раздаются взрывы. Это очищаютъ путь отъ каменныхъ преградъ.

Внизу, на огромной площади, вокругъ горной рѣчки, расположились дивизіонные обозы. Зеленѣютъ ряды двуколокъ; вонъ тамъ — коновязи, а впереди маленькія палатки обозныхъ командъ. Справа небольшая деревня Сяолинцзы, раскинувшая свои фанзы у подножія окружающихъ площадь горъ.

Это — первый этапъ. Здѣсь находились отряды Краснаго Креста, полевой госпиталь. Здѣсь-же, въ убогой рощѣ манджура, устроился маркитантъ-грекъ. Онъ открылъ столовую и лавочку, въ которой много «питья», но очень мало съѣстныхъ припасовъ. А цѣны!.. Достаточно сказать, что завтракъ изъ одной яичницы, полбутылки фальсифицированной водки и 4 стакановъ кофе — 19 руб. Бутылка отвратительнаго пива, изготовленнаго заводами воюющей съ нами Японіи — 1 р. 50 коп. И все въ такой-же пропорціи... Но въ походѣ привередничать не приходится. Сколько

требуютъ — плати. На то и война. Маркитантъ прямо говоритъ: «война не каждый день бываетъ». Кромѣ того, нельзя не сознаться, что нерѣдко и ему приходится рисковать не только своимъ достоянiемъ, но и собственной жизнью...

Въ бою подъ Вафангоу маркитантъ разложилъ свои товары у станцiи и потерялъ все, что у него было.

Отдохнувъ и позавтракавъ у услужливаго маркитанта, относящагося съ «большимъ почтенiемъ къ представителямъ печати», мы пустились въ дальнѣйшiй путь.

Дорога ко второму этапу «Ляньданьсянь» пролегаетъ по широкимъ ущельямъ, переходящимъ въ долины. Множество зигзагообразныхъ рѣчекъ и ручьевъ, которые приходится переѣзжать въ бродъ. Солдаты переходятъ эти броды босякомъ.

Наконецъ, мы достигли этапа Ляньданьсянь. Опять большая деревня, множество фанзъ, даже нѣсколько улицъ; нашъ нацiональный флагъ, развивающiйся надъ низкими строенiями, указываетъ мѣстонахожденiе этапа.

Устройство такое-же: фанзы, обитыя соломенными циновками, каны, приспособленныя для спанья, чистые полы. Имѣется самоваръ, который при нашемъ появленiи немедленно разогрѣвается, и вы, усталый утомительнымъ переходомъ, съ наслажденiемъ потягиваете горячiй чай...

На этапѣ много офицеровъ. Иные съ позицiи ѣдутъ за провiантомъ, иные возвращаются въ «передовую линiю». У всякаго уже имѣется нѣкоторый боевой опытъ, и каждый охотно дѣлится пережитыми впечатлѣнiями. Мое вниманiе нѣсколько привлекаетъ молодой хорунжiй Ладыженскiй. Я встрѣчалъ его въ Петербургѣ въ блестящемъ гвардейскомъ мундирѣ. Но, Боже, въ какомъ онъ теперь видѣ? Лицо отъ густого загара стало мѣднокраснымъ, руки, нѣкогда хо-

ленья, почернѣли, сморщились, покрылись мозолями. Блестящій мундиръ замѣнила простая сѣрая блуза (гимнастерка), и офицерское званіе опредѣляется лишь почернѣвшими отъ грязи и пыли погонами, на которыхъ значится 2-й читинскій полкъ (казачій).

— Я могу вамъ сообщить,—говоритъ корнетъ,— о маленькой, но характерной стычкѣ у деревни Мадяпуцзы. Капитанъ Миссинъ занялъ съ своей ротой горку. Для освѣщенія мѣстности онъ спустился съ полуротой въ долину и тотчасъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ японцами. Бѣдняга былъ боленъ. Онъ страдалъ отъ жестокаго ревматизма. Видя свое безвыходное положеніе, капитанъ приказываетъ людямъ разсыпаться и пробиться сквозь непріятельскіе ряды. Нижніе чины наотрѣзъ отказываются исполнить приказаніе капитана. Они во что-бы то ни стало желаютъ вынести своего командира изъ огня. Но, къ несчастью, это физически невозможно. Капитанъ настойчиво приказываетъ оставить его и пробиться... Тѣмъ временемъ японцы насѣдаютъ. Время не терпѣло, упорствовать становилось безцѣльнымъ. Солдаты разсыпались и начали пробиваться, отстрѣливаясь, но 6 человѣкъ такъ и остались у своего командира, не желая оставить его одного...

Началась настоящая травля, форменная охота на людей. Ряды рѣдѣли. Всѣ легли въ этой долинѣ и только четыремъ удалось по кустамъ добраться до сопокъ, гдѣ и залегли.

Эти четверо молодцовъ залегли въ кустахъ; они наблюдали ужасы, поднимавшіе «дыбомъ» волосы на головѣ: невдалекѣ лежали раненые и убитые въ разстояніи не болѣе 30 — 35 шаговъ. Японцы добивали раненыхъ штыками, прикладами и даже каменьями; мертвыхъ раздѣвали, обыскивали, брали винтовки и патроны и стрѣляли въ нашихъ изъ нашихъ-же винтовокъ.

Японцы и скрывшихся четырехъ усиленно разыскивали по кустамъ. Нѣсколько разъ проходили мимо нихъ въ 50 шагахъ. Къ счастью, не замѣтили, но увидѣли раненаго унтеръ-офицера Шевченко.*) Бѣдняга сидѣлъ на камнѣ, снявъ сапоги, и перевязывалъ рану. Подошелъ къ нему японскій унтеръ-офицеръ съ нѣсколькими солдатами. Они увидѣли лежащую у ногъ раненаго винтовку. Одинъ японецъ взялъ винтовку, а унтеръ-офицеръ схватилъ Шевченко за пантронташъ и стащилъ съ камня... Протащивъ его нѣсколько шаговъ, стали бить, а потомъ съ двухъ сторонъ прокололи беззащитнаго раненаго штыкомъ...

Рядовой этотъ находился въ самомъ центрѣ расположенія непріятельской арміи, двигавшейся на Далинскій перевалъ, и наблюдалъ такіе пріемы японцевъ: войско желтой расы имѣло при отрядахъ толпу китайцевъ, которымъ приказывали разыскивать скрывающихся въ кустахъ раненыхъ; китайцы исполняли это съ усердіемъ и избивали несчастныхъ мучениковъ камнями...

Солдатъ прятался по кустамъ четыре дня и добрелъ до маленькой деревеньки. Это было въ ночь на 16-е іюня. Въ деревнѣ ему удалось упросить одного манзу вывести его изъ центра японской арміи. Пришлось путаться по горнымъ тропинкамъ еще двое сутокъ безъ пищи. Выручали дожди, лившіе въ теченіе этого времени.

Въ деревнѣ Тхаолинцзы солдатъ нашелъ нашу заставу, которая обогрѣла и обсушила бѣднягу, накормила его и направила къ своей части.

О судьбѣ капитана Миссина ему ничего неизвѣстно.

Изъ полуроты капитана Миссина спаслись еще 4 нижнихъ чина: ун.-оф. Иванъ Никитинъ и рядовые: Михаилъ Солопоновъ, Андрей Кондра-

*) Передаю разсказъ со словъ хорунжаго, и вѣрность приведеннаго случая оставляю на его отвѣтственности.

тенко, Адріанъ Костылевичъ. Они нашли бивакъ 2-го казачьяго верхнеудинскаго полка и разсказали, какъ очевидцы.

Характеренъ разсказъ о дѣйствіяхъ двухъ разъѣздовъ — хорунжаго Васильковскаго и сотника Колесникова, 2-го верхнеудинскаго полка. Первый петербуржецъ, служившій въ лейбъ-казачьемъ полку.

12-го іюня, въ 5 час. дня, названные офицеры отправились въ разъѣзды изъ деревни Сандгаза *). Къ вечеру они пріѣхали въ деревню Линьдяпфуза, гдѣ находился постъ уссурійскаго полка. На посту офицерамъ сообщили, что утромъ слѣдующаго дня ожидается въ одной верстѣ отъ деревни наступленіе японцевъ по направленію къ Тайпинлинскому перевалу, на большой дорогѣ между Сюянемъ и Хайченомъ.

Васильковскій и Колесниковъ не разъ бывали въ этихъ мѣстахъ, и изучили каждую складку. У нихъ созрѣлъ планъ воспользоваться удобствами складокъ мѣстности и устроить японцамъ засаду. Ровно въ часъ ночи они отправились пѣшкомъ на одну изъ сопокъ, оставивъ коней у уссурійцевъ. Около 10 час. утра они замѣтили въ ста саженяхъ крадущихся по кустамъ 8 человѣкъ. Ожидался противникъ, поэтому офицеры отдали приказаніе стрѣлять.

— Ваше высокоблагородіе — обратился къ начальству урядникъ Хлѣбниковъ, — дозвольте отправиться къ деревнѣ, что внизу, на развѣдку.

— А что?

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, могутъ быть и наши, кто ихъ знаетъ... Я проберусь съ двумя казаками и произведу развѣдку.

— Хорошо, ступай.

Хлѣбниковъ спустился къ деревнѣ, въ кото-

*) За правильную транскрипцію названій ручаться трудно.

рой нашелъ эсаула Гулевича съ семью казаками, 2-го нерчинскаго полка. Посланные генераломъ Ренненкампфомъ въ развѣдку, они въ продолженіе шести недѣль бродили въ тылу и въ центрѣ японской арміи, доставляя цѣнныя свѣдѣнія черезъ китайцевъ.

Развѣдчикамъ предложили присоединиться, чтобы принять участіе въ засадѣ.

Въ 1 часъ 20 мин. дня показалась рота непріятельской пѣхоты и взводъ конницы. Подпустивъ ихъ на дистанцію въ 500 шаговъ, казаки дали одинъ за другимъ два залпа. Видно было, какъ свалился офицеръ, пало нѣсколько лошадей и пѣхотинцевъ.

Японцы быстро подобрали раненыхъ и, расположившись за ровикомъ, открыли огонь. Завязалась перестрѣлка, затянувшаяся до 6 час. 15 м. пополудни. Опять вызвался урядникъ Хлѣбниковъ произвести нападеніе «во флангъ».

— Какъ же ты это сдѣлаешь?—спросилъ его сотникъ Колесниковъ.

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, оченно просто. По сопкамъ подберусь къ нимъ. Дозвольте взять съ собою 7 казаковъ.

И урядникъ Хлѣбниковъ блестяще выполнилъ свою задачу. Онъ съ семью казаками ударилъ «во флангъ» японцамъ. Послѣдніе очутились подъ перекрестнымъ огнемъ и не выдержали. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что въ засадѣ принимало участіе всего 25 человѣкъ противъ цѣлой роты (200 чел.) и взвода конницы (40 чел.). Но наши обманули японцевъ, раскинувъ цѣпь стрѣлковъ на дистанціи въ 8 шагахъ другъ отъ друга; кромѣ того, на правомъ флангѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ цѣпи повѣсили казачьи фуражки, которыя оказались прострѣленными подобно рѣшету.

240 японцевъ бѣжали отъ 25 казаковъ, оставивъ въ качествѣ трофеевъ великолѣпную карту

окрестностей города Сюяня, записную книжку съ подробнымъ маршрутомъ изъ Токіо до Сюяня, нѣсколько писемъ, диспозицію, книжку донесеній, печать, ружья и патронный ящикъ...

Два разъѣзда были посланы 21-го іюля изъ Тхазелина черезъ Сандіацзы до «соприкосновенія съ противникомъ». Утро туманное. Словно густой бѣлый паръ нависъ надъ сопками и лежащими у подножія долинами и ущельями. Туманъ былъ настолько густой, что въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя было разсмотрѣть. Выслали въ дозоры 6 человѣкъ. Они отошли къ долинѣ шаговъ на 100 и разсыпались вѣеромъ.

Внезапно раздалось нѣсколько залповъ. Дозоры кинулись галопомъ къ ядру разъѣзда.

Одинъ изъ дозорныхъ, раненый въ бедро, упалъ. Остальные спѣшились въ намѣреніи поднять товарища. Но японцы открыли убійственный огонь, вслѣдствіе чего приказано было уйти, что казаки исполнили крайне неохотно. Пока дозорные отходили къ сопкамъ, туманъ разсѣялся и казаки съ сопокъ видѣли, какъ 20 японцевъ выѣхали изъ деревни, поднялись въ горы, за которыми скрылись. Немедленно была наряжена команда изъ 7 казаковъ подъ начальствомъ офицера для розыска раненаго казака. Спустились въ долину, но розыски ни къ чему не привели. Раненый исчезъ безслѣдно. Принялись допрашивать китайцевъ. Послѣдніе, быть можетъ, опасаясь мести, отговаривались невѣдѣніемъ. Но одинъ изъ казаковъ розыскалъ пропавшаго во дворѣ китайскаго жилища зарытымъ по поясъ въ землю.

Бѣднаго мученика отрыли и принесли на бивакъ. Произведеннымъ осмотромъ врачей обнаружили, что смерть произошла не отъ пулевыхъ

ранъ: на груди зіяли три колотыхъ раны отъ японскихъ штыковъ, разсѣчена кожа на черепѣ, надъ правымъ глазомъ колотое отверстіе, сдѣланное острымъ орудіемъ,—быть можетъ, толстой иглой...

Китайцы, припертые къ стѣнѣ, разсказали о звѣрствахъ, учиненныхъ японцами надъ раненымъ казакомъ. Добивали его штыками, камнями, вооруженіе и одежду сняли... Обо всемъ этомъ былъ составленъ актъ.

Вечеръ. Солнце кидаетъ послѣдніе прощальные лучи на долину, ущелья, сопки, горы и деревню Сандіяза. Позади фанзъ стоитъ группа нижнихъ чиновъ и офицеровъ. На землѣ лежитъ замученный японцами казакъ. Въ двухъ шагахъ зіяетъ черною пастью глубокая яма. Это приготовили послѣднее жилище погибшему воину. Его одѣли въ чистое бѣлье и, закутавъ въ полотнище палатки, опустили на дно могилы. Молитву пропѣли солдаты и офицеры, послѣ чего каждый бросилъ на покойника горсть земли... Заработали «шанцевые» инструменты, и вскорѣ свѣжій холмикъ выросъ надъ прахомъ убитаго. У края могилы стоялъ братъ покойника и плакалъ горючими слезами... *)

Кумирня въ Ляньданьсанѣ.

30 іюня 1904 г.

Интересуясь религіознымъ культомъ китайцевъ, я обратился къ живущему на станціи полковни-

*) *Примѣчаніе.* Примѣровъ успѣшныхъ дѣйствій маленькихъ отрядовъ можно насчитать за годъ войны многое множество. Что эти примѣры доказываютъ, предоставляю судить читателямъ.

ку N съ просьбой устроить осмотръ деревенской кумирни.

— Пойдемте,—сказалъ полковникъ.

Позади этапа возвышался каменный заборъ, нѣсколько повыше и опрятнѣе другихъ. Такими заборами обыкновенно окружаютъ фанзы, нерѣдко служащія для сборищъ хунхузовъ и дѣлежа добычи, и эти фанзы носятъ названіе «импаней», т. е. крѣпостей.

Толстыя дубовыя ворота были прочно заперты. Полковникъ постучалъ нѣсколько разъ. На стукъ откликнулся извнутри старческій, немного пискливый голосъ. Вскорѣ ворота раскрылись, и мы очутились на небольшомъ дворѣ двухъ кумирень, лицомъ къ лицу съ бонзой. Въ кумирняхъ находились огромныя уродливыя фигуры, изображавшія боговъ. Нѣкоторые сидѣли въ окаменѣломъ спокойствіи, и, казалось, дѣйствительно олицетворяли что-то, что могли понять одни китайцы; нѣкоторые стояли, опираясь на какія-то орудія, не то посохъ съ трезубцемъ, не то мечъ, не то молотъ.

Иные были безъ бородъ съ старательно разрисованными лицами и открытыми глазами. Эти боги олицетворяли добро и милость.

Иные обладали столь уродливыми фигурами, съ рыжими бородами, бровями, выпученными глазами, что въ темнотѣ съ нервнымъ человѣкомъ могъ-бы приключиться припадокъ...

Бонза, монахъ, давшій обѣтъ безбрачія, старый съ желтымъ, словно восковымъ, лицомъ, беззубый, все время что-то шамкалъ, быстро двигая челюстями, но кромѣ «хао» ничего нельзя было понять. Переводчика мы не имѣли.

Одна изъ фанзъ изображала «конюшню» боговъ. Тамъ стояли грубо выдѣланные изъ дерева и папье-маше кони, бѣлой и рыжей масти; около нихъ—люди въ длинныхъ бѣлыхъ балахонахъ.

Послѣдніе, вѣроятно, служили конюхами при богахъ, управляя ихъ «выѣздомъ» во время экскурсій въ заоблачныя страны...

Осмотрѣвъ кумирню, мы дали бонзѣ «на чай» и сопровождаемые его шамканьемъ «хао», «хао» ушли.

Рано утромъ 26-го іюня, мы отправились далѣе въ отрядъ графа Келлера. Небольшое разстояніе въ 10 верстъ, отъ Ляньданьсаня до деревни Нютхіай, ѣдешь съ истиннымъ удовольствіемъ.

Дорога идетъ великолѣпной долиной, прорѣзываемой ручьями и рѣченками, заключенными въ волшебную раму горъ, покрытыхъ яркой зеленью. Въ долинѣ ласкаетъ взоръ китайская земледѣльческая культура. Глядя на эту почти «филигранную» работу, мнѣ невольно приходило въ голову: сколько необходимо любви къ труду и землѣ, чтобы обработывать ее съ такой заботливостью.

По дорогѣ вновь потянулись обозы, но это уже не тѣ, которые встрѣчались ранѣе. Это обозы, имѣющіе непосредственную связь съ войсками. Попадаются вьюки и транспорты Краснаго Креста. Свѣжій утренній воздухъ наполняется криками:

— И-и-и, о-о-о!.. у ва-ва-ва!..

Проѣхалъ нѣсколько деревень; вдали показались фанзы Ньютхіай, замигало нѣсколько флажковъ. Это главная квартира, или, правильнѣе, штабъ восточнаго отряда.

Эта деревня прислонилась почти у самаго подножья горъ. Палатка генерала графа Келлера съ флагомъ какъ-то нарядно выглядитъ изъ-подъ рамки зеленой горы.

Начальникъ восточнаго отряда живетъ (правильнѣе — жилъ) просто, въ обыкновенной палаткѣ. Встаетъ рано. Это необыкновенно симпа-

тичный и обходительный генералъ, любимый всѣми безъ исключенія, джентльменъ въ полномъ смыслѣ.

Всѣ въ штабѣ находились подъ впечатлѣніемъ волненій, пережитыхъ въ ночномъ набѣгѣ въ ночь на 12-е іюня. Дѣло было дѣйствительно лихое.

Въ полутора верстахъ отъ мѣсторасположенія штаба начинается подъемъ на Янзелинскій перевалъ; за послѣднимъ лежитъ долина Ланхэ, и вотъ въ разстояніи всего двухъ верстъ другъ отъ друга расположились передовые окопы противниковъ.

Дѣло въ ночь на 21-е іюня происходило при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ 1 часъ 15 минутъ ночи отъ корейской башни, носящей названіе Тхавуань, вытянулись двѣ колонны; одна, силою въ батальонъ пѣхоты, подъ командой подполковника Гарницкаго, направилась къ югу на мѣсто скрещенія дорогъ Ляолина и Модулинскаго перевала; другая, лѣвая, силою въ два батальона, подъ командой полковника Лѣчинскаго, направилась черезъ деревню Хоянъ, по этапной дорогѣ, на востокъ, къ перевалу у кумирни.

Правѣе этой кумирни находилась японская застава. Около 3 съ половиною часовъ утра раздался со стороны противника первый выстрѣлъ. Наши, не отвѣтивъ, набросились на заставу, которую перекололи штыками, и двинулись къ окопамъ. Молодой поручикъ Кухинъ, подбѣгая съ своей ротой къ ложементамъ, былъ раненъ. Свалившись съ ногъ, офицеръ продолжалъ кричать солдатамъ:—Впередъ, братцы! не робѣй!

И солдаты, поощряемые своимъ офицеромъ, дрались какъ львы. Другая колонна также безъ выстрѣла подошла къ окопамъ и бросилась въ штыки... Представьте себѣ картину ночного боя: темные силуэты двигаются, окутанные ночной

мглой. Слышится лязгъ оружія. Тяжелое, прерывистое дыханіе солдатъ, хрипы...

Работа закипѣла отчаянная. Слышались отрывистыя слова команды, крики,—и все слилось съ громкимъ крикомъ «ура».

Стало свѣтать. Японцы успѣли занять сопки. Наши сдѣлали свое дѣло, т.-е. исполнивъ задачу ночной развѣдки, увлеклись и начали отступленіе при утреннемъ свѣтѣ.

Стройно, цѣпь за цѣпью, стали отходить наши герои. Отступленіемъ руководилъ полковникъ Лѣчицкій. Это высокій, стройный, съ красивымъ и энергичнымъ лицомъ, еще довольно молодой полковникъ.

Съ поразительнымъ хладнокровіемъ велъ онъ свои батальоны. Очевидцы разсказываютъ, что онъ поминутно останавливался и въ бинокль разглядывалъ непріятельскія позиціи въ то время, когда кругомъ летали непріятельскіе снаряды.

Героизмъ нашихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ сказался со всею яркостью.

Скалонъ, посланный начальникомъ дивизіи съ приказаніемъ, на своихъ плечахъ вынесъ изъ огня раненаго полковника Поспѣлова. Послѣднимъ велъ свою цѣпь капитанъ генеральнаго штаба Серебренниковъ.

Въ бою, гдѣ летали смертоносные снаряды, свистали пули, перевязывали раненыхъ докторъ Соколовъ 10-го полка, докторъ Тугановъ 24-го полка и священникъ 10-го полка Ремизовъ.

Мнѣ разсказывали, что батюшка уходилъ за цѣпь, гдѣ оставались раненые, перевязывалъ ихъ, рискуя быть убитымъ или попасть въ плѣнъ.

Такова общая картина этого ночного сраженія, къ сожалѣнію, не давшаго положительныхъ результатовъ.

Зеленыя горы, тѣснящіяся вокругъ долины, служатъ ей великолѣпной рамой, а журчащіе ручьи и рѣчки, прихотливыми змѣйками извивающіеся среди ея полей и нивъ, кажутся нѣжными объятіями сиренъ, поющихъ пѣснь вѣчной любви.

Жаркій, томительно знойный день.

Люди невѣдомой страны, раскинувшіе свои шатры на чужой странѣ, русская рать, сильная и могущественная, беззаботно скрывшись подъ бѣлыми полотнами палатокъ, выжидаетъ вечерней прохлады.

Изъ-за откинутыхъ полотнищъ доносится говоръ. Солдаты бесѣдуютъ между собою, вспоминая далекую родину.

— И что говорить, братцы вы мои разлюбезные, думалъ сына въ солдаты обряжать, анъ вышло сынъ-то меня обрядилъ,—говоритъ пожилой солдатъ съ плоскимъ добродушнымъ лицомъ, обросшимъ густой бородою, въ которой уже видны серебряныя нити.

Въ отвѣтъ слышится сдержанный смѣхъ.

— Какъ-же эфто, дяденька, сынъ-отъ васъ въ походъ обряжалъ?—тоненькимъ, пискливымъ голоскомъ вопрошаетъ юркій малый, лежащій въ растяжку на снопѣ гаоляна.

Это солдатъ изъ сибирскихъ степей. Дома онъ портняжничаетъ, а здѣсь, въ нѣдрахъ старой Манджуріи, онъ воюетъ ружьемъ, а на досугѣ ковыряетъ иглой со свойственной его юркой фигурѣ ловкостью.

— Очинно просто,—отвѣтствуетъ солдатъ, обряженный въ походъ сыномъ.—Самъ я, стало-быть, въ запасныхъ состою, а сыну на призывъ только осенью, вотъ оно и вышло, что сынъ-то отца обряжалъ... Такъ-то...

На нѣсколько минутъ воцаряется молчаніе. Кажется, каждый поглощенъ своими думами,

своими воспоминаніями, но голосъ стараго солдата изъ запасныхъ снова дребезжитъ въ палаткѣ.

— Дочка у меня, братцы, на родинѣ есть... Невѣстой была. Эхъ, важная дѣвка, здоровая да толстая, да краснощекая! А работать—мастачка, во какъ работаетъ... Вотъ просваталъ я ее, и женихъ тоже паренекъ важнецкій... Домъ-то у меня все какъ слѣдуетъ, честь-честью, и коровы, и лошади, и овечка, и баранъ, и все такое домашнее... Ну, енто я назначилъ свадьбу сыграть послѣ Покрова, а какъ заслышалъ про войну да походъ, нѣтъ, думаю, шалишь, надо дѣвку съ парнемъ подъ вѣнецъ, ну, и сыгралъ свадьбу. Важно сыгралъ, по крайности и попьянствовалъ за свои кровныя...

Всѣ не безъ удовольствія хохочутъ... Разсказъ о выдачѣ замужъ до похода всѣмъ пришелся по сердцу. Его со вниманіемъ прослушали и всѣхъ удовлетворило замѣчаніе, что «по крайности попьянствовалъ за свои кровныя».

«Тра-та та, та-та! Тррра-та-та-та»... Барабанщикъ бьетъ тревогу. Вмигъ все, скрывшееся отъ знойнаго солнца подъ шатрами, повыскочило уже одѣтое, снаряженное и готовое къ походу на новые подвиги.

Солдаты помогали другъ другу натягивать шинели, мѣшки, оправляли аммуницію, т. е. патронныя сумки и патронташи. Никто не слышалъ крика: «эй, живо». Всѣ и безъ того скоро были готовы, палатки сняты и ряды, выстроившись, ждали команды, чтобы двинуться въ путь.

— Смирно! — раздалась команда. — Глаза направо!

— Здорово, молодцы!—гаркнулъ голосъ командира.

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!— грянулъ дружный отвѣтъ молодцовъ.

— Отдѣленіями правыя плечи впередъ, шагомъ-маршъ!

Колонна, къ сожалѣнію, навьюченная тяжелыми мѣшками и скатанными шинелями, вытянулась, равняя штыки, и поползла туда, за перевалъ зеленыхъ горъ.

Солнце еще не успѣло скрыться за высокими громадами. Небо нахмурилось, горизонтъ заволокло густыми, зловѣщими облаками. Воздухъ прорѣзали молніи, раздались глухіе раскаты грома. Стемнѣло. Полилъ дождь крупными каплями, вскорѣ перешедшій въ настоящій ливень.

Солдаты мокли, но шли впередъ, шлепая намокшими сапожищами по грязи и лужамъ. Офицеры несли одинаковыя тяжести войны, ихъ мужество и стойкая выносливость служили прекраснымъ примѣромъ для нижнихъ чиновъ. Дождь лилъ, а полки двигались безъ устали. Тамъ, за высокой башней, прожившей нѣсколько тысячелѣтій, около кумиренъ, наполненныхъ уродливыми идолами, притаился врагъ, лютый врагъ дорогого отечества, да, пожалуй, и не только нашего, но и всей Европы. Откровенно говоря, опасаюсь, что эта старая Европа спохватится слишкомъ поздно... Необходимо дать ему отпоръ, и солдаты шлепаютъ по грязи, мокнутъ подъ проливнымъ дождемъ, но идутъ быстро и весело.

Изъ рядовъ слышатся смѣхъ и шутки, словно идутъ не по тяжелымъ дорогамъ на чужбинѣ, а по роднымъ полямъ.

Чу! Раздался первый выстрѣлъ, другой, третій. Колонна быстро подтянулась, выравнялась, почти безъ команды перестроилась «по-ротно», и, не отвѣчая на выстрѣлы противника, продолжала молча двигаться впередъ...

Вотъ непріятельская застава. Мигъ, и она сметена, подобно маленькому камешку, подхваченному быстрымъ потокомъ. А вотъ и вражеская

позиція. За рвами, за высокими брустверами уже притаился непріятель, приготовившись встрѣтить ударъ. Пріученный обороняться стрѣльбой, онъ не жалѣетъ зарядовъ, посылая куски свинца, обтянутые тонкой никелированной оболочкой. Но русская рать движется густой стѣной. Она ворвалась, подобно вихрю, въ укрѣпленіе и мететъ...

Работаетъ штыкъ, молодецкій русскій штыкъ, презирающій вѣроломную пулю-дурю!..

Дѣло сдѣлано. Врагъ получилъ хорошій ударъ, который надолго останется у него въ памяти. Онъ познакомился, наконецъ, съ лихимъ русскимъ штыкомъ, да и русскій кулакъ и прикладъ не остались безучастны и произвели должное впечатлѣніе.

Конечно, были жертвы. Гдѣ дрова рубятъ, тамъ щепки летятъ. Но сознаніе честно исполненнаго долга безконечно радостнымъ чувствомъ наполнило до края всѣ сердца русскихъ солдатъ.

Дѣло подъ Симученомъ.

1-го іюля 1904 г.

Дѣло подъ Симученомъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Мѣстность по дорогѣ въ Сюянь представляетъ рядъ возвышенностей, имѣющихъ весьма важное значеніе. Слѣва отъ дороги длинная гора съ двумя вершинами. Это Кангуалинъ. Правѣе этихъ вершинъ — высокая гора, названная «сигнальной». Далѣе рядъ довольно высокихъ сопокъ. Овладѣніе японцами этой позиціей, въ особенности «Сигнальной» горой, угрожало-бы всему корпусу генерала Засулича и правому флангу южнаго фронта. Южные пригорки

уже были заняты противникомъ, и требовалось не только удержать японцевъ, но и сбить ихъ съ этихъ сопокъ. Выполненіе этой задачи генералъ Засуличъ поручилъ полковнику Поповичу-Липовацъ, который, въ свою очередь, просилъ себѣ въ помощь капитана генеральнаго штаба Пнѣвскаго.

Наступленіе пятью батальонами началось на зарѣ ранняго утра 18-го іюля.

Наступленіе нашихъ стрѣлковъ японцы встрѣтили адскимъ огнемъ съ батарей, поставленныхъ на возвышенностяхъ между деревнями (къ югу) Дапудзы и Джань-шань-чжань.

Японской артиллеріи отвѣчала наша батарея, расположившаяся впереди деревни Пхайлунтунь, позади которой находился общій резервъ наступающихъ цѣпей.

На сигнальной горѣ расположилась цѣпь нашей стрѣлковой роты. Одна изъ непріятельскихъ батарей направила на нее всю силу огня. Когда около 4 часовъ пополудни капитанъ Пнѣвскій взобрался на эту возвышенность для осмотра впереди лежащей мѣстности, то увидѣлъ, что рота осталась безъ офицеровъ, которые всѣ до одного оказались или убитыми, или ранеными. Стрѣльба, вслѣдствіе этого, производилась крайне слабо.

Это обстоятельство побудило храбраго капитана, ранѣе служившаго въ артиллеріи, поднять роту и скомандовать нѣсколько залповъ по непріятельской батареѣ. Огонь сдѣлалъ свое дѣло — перебилъ прислугу непріятельской батареи, которая замолкла.

Въ это время обнаружено было наступленіе трехъ колоннъ противника, направлявшихся «густымъ» строемъ на фланги и въ «лобъ».

Подоспѣвшая поддержка въ количествѣ еще трехъ батальоновъ дала возможность пойти въ

атаку, и эта атака составляетъ самый интересный моментъ боя.

Атаку повелъ подполковникъ Освѣцимскій, показывавшій примѣръ своей колоннѣ личной храбростью и державшійся все время впереди. Огонь со стороны противника былъ убійственный.

Когда атакующія цѣпи наши спустились за рядъ возвышенностей и стали карабкаться на гору, гдѣ въ окопахъ (бывшихъ ранѣе нашими) лежали японцы, послѣдніе встали и въ два яруса изготовились встрѣтить нашихъ храбрецовъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ—обычная тактика противника, но съ «Сигнальной» горы и возвышенностей, лежащихъ лѣвѣе, подполковники 124-го пѣхотнаго Воронежскаго полка Лордкипанидзе и Кореметовъ—направили залповой огонь на изготовившагося дать намъ отпоръ непріятеля, чѣмъ заставили его снова скрыться въ окопахъ.

Этимъ обстоятельствомъ воспользовался подполковникъ Освѣцимскій и бросился въ штыки съ крикомъ: «За мной, братцы! Ура»!

— Ура! Ура! Ура!—раскатами пронеслось надъ горами. Произошла настоящая штыковая схватка. Натискъ былъ настолько быстрый, что японцы, имѣющіе обыкновеніе стрѣлять изъ винтовокъ съ отомкнутыми штыками, не успѣли примкнуть штыковъ и отмахивались ружьями, какъ палками...

Въ этой схваткѣ офицеры рубились наравнѣ съ солдатами. Японцы пытались выбраться изъ окоповъ, но ихъ всюду догонялъ русскій штыкъ-молодецъ.

Японская артиллерія, повидимому, пыталась выручить своихъ и направила огонь на мѣсто схватки, причемъ била, не разбирая, своихъ и нашихъ...

Но энергичнымъ натискомъ японцы были опрокинуты, а горы взяты.

Этотъ характерный бой начался 18-го іюля въ 3½ часа утра. Горными массивами командовали подполковники Козловъ и Соломко, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи всего 1½ батальона. До 11 часовъ утра японцы въ значительно превосходныхъ количественно силахъ не были въ состояніи выбить наши цѣпи. Полтора батальона успѣшно отражали натискъ не менѣе бригады, а комендантъ, массива подполковникъ Соломко, доносилъ корпусному командиру: «Держусь на позиціи крѣпко, японцевъ накрошилъ груды» *).

Ночное дѣло съ 4-го на 5-е іюля.

(Восточный отрядъ).

8 іюля 1904 г.

Рекогносцировка въ ночь на 21-е іюня имѣла подготовительный характеръ къ ночному дѣлу, разыгравшемуся 4-го іюля съ болѣе значительными силами.

Еще солнце не упѣло выглянуть изъ-за горныхъ массивовъ, когда на нашихъ позиціяхъ, расположившихся противъ непріятеля за высотами по направленію къ Ланьшаньгуаню, зашевелились войска.

---

*) Этотъ бой еще разъ наглядно доказалъ умѣніе русскихъ беззавѣтно умирать и отсутствіе планомѣрности у нашихъ высшихъ командныхъ чиновъ. На это дѣло подъ Симученомъ потребовалось напряженіе силъ, потери, мучительная борьба для того, чтобы, блестяще выполнивъ задачу, блестяще отступить...

За нѣсколько минутъ спавшій бивакъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, пришелъ въ движеніе. Молча каждый дѣлалъ свое дѣло. Всѣ были готовы на геройскіе подвиги и съ нетерпѣніемъ ждали приказа.

Лѣвая колонна еще съ вечера потянулась къ непріятелю, на Сыбейлинскій перевалъ; средняя колонна назначалась для атаки перевала Сяокалинъ (фронтъ непріятельскаго расположенія), около трехъ кумиренъ.

Правой колоннѣ отдано приказаніе занять перекрестокъ дорогъ, что на долинѣ за Тхавуанскимъ переваломъ (Ланхе).

Чудная лѣтняя ночь. На фонѣ голубого неба привѣтливо мигаетъ своимъ яркимъ свѣтомъ Венера, а съ другой стороны ласково смотритъ наша «Полярная звѣзда»; кажется, она ободряетъ наши полки, посылая ихъ на геройскіе подвиги, на борьбу съ лихимъ врагомъ.

Луна освѣщаетъ путь. Ряды штыковъ, освѣщенные фантастическимъ свѣтомъ, двигаются впередъ.

Ночную тишину прорѣзалъ сухой трескъ. Просвистѣло нѣсколько одинокихъ непріятельскихъ пуль; онѣ шлепались о чуть-чуть влажную землю, или глухо ударялись о каменные массивы.

Эхо выстрѣловъ раскатами пронеслось по долинамъ и ущельямъ, и звуки замерли въ невѣдомой дали.

Три батальона 2-го восточно-сибирскаго полка не отвѣчали на выстрѣлы, а стремительно шли прямо на непріятельскую заставу. Они встрѣтили ее у перекрестка дорогъ на перевалы Лахолинъ и Сяокалинъ.

Фронтальные перевалы у кумиренъ и Сяокалина оказались освобожденными непріятелемъ, оставившимъ однѣ небольшія заставы.

Генералъ-маіоръ Н. А. Кашталинскій.

Съ разсвѣтомъ наша средняя колонна заняла эти перевалы, отбросивъ заставы противника.

Пять часовъ утра, 4-го іюля. Японцы сконцентрировались въ значительныхъ силахъ съ многочисленной артиллеріей на сопкахъ Уфангуалинскаго перевала, на сосѣднихъ горныхъ массивахъ, къ флангу колонны генерала Кашталинскаго.

Раннее утро огласилось грохотомъ орудій, залпами пѣхоты и трескотней «пачекъ».

Наши колонны двигались, но полевая артиллерія, по условіямъ мѣстности, не могла оказать стремящимся въ атаку батальонамъ должной поддержки.

А жерла непріятельскихъ батарей со стономъ изрыгали снаряды.

Огонь развивался. Противникъ выпускалъ огромное количество снарядовъ, но батальоны безстрашно двигались впередъ.

Восемь часовъ утра. Солнце уже пекло во-всю. Зной становился нетерпимымъ.

Начальникъ отряда, графъ Келлеръ, внимательно слѣдилъ за ходомъ боя у Тхавуанской башни. Озабоченный, угрюмый спустился онъ внизъ и появился въ передовой линіи. Войска, воодушевленныя храбростью своего начальника, еще стремительнѣе неслись впередъ, ураганомъ летѣли къ кумирнямъ, гдѣ засѣли враги, спрятавшись за брустверами.

Колонна изъ 9-го и 24-го полковъ выказала поразительную стойкость.

Выяснивъ точное количество и расположеніе силъ противника, графъ Келлеръ приказалъ отойти къ своимъ позиціямъ.

Неохотно, отстрѣливаясь, наши батальоны отходили назадъ, подъ прикрытіемъ вызванной на позицію полевой батареи.

Около 12 часовъ дня японцы перешли въ на-

ступленіе, направивъ сильную колонну во флангъ янзелинской позиціи.

У деревни Чудяпуцза, верстахъ въ 4-хъ отъ Хасуана, снялась непріятельская горная батарея и открыла огонь, дала нѣсколько выстрѣловъ и замолкла... Тридцать четыре снаряда 2-й батареи 3-й бригады «замазали» глотки непріятельскимъ скорострѣлкамъ, такъ мнѣ разсказывалъ одинъ изъ участниковъ этого дѣла.

Непріятель въ нерѣшительности остановился на долинѣ рѣки Ланхе. Онъ дальше не пошелъ. Поразили-ли его стойкость и безстрашіе нашего войска, или онъ имѣлъ особыя причины—сказать трудно.

Въ данномъ случаѣ приходится считаться съ фактомъ. Ночное дѣло 4 іюля нельзя считать удачнымъ, хотя наши «сѣрые» герои выказали и достаточно мужества и стойкости, тѣмъ не менѣе неудача слишкомъ била въ лицо и потерями и безпорядочностью наступленія, отсутствіемъ связи и согласованія между наступавшими колоннами. Не могу не отмѣтить мужества и спокойствія командировъ полковъ 24-го—Лечицкаго и Елецкаго—Порай-Кошица. Послѣдній, будучи раненъ въ ногу, до конца оставался въ бою.

На южномъ фронтѣ *).

Перехожу къ славному дѣлу въ южномъ отрядѣ съ 10-го по 12-е іюля.

Собственно о южномъ отрядѣ слѣдуетъ замѣтить, что съ того момента, какъ японцы стали сосредоточиваться у Дашицао, произошелъ цѣлый рядъ славныхъ подвиговъ, доказавшихъ противнику силу русскаго оружія. Врагъ понялъ, что

*) Результатомъ этого поистинѣ блестящаго дѣла было отступленіе, возмущавшее многихъ.

всѣ его успѣхи сводятся къ нулю. Такъ, по крайней мѣрѣ, тогда казалось автору этой книги.

Къ 10-му іюлю непріятель сконцентрировалъ у Дашицао на занятыхъ имъ позиціяхъ значительныя силы, при 112 орудіяхъ.

Наши войска расположились южнѣе станціи Дашицао верстъ на 8, на позиціяхъ Нангдалина въ количествѣ шести батальоновъ съ одной пѣшей и двумя конными батареями подъ командой генерала Шилейко. Далѣе, высоты у Цяньчжайцзы заняли восемь батальоновъ и одна пѣшая батарея подъ начальствомъ генерала Огановскаго.

Въ деревнѣ у Цяньчжайцзы находился резервъ изъ трехъ батальоновъ и двухъ ротъ при одной батареѣ.

Это въ передовой линіи.

Въ общемъ резервѣ, на второй линіи отъ Тяньцзятунь-Юнаньтунь-Санцзяцзы, расположились всѣ остальныя войска.

10-го и 11-го іюля шла непрерывная канонада, начинавшаяся съ 5 часовъ утра и смолкавшая съ наступленіемъ темноты. Одновременно съ этимъ генералъ Мищенко произвелъ усиленную рекогносцировку около Танчи, но тамъ непріятеля не обнаружилъ.

11-го іюля около полудня группировка противника съ ясностью обозначилась противъ расположенія позиціи генерала Огановскаго, куда и была направлена вся сила непріятельскаго огня.

Одновременно съ этимъ два батальона японской пѣхоты заняли сопки Дафаньшена, но, осыпанные снарядами нашей артиллеріи, въ безпорядкѣ бѣжали. Дѣйствовала 4-я батарея 1-й сибирской бригады. Мѣткость огня была поразительная: снаряды разрывались въ самой гущѣ непріятельскихъ колоннъ.

Къ полудню вмѣстѣ съ зноемъ усилился огонь четырехъ батарей противника, т. е. 24 орудія

извергали тучи снарядовъ по направленію позиціи, занимаемой генераломъ Огановскимъ, но одна пѣшая и одна конная батареи изъ отряда генерала Шилейко направили перекидной огонь по японскимъ пушкамъ и быстро заставили ихъ умолкнуть.

Два часа дня.

Непріятель силился засыпать свинцомъ и осколками всю площадь, занятую нашими орлами.

Съ удивительной ловкостью и проворствомъ, не поддающимся описанію, скрываясь по поросшей гаоляномъ долинѣ, вся артиллерія генерала Шилейко перемѣнила фронтъ и открыла мѣткій, убійственный огонь по дафаньшеньскимъ высотамъ.

Начальникъ отряда, видя успѣшность огня, пытался перейти въ наступленіе, но наткнулся на сильные резервы у Меньдзятунь-Ваньчакоу и отошелъ назадъ къ нашей позиціи, не желая нести потери...

Японцы въ это время выдвинули на высоты у Ваньчакоу еще три батареи.

Наступило 4 часа, а канонада все усиливалась.

Это обыкновеніе нашего врага, когда онъ собирается въ атаку.

Противъ лѣваго фланга войскъ, дѣйствовавшихъ подъ командой ген. Огановскаго, а именно противъ самаго центра позиціи, гдѣ расположился Барнаульскій полкъ, сгруппировалось не менѣе шести батальоновъ непріятельской пѣхоты въ боевой линіи. Съ конусообразныхъ сопокъ спустились маленькіе люди и смѣло шли впередъ. Пальба приняла характеръ громовыхъ раскатовъ, злобно гудящихъ, несущихъ смерть.

Солнце изъ свѣтлаго, лучезарнаго вдругъ стало багрово-краснымъ. Послѣдніе лучи догорали, когда японскія войска набросились на Барнаульскій полкъ, покрывшій себя неувядаемой славой.

— Ia-а-Іа-аа!—протяжно пищали съ одной стороны.

— Ура!—громовыми раскатами раздавалось съ другой.

Барнаульскій полкъ, подкрѣпленный тремя батальонами Томскаго полка, буквально «смелъ» японцевъ.

Барнаульцы отняли у враговъ ружья и снаряженіе. Японцы пять разъ бросались въ атаку свѣжими силами, и каждый разъ ихъ сметали.

Кстати, барнаульцами командовалъ полковникъ Добротинъ, ни на одну минуту не покидавшій линіи огня.

Орелъ командиръ, лихіе орлы его солдаты!

Около 9 часовъ вечера пальба стала стихать, но ружейный огонь длился до «глубокой ночи»; то была уже, такъ сказать, бесѣда враждующихъ сторонъ, затянувшаяся за полночь...

По окончаніи боя выяснилось, что противъ нашихъ 18 батальоновъ лѣваго фланга дѣйствовало не менѣе двухъ дивизій (24 батальона), у насъ дѣйствовало 42 орудія, у японцевъ 112 орудій, и наши совершенно уничтожили двѣ японскія батареи.

Наши войска удивительно стойко выдержали 36-часовой бой. Потери въ одну тысячу выбывшихъ изъ строя мы считаемъ ничтожными, если принять во вниманіе, что непріятельскій огонь изъ 112 орудій несмолкаемо грохоталъ съ 5 час. утра до 9 и даже 10 час. вечера.

Потери японцевъ, по опредѣленію генерала Зарубаева, весьма значительны.

— У, шибико многа ипенъ, шибико много ломайла,—говорили китайцы, качая головами...

Нами было выпущено не менѣе 30 тыс. снарядовъ, а японцами было выпущено около 70 тыс. снарядовъ, которыми были сбиты цѣлыя вершины сопокъ.

Въ отрядѣ генерала Засулича.

18 іюля 1904 г.

17-го и 18-го іюля были тяжелыми днями испытаній для отряда генерала Засулича, расположеннаго на лѣвомъ флангѣ южнаго фронта, по дорогѣ изъ Хайчена въ Симученъ, у такъ называемыхъ нангуалинскихъ высотъ.

Раннимъ утромъ противникъ, по обыкновенію налегкѣ, спустился съ занятыхъ имъ высотъ къ югу отъ Цусинтуня въ долину.

Сторожевые посты, стальнымъ кольцомъ окружившіе главныя силы, замѣтили движеніе непріятеля. Предупрежденныя заставы придвинулись къ цѣпи сторожевого охраненія, и едва врагъ показался на ружейный выстрѣлъ, онъ былъ встрѣченъ дружными залпами нашихъ войскъ.

Но врагъ упоренъ. Онъ идетъ впередъ, не обращая вниманія на залпы.

Наши подпустили японцевъ почти на 150 шаговъ и послѣ нѣсколькихъ дружныхъ залповъ съ громкимъ крикомъ «ура», раскаты котораго разнеслись по долинѣ и сопкамъ, кинулись въ штыки.

Не любитъ японецъ русскаго штыка. Передніе ряды дрогнули и побѣжали.

Любимая тактика японцевъ, «обходъ и ударъ во флангъ», также не имѣла успѣха. Бригада стрѣлковъ отбросила обходную колонну съ значительнымъ урономъ. Наши потери за этотъ тяжелый, знойный день ничтожны сравнительно съ потерями непріятеля. Ранены поручикъ 5-го Ир-

кутскаго полка Соколовъ, контуженъ капитанъ Поповъ, нижнихъ чиновъ ранено тридцать, контужено четыре.

Бой кончился около семи часовъ.

Постепенно смолкли выстрѣлы. Войска вернулись на свои позиціи. Зной спалъ, но нагрѣтый жгучимъ солнцемъ воздухъ какъ-то особенно парилъ. Было нестерпимо душно. Но вотъ горизонтъ окрасился въ багрово-красный цвѣтъ, послѣдніе лучи скользнули по окровавленной землѣ, и густая тьма окутала горные массивы съ ихъ конусообразными сопками и сползла въ долину.

18-го іюля на разсвѣтѣ упорный врагъ кидаетъ свои густыя колонны подъ прикрытіемъ массового безпрерывнаго огня на позиціи между Татунгоу и Лаоханцзы.

На высотахъ расположились части 123-го Козловскаго полка подъ командой батальоннаго командира подполковника Соломко, крайній лѣвый флангъ занялъ 124-й Воронежскій полкъ.

Вся сила огня противника была сосредоточена на позиціи, занятой подполковникомъ Соломко. Непріятельскіе снаряды ложились впереди окоповъ, сзади и въ самыхъ окопахъ, но полкъ стойко держался, не взирая на значительный уронъ, наносимый мѣткимъ огнемъ хорошо пристрѣлявшагося противника.

Около 10 часовъ прибыло подкрѣпленіе изъ общаго резерва. Наша артиллерія дѣйствовала съ чрезвычайнымъ успѣхомъ. Русскія батареи не только заставили молчать непріятельскія, но ранѣе, т.-е. до начала боя, сгрупированныя орудія поставлены были въ необходимость молчать,— имъ не давали возможности сняться, чтобы перемѣнить сильно обстрѣливаемую позицію.

Потерь въ нашей артиллеріи не было, и батареи могли продолжать борьбу спокойно. Немного спустя, послѣ 10 ч. утра, генералъ Засуличъ по-

лучилъ записку отъ подполковника Соломко, извѣщавшую его объ успѣшномъ противодѣйствіи обходу непріятельскихъ колоннъ. «Груды японцевъ легли на полѣ битвы, хотя и мы понесли чувствительныя потери».

Около полудня генералъ Засуличъ обратилъ вниманіе на три вершины горныхъ массивовъ, очищенныхъ нашими стрѣлками. Между тѣмъ, противъ отряда подполковника Соломко сгруппировались весьма значительныя силы противника. Являлось предположеніе о необходимости уступить передъ напоромъ превосходнаго противника, но отрядъ Соломко оказался словно скованнымъ изъ стали. Онъ не уступалъ пяди занятой имъ земли.

Для поддержки генералъ Засуличъ выслалъ на эту позицію шесть батальоновъ подъ общимъ командованіемъ всей обороной полковника Поповича-Липовацъ.

Тѣмъ временемъ на правомъ флангѣ у дер. Дапудза перестрѣлка не прекращалась. Оба противника старались поражать другъ друга, осыпая свинцовымъ дождемъ, но артиллерія наша выручала. Она поражала непріятеля безъ отдыха, не давая ему сняться съ позиціи.

Такъ бой тянулся до 4 часовъ, когда зной доходитъ до невѣроятной силы.

Въ 4 часа Воронежскій полкъ замѣтилъ, что японцы обошли его. Одна и та же пѣсня во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ мы имѣли видимый успѣхъ. Пришлось отодвинуться, чтобы избѣжать удара во флангъ, но изъ резерва подоспѣло подкрѣпленіе съ приказаніемъ вновь занять покинутыя позиціи на высотахъ у Дапудзы.

Положеніе-же лѣваго фланга нѣсколько ухудшилось. Генералъ Мищенко, тѣснимый непріятелемъ въ громадномъ количественномъ превосходствѣ, оказался вынужденнымъ отступить отъ

Сіоньченцзы. Этимъ не преминули воспользоваться японцы и заняли высокіе горные массивы, командующіе надъ нашимъ боевымъ расположеніемъ.

Генералъ Засуличъ отдалъ приказаніе полковнику Липовацъ, выждавъ уменьшеніе жары, часовъ около шести, перейти въ наступленіе, распорядившись, чтобы батальоны сняли ранцы и мѣшки.

Бой снова разгорѣлся. Японцы успѣли выдвинуть еще батарею, которая заняла на высотахъ удобную позицію, давшую ей возможность обстрѣливать нашу батарею и линіи боевого расположенія Воронежскаго полка продольно.

Вслѣдствіе этого пострадалъ Воронежскій полкъ, отчасти и Козловскій, а 4 орудія нашей батареи исковеркало огнемъ непріятеля до полной негодности.

Не взирая на это, полковникъ Липовацъ рѣшилъ перейти въ наступленіе.

Цѣпи разсыпались и перебѣжками начали надвигаться по направленію къ противнику. Всѣ другія батареи открыли убійственный огонь по вершинамъ, занятымъ японцами. Пальба была такой силы, что у нѣкоторыхъ не выдерживали барабанныя перепонки, а батальоны подъ командой полковника Липовацъ стремительно двигались впередъ, ложась, вставая, перебѣгая отъ одного прикрытія къ другому, опять ложась и вновь вставая...

Вотъ уже близокъ массивъ, извѣстный подъ названіемъ Ляоханцзы. Могучей волной кинулись на него наши цѣпи, гулкимъ эхомъ разнеслось по горамъ русское «ура»... Японцы не выдержали натиска русскаго штыка и бросились бѣжать, оставивъ на позиціи ружья и патроны. Оставшіеся были переколоты.

Японцы понесли въ этотъ день тяжкія потери.

Генералъ-маіоръ П. И. Мищенко.

Полковникъ Поповичъ-Липовацъ получилъ приказаніе остановиться. Было 7 часовъ вечера. Люди истомились отъ нестерпимаго зноя и крайняго напряженія. Занявъ непріятельскія позиціи, расположились на отдыхъ.

Наши потери: раненыхъ и убитыхъ офицеровъ—35, нижнихъ чиновъ—1,500.

Въ отрядѣ генерала Мищенко два батальона японцевъ атаковали наше сторожевое расположеніе. Противникъ въ значительномъ превосходствѣ повелъ наступленіе на фронтъ нашей позиціи у Цаомяцзы.

Завязался весьма упорный бой. Наши конныя батареи разстрѣляли всѣ снаряды, и въ исходѣ второго часа, подъ угрозой обхода съ праваго фланга, а главное, опасаясь потерять единственный путь отступленія въ узкомъ горномъ дефиле (проходѣ), генералъ отвелъ свой отрядъ на другую позицію, ближе къ Хайчену.

17-го и 18-го іюля были днями общаго наступленія японцевъ на всѣ фронты. Это была титаническая борьба почти двухъ армій. Значительное превосходство противника давало ему возможность прибѣгать къ всевозможнымъ уловкамъ и обходамъ.

На фронтѣ Лао-Янъ-Сихеянъ наши войска, занимая позицію между Гудзяцзы и Лангоулиномъ, были атакованы 18-го іюля густыми колоннами японской пѣхоты.

Не взирая на внезапное нападеніе, бой длился въ теченіе 16 часовъ.

Лѣвому флангу удалось отбросить противника, сохранивъ всѣ позиціи, но правый флангъ, занимавшій Пьямынь, вынужденъ былъ отойти подъ натискомъ огромныхъ массъ противника, чѣмъ, конечно, испортилъ все дѣло.

Вся тяжесть боя легла на первую и 27-ю бата-

реи 31-й артиллерійской бригады и Тамбовскій полкъ, проявившій легендарную доблесть.

Нападеніе было произведено противникомъ на разсвѣтѣ; на позиціи едва вставали. Японцы открыли убійственный оружейный огонь по нашему биваку, въ то время, когда люди еще находились въ палаткахъ. Очевидно, сторожевое расположеніе было неудовлетворительно, за что мы и понесли тяжелыя потери... *).

Дѣло подполковника Мадритова и генерала Любавина.

(Прелюдіи къ Ляоянскимъ боямъ).

1-го августа 1904 г.

На восточномъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ развѣдчиковъ, выяснилось, что въ Дзянь-Чанѣ, узлѣ путей изъ Саймацзы и Куандяньсяня въ Ляоянъ, по долинѣ рѣки Тайдзыхе, находится отрядъ японцевъ силою до 2,000 штыковъ.

Это извѣстіе требовало провѣрки, для чего начальники конныхъ отрядовъ, генералъ-маіоръ Любавинъ и подполковникъ Мадритовъ, занимавшіе Сяосыръ и Тайпинлинъ, рѣшили произвести совмѣстное нападеніе на Дзянь-Чанъ и, при удачѣ, сдѣлать поискъ на дорогѣ къ городу Саймацзы, занятому японцами.

Въ 3 часа утра 24-го іюля генералъ Любавинъ поднялъ съ бивуака свой отрядъ и двинулся по долинѣ рѣки Тайдзыхе.

*) Къ сожалѣнію, нерѣдко приходилось отмѣчать неудовлетворительность полевой службы нашихъ войскъ въ близости противника...

Долина Тайдзи представляетъ собою великолѣпную ровную площадь, покрытую зелеными нивами.

Гаолянъ, поднявшійся выше человѣческаго роста, чередуется съ чумизой, чумиза съ пшеницей, послѣдняя съ картофелемъ, а картофель съ бобами или макомъ, пестрѣющимъ своимъ красивымъ цвѣтеніемъ.

И вотъ, между этими симметрически правильными квадратиками китайской земледѣльческой культуры, по изрытой транспортами дорогѣ, шелъ отрядъ генерала Любавина, вытянувшійся вдоль извилистой рѣчки.

Густой туманъ окутывалъ горы и стлался по долинѣ. Требовалась особая осторожность, въ виду тумана и возможности засады въ густомъ и высокомъ гаолянѣ.

Шли шагъ за шагомъ, зорко вглядываясь въ гущу высокаго китайскаго злака, скорѣе напоминающаго молодой камышъ, чѣмъ хлѣбное растеніе.

Впередъ выдвинули авангардъ изъ трехъ сотенъ. Послѣдній окружилъ себя густой цѣпью патрулей и разъѣздовъ, и такимъ образомъ двигались къ намѣченной цѣли.

— Должно сяводни дождь будетъ!—слышались предположенія изъ среды конныхъ рядовъ.

— Може буде, а може и не буде,—отвѣтилъ корявый солдатъ, съ кургузымъ носомъ и маленькими глазенками, бѣгавшими, какъ у мышенка.

Это хохолъ Хоменко, широколицый, съ узкимъ лбомъ, съ густой бородой и огромными ручищами. Къ японцамъ онъ относится полупрезрительно, полуласкательно.

— Оны, мабуть, хлопци,—говорилъ онъ про враговъ.—Я на ныхъ; «геть, бисовы!», а оны въ разсыпную...

Не молодой, но азартный солдатъ, драчунъ,

какихъ мало. Случалось, онъ до того увлекался, что нѣсколько разъ находился на волоскѣ отъ плѣна. Зато въ качествѣ патрульнаго онъ оказывалъ необыкновенно солидное вниманіе: малѣйшій шорохъ въ травѣ возбуждалъ въ немъ подозрѣніе, и онъ зорко всматривался въ гущу гаоляна.

Верстахъ въ 8-ми отъ Дзянь-Чана онъ первый замѣтилъ японскіе заставы и разъѣзды и поспѣшилъ сообщить своему «старшему». Ему-же было поручено съ двумя другими придвинуться ближе къ непріятельской сторожевой цѣпи и высмотрѣть расположеніе силъ противника.

Оказалось, что японцы заняли весьма сильную позицію.

Едва наши разъѣзды стали приближаться, японцы открыли сильный ружейный огонь «пачками».

Трудные подступы къ позиціи и густой туманъ, мѣшавшій оріентироваться, заставилъ казаковъ пріостановиться. Имъ отдали приказаніе занять вершину и склоны возвышенностей шагахъ въ 600 отъ боевой линіи противника, что и было блестяще исполнено.

Послѣ семи часовъ туманъ сталъ исчезать. Изъ главныхъ силъ выдвинули сотню и направили для обхода лѣваго фланга непріятельской позиціи.

Между тѣмъ, въ разстояніи не болѣе версты отъ нашего лѣваго фланга, замѣтили колонны противника силою до 6 ротъ. Они, видимо, стремились подкрасться къ нашимъ, пользуясь туманомъ и высокимъ гаоляномъ.

Немедленно вызвали изъ резерва три конныхъ орудія; они быстро снялись съ передковъ — и грянулъ залпъ, другой, третій. Въ бинокль видно было смятеніе въ непріятельской колоннѣ. Она пріостановила свое стремленіе въ обходъ, но слѣ-

дующіе залпы окончательно разсѣяли японцевъ, заставивъ отступить.

Однако, дальнѣйшее наступленіе генералъ Любавинъ остановилъ въ ожиданіи прибытія отряда подполковника Мадритова съ сѣвера.

Въ 9 часовъ утра туманъ исчезъ. Земля, освободившаяся изъ-подъ своего бѣлесоватаго покрывала, начала нагрѣваться. Въ воздухѣ сразу стало знойно, душно.

Генералъ Любавинъ прождалъ еще нѣкоторое время Мадритова съ его отрядомъ, но далѣе держаться счелъ неудобнымъ, считая себя не въ силахъ произвести самостоятельное нападеніе на Дзянъ-Чанъ, занятый, какъ выяснилось, отрядомъ японцевъ, силою въ 2,000 штыковъ. Генералъ Любавинъ отодвинулся назадъ верстъ на десять, по направленію къ Сяосыру.

Потери наши оказались ничтожными, — двое убитыхъ и двѣнадцать раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Отрядъ лихого подполковника Мадритова, съ доблестью котораго уже знакомы наши читатели, въ тотъ-же день, 24-го іюля, въ 2½ часа утра, двинулся съ перевала, расположеннаго въ восемнадцати верстахъ отъ Дзянь-Чана, къ переваламъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «Тайпинлинскихъ». По полученнымъ отъ развѣдчиковъ свѣдѣніямъ, три перевала, которые предстояло преодолѣть нашему отряду, оказались въ рукахъ японцевъ.

Ихъ было не менѣе 1,000 человѣкъ при шести горныхъ орудіяхъ.

Густой туманъ требовалъ большой осторожности, и такой бывалый вояка, какъ подполковникъ Мадритовъ, конечно, не могъ этого не понимать. Пѣхота двигалась горами, а для установленія связи съ генераломъ Любавинымъ начальникъ отряда выслалъ сотню казаковъ.

Наступилъ девятый часъ утра, когда авангардъ подъ командой подполковника Хрулева, достигшій позицій противника на первомъ перевалѣ, верстахъ въ 10 отъ Дзянь-Чана, былъ встрѣченъ убійственнымъ ружейнымъ огнемъ.

Но авангардъ энергично напиралъ на непріятеля и вскорѣ выбилъ его изъ первой, а потомъ и изъ второй позиціи. Третій перевалъ, самый значительный, оказался хорошо приготовленнымъ къ оборонѣ окопами и засѣками.

Но подполковникъ Мадритовъ послалъ части отряда въ обходъ японскихъ позицій съ обоихъ фланговъ, а авангардъ Хрулева упорно двигался подъ прикрытіемъ нашей артиллеріи.

Результатъ обхода получился блестящій: японцы бѣжали въ полномъ безпорядкѣ, понеся значительныя потери, побросавъ на позиціи оружіе, патроны, шанцевый инструментъ, нѣкоторые документы, верхнее платье и множество мясныхъ консервовъ.

Энергичное наступленіе велось на протяженіи 8 верстъ съ 7 час. утра до 2 час. дня.

Оренбургская казачья сотня, высланная для преслѣдованія удирающаго противника, въ трехъ верстахъ отъ Дзянь-Чана, наткнулась на окопы японскихъ стрѣлковъ и цѣпи, расположившіяся на окружающихъ небольшую долину сопкахъ.

Сильнымъ ружейнымъ огнемъ японцы заставили сотню вернуться назадъ. Подполковникъ Мадритовъ не удовольствовался занятіемъ переваловъ. Онъ произвелъ блестящую развѣдку, которая обнаружила, что японцы заняли укрѣпленную позицію у Дзянь-Чана силою до 2,000 человѣкъ. Атаковать эту позицію подполковникъ Мадритовъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ не былъ въ состояніи. Свѣдѣній о мѣстѣ нахожденія отряда генерала Любавина не получалось, установить съ его отрядомъ связь не представ-

лялось возможнымъ, вслѣдствіе густого тумана. Давъ отряду отдыхъ, Мадритовъ заночевалъ съ нимъ на полѣ сраженія, а на слѣдующее утро снялся съ бивака и двинулся къ Даниндушаню, находящемуся въ 25 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Дзянь-Чана. Потери въ этомъ отрядѣ были ничтожны: убитъ одинъ нижній чинъ, ранено 6, легко раненъ подпоручикъ Крузе.

Начальникъ отряда въ своемъ донесеніи отмѣчаетъ блестящія дѣйствія начальника авангарда подполковника Хрулева, штабсъ-капитана Глинскаго, командовавшаго орудіями, которыя съ поразительной мѣткостью били японцевъ, капитана 1-го срѣтенскаго полка Голикова и хорунжаго 10-го оренбургскаго казачьяго полка Кудрина, доставившаго лихой развѣдкой цѣнныя свѣдѣнія о непріятелѣ.

Драконъ просыпается.

7 іюля 1904 г.

Въ то время, когда на восточномъ и южномъ фронтахъ театра военныхъ дѣйствій происходили событія, на западномъ фронтѣ, на рѣкѣ Ляохе все, повидимому, обстояло благополучно.

Вдали отъ грохота орудій, на берегу вѣчно мутной рѣки, несущей свои желтыя воды въ бурный океанъ, раскинулись ровные ряды бѣлыхъ шатровъ.

Утромъ и вечеромъ воздухъ оглашался стройными звуками молитвы, иногда игралъ оркестръ воинственный маршъ, по временамъ раздавались выстрѣлы.

Повидимому, жизнь отряда русскихъ богатырей протекала среди мирныхъ занятій, но въ дѣйствительности это было спокойствіе огнедышащаго вулкана передъ изверженіемъ.

Ляохейскій отрядъ, или вѣрнѣе штабъ его, производилъ дѣятельную развѣдку. Многомилліонный драконъ просыпался и обнаруживалъ непонятную, небывалую жизнеспособность. Туловище этого долго дремавшаго звѣря вытягивалось, и голова его уже шевелилась въ таинственной Монголіи.

Генералъ Ма, еще такъ недавно руководившій возстаніемъ боксеровъ, зоркимъ и жаднымъ окомъ высматривалъ изъ Монголіи, ревниво слѣдя за движеніями русскихъ.

Въ его распоряженіи находился 20-тысячный корпусъ, какъ говорятъ, обученный по европейскому образцу. Этотъ китайскій мандаринъ хвасталъ, что при первой неудачѣ «бѣлыхъ чертей» онъ бросится на помощь своимъ желтолицымъ собратьямъ...

А ляохейскій отрядъ предавался мирнымъ занятіямъ, не рискуя выслать впередъ маленькую заставу или кавалерійскій разъѣздъ: надменный вице-король Юаншикай угрожалъ 80-тысячной арміей, также по европейски обученной.

Оставалось одно: тайная развѣдка при помощи китайцевъ.

Желтолицый китаецъ продастъ родного отца за мзду. Зато и владѣютъ они «искусствомъ шпіонства» въ совершенствѣ, и безпокойная, лихорадочная жизнь Монголіи и застѣннаго Китая стала отражаться, какъ на поверхности блестяще отполированнаго зеркала.

Еще въ срединѣ іюня мы знали о сосредоточіи корпуса генерала Ма въ 20 тысячъ пѣхоты съ тремя тысячами конницы у монгольской границы, между Чааномъ и Наньчиченомъ.

Почти въ это же время закончилось формированіе арміи вице-короля Юаншикая (изъ четырехъ дивизій три закончили свою реорганизацію по японскому образцу, а четвертая формировалась).

Общая численность войскъ Юаншикая достигаетъ 80 тысячъ, изъ коихъ конницы насчитывается до 6 тысячъ всадниковъ.

Вся армія расквартирована въ застѣнномъ Китаѣ, вблизи границъ Манджуріи, на желѣзнодорожномъ пути.

Главари этихъ азіатскихъ рыцарей индустріи, Тулисанъ и Фуленгоо, также не дремали, подогрѣваемые энергичными японскими эмиссарами, обнаружившими лихорадочную дѣятельность съ момента объявленія войны въ мѣстностяхъ отъ Шанхай-Гуаня до Цзинь-Чжоу-Фу.

Ежедневно юркіе японцы, переряженные китайцами съ привязными косами, причаливали на катерахъ къ различнымъ прибрежнымъ пунктамъ и, сойдя на берегъ, тотчасъ направлялись къ представителямъ мѣстной китайской администраціи: тифуньгуанямъ и фудутунамъ, о чемъ-то совѣщались съ ними въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, послѣ чего направлялись на сѣверъ, въ Монголію, гдѣ и исчезали безслѣдно.

Порою ихъ высаживалось по нѣскольку тысячъ человѣкъ сразу; эти люди были вооружены рабочими инструментами, кирками, ломами и лопатами. Неизмѣнно направляясь въ Монголію, они исчезали въ таинственныхъ пустыняхъ.

Часть вскорѣ обозначилась рядомъ нападеній на нашу желѣзную дорогу, и эти набѣги не имѣли успѣха, исключительно благодаря тщательной охранѣ желѣзнодорожныхъ путей чинами пограничной стражи Заамурскаго округа.

Лихорадочная дѣятельность другихъ эмиссаровъ обозначилась только въ послѣднее время: японцы вошли въ тѣсное соприкосновеніе съ манджурскими хунхузами, очевидно, разсчитывая этимъ путемъ пополнить недостатокъ въ конницѣ.

Сборный пунктъ для шаекъ былъ великолѣп-

но обдуманъ: предгорія великихъ горныхъ хребтовъ Монголіи, на границѣ, гдѣ и безъ того не особенно острый глазъ китайскаго чиновника становится окончательно близорукимъ благодаря задариваніямъ.

Здѣсь собралась вся китайская голытьба, всю жизнь занимавшаяся хунхузскимъ ремесломъ. Имъ предложили вполнѣ выгодныя условія: хунхузу, явившемуся на собственномъ конѣ, опредѣлялся окладъ жалованья въ 50—60 рублей въ мѣсяцъ. Пѣшему хунхузу назначалось отъ 20 до 25 рублей, при единовременномъ пособіи семьѣ, какъ коннаго, такъ и пѣшаго, въ размѣрѣ 100 рублей.

Мнѣ китайцы въ Давани разсказывали, что японцы щедро платили имъ за услуги; кромѣ того, японцы оказались хорошими организаторами и еще лучшими агитаторами, не брезгавшими никакими средствами. Напримѣръ, чтобы обезпечить быструю вербовку и до нѣкоторой степени боевую годность завербованныхъ, они примѣнили способъ, не лишенный оригинальности и, если хотите, остроумія. Каждому хунхузу предоставлялось явиться съ своими людьми; такимъ образомъ, пришедшій съ 20—30 разбойникам, назначался унтеръ-офицеромъ, съ 50— получалъ званіе вахмистра, а навербовавшій въ свою шайку 100 человѣкъ жаловался офицерскимъ чиномъ. Мало того, послѣ спеціальнаго обученія навербованныхъ собственными инструкторами-офицерами, японцы, въ видѣ особой милости, опредѣляли на каждый эскадронъ (конный иннъ) по 10 нижнихъ чиновъ японцевъ. Такъ дѣлалось въ городѣ Байтучаймынь.

Главнымъ помощникомъ японцевъ въ этомъ дѣлѣ явился извѣстный въ Манджуріи хунхузскій атаманъ Зинь-шу-шанъ, ранѣе оперировавшій со своей шайкой въ мѣстности, прилегаю-

щей къ средней части Синмитинской желѣзной дороги. Этотъ рыцарь безъ страха и упрека, наживъ грабежомъ достаточныя суммы, уже находился въ покоѣ въ собственной импани, въ Гуанинсянѣ.

Фактическое командованіе всѣми хунхузскими шайками, впрочемъ, предположено вручить Тулисану, молодому, энергичному разбойнику.

Къ срединѣ іюля уже было закончено формированіе 13 инновъ (эскадроновъ), считая по 250 конныхъ въ каждомъ, стало быть всего до трехъ тысячъ всадниковъ.

Къ этому времени присоединился къ нимъ Тулисанъ съ своимъ излюбленнымъ помощни-Фуленгоо.

Первый явился съ 300 всадниковъ, второй—съ 500.

Въ первыхъ числахъ іюля (1904 года) вся эта масса двинулась изъ окрестностей Гуанинсяня къ сѣверу вдоль монгольской границы. Впереди шествовалъ авангардъ изъ 300 конныхъ, за ними слѣдовалъ обозъ: арбы съ серебромъ и нѣсколько арбъ съ взрывчатыми предметами.

Объ опасности, представляемой шайками Тулисана и Фуленгоо, именующихъ себя «владѣтельными князьями», капитанъ генеральнаго штаба Троцкій, дѣйствительный знатокъ по хунхузскимъ вопросамъ, говоритъ въ своемъ докладѣ, отпечатанномъ еще въ декабрѣ 1903 года, слѣдующія знаменательныя слова, нынѣ оправдывающіяся на дѣлѣ:

«Если Тулисанъ въ мирное время не угрожалъ желѣзнодорожной линіи съ ея сооруженіями изъ боязни передъ заамурцами, то во всякомъ случаѣ дѣятельность его въ раіонѣ, прилегающемъ къ портъ-артурской вѣткѣ, приносила огромный экономическій вредъ систематическимъ разгромомъ мирныхъ китайцевъ. Въ военное же

время, при возможныхъ осложненіяхъ въ непродолжительномъ будущемъ на Дальнемъ Востокѣ, естественно можно предположить, что китайцы станутъ на сторону враговъ, завидующихъ быстрому росту могущества Россіи въ Манджуріи. Тулисанъ, обладая энергичнымъ характеромъ, вліяя на воображеніе населенія громкимъ именемъ отважнаго предводителя, имѣя въ своемъ распоряженіи нѣсколько сотъ головорѣзовъ, легко можетъ собрать вокругъ своего кадра значительный отрядъ и обрушиться на желѣзную дорогу, являющуюся пока единственнымъ удобнымъ коммуникаціоннымъ путемъ, связывающимъ Квантунъ съ Имперіей!»..

Китайскіе развѣдчики прямо говорили, что Тулисанъ относится къ Россіи чрезвычайно враждебно и ждетъ удобнаго момента, чтобы посчитаться съ ней *).

О Ляоянскихъ бояхъ.

5 сентября 1904 г.

Дни Ляоянскихъ сраженій слѣдуетъ считать истинно геройскими днями, которые составятъ страницу въ исторіи русскаго войска.

Огромное пространство, болѣе чѣмъ на двѣсти верстъ, въ теченіе десяти дней было охвачено лихорадочнымъ «боевымъ» огнемъ.

Грохотъ орудій, трескъ ружейныхъ пуль, адское завываніе летящихъ въ воздухѣ снарядовъ смѣшивались съ дикими воплями «банзай», «іа-іа-іааа!» и могучими раскатами русскаго «ура».

Сраженія подъ Ляояномъ во многомъ напоми-

*) О привлеченіи Тулисана на „нашу сторону" говорилось много, кажется, даже затрачивались не малыя суммы, но результатъ былъ не въ нашу пользу.

наютъ битву подъ Лейпцигомъ, когда Наполеонъ защищался отъ союзныхъ европейскихъ армій.

Наполеонъ отступилъ, но и союзныя арміи, окружившія его со всѣхъ сторонъ, онъ такъ растрепалъ, что о преслѣдованіи имъ и помышлять нельзя было.

Анпинь, Ляндяньсянь, Сяолиндзе, Ванбатай, Айхе, Тайдзихе—вѣе это кровавыя странички въ исторіи русскаго войска. Нельзя представить себѣ рельефа мѣстности, не побывавъ въ этой далекой Манджуріи. Съ одной стороны цвѣтущія долины, поразительная земледѣльческая культура—цѣлыя поля, обработанныя съ особой нѣжной заботливостью, съ какой въ нашемъ отечествѣ хорошій хозяинъ раздѣлываетъ огороды подъ любимые овощи; съ другой стороны голыя сопки, высокіе перевалы, опасные и крутые скаты, ряды скалистыхъ возвышенностей.

По этимъ гребнямъ ползутъ, карабкаются наши упорные и отважные противники, а русскія роты и батальоны, полки и бригады, сдерживая напоръ огромной, по количеству, силы, отходятъ къ центральнымъ позиціямъ, нанося храброму врагу уронъ, котораго онъ не забудетъ сотни лѣтъ.

Нѣсколько разъ мнѣ приходилось, стоя на тормазной площадкѣ вагона, подслушивать бесѣды эвакуируемыхъ раненыхъ. Въ нихъ не замѣтите и тѣни хвастливости, — это «сосредоточенный» обмѣнъ впечатлѣній, пережитыхъ на полѣ битвы.

Наши «сѣрые герои» вполнѣ постигли врага со всѣми его ухищреніями.

— Енъ завсегда норовитъ спрятаться либо въ кавельянѣ, либо за камнемъ, за косогоромъ, а то и въ болотѣ зароется, — говорилъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ раненый солдатъ, у котораго й руки и голова забинтованы, словно младенецъ въ пеленкахъ.

— Антиллерія! Антиллерія у японцевъ не въ

примѣръ хуже нашей, — съ несокрушимой увѣренностью продолжаетъ сѣрый герой.—Оно точно, стрѣляетъ онъ много, оченно даже много, а все безъ толку. Одинъ ли, цѣлая ли ротная колонна, либо ординарецъ скачетъ, — енъ все залпами валяетъ, а наши пушечки ухъ какъ забиваютъ его. Одно разочти, наши пушечки на 350 саженъ дальше бьютъ...

Солдатъ нѣсколько минутъ сосредоточенно смотритъ на перебитую и забинтованную руку, потомъ снова начинаетъ:

— Онамеднись очень даже смѣшно было. Наша батарея расположилась на низинкѣ, словно бы въ пади, а лѣвѣе горы да сопки. Тамъ нашихъ никого не было, а непріятель знай жаритъ во-всю по пустому нагорью. Опять же, увидѣлъ это онъ дымокъ, ну, и давай пристрѣливаться, а тутъ новая батарея или двѣ, изъ Рассеи, стало быть, пріѣхавшія, выѣзжаютъ на позицію... Ну, завидѣли они горки, и лупятъ, словно бы на маневрахъ. Значитъ горку занять хотятъ. Ну, погоди, думаемъ, задастъ онъ тебѣ трепку, любитъ японецъ по горѣ стрѣлять. А наши взбираются на гору, стало быть, позицію занять. Взобрались, а непріятель какъ хляснетъ—трах-трахъ-тарарахъ!.. Ну, мы не дали ему покуражиться: тоже ахнули въ него изъ низинки-то, енъ насъ не видитъ, а мы, пристрѣлявшись, въ пять минутъ заставили молчать его двѣ батареи.

— Отчего вы не предупредили новичковъ?

— Зачѣмъ? Мы терпѣли, пущай и они познакомятся съ япошей, каково онъ дѣйствуетъ, значитъ. А еще разъ было, наши два орудія въ болотѣ завязли. Никакъ ихъ не вытащить. Этто, японецъ увидѣлъ и бѣжать, стало, въ плѣнъ пушки забрать. Наши ихъ близко подпустили, а потомъ какъ трахнули!.. Немного японцевъ назадъ ушло. Такъ-то, понимаемъ его, вражьяго

сына, и не очень ужъ енъ мудреный. Все перехитрить норовитъ, анъ глядишь—и влопался.

Другой солдатъ пограничной стражи разсказываетъ, какъ они мостъ черезъ рѣку Тайцзихъ сожгли.

Характерный разсказъ о выполненіи пятью нижними чинами порученія чрезвычайной важности: уничтоженіе огромнаго моста послѣ отступленія всей арміи къ станціи «Янтай».

Небольшой арьергардъ изъ пограничниковъ заамурскаго округа еще находился передъ мостомъ, къ сторонѣ Ляояна, когда пришло приказаніе отступить, уничтоживъ мостъ.

По другую сторону рѣки находились саперы и инженеръ-полковникъ Языковъ. По его распоряженію, были устроены горны; изъ склада пограничниковъ-заамурцевъ извлечено 14 пудовъ пороха, но этого оказалось недостаточнымъ; необходимъ былъ керосинъ, чтобы полить настилку моста, а складъ керосина находился при станціи Ляоянъ, горѣвшей яркимъ пламенемъ. Къ станціи со всѣхъ сторонъ приближались японцы. Вызвали охотниковъ добыть изъ склада нѣсколько бочекъ керосина.

Вызвались пять рядовыхъ 55-й роты Заамурскаго округа погранич. исполнить опасное порученіе: Степанъ Бобылевъ, Иванъ Ракитинъ, Иванъ Шишко, Михаилъ Старцевъ и Иванъ Дашковъ.

Ночью они подкрались къ станціи Ляо-Янъ, разыскали складъ, вытащили оттуда пять бочекъ съ керосиномъ и осторожно стали пробираться къ рѣкѣ, а это составляетъ разстояніе въ 5 верстъ. Уже свѣтало, когда они достигли моста. Прошло не болѣе 30 минутъ послѣ возвращенія съ керосиномъ, какъ вдали показались непріятельскіе стрѣлки и кавалерійскіе разъѣзды.

Храбрецы, отстрѣливаясь, задержали наступав-

Генералъ-лейтенантъ Н. І. Ивановъ.

шаго противника, пока вся работа по уничтоженію моста не была выполнена. Эти пятеро отважныхъ молодцовъ отступили послѣдними и, отходя, еще успѣли полить мостъ керосиномъ и развить пожаръ.

Десятидневныя битвы происходили во время проливныхъ дождей. Дороги превратились въ непроходимыя болота и отходящимъ къ ляоянскимъ позиціямъ войскамъ приходилось испытывать неимовѣрныя трудности.

Съ одной стороны напиралъ противникъ, съ другой стороны приходилось по невыразимо тяжелой размокшей дорогѣ отходить къ главнымъ позиціямъ и перетаскивать чуть-ли не на людяхъ тяжелыя полевыя орудія.

А противникъ напиралъ съ отчаяннымъ упорствомъ. 18-го августа на правомъ флангѣ Ляоянскихъ позицій были непрерывныя попытки атаковать наши укрѣпленія, но японцы легли костьми, не достигши успѣха. Поле съ правой стороны желѣзнодорожнаго пути было буквально усыпано тѣлами противника, но ночью онъ вновь, съ еще большимъ упорствомъ, шелъ на штурмъ и вновь былъ отбиваемъ съ еще большимъ урономъ.

Въ результатѣ, и фланговый маршъ огромной арміи Куроки въ 120*) батальоновъ, и хитро задуманные планы армій Нодзу и Оку не привели ни къ чему. Отвага японскихъ армій разбилась о мощь русскаго оружія.

Послѣ неудавшагося обхода лѣваго фланга нашей арміи арміей Куроки войска микадо были растреплены до послѣдней крайности, о преслѣ-

---

*) Дѣйствительная численность арміи всегда была покрыта таинственной завѣсой. Возможно, что армія Куроки состояла всего изъ 60 батальоновъ.

дованіи нашихъ войскъ, отходящихъ къ Мукдену, и мечтать нельзя было.

Въ теченіе 21, 22 и 23-го армія Куроки двигалась параллельно съ отходившей на сѣверъ нашей арміей. Это и называется фланговымъ маршемъ, но, по отзывамъ спеціалистовъ военнаго искусства, этотъ великолѣпный маневръ лучшаго изъ японскихъ полководцевъ производилъ странное впечатлѣніе: маневръ Куроки выполнялся вяло, безъ должнаго натиска на отступающаго противника *).

Бѣглый.

(Эпизодъ изъ ляоянскихъ боевъ).

10 сентября 1904 г.

Въ фанзахъ, ветхихъ, съ облупившейся на клѣточкахъ оконной рамы бумагой прозябаетъ китайская нищета; до войны она, полуголодная и голая, шлялась по цѣлымъ днямъ, съ ранняго утра до солнечнаго заката, и сплошь и рядомъ ложилась на голый, жесткій канъ даже безъ скуднаго ужина стоимостью 4—5 чоховъ, т. е. на сумму менѣе нашей «полушки».

Теперь эта полуголодная толпа увидѣла свѣтъ. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ она не голодаетъ и дневной бюджетъ большинства этихъ безшабашныхъ бродягъ возросъ чуть-ли не до гривенника, а у нѣкоторыхъ счастливцевъ и до пятіалтыннаго.

Это уже не простое отродье обнищавшихъ,

*) Съ отступленіемъ нашей арміи изъ Ляояна читатель подробнѣе ознакомится изъ «дѣйствія кавалеріи подъ Ляояномъ и Шахэ».

безземельныхъ манзъ, въ лохмотьяхъ, нерѣдко и безъ нихъ, съ обнаженными темнобронзовыми спинами, лоснящимися на солнцѣ; нѣтъ, это все «ходя», они рыщутъ по улицамъ города и русскаго поселка и у всѣхъ спрашиваютъ:

— Конходя ю, мы-ю? (Работа есть, нѣтъ,—буквальный переводъ).

Вотъ бѣжитъ рикша; онъ тащитъ свою оригинальную легкую двухколесную телѣжку.

— Эй, ходя!—крикнули вы ему.—Подавай.

— Еся!—отвѣчаетъ онъ, довольный тѣмъ, что васъ понялъ, и тѣмъ, что предстоитъ «хорошая конходя», т.-е. хорошій заработокъ.

До появленія русскихъ въ этомъ грязномъ и вонючемъ китайскомъ городѣ за конходю на рикшѣ платили гривенникъ, почти никогда больше, хотя бы двуногій возница пробѣжалъ съ телѣжкой, въ которую вы водрузили свое грѣшное тѣло, рискуя порвать платье,—нѣсколько верстъ. Теперь за этотъ пробѣгъ ему платятъ рубль, нерѣдко два, а въ грязь и 2 р. 50 к., иногда три. Едва вы сѣли въ телѣжку, сзади очутился полуголый «ходя»; онъ облегчаетъ поистинѣ тяжелый трудъ своему соотечественнику. Послѣдній, не спрашивая васъ, куда ѣхать, мчится впередъ, сломя голову.

Ходя, поддерживающій и подталкивающій телѣжку сзади, сопитъ, тяжело дыша, и отъ него исходитъ отвратительный запахъ дикой черемши *) и бобоваго масла.

— Эй, къ западнымъ воротамъ! — командуете вы ему.

— Еся!—односложно отвѣчаетъ двуногій извозчикъ и мчится къ пролому въ городской стѣнѣ.

Проѣхали рядъ узкихъ улицъ, огороды, мино-

*) Черемша—чеснокъ въ дикомъ состояніи. Его запахъ сильнѣе и отвратительнѣе культивированнаго чеснока.

вали западныя ворота, еще узкую улицу съ ветхими фанзами, поворотъ за маленькую кумирню— и предъ вами обширная долина.

Это долина рѣки Тайдзыхе.

По широкой дорогѣ, вправо и влѣво ряды окоповъ на роты и батальоны. За валами рвы, за рвами проволочныя сѣти, волчьи ямы и всякія иныя страсти, о которыхъ предстояло разбиться нашему противнику.

Выѣхавъ на дорогу, рикша остановился. Далѣе онъ везти васъ не смѣетъ. Получивъ рубль, онъ непремѣнно заявитъ претензію:

— Шибко мала, капитана! Шибко мала...

Сколько ни давай этому возницѣ, считавшему прежде за счастье заработокъ въ 5—10 копеекъ въ сутки, пропитаніе котораго при нѣкоторой роскоши можно вогнать въ *три копейки за день,* ему все «шибко мало» *).

Батареи разбросаны по разнымъ мѣстамъ, въ укромныхъ уголкахъ. Теперь орудія рѣдко располагаются на высотахъ. Мы также научились прятать эти черныя жерла и маскировать ихъ, а стрѣляемъ «перекиднымъ огнемъ».

На бивакахъ и ложементахъ вы не замѣтите особаго оживленія, хотя всѣмъ извѣстно, что завтра, а быть можетъ и сегодня ночью, грянетъ бой, смертный бой.

Непріятельскія позиціи не слишкомъ далеки отъ нашихъ: въ разстояніи какихъ-нибудь 7—8 верстъ. Японцы уже покинули тотъ самый Ван-

---

*) Китайцы отличаются наблюдательностью и быстро подмѣчають ваши слабыя струнки. Разумѣется, они быстро освоились съ русскою безшабашностью и наклонностью къ расточительности, чѣмъ объясняется ихъ ненасытная жадность и повышеніе цѣнъ на всѣ предметы потребленія. Японцы, занимая оставленные нами города, немедленно устанавливали на все таксу, и они уже пріобрѣтали у населенія необходимые продукты значительно ниже цѣнъ, которыя платили мы.

батай, гдѣ еще недавно былъ нашъ полуэтапъ, гдѣ я не одинъ разъ отдыхалъ на канѣ, покрытомъ чистыми гаоляновыми циновками.

На одной позиціи, на горѣ, за линіей окоповъ, батальонный командиръ отдаетъ распоряженія, осматриваетъ и считаетъ «боевые припасы», шопотомъ что-то диктуетъ своему адъютанту, юному прапорщику, прибывшему изъ запаса.

— Такъ помните, одиннадцатая и двѣнадцатая роты въ резервъ, девятая и десятая въ цѣпь.

— А сторожевое охраненіе?

— Къ намъ не относится. На это имѣется дежурная часть. Сегодня отъ перваго батальона— отрывисто, скоро отвѣчаетъ подполковникъ.

— Слушаю,—отвѣчаетъ прапорщикъ и конфузливо переминается съ ноги на ногу.

— Вы чего?—удивленно, съ безпокойной ноткой въ голосѣ спрашиваетъ батальонный командиръ своего адъютанта.—Я больше ничего не имѣю вамъ сказать.—Прапорщикъ показываетъ намѣреніе повернуться, но вдругъ, густо покраснѣвъ, говоритъ:

— Господинъ подполковникъ, пограничникъ явился къ вамъ.

— А что? съ приказаніемъ? Какимъ?.. Подавайте его поскорѣе.

Прапорщикъ быстро поворачивается, чтобы скрыть смущеніе. Онъ хорошо знаетъ, что пограничникъ-заамурецъ не привезъ приказаній. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ цѣлый часъ и рѣшился доставить удовольствіе поговорить съ этимъ «бѣглымъ» солдатомъ батальонному.

Да, широкоплечій, рослый солдатъ заамурецъ стоящій лицомъ къ лицу съ командиромъ 3-го батальона 3—го полка, виновато опустивъ голову, не смѣя глядѣть въ глаза подполковнику,—бѣглый солдатъ одной изъ сотенъ пограничной стражи заамурскаго округа.

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, я бѣглый— виновато докладываетъ солдатъ, устремивъ очи на рыжій истоптанный сапогъ.

— Что ты городишь, братецъ?.. Какъ-же ты смѣлъ? Забылъ дисциплину? А подъ судъ? Знаешь, что въ военное время за побѣгъ полагается «разстрѣлъ»?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе!.. Явите божескую милость... Три раза просился въ передовую линію, не пущаютъ... Подъ арестомъ за это сидѣлъ... Потомъ, значитъ, сбѣжалъ.. —Солдатикъ умолкъ, не считая, повидимому, удобнымъ предаваться словоизверженію, хотя ему многое еще хотѣлось-бы сообщить внимательно всматривающемуся въ него батальонному командиру.

— Все-же, братецъ, не порядокъ! Бѣглый солдатъ хуже каторжника,—задумчиво говоритъ батальонный, словно разсуждая самъ съ собою.

— Ну, а казенное имущество?—дрогнувшимъ голосомъ снова допытывается подполковникъ.— Тебѣ извѣстно, какое наказаніе полагается за промотаніе казеннаго имущества?

— Такъ точно, ваше в—діе, а только что на мнѣ казеннаго имущества... мундеръ собственный, третьяго срока, сапоги—тоже, а только винтовка и патроны казенные.

У подполковника лицо прояснилось. Предъ нимъ стоялъ не пьяница, сбѣжавшій, промотавъ казенныя вещи, не солдатъ, «подлежащій суду за неисправимо дурное поведеніе», а воинъ, честный и смѣлый, съ душой, рвущейся въ бой, на передовыя позиціи.

— Прапорщикъ В.! устройте молодца въ 11-й ротѣ, — распоряжается батальонный командиръ.

— Слушаю!—на ходу отвѣчаетъ прапорщикъ.

— Ступай, братецъ! Пока что, устройся при 11 й ротѣ.

— Ваше высокоблагородіе! — взмолился заамурецъ.

— Еще чего тебѣ?

— Дозвольте при васъ остаться!

— Почему?

— Одиннадцатая и двѣнадцатая роты въ лезервъ, а намъ желательно въ боевую линію.

Солдатъ остался при подполковникѣ.

На слѣдующій день съ утра началась канонада. Бѣглый заамурецъ не отходилъ отъ командира, преслѣдуя его шагъ за шагомъ.

— Ваше высокоблагородіе, — поминутно обращался онъ къ батальонному,—это не маневры, нагнитесь, присядьте вотъ здѣсь, тута меньше опасно...—и такъ далѣе. Цѣлый день заамурецъ буквально какъ нянька ходилъ за батальоннымъ командиромъ, оберегая его отъ всѣхъ возможныхъ случайностей.

Передъ вечеромъ былъ штурмъ позиціи. Японцы были отброшены съ громаднымъ урономъ.

Вечернія сумерки сгустились, быстро наступившая тьма, южная тьма, когда въ двухъ шагахъ человѣка не видно, окутала гору. Солдаты понемногу успокоились. Поужинали сухарями, размоченными въ холодной водѣ, пропѣли молитву и расположились на отдыхъ.

Но что значитъ «расположиться» на отдыхъ въ боевой линіи?

Безпокойный, прерывистый сонъ въ полной боевой аммуниціи, ежеминутная готовность вскочить при звукѣ малѣйшаго шороха.

— Ваше высокоблагородіе,—обратился бѣглый заамурецъ къ батальонному командиру.

— Чего тебѣ?

— Такъ что сегодня ночью штурма позиціи будетъ.

— Ты почему знаешь? — удивился подполковникъ.

— Такъ что, ваше ско—родіе, они, эти японцы, завсегды штурмуютъ ночью, послѣ дневной «незадачи»...

Подполковникъ отнесся съ полнымъ довѣріемъ къ словамъ бѣглаго и не ошибся. Были приняты соотвѣтствующія мѣры предосторожности, т.-е. разставлены часовые и «подчаски» на склонахъ горы.

Ночью батальонный командиръ отправился лично провѣрять сторожевое охраненіе. Тихо и темно вокругъ. Ни звука. Едва-едва намѣчаются темные силуэты сторожевыхъ постовъ.

— Стой! кто идетъ?—шопотомъ раздается вопросъ часового и замираетъ въ ночной мглѣ.

— Свой!—также шопотомъ отвѣчаетъ подполковникъ и присаживается около «подчаска», зорко всматривающагося въ лежащее передъ нимъ темное пространство.

Бѣглый заамурецъ безотлучно находится при батальонномъ. Онъ останавливается сзади начальника и весь превращается въ слухъ и зрѣніе.

Звѣзды равнодушно и холодно мерцаютъ въ далекой небесной выси. Ихъ не трогаетъ ожидающаяся бойня, до нихъ не долетаютъ стоны раненыхъ.

Чу! слышится осторожный шорохъ, но, тотчасъ все затихаетъ.

— Ваше в—діе!—шепчетъ подполковнику на ухо бѣглый заамурецъ, — это енъ, непріятель... Вы-бы хвонарикомъ... Ползетъ, проклятый... Я слышу его близко.

Мелькнулъ свѣтъ электрическаго фонарика. Почти передъ самымъ носомъ подполковника неожиданно выросла фигура японскаго солдата. Послѣдній замахнулся и ударомъ приклада по головѣ оглушилъ батальоннаго, который безъ стона свалился и полетѣлъ подъ гору; за нимъ

посыпался мелкій камень, которымъ была усѣяна гора...

Въ мигъ все засуетилось, раздалось нѣсколько выстрѣловъ, послышались крики ура, смѣшавшіеся съ дикимъ воплемъ «іа-а-а-іа-а-а-а!». Произошла суматоха ночного нападенія, но смѣлая атака японцами горной позиціи была лихо отбита.

Снова все стихло, даже не слышно было стоновъ раненыхъ.

Подполковникъ N... лежалъ внизу подъ горой. Онъ быстро опомнился, пришелъ въ себя, но подняться не могъ.

Онъ сильно расшибся; лѣвая нога ныла; малѣйшее движеніе причиняло страшную боль. Боль чувствовалась во всѣхъ суставахъ.

Услышалъ страдалецъ шорохъ и думаетъ: «А вдругъ японецъ»... Камешки глухо застучали, скатываясь съ горы.

— Ваше высокоблагородіе! — услышалъ раненый и расшибленный подполковникъ знакомый голосъ, но, ослабленный потерей крови и неимовѣрной болью, онъ только могъ простонать въ отвѣтъ.

Бѣглый пограничникъ-заамурецъ также не избѣжалъ удара ножеобразнаго штыка японца, но послѣдній поплатился за это жизнью, получивъ ударъ штыкомъ въ грудь и отброшенный съ такой силой, что свалился и стремительно полетѣлъ внизъ.

Первой мыслью славнаго солдата заамурца было разыскать батальоннаго. Осторожно спустился онъ съ горы и окликнулъ командира. Угадавъ по стону, гдѣ находится подполковникъ, бѣглый осторожно подползъ къ нему.

— Ваше в—діе! Гдѣ вашъ хвонарикъ электрическій?

Фонарика не оказалось. Заамурецъ досталъ

сѣрничекъ и, чиркнувъ, зажегъ его. Слабый свѣтъ горящей спички освѣтилъ распростертаго на землѣ батальоннаго командира. Солдатъ заботливо осмотрѣлъ его, но, найдя положеніе тяжелымъ, взвалилъ его себѣ на плечи и понесъ на перевязочный пунктъ. Ему извѣстно было, что перевязки дѣлаются за мостомъ, верстахъ въ пяти отъ позиціи.

Не обращая вниманія на собственную рану, онъ донесъ подполковника до перевязочнаго пункта какой-то общины Краснаго Креста.

Рано утромъ слѣдующаго дня, едва подполковникъ открылъ глаза и въ его разбитой, ноющей отъ боли головѣ мелькнули воспоминанія прошлой ночи, онъ увидѣлъ бѣглаго заамурца лежащимъ у его ногъ.

— Ты, братецъ?—обрадовался раненый командиръ.—Спасибо тебѣ за службу! Хорошій, честный ты воинъ... Только теперь совѣтую вернуться въ свою часть. Я напишу отрядному командиру о твоемъ молодецкомъ поведеніи... Оставаться около меня нельзя болѣе... ты не нашего полка...

— Ваше высокоблагородіе! Явите божескую милость!—взмолился бѣглый заамурецъ, вскочивъ на ноги,—никакъ не могу вернуться... я въ боевую линію желаю... ежели прогоните, я въ другую часть на позиціи сбѣгу...

Около десяти часовъ къ летучему госпиталю подъѣхалъ командиръ полка навѣстить раненаго подполковника. Послѣдній разсказалъ первому о происшествіи съ бѣглымъ заамурцемъ.

Командиръ полка обнялъ «бѣглаго» солдата-пограничника и оставилъ впредь до распоряженія начальства при своей особѣ, донеся о случаѣ рапортомъ по командѣ, но молва о бѣгломъ за-

амурцѣ распространилась быстрѣе оффиціальной переписки.

Не могу умолчать, что описываемый мною случай далеко не единственный. Какъ-то въ іюнѣ мѣсяцѣ мнѣ привелось познакомиться въ Ляоянѣ съ офицеромъ той же пограничной стражи, поручикомъ Бенескуломъ.

Этотъ поручикъ три раза подавалъ рапорты по начальству, прося о «командированіи на передовыя позиціи».

Поручикъ за свою настойчивость и подъ арестомъ сидѣлъ, и выговоры получалъ, пока не добился удовлетворенія завѣтной мечты: служить на передовыхъ позиціяхъ.

Въ одномъ изъ его рапортовъ встрѣчается такое выраженіе: «Умоляю, какъ милости прошу разрѣшенія показать, какъ умираютъ передъ своей полуротой»...

Поручика Бенескула послали въ боевую линію и онъ оказалъ безпримѣрный въ лѣтописяхъ настоящей войны подвигъ.

Двѣ пѣхотныя роты*), почти сплошь состоявшія изъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, давно отвыкшихъ отъ ружья, не выдержали убійственнаго огня противника и бросились бѣжать съ позиціи.

Бенескулъ съ револьверомъ въ одной рукѣ и шашкой въ другой остановилъ бѣгущихъ, пристыдилъ и самъ повелъ ихъ въ атаку.

Въ этой странной атакѣ собранной горсточки бѣжавшихъ ротъ погибъ геройскою смертью поручикъ Бенескулъ. Вѣроятно, съ нимъ вмѣстѣ полегли и его «бѣглецы».

---

*) Дивизіи генерала Орлова.

Ляоянскіе бои.

11 сентября 1904 г.

Ляоянскіе бои представляются въ слѣдующемъ видѣ: съ перваго дня общаго наступленія японской арміи на Ляоянъ, наши войска занимали слѣдующія позиціи: отъ Пегоу и Анпиня полукругомъ на Ляндяньсянь и Аншаньчжуанъ (Айсяньзянь).

Мы имѣли дѣло съ слѣдующими арміями противника: арміи Оку и Нодзу наступаютъ на центръ, стало быть на Аншаньчжуанъ, и стремятся охватить правый флангъ, армія Куроки частью идетъ на лѣвый флангъ; огромная ея часть производитъ «диверсію», т.-е. обходъ, на сѣверъ, силясь ударить намъ въ тылъ или охватить лѣвый флангъ съ такимъ расчетомъ, чтобы вся манджурская армія очутилась «въ мышеловкѣ».

Итакъ, части армій Оку и Нодзу кидаются на центръ у Ляньдяньсяня, кидаются съ свирѣпымъ упорствомъ, повторяя атаки, не взирая на подавляющія потери, то днемъ, то раннимъ утромъ, то подъ покровомъ темной ночи. И всѣ эти атаки массами, при поддержкѣ артиллеріи, изрыгающей свои страшные бризантные снаряды, забрасывающей цѣлыя площади шрапнельнымъ огнемъ и пулями, поливаемыми, какъ изъ брандсъ-

поя, пулеметами, были отбиты съ чувствительнымъ для японцевъ урономъ *).

На лѣвомъ флангѣ съ такимъ-же геройствомъ отбрасываютъ противника, но послѣднему удается овладѣть самой крайней позиціей у Пегоу, что представляло несомнѣнную опасность, угрожая отступленію нѣкоторыхъ нашихъ частей по долинѣ рѣки Танхе. Одновременно выясняется и обходъ праваго фланга у Аншаньчжана.

Наши войска использовали Пегоу, Анпинь, высоты Аншаньчжана и тѣснины Ляньдяньсяня съ переваломъ Ванбатай до послѣдней возможности и, увертываясь отъ разставленной японцами ловушки, отошли къ позиціямъ вокругъ Ляояна. Тутъ-то начинается Одиссея героической борьбы могучей русской арміи съ тремя арміями непріятеля, количественно превосходящими наши, по крайней мѣрѣ, въ два раза.

Условія мѣстности, при коихъ намъ пришлось вести отступленіе къ Ляояну, слѣдующія: въ восточномъ фронтѣ гористая мѣстность; дороги устраивались саперами въ теченіе всего лѣта, но дожди безжалостно разрушали человѣческія усилія.

При отступленіи къ ляоянскимъ позиціямъ лилъ непрерывный дождь. Долины превратились въ озера, а горныя дороги размякли, образовавъ непролазную грязь. Такимъ образомъ, пушки приходилось перетаскивать чуть-ли не на людяхъ, увязая глубоко въ отвратительной, липкой, глинистой почвѣ.

Это была титаническая борьба съ одной стороны съ легкими, способными къ движеніямъ

*) Прошло болѣе 15 мѣсяцевъ войны, а армія наша все еще не снабжена снарядами вродѣ бризантныхъ, т.-е начиненныхъ спеціальными взрывчатыми составами, дающими особой силы разрывы, бьющими далѣе 5 верстъ, а главное способствующими хорошей пристрѣлкѣ.

по горамъ японцами, съ другой—съ стихійными силами природы. И все это преодолѣли, чтобы потомъ отступить отъ Ляояна къ Мукдену...

Тяжело приходилось нашимъ войскамъ въ горахъ, но еще труднѣе было одолѣвать долины, превратившіяся въ озера и болота...

Въ то время, когда правая колонна двигалась по топкой равнинѣ, арьергарду пришлось выдерживать упорный бой. Одна изъ батарей 9-й восточно-сибирской бригады при отступленіи попала въ топкое мѣсто и ее начало засасывать. Неимовѣрныя усилія были употреблены, чтобы спасти орудія. 24 лошади впрягали въ одну пушку, и въ то-же время роты пѣхоты старались на лямкахъ сдвинуть орудіе, но лошади и люди увязали такъ глубоко, что солдатъ съ трудомъ удавалось вытащить изъ засасывающей ихъ топи. Да, о манджурской грязи трудно имѣть представленіе, не увидавъ ее. Это нѣчто стихійное. Напримѣръ, въ Харбинѣ послѣ дождей нельзя попасть изъ одной части города въ другую. Экипажъ тонетъ буквально въ болотѣ, и его приходится бросать, чтобы спасти лошадей. Въ Ляоянѣ вся площадь передъ вокзаломъ превращается въ непроходимое озеро, гдѣ легко утонуть, и лишь «рикши» пробираются по знакомымъ имъ тропинкамъ. Гибель генерала Рутковскаго, задержавшагося на позиціи, чтобы дать время вытащить завязшую батарею, произошла именно потому, что ему пришлось слишкомъ долго держаться подъ напоромъ противника и его убійственнымъ огнемъ.

Такъ-же погибъ подполковникъ фонъ-Раабенъ, командовавшій 4-мъ восточно-сибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ.

Къ несчастію, борьба со стихіей не шутка, и

батарею пришлось оставить на липкой топи, не взирая на понесенныя жертвы*).

16-го августа наши войска сосредоточились вокругъ Ляояна. Японскія арміи почти окружили нашу армію тѣснымъ кольцомъ. Семнадцатаго и восемнадцатаго августа были именно тѣ бои, которые и составятъ славную страницу въ исторіи русскаго войска. Представьте себѣ слѣдующую картину: вокругъ Ляояна на востокѣ, на югѣ и юго-западѣ — цѣлые лабиринты траншей, впереди окоповъ заложены фугасныя мины и загражденія изъ проволоки и волчьихъ ямъ, расположенныя въ шахматномъ порядкѣ; далеко впереди желѣзнымъ кольцомъ окружили наши позиціи японцы. Вонъ ползутъ двѣ цѣпи, а между ними двигается колонна; сзади черезъ головы наступающихъ извергаются тысячи, десятки тысячъ японскихъ снарядовъ. На югѣ при линіи дороги, съ обѣихъ сторонъ яростно бросаются въ атаку десятки японскихъ батальоновъ; наши съ мощнымъ крикомъ «ура» кидаются въ контръ-атаки.

Эти атаки и контръ-атаки повторяются много разъ; много легло на этой равнинѣ японцевъ и нашихъ героевъ. Солдаты (изъ раненыхъ) разсказывали мнѣ, что они видѣли передъ собою дѣтей моложе 13 лѣтъ.

---

*) Возможно, что въ приведенномъ случаѣ, батарея погибла вслѣдствіе невозможности одолѣть «стихійную» манджурскую грязь послѣ дождей. Извѣстны случаи, когда наши орудія погибали по другимъ причинамъ, которыя возможно было устранить... Настоящая война окончательно выяснила существующую между *нашими родами оружія рознь*. Дѣленіе арміи на «три рода оружія», причемъ одни почему-то считались болѣе привиллегированными чѣмъ другіе, и слѣдуетъ несомнѣнно считать одной изъ причинъ потери орудій...

— Ажно жалко было ихъ бить, — говорили они. Бѣдные малютки не выдерживали и, бросая оружіе, ложились на землю, а офицеры сзади хлестали ихъ шашками, разстрѣливали изъ револьверовъ, побуждая итти на приступъ...

Вечеръ 18-го августа. Солнце склонилось къ западу, духота спала. Когда стемнѣло, съ запада поползли цѣлыя тучи японцевъ въ обходъ нашего праваго фланга. Это Оку дѣлалъ послѣднія усилія смять насъ.

Въ теченіе того-же 18-го августа вполнѣ обозначилась диверсія Куроки на правый берегъ рѣки Тайцзыхе. У Куроки была полная возможность бросить значительныя силы въ обходъ лѣваго фланга вслѣдствіе того, что наша армія, отойдя на главную ляоянскую позицію, сузила линію обороны. Куроки разсчитывалъ отойти на сѣверъ и оттуда обрушиться на нашъ тылъ и на линіи сообщенія. Опасность была чрезвычайно серьезная: для предотвращенія ея, съ наступленіемъ темноты, наши войска начали очищать передовыя позиціи, которыя уже сослужили намъ огромную службу, обезсиливъ противника нанесеніемъ ему тяжкихъ потерь.

Между тѣмъ, въ ночь на 20-е августа арміи Куроки удалось завладѣть нашей позиціей у Сыкватуна—на высотахъ за рѣкой Тайцзыхе къ сѣверу. На этихъ позиціяхъ тяжело пришлось нашимъ войскамъ. Необходимо было выбить непріятеля изъ занятыхъ имъ высотъ. Бой былъ жаркій, упорный, продолжавшійся до поздней ночи.

Наши нѣсколько разъ овладѣвали высотами, но вынуждены были отступать, и лишь благодаря иниціативѣ отдѣльныхъ начальниковъ мы все-таки овладѣли позиціей, выбивъ изъ нея японцевъ штыками.

Нашъ лѣвый флангъ представлялся въ слѣ-

дующемъ видѣ: сильная позиція на высотахъ фронтомъ къ юго-востоку была занята отрядомъ генералъ-маіора Орлова. Часть своего отряда генералъ спустилъ съ горъ и повелъ на непріятеля, спрятавшагося на поляхъ, густо заросшихъ гаоляномъ.

Части отряда, натолкнувшись на гаолянъ, откуда были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, вынуждены были отступить, и это отступленіе граничило съ бѣгствомъ. Тѣмъ временемъ японцы быстро распространились къ сѣверу и къ пяти часамъ пополудни заняли всю гряду горъ и янтайскія каменноугольныя копи. Дальнѣйшее описаніе отступленія отъ Ляояна и роль отряда Самсонова — въ очеркахъ «отрядъ генерала Самсонова подъ Ляояномъ».

Изъ впечатлѣній участника.

Съ разсвѣтомъ 17-го августа, послышался на передовыхъ позиціяхъ Ляояна трескъ ружейныхъ выстрѣловъ, артиллерія не заставила себя долго ждать.

Раздался первый орудійный залпъ, затѣмъ послѣдовало минутное молчаніе, а потомъ слабые звуки отъ разрыва снарядовъ гдѣ-то вдали. Непріятель отвѣчаетъ немедленно. Вотъ являются дымки разрывовъ отъ шрапнелей, но японцы еще не пристрѣлялись. Постепенно замираетъ ружейная трескотня, за то оживляется артиллерійская канонада.

Скоро услѣдить за разрывомъ снарядовъ становится труднымъ, однако, замѣтно, что японцамъ на дается пристрѣлка: большинство не долетѣло. На холмикѣ позиціи небольшая кучка любопытныхъ артиллеристовъ. Остальные офи-

церы и солдаты расположились, какъ на бивакѣ: нѣкоторые варятъ чай, другіе спятъ въ растяжку на голой землѣ, богатырски похрапывая, третьи возятся съ своими вещами. Слышны шутки и смѣхъ. Офицеры, вставшіе съ постели, сидятъ кучками, закусываютъ, болтаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Нѣкоторые разбрелись по знакомымъ на позиціи 2-го и 26-го полковъ. На лицахъ не замѣтно ни малѣйшаго напряженія, даже тревоги или, какъ многіе полагаютъ, торжественности, вызываемой боевыми ощущеніями. Все тѣ же будничныя, сѣрыя лица, тѣ же разговоры. Трудно и представить себѣ, что эти самые офицеры и солдаты черезъ нѣсколько часовъ, а быть можетъ, и минутъ, окунутся въ самую кипень боя. Небо хмурилось. Нѣсколько разъ накрапывалъ дождикъ, но прекращался.

— А пожалуй, скоро и насъ потребуютъ — слышатся замѣчанія изъ группы офицеровъ.

— А что, развѣ слышно?—вставая, спрашиваетъ молодой офицеръ, недавно вступившій, какъ значится въ формулярѣ, въ «первый законный бракъ», или ставшій «бракованнымъ», какъ надъ нимъ подшучиваютъ товарищи.

— Да, нѣтъ,—возражаетъ другой.—Еще рано.

— А пальба разгорается,—замѣчаетъ третій,—вѣроятно, потребуются резервы, и мы окунемся въ жаркій бой.

Пальба дѣйствительно разгорается. Впереди слышится не то ревъ, не то гулъ, переходящій въ особый рокотъ.

— Слава Создателю, — раздается мелодичный голосъ безусаго офицерика, вчера только прибывшаго въ полкъ.—Сразу попаду въ большой бой... Сразу все испытаю.

— Ну, батенька, живы будете, все испытаете, а такъ рваться-то некуда,—возражаетъ пожилой

капитанъ съ добродушнымъ, симпатичнымъ лицомъ.

Вдругъ раздается торжествующее «ура», эхомъ разносится далеко по долинѣ и еще дальше къ непріятельскимъ позиціямъ.

Но это не «ура» атаки — напряженное, экзальтированное, а радостное, праздничное «ура».

— Въ чемъ дѣло? Что случилось? — спрашиваютъ другъ друга сбѣжавшіеся офицеры.

— Изъ Портъ-Артура получена телеграмма: штурмъ отбитъ съ громадными потерями для японцевъ.

Радостныя чувства волною охватываютъ всѣхъ, а торжествующій радостный крикъ соединяется въ общей массѣ ликующихъ голосовъ.

Это «ура», могучее, радостное, подобно морской волнѣ, передается въ сосѣдніе полки, откуда вскорѣ слышатся торжественные звуки полковой музыки, играющей народный гимнъ «Боже, Царя храни».

Радость переполняетъ душу каждаго. «Теперь бы намъ не осрамиться», — думаютъ многіе, а сердца ихъ учащенно бьются, готовыя ринуться въ бой.

Дорогое извѣстіе пришло во-время.

Куда дѣвалось сумрачное, будничное настроеніе, царившее на всѣхъ лицахъ нѣсколько минутъ тому назадъ? Лица сіяютъ, глаза блестятъ... Въ бой, на смертный бой съ лихимъ врагомъ!..

— Второму батальону выступать! — вдругъ доносится приказаніе.

Спустя полчаса двигаютъ третій, а за нимъ очередь за четвертымъ.

Около 6 часовъ вечера получается распоряженіе первому батальону итти къ блиндажу на южный хребетъ. Едва тронулся батальонъ, съ полковымъ командиромъ во главѣ, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ сзади раздался трескъ отъ

разрыва снаряда; поднимается суматоха, увеличиваемая вторымъ и третьимъ разрывами, — шальныя шрапнели рвутся надъ самыми головами, надъ стоящими позади кухнями и лазаретными линейками, но воинамъ, спѣшащимъ въ бой, некогда останавливаться. Батальонъ спѣшно движется по дорогѣ среди гаоляна. Впереди все ближе и ближе полоса обстрѣла и тотъ скатъ южнаго хребта, гдѣ сотни жертвъ легли уже въ этотъ день.

Вдругъ рядомъ съ батальономъ раздается сильный взрывъ, вслѣдъ за которымъ взвивается столбъ бураго дыма съ землей и летящими въ разныя стороны камнями. Всѣхъ невольно отшатываетъ въ сторону. Это бризантный снарядъ, начиненный лиддитомъ. Спустя нѣсколько минутъ такой же снарядъ разрывается сзади, и изъ колонны раздаются стоны раненыхъ. На встрѣчу идущему батальону выбѣгаетъ подполковникъ, прибывшій со своей частью ранѣе.

— Здѣсь нельзя останавливаться, г. подполковникъ,—докладываетъ онъ.—Весь этотъ скатъ закидывается снарядами; мой батальонъ еще въ резервѣ, а уже потерялъ до полусотни людей...

Какъ бы въ подтвержденіе словъ подполковника, слѣдуютъ одинъ за другимъ взрывы бризантныхъ снарядовъ, столбы дыма и летящіе въ воздухѣ камни съ осколками снаряда.

Батальоны отводятъ съ обстрѣливаемаго ската и останавливаютъ немного въ сторонѣ въ гаолянѣ. Вотъ рота направляется въ окопы, а группа офицеровъ располагается на бугоркѣ, подъ которымъ тянется дорожка къ блиндажу. Седьмой часъ въ исходѣ. Стрѣльба постепенно смолкаетъ, лишь слышны отдѣльные звуки одиночныхъ выстрѣловъ и разрывовъ.

На землю спускается ночь, темная и сырая вслѣдствіе выпавшихъ дождей. Подъ покровомъ

окутавшей позиціи тьмы, защитники облегченно вздыхаютъ. Передышка до разсвѣта, но не для всѣхъ. Одного изъ батальонныхъ командировъ требуютъ къ начальнику дивизіи. Генералъ поручаетъ ему отвести батальонъ и занять интервалъ между хребтами.

Въ томъ интервалѣ японцы еще утромъ пытались прорваться, чтобы обойти одинъ хребетъ съ тыла, но огонь съ сѣверной сопки, занятой 33-мъ полкомъ и вторымъ батальономъ, отбросилъ ихъ съ большими потерями.

— Задача не легкая,—предупреждаетъ батальонный.—Помоги Господь съ нею справиться.

Батальонъ, тихо насколько возможно, двигается въ темнотѣ и, кажется, это не люди движутся, а таинственныя тѣни. На позиціи воцаряется тишина темной ночи. Изрѣдка слухъ встревожитъ стонъ, отдѣльный выстрѣлъ, дикій крикъ, но все снова замираетъ въ тревожномъ предчувствіи предстоящей съ разсвѣтомъ новой битвы.

Ротмистръ Голландскій и его сотня.

(Дѣйствія арьергарда пограничниковъ Заамурскаго округа).

Голландскій все время находился въ арьергардѣ нашихъ силъ и со своей 8-й сотней, собирая ее съ поста на постъ, прошелъ всѣ сраженія—Вафангоу, Ванзелинъ, Гай-Чжоу, Дашицао, Хайченъ, Аншаньчжанъ, Ляоянъ и, наконецъ, Янтай. Онъ-же произвелъ развѣдку, вызванную свѣдѣніями о маршѣ арміи Куроки на сѣверъ по мандаринской дорогѣ, въ тылъ Мукдену, пройдя въ четыре дня 400 верстъ.

14-го, 15-го, 16-го, 17-го, 18-го, 19-го, 20-го и 21-го августа день за днемъ, ночь за ночью Голландскій слѣдуетъ съ своей сотней и пѣхотными частичками заамурцевъ въ арьергардѣ, выдерживая бои, какихъ еще не было въ исторіи войнъ.

Голландскій — высокаго роста, тонкій, цвѣтъ лица у него нѣсколько землистый, большіе сѣрые глаза смотрятъ серьезно и сосредоточенно.

Прослѣдимъ его дѣйствія съ 14-го августа, когда главныя силы отошли къ сѣверу, къ первымъ ляоянскимъ позиціямъ, а въ Аншаньчжанѣ осталась 8-я сотня, или вѣрнѣе одинъ ея взводъ. Остальные люди были разбросаны по постамъ на охранѣ вплоть до моста на р. Шахе, гдѣ стояла другая полусотня 8-й сотни; кромѣ коннаго взвода на станціи была еще 19-я рота и пѣшая учебная команда 4-го резервнаго отряда заамурскаго округа.

Было 4 часа пополудни, когда этотъ отрядъ собрался покинуть станцію вмѣстѣ съ младшими офицерами: корнетомъ Мелентьевымъ и начальникомъ пѣшей команды штабсъ-ротмистромъ Бѣляевымъ, впослѣдствіи убитымъ въ бою.

У сѣвернаго семафора, въ разстояніи не болѣе полуверсты отъ станціи, ротмистръ Голландскій съ офицерами Мелентьевымъ и Бѣляевымъ остановились наблюдать за японцами. Послѣдніе подходили къ району станціи.

Непріятельская батарея, замѣтивъ у семафора трехъ русскихъ, открыла по нимъ огонь шрапнелью.

Между тѣмъ 19-я рота, видя приближеніе противника, спѣшно догружала на вагонетки ротный скарбъ: канцелярію, денежный ящикъ и всякій хламъ. Одну вагонетку покатили къ семафору, а люди спѣшили накладывать свое убогое имущество, съ которымъ не хотѣлось разстаться, и понемногу, шагъ за шагомъ, отходили на сѣверъ.

— Ваше высокоблагородіе! — обратился сол-

дать къ ротмистру Голландскому, — дозвольте хвонарь снять съ семахвора, потому хвонарь совсѣмъ новый.

— Снимай, — улыбаясь, отвѣчаетъ сотенный.

Солдатикъ, не обращая вниманія на летящіе снаряды, карабкается на семафоръ и снимаетъ фонарь.

Время шло быстро. Вотъ уже солнце стало склоняться къ западу.

Былъ восьмой часъ вечера.

Изъ гаоляна, густо и высоко растущаго позади станціи, раздались залпы. Подскакалъ дозорный и на ходу уже докладывалъ:

— Ваше высокоблагородіе! Къ вокзалу подошли два эскадрона и рота японцевъ.

Это они и открыли выдержанный огонь залпами.

Командиръ 19-й роты, разсыпавъ небольшую цѣпь, началъ отстрѣливаться, приказавъ остальнымъ людямъ спрятаться за насыпью дороги.

Ротмистръ Голландскій скомандовалъ своимъ коннымъ разсыпаться въ лаву, и его громкій голосъ спасъ пѣшую часть и его взводъ отъ неминуемой гибели. Японцевъ было несравненно больше нашихъ, и они могли-бы раздавить небольшой арьергардикъ.

Громкая команда ротмистра поставила втупикъ непріятеля, подошедшаго къ станціи въ полной увѣренности, что найдетъ тамъ однихъ пѣхотинцевъ. Японцы освоились съ нашими построеніями и лавъ съ казачьими пиками боятся, какъ чортъ ладона. Поэтому они остановились на станціи, прекративъ залпы.

Когда конная и пѣшая части стали удаляться отъ семафора, японская горная батарея начала ихъ обстрѣливать шрапнелью; открытая мѣстность, по которой пришлось двигаться арьергарду, ставила отступающихъ въ критическое положеніе, но на выручку имъ откликнулась стоявшая сзади,

верстахъ въ 5-ти, арьергардная батарея. Она отвлекла огонь непріятельскихъ орудій на себя, что облегчило отряду отступленіе.

Начало темнѣть, и мракъ, окутавшій землю, далъ возможность передохнуть отъ пережитыхъ боевыхъ волненій.

Тогда вспомнили, что въ дневной перестрѣлкѣ былъ смертельно раненъ нижній чинъ 19-й роты; его оставили спрятаннымъ въ гаолянѣ. Вызвали охотниковъ спасти раненаго. Восемь человѣкъ 19-й роты съ фельдфебелемъ Шабалинымъ во главѣ, изъявили желаніе отправиться за товарищемъ. Къ нимъ назначили въ поддержку 15 человѣкъ 8-й сотни. Вся группа тихо, почти ползкомъ, двинулась обратно къ станціи, занятой уже непріятелемъ. Прорвавшись черезъ сторожевую цѣпь непріятеля, они углубились въ гаолянъ, гдѣ и нашли своего товарища. На линіи была оставлена вагонетка съ солдатскимъ скарбомъ: ее не успѣли утромъ увезти. Солдаты уложили на нее раненаго и тихо поползли назадъ, но шумъ катящейся вагонетки привлекъ вниманіе непріятеля. Раздался выстрѣлъ, другой, третій; за ними послѣдовали залпы и все-таки наши смѣльчаки ушли благополучно и спасли товарища.

Около часу ночи арьергардъ занялъ мостъ на р. Шахе, позади котораго были расположены на первыхъ позиціяхъ наши главныя силы.

На зарѣ слѣдующаго дня, т. е. 15-го числа, начался артиллерійскій поединокъ двухъ противниковъ; японцы выбрасываютъ безъ счета снаряды, шрапнельные и бризантные; первыми они закидываютъ цѣлыя площади, а вторыми вырываютъ изъ земли огромные столбы дыма и камней, чтобы застилать и свои цѣли. Имъ спокойно и могуче отвѣчаютъ русскія пушки; раздается два-три пробные выстрѣла; прицѣлъ взятъ

вѣрно, и послѣ нѣсколькихъ залповъ японская батарея сразу умолкаетъ, пока сбитыя орудія не замѣнятся новыми.

Тѣмъ временемъ отступавшій арьергардъ, остановившійся ночью на мосту Шахе, съ вновь присоединившимися къ нему двумя пѣшими командами, прикрывалъ отступленіе съ этого моста поѣзда подполковника Спиридонова. Главныя силы наши отодвигались къ главнымъ ляонскимъ позиціямъ, въ 6—7 верстахъ отъ города, къ высокимъ сопкамъ у дер. Мастунь.

16-го августа были только стычки нашихъ передовыхъ разъѣздовъ и сторожевой цѣпи. Непріятель наступалъ медленно и осторожно, подготовляя каждое передвиженіе громомъ орудій.

Настоящая кровавая драма подъ Ляояномъ начинается съ 3 ч. 30 м. утра 17-го августа. Еще солнце было за горизонтомъ, когда грянули непріятельскія орудія. Имъ тотчасъ отвѣтили наши батареи. Канонада была такъ велика, что небо покрылось густыми облаками дыма. Въ нихъ то и дѣло мелькали огоньки разрывающихся снарядовъ, словно молніи. Одна непріятельская горная батарея, успѣвшая пробраться на позиціи и ударить намъ во флангъ, особенно надоѣдала своей назойливостью. Это замѣтила наша батарея и двумя залпами смела ее.

Весь день длился артиллерійскій поединокъ; 8-я сотня въ полномъ составѣ, подъ командой ротмистра Голландскаго, была занята наблюденіями за непріятельскими эволюціями.

Около полудня одинъ изъ разъѣздовъ замѣтилъ вышедшую изъ ближайшей деревни большую непріятельскую колонну. Укрываясь въ гаолянѣ, она двигалась на деревню Мастунь и въ 1000 шагахъ отъ насъ открыла ружейный огонь, продолжая движеніе впередъ. Часамъ къ 3 непріятельская колонна подошла на 600 шаговъ и

выказала стремленіе взять нашихъ «во флангъ».

У насъ резервы были израсходованы. Противникъ былъ близокъ въ подавляющемъ количествѣ. Положеніе становилось труднымъ. Были спѣшены послѣдніе конные люди и введены въ цѣпь. Но тутъ пришло приказаніе держаться до полученія подкрѣпленій; вскорѣ подошли двѣ роты 4-го полка и немедленно влились въ цѣпь; вслѣдъ за нимъ подошли еще двѣ роты той-же части и составили резервъ. А непріятель все приближался. Шаговъ съ 300 его встрѣли дружные залпы. Ряды легли, за ними появились другіе и также погибли,—атака была отбита съ громаднымъ урономъ у противника.

Пришло донесеніе, что значительныя силы японцевъ двигаются въ обходъ праваго фланга. Дали знать командиру 1-го полка. Онъ быстро выдвинулъ стоявшій впереди 2-й батальонъ съ 2 пулеметами. Занявъ позиціи, они открыли убійственный огонь по непріятельскимъ колоннамъ, которыя и были отброшены съ страшными потерями.

День уже склонялся къ вечеру. Канонада не прекращалась. Тутъ пришло извѣстіе, что портъ-артурскіе герои отбили штурмъ японцевъ, и по всѣмъ линіямъ обороны грянуло «ура».

Вражескія колонны, какъ-бы смущенныя непонятнымъ крикомъ, остановились верстахъ въ трехъ отъ деревни Маетунь. Надвинулась ночь, канонада стихла. Кое-гдѣ замелькали огоньки костровъ. Около 10 часовъ вечера японцы повели энергичное наступленіе по всѣмъ фронтамъ и съ 11 ч. 30 м. ночи начались атаки. Японцы лѣзли съ настойчивостью, но ихъ били жестоко и отбрасывали съ тяжелыми потерями.

Былъ моментъ, когда деревня Маетунь была окружена японцами со всѣхъ сторонъ. Въ ней

находилась 8-я сотня съ ротмистромъ Голландскимъ.

Послѣднiй спѣшилъ людей и вывелъ ихъ съ примкнутыми штыками.

Пробивались къ цѣпи холоднымъ оружiемъ. Это была жестокая боевая схватка. Одинъ другому не давалъ пощады... Въ деревнѣ остались коноводы съ лошадьми. Къ счастью, бѣгомъ подошла рота 4-го полка и штыками отбросила противника, освободивъ Маетунь. Эту ночь ружейная пальба не прекращалась до утра.

Съ разсвѣтомъ возобновилась канонада артиллерiи. Японцы, предполагая, что въ деревнѣ Маетунь находятся больше резервы нашихъ силъ, буквально закидывали ее шрапнельными и бризантными снарядами. Въ деревнѣ былъ сущiй адъ. Фанзы разбивались вдребезги. Въ воздухѣ тучи дыма смѣшивались съ пылью. И все-таки атаки были отбиты. Деревню удержали.

Около 12 часовъ 18 августа сильная колонна японцевъ успѣла придвинуться къ редуту, занятому 19-й ротой и пѣшими учебными командами заамурцевъ; въ немъ было 300 человѣкъ. Осыпаемые огнемъ орудiй и пулями пѣхоты, герои вышли изъ редута и бросились въ штыки, пробивая себѣ дорогу сквозь густые ряды непрiятеля.

Пробились, но въ живыхъ осталось 65 человѣкъ изъ 300; изъ 4 офицеровъ только одинъ, раненый въ руку съ раздробленiемъ кости, пробился съ 65 молодцами героями. Остальные дорого продали свою жизнь... Заамурцы покрыли себя вѣнцомъ неувядаемой славы. 300 человѣкъ, подобно древнимъ защитникамъ Өермопилъ, бились съ 4 батальонами. Погибли командиръ роты штабсъ-ротмистръ Бѣляевъ, штабсъ-ротмистръ Севастицкiй и поручикъ Ивановъ.

Къ вечеру прiѣхалъ подполковникъ Скаря-

тинъ, чтобы принять подъ свою команду арьергардный отрядъ, но собралъ жалкіе остатки.

Эти славные герои присоединись къ ротѣ 1-го полка, помѣстившись съ нею въ ея окопахъ у деревни Маетунь. Здѣсь они держались до полученія приказанія отойти къ главнымъ позиціямъ Ляояна. Сотню, за неимѣніемъ въ ней необходимости, отвели на флангъ, для наблюденія противъ обхода. Подъ сильнымъ огнемъ пришлось взбираться на высокія сопки и спускаться по крутымъ, каменистымъ тропинкамъ.

Между тѣмъ артиллерійская подготовка атаки не прекращалась. Канонада стала настолько сильной, что дымъ застилалъ заходящее солнце. Грохотъ орудій и вой снарядовъ разносились далеко, на десятки верстъ въ окружности.

Около 9 часовъ японцы пошли въ атаку. Стрѣлки передового окопа у деревни Маетунь подпустили японцевъ на 100 съ небольшимъ шаговъ безъ выстрѣловъ. Это навело на нихъ такую панику, что они залегли и, не взирая на понуканія суетившихся офицеровъ, стрѣлявшихъ въ своихъ людей, крики и брань, не поднимались и не пошли дальше. Ихъ удалось поднять, но не для стремительнаго движенія впередъ, а для отступленія, и тогда они отходили, сопровождаемые нашими залпами, неся колоссальныя потери.

Да, молчаливая встрѣча врага, почти грудь грудью, произвела на нихъ удручающее впечатлѣніе.

Здѣсь кстати замѣтить слѣдующее: рядовой 19-й роты заамурцевъ, попавшій въ плѣнъ, вырвался и бѣжалъ изъ непріятельскаго лагеря. Онъ разсказалъ, что его караулилъ часовой — мальчишка не старше 13 лѣтъ. Мальчикъ заснулъ, и заамурецъ, захвативъ его ружье, бѣжалъ. Въ лагерѣ онъ видѣлъ много солдатъ—дѣтей 13—15-

лѣтняго возраста, а на востокѣ среди японцевъ видѣли стариковъ, обросшихъ сѣдыми бородами.

Бѣжавшій солдатъ 19-й роты владѣетъ китайскимъ языкомъ. Онъ служитъ въ заамурскомъ округѣ нѣсколько лѣтъ и пріобрѣлъ «друзей» среди населенія. Они одѣли его въ китайское платье и провели къ нашимъ аванпостамъ.

18-го августа, ночью, получено было приказаніе отойти въ Ляоянъ и занять форты.

Отступленіе началось въ часъ ночи. Шли спокойно, рота за ротою, батальонъ за батальономъ. Пришлось пересѣчь гряду сопокъ. Но движеніе продолжалось въ образцовомъ порядкѣ, незамѣтно было ни малѣйшей суеты. Непріятель даже не пытался преслѣдовать. Откуда-то выскочилъ конный разъѣздъ и отъ перваго выстрѣла скрылся.

Подошли къ фортамъ на зарѣ. Размѣстились по укрѣпленіямъ и приготовились къ новому отпору врагу.

Отголоски ляоянскихъ сраженій.

21-го сентября 1904 г.

Раненые въ ляоянскихъ бояхъ понемногу поправляются и стремятся обратно на передовыя позиціи, къ своимъ частямъ, выказавшимъ безпримѣрную въ лѣтописяхъ военной исторіи стойкость передъ современнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, когда «мушка» уже не имѣетъ значенія, когда лишь опредѣляется прицѣлъ или «угломѣръ» (въ артиллеріи), и цѣлыя площади

поливаются, словно изъ «брантспоя», пулями и снарядами.

Послѣ приказа командующаго манджурской арміей, генерала-адъютанта Куропаткина, о переходѣ въ наступленіе, особенно трудно сдерживать стремленія поправляющихся отъ ранъ и болѣзней офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ ряды дѣйствующихъ войскъ. Достаточно пройтись по госпиталямъ, чтобы убѣдиться въ правдивости моихъ словъ.

Вотъ на койкѣ сидитъ бородатый солдатъ; въ его добродушныхъ глазахъ, широкомъ плоскомъ лицѣ и всей фигурѣ читаешь восторженную радость,—комиссія, освидѣтельствовавъ его, выписала и возвращаетъ въ дѣйствующую армію.

А вотъ, на другой койкѣ сидитъ хмурый солдатикъ, очевидно изъ молодыхъ. Лицо его грустное, почти мрачное: комиссія «эвакуируетъ» его въ Россію для лѣченія отъ ранъ, и бѣднягу не радуетъ возможность возвращенія на родину, его гнететъ печаль, что ему лично не удастся отомстить врагу за причиненныя ему пораненія.

Я встрѣтилъ браваго вахмистра заамурскаго округа пограничной стражи. Это Антонъ Журинъ, георгіевскій кавалеръ, одинъ изъ шестидесяти пробившихся сквозь непріятельскіе ряды, послѣ того, какъ они вышли изъ окруженнаго со всѣхъ сторонъ люнета. Когда выбылъ изъ строя раненый офицеръ, онъ принялъ команду и держался на позиціи до прибытія новаго офицера.

— Разскажи, какъ ты чувствовалъ себя въ бою?—спрашиваю я браваго кавалера.

— Жутко, ваше благородіе,—откровенно отвѣтилъ онъ.—Пули отовсюду «бжикъ» да «бжикъ», а бонбіи эфти, шрапнеля, и еще птица подлая, черная и вонючая... Этта какъ упадетъ, спаси Господи, почитай полчаса ничего не разберешь,

не видно... Земля столбомъ поднимается, камнями земля брызжетъ... Ну, а осколковъ отъ ей рѣдко бываетъ — не лопается подлюга!.. а ужъ ежели хляснетъ, страсть!.. свѣта не взвидишь... на иглы распадается.

И пограничникъ вынимаетъ осколокъ, раздробившій ему руку.

— На какой позиціи тебя ранило?—спрашиваю я Журина.

— Такъ что на 574 верстѣ, — отвѣчаетъ онъ бойко.

574-я верста—это между горой Маетунь и станціей Ляоянъ. Эту возвышенность солдаты прозвали «Маета—гора», желая выразить, что на ней «маетно» было.

Журинъ — вахмистръ 2-го взвода 55-й роты, разбросанной по постамъ желѣзнодорожной линіи. Его впечатлѣнія о битвахъ съ 16-го по 22-е августа сводятся къ слѣдующему: посланный въ три часа утра 17-го августа съ поста на 574 версту къ «горѣ-Маетѣ», онъ у сѣверной подошвы былъ остановленъ сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ изъ за полотна дороги; противникъ даже пошелъ въ штыки, но Журинъ не считалъ удобнымъ принять бой. Въ его распоряженіи было 19 нижнихъ чиновъ, а противника было не менѣе роты. Поэтому онъ, пользуясь гаоляномъ, отошелъ на востокъ и присоединился къ одному изъ стрѣлковыхъ полковъ, засѣлъ въ занятыхъ стрѣлками окопахъ и отражалъ до 12 часовъ 18-го августа атаки японцевъ.

Со слезами на глазахъ Журинъ разсказывалъ объ убитомъ штабсъ-ротмистрѣ Кузьминѣ. Этотъ офицеръ былъ контуженъ въ ногу еще 17-го августа, когда онъ находился въ окопахъ у деревни Маетунь. Однако остался въ бою и велъ полуроту до моста на рѣкѣ Тайцзыхе. Въ 10 часовъ вечера 19-го августа Кузьминъ лично полу-

чилъ приказаніе отъ начальника штаба 4-й бригады пограничной стражи отправиться съ 87 охотниками на усиленіе поста 570 версты, верстахъ въ двухъ съ половиной отъ станціи Ляоянъ. Достигши окоповъ около 12 часовъ ночи, онъ размѣстился въ нихъ по обѣ стороны желѣзнодорожнаго полотна, имѣя вправо отъ себя части томскаго полка, а влѣво красноярцевъ. Впереди нашихъ войскъ уже не было.

Едва разсвѣло, 20-го августа, непріятель открылъ по окопамъ огонь съ своихъ батарей. Шрапнели рвались надъ головами, и осколки брызгами разсыпались въ разныя стороны.

— Жуть брала, — говорилъ откровенно Журинъ,—а ничего не подѣлаешь. Умирать не охота, а стоять велѣно, ну мы и стояли, не обращая вниманія на летавшую надъ нашими головами смерть. А штабсъ-ротмистръ нашъ Кузьминъ, царство ему небесное, храбрый, смѣлый, такъ и бѣгалъ съ распоряженіями изъ праваго окопа въ лѣвый. Я ему говорю: «Ваше благородіе! Не извольте безпокоиться, я самъ сбѣгаю». А онъ только махнетъ рукой и бѣжитъ. А тутъ шрапнеля разорвалась, осколкомъ ему въ голову ударило. И не дыхнулъ, сердечный, замертво свалился.

Бывалый, бравый вахмистръ, видавшій не мало смертей, шагавшій по трупамъ своихъ товарищей и противника, не могъ сдержаться и вытеръ рукавомъ нависшія на глазахъ слезы. Я какъ по книгѣ читалъ на его лицѣ истинную скорбь, тоску по погибшемъ героѣ.

— Ну, а что дальше было?—продолжаю я вытягивать у него.

— Дальше, баринъ? Дальше я принялъ команду. Вотъ Господь меня помиловалъ, а его, сердешнаго, убралъ.

— А что, японцы сильно напираютъ?

— Такъ точно! Прутъ, какъ черви, словно огол-

тѣлые... Только всегда они пьяны, повѣрите-ли, иной доберется до позиціи и сваливается...

— Долго тебѣ пришлось командовать безъ офицера?

— До 6 часовъ вечера 20 августа. Послѣ прибылъ поручикъ Болваневичъ, а на слѣдующее утро у насъ обнажился лѣвый флангъ, вотъ поручикъ Болваневичъ приказали перебѣжать изъ лѣваго окопа въ правый. Перебѣгали мы во время убійственнаго огня. Пули «бжикали», шрапнели лопались, страсть. Во время перебѣжки ранило его благородіе и еще хорошаго солдата, хохла Шевченку. Опять я принялъ команду, а поручика мы вынесли изъ огня и вмѣстѣ съ рядовымъ Шевченкой отнесли въ штабъ роты, гдѣ и сдѣлали перевязку.

Потомъ Журинъ обстоятельно разсказываетъ о взрывѣ моста черезъ рѣку Тайцзыхе. По его словамъ, предварительно послали нѣсколько охотниковъ на дрезинѣ на ст. Ляоянъ; огонь противника заставилъ ихъ вернуться, не исполнивъ порученія. Командиръ 55-й роты пограничной стражи, штабсъ-ротмистръ Артаблевскій, вторично вызвалъ охотниковъ добыть керосинъ и привезти его во что бы то ни стало на дрезинѣ со станціи Ляоянъ.

Я въ одномъ изъ писемъ о ляоянскихъ сраженіяхъ писалъ подробно, какъ пять охотниковъ сумѣли добраться на дрезинѣ къ станціи, подкрались къ пакгаузу и извлекли изъ него 22 жестянки (пудовыя) съ керосиномъ и увезли его, преслѣдуемые залпами непріятеля.

Удалось выжечь всѣ деревянныя части и взорвать нѣсколько фермъ съ обоихъ береговъ.

Въ одномъ изъ оффиціальныхъ донесеній въ штабъ Заамурскаго округа говорится, что во время взрыва моста непріятельская конница приблизилась къ отступавшему маленькому арьер-

гарду изъ одной роты пограничниковъ на 800 шаговъ и, занявъ дамбу, спѣшилась и открыла частый огонь (пачками). Рота заамурцевъ, подъ командой штабсъ-ротмистра Артаблевскаго, произвела 8 залповъ съ такъ-называемаго постояннаго прицѣла, чѣмъ заставила противника умолкнуть. Это помогло выполнить задачу сжиганія и взрыва моста.

Картина была поразительная: съ обѣихъ сторонъ полотна дороги засѣла пополуротно 55-я рота и давала одинъ за другимъ залпы по непріятельской конницѣ; въ ночной темнотѣ вспыхивали искры, по воздуху раскатами разносились звуки ударовъ, а въ это время пять смѣльчаковъ, какъ тѣни, ползли по деревянному настилу моста, поливая его керосиномъ. Вотъ, работа выполнена; люди, продолжая стрѣлять, шагъ за шагомъ отодвигаются на правый берегъ, гдѣ все приготовляется для взрыва: выкопаны воронки, заложены взрывы, фитиля, запалы; сверкнулъ огонекъ, раздался трескъ, и густой столбъ дыма и осколковъ полетѣлъ вверхъ.

Дѣло было сдѣлано. Оставалось догнать отступавшія главныя силы.

Ротмистръ Артаблевскій, съ которымъ мнѣ удалось побесѣдовать въ Телинѣ, съ восторгомъ отзывается о своихъ людяхъ.

— Это настоящіе герои, достойные сыны родины. Необходимо видѣть ихъ въ дѣлѣ, чтобы вполнѣ оцѣнить ихъ доблесть. Ничего не забудутъ, не только раненаго товарища не оставятъ, но убитаго вынесутъ, чтобы предать праматери сырой землѣ... Таковъ весь нашъ заамурскій округъ, — съ гордостью заключаетъ славный штабсъ-ротмистръ.

— Позвольте, развѣ другія войска наши хуже?— какъ-бы обидѣвшись, прерываю я его.

— Боже сохрани! Кто говоритъ? На ляоянскихъ

позиціяхъ люди держались съ поразительной стойкостью и упорствомъ; поражаешься, какъ они могли выносить такой адъ... Вѣдь было что-то ужасное, легендарное...

— Назовите наиболѣе отличившихся,—прошу я Артаблевскаго.

— Всѣ герои, всѣ до одного! Взять хотя рядового Михаила Старцева, или Ивана Ракитина, или Шишко, наконецъ, Дымова, Бобылева. Это все герои! Всѣхъ не перечислишь.

Наша бесѣда долго не могла прерваться. Ротный командиръ видимо съ удовольствіемъ говорилъ о своихъ «сѣрыхъ герояхъ».

Отрядъ генерала Самсонова подъ Ляояномъ.

Прослѣдимъ за отрядомъ, оперировавшимъ подъ командой генерала Самсонова, отъ Ляояна до четырнадцатидневныхъ боевъ подъ Мукденомъ, на Шахе. Характеристика самого начальника кавалеріи: спокоенъ, ровенъ, молчаливъ, производитъ впечатлѣніе угрюмаго человѣка. Во всѣхъ бояхъ — впереди, даже незначительное сраженіе подъ его личнымъ наблюденіемъ, для чего всегда устраивается на возвышенности, внимательно слѣдитъ за ходомъ боя. Сдерживая натискъ японцевъ отъ Вафангоу, пріобрѣлъ огромный боевой опытъ, который читатель оцѣнитъ, прочитавъ настоящіе очерки.

Передъ ляоянскими битвами генералъ Самсоновъ назначается начальникомъ кавалеріи, оперировать которой предстояло на правомъ флангѣ нашего боевого расположенія. Его отрядъ состоитъ изъ 8-ми казачьихъ полковъ. 17-го авгу-

Генералъ-лейтенантъ А. В. Самсоновъ.

ста начальникъ конницы праваго фланга поставленъ въ необходимость выручить генерала Мищенко; изъ 8-ми полковъ на выручку посылается три полка.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ боя въ рукахъ генерала остается только кавалерійскій резервъ въ составѣ казачьей дивизіи и третьей забайкальской батареи. Командующій арміей держитъ эту часть въ резервѣ, въ ожиданіи удобнаго момента.

Еще не умолкъ грохотъ орудій 18-го августа, еще солнце не успѣло скрыться за горизонтомъ, какъ получилось извѣстіе о движеніи Куроки въ обходъ лѣваго фланга нашей арміи. Донесли объ этомъ разъѣзды крайняго лѣваго фланга. Но бой 18-го августа былъ настолько интенсивенъ, онъ велся съ такимъ ожесточеніемъ, что почти всѣ пѣхотныя части были израсходованы и выдѣлить изъ сражающейся арміи кого-либо для противодѣйствія обходу не представлялось возможнымъ.

Такимъ образомъ, ожидали нападенія съ тыла обходныхъ колоннъ Куроки съ разсвѣтомъ 19-го августа. Для противодѣйствія этой опасности генералъ Куропаткинъ отдалъ приказаніе начальнику казачьей дивизіи, ген. Самсонову, переброситься съ оставшимися у него сотнями и батареей съ крайняго праваго фланга на крайній лѣвый.

Къ вечеру небо заволокло тучами. Разразилась гроза съ ливнемъ.

Не взирая на адскую погоду, генералъ Самсоновъ въ одну ночь совершаетъ переходъ въ 40 верстъ и является къ мѣсту обхода Куроки вовремя. Одинъ этотъ переходъ является безпримѣрнымъ успѣхомъ нашей конницы, неоцѣнимою заслугою. Благодаря такой быстротѣ, съ разсвѣтомъ 19-го августа казачья дивизія была на мѣстѣ, осмотрѣла всѣ возвышенности у ст. Янтай-копи

и приготовилась дать отпоръ Куроки. До прибытія генерала Самсонова съ отрядомъ такой важный пунктъ, на который долженъ былъ обрушиться первый ударъ Куроки, охранялся всего двумя конногорными орудіями и полусотней заамурскаго округа пограничной стражи, исполнявшей долгъ свой такъ же самоотверженно, какъ и всегда и всюду, гдѣ ей приходилось дѣйствовать.

Генералъ Самсоновъ, прибывъ къ Янтаю-копи, немедленно разослалъ разъѣзды съ цѣлью, какъ выражаются спеціалисты, освѣщенія мѣстности и выясненія силъ наступающаго противника. Вмѣстѣ съ тѣмъ были намѣчены и заняты высоты, имѣющія стратегическое значеніе. Маневръ, произведенный генераломъ Самсоновымъ, и данные противнику бои обнаруживаютъ въ немъ недюжинное дарованіе полководца.

Удлиненіемъ фронта еще на протяженіе десяти верстъ образовалась та завѣса, которая и дала возможность вывести наши силы изъ разставленной ей Куроки ловушки.

До прибытія дивизіи ген. Орлова казачья дивизія Самсонова сдерживала стремительный натискъ арміи японцевъ. Не взирая на неудачу дивизіи ген. Орлова, японцы, сдерживаемые казаками, хотя и прорвались къ Янтай-копи, однако не смѣли атаковать наши войска.

Такимъ образомъ, получилось нѣчто поразительное: четыре казачьихъ полка устрашили нѣсколько японскихъ пѣхотныхъ дивизій и за двухдневный ожесточенный бой, въ которомъ противникъ понесъ огромныя потери, дивизія генерала Самсонова уступила всего полторы версты.

Таково теченіе событій до 22-го августа, когда дивизія Самсонова получила приказаніе отойти къ Мукдену и расположиться на отдыхъ, такъ

какъ вся главная армія наша уже очистила Ляоянь и прошла къ позиціямъ на Шахе.

Но не суждено было еще казачьей дивизіи воспользоваться разрѣшеннымъ ей командующимъ арміей отдыхомъ. Куроки не хотѣлъ мириться съ постигшей его неудачей и вновь устраивалъ намъ каверзу.

Въ 4 часа дня 22 августа получилось извѣстіе, что Куроки предпринялъ дальній обходъ съ цѣлью зайти намъ въ тылъ. Пять японскихъ батальоновъ и 18 горныхъ орудій двинулись на Таймадзы. Энергичный генералъ немедленно посадилъ дивизію на коней и въ сопровожденіи 3-й забайкальской батареи ринулся навстрѣчу японцамъ.

Дивизія совершила двѣнадцативерстный пробѣгъ менѣе чѣмъ въ часъ времени, идя всю дорогу перемѣннымъ аллюромъ. Еще до прибытія непріятеля генералъ Самсоновъ успѣлъ занять позицію, построивъ двѣ бригады глаголемъ, т. е. два полка поставлены были фронтомъ къ югу, въ промежуткѣ шесть орудій, другіе два полка расположились фронтомъ на востокъ.

Батальоны Куроки не ожидали встрѣчи съ казаками въ этомъ пунктѣ. Они были опрокинуты и отброшены съ чувствительнымъ урономъ.

На Восточной вѣткѣ Китайской дороги.

Ст. Именьпо, 30 августа.

Станція Имемпо или Именьпо расположена въ 150 верстахъ отъ Харбина, по такъ называемой Восточной вѣткѣ Восточно-Китайской желѣзной дороги.

Въ узкой долинкѣ, распростершейся между двумя горными хребтами, вершины которыхъ покрыты густой зеленой порослью, на берегу довольно глубокой горной рѣчки, раскинулось нѣсколько десятковъ станціонныхъ строеній.

Они кокетливо высматриваютъ изъ-за яркой зелени окружающихъ строенія садиковъ.

Отовсюду привѣтливо киваетъ качающійся на своемъ высокомъ стеблѣ подсолнечникъ въ красивомъ желтомъ вѣнцѣ; красный георгинъ, полный и пышный красавецъ, таинственно перешептывается съ ласково обвившею его зеленою травкой, и никому и въ голову не придетъ, что эта площадка, гдѣ разбито нѣсколько улицъ съ постройками и садиками, и все пространство отъ самаго китайскаго города Ажихэ вплоть до Пограничной, представляло еще не такъ давно, всего лишь 5—6 лѣтъ тому назадъ, дикую картину глухой непроходимой тайги.

Въ густыхъ заросляхъ, на остроконечныхъ сопкахъ водились дикіе звѣри: — кабаны, медвѣди, изрѣдка попадался свирѣпый и хищный тигръ.

Въ этой тайгѣ, полной таинственной, дикой прелести, находили пріютъ шайки хунхузовъ, устраивавшихъ здѣсь свои становища для дѣлежа и храненія награбленнаго добра.

Вы видите змѣей извивающуюся стальную ленту полотна, телеграфные столбы, домики для охраняющихъ линію пограничниковъ, наконецъ, и станцію съ широкой площадкой. Позади станціи выросъ цѣлый поселокъ, а какъ онъ выросъ, какихъ трудовъ требовалось, чтобы побороть стихійныя силы природы, никому, вѣрно, и въ голову не приходитъ; мѣстами вдоль пути, недалеко отъ полотна, попадаются ровныя площадки, носящія слѣды заброшенныхъ и разрушенныхъ китайскихъ деревень. Прогулявшись по высокой травѣ, легко находишь слѣды земледѣльческой

культуры. Здѣсь, когда-то, дѣйствительно селились и обрабатывали землю трудолюбивые манзы, но хунхузы вырѣзали бѣдныхъ мирныхъ тружениковъ, а ихъ жилища сожгли.

Когда приступили къ постройкѣ дороги,—разсказывалъ мнѣ инженеръ, начальникъ отдѣленія пути отъ Именьпо до Пограничной, Т. М. Тихомировъ, — почти невозможно было найти рабочихъ; манзы, страшась хунхузовъ, наотрѣзъ отказывались итти работать на линію.

Наконецъ, нашли предпринимателя, смѣлаго манзу, по имени Сяоганьлинь. Онъ потребовалъ авансомъ 5,000 дяо (монета, равная нашимъ 55 к.) и обѣщалъ за эту сумму собрать партію рабочихъ съ пилами, топорами и другими необходимыми инструментами.

Строитель вѣтки, инженеръ Тихомировъ, рѣшился на свой рискъ и страхъ выдать оборванному, грязному манзѣ требуемую сумму. Сяоганьлинь, получивъ деньги, скрылся на нѣкоторое время; однако, въ назначенный срокъ привезли запасъ провіанта, вслѣдъ за которымъ явился и Сяоганьлинь съ партіей рабочихъ.

Работы производились при абсолютномъ бездорожьи, въ глухой, заросшей лѣсомъ, тайгѣ. Пришлось преодолѣвать неимовѣрныя трудности въ борьбѣ съ природой, испытывать не малыя затрудненія съ подвозомъ провіанта; а когда работы наладились, явилась новая бѣда: на рабочихъ стали нападать шайки хунхузовъ, свившихъ гнѣздо всего въ 4 верстахъ отъ мѣста, гдѣ производились работы.

Хунхузы обложили рабочихъ данью по 10 коп. съ человѣка и за этой данью являлись при полученіи китайцами заработныхъ денегъ. Это обстоятельство вынудило главнаго строителя дороги г. Юговича обратиться съ жалобой къ гиринскому дзянь-дзюню. Результатомъ этой жалобы былъ

пріѣздъ на станцію Именьпо роты китайскихъ солдатъ подъ командой капитана, въ сопровожденіи пышной процессіи съ флагами и музыкой, разумѣется—китайской.

Ротный командиръ, въ грязной кофтѣ, въ шапочкѣ съ стекляннымъ шарикомъ и длиннымъ чернымъ султаномъ на затылкѣ, заявилъ инженеру Тихомирову, что его пріѣздъ на станцію вызванъ порученіемъ дзянь-дзюня «уничтожить» хунхузовъ.

Поселился капитанъ съ своей ротой вблизи станціи, цѣлыми днями покуривалъ опіумъ, а хунхузы жили въ четырехъ верстахъ и совсѣмъ не помышляли оставить теплое гнѣздышко.

Вновь послѣдовала жалоба; явился полковникъ съ голубымъ шарикомъ, съ еще болѣе длиннымъ перомъ, въ сопровожденіи еще болѣе пышной процессіи, многочисленныхъ музыкантовъ съ длинными трубами и цѣлымъ батальономъ солдатъ.

Полковникъ предпринялъ энергичные походы противъ хунхузовъ; ему удалось окружить ихъ и обезоружить. Нѣкоторые были обезглавлены, нѣкоторыхъ, обѣщавшихъ обратиться къ мирнымъ занятіямъ, помиловали.

Наконецъ, путь былъ возведенъ, станціи построены, рельсы уложены. Паровозы огласили тайгу рѣзкими свистками, загромыхали балластные и рабочіе поѣзда... Тутъ, какъ на грѣхъ, началось движеніе «боксеровъ». На южной линіи разносили шпалы, снимали рельсы, сжигали мосты; восточная вѣтка пока не страдала отъ народнаго Возстанія. Но не надолго. Китайскія власти въ Ажихэ разослали приказъ манзамъ разрушить дьявольское сооруженіе «бѣлыхъ чертей». Покорные манзы, готовые по первому приказу вытянуть свои длинныя шеи подъ ударъ палача, неохотно повиновались приказу разрушить путь. Сожгутъ деревянный мостикъ и успокоятся. Но приказы

повторялись, подтверждались, а когда и это не помогло, власти объѣхали поселки вблизи желѣзной дороги и объявили, что неисполненіе приказа повлечетъ казни, за послушаніе-же обѣщали награды отъ богдыхана...

Теперь все кончено. Разрушенный во время безпорядковъ путь снова возстановленъ, и въ прежней тайгѣ мирныя занятія нарушаются только свистками паровозовъ и шумомъ проходящихъ поѣздовъ.

Теперь по этой линіи везутъ раненыхъ. Вездѣ на большихъ станціяхъ устроены огромные госпитали Краснаго Креста.

Вотъ предо мною два длинныхъ зданія.

Высокія стѣны, огромныя палаты!.. Чистота повсюду образцовая... На хорошихъ кроватяхъ лежатъ раненые, но лежатъ немногіе,—большинство или стоитъ, или сидитъ на табуреткахъ. Всѣ въ чистомъ бѣлоснѣжномъ бѣльѣ; на нѣкоторыхъ накинуты байковыя одѣяла.

Нѣсколько сестеръ милосердія ходитъ между ранеными. Иному сестра поставитъ градусникъ, другому дастъ питье, тому скажетъ пару словечекъ... Гляжу я на этихъ святыхъ труженицъ и представляю себѣ, какъ онѣ въ битвахъ перевязываютъ раны пострадавшимъ, не обращая вниманія на свистъ пуль и трескъ лопающихся снарядовъ... Въ 4 часа назначенъ «маленькій домашній» концертъ для больныхъ. Нѣсколько балалаечниковъ, граммофонъ и два чтеца будутъ развлекать героевъ...

До концерта я дѣлаю попытку побесѣдовать съ легко ранеными.

— Ты, братецъ, гдѣ раненъ?—спрашиваю одного курносаго солдата съ открытымъ, смѣлымъ лицомъ. У него рука на перевязи.

— Подъ Лявальяномъ, ваше благородіе,—отвѣчаетъ раненый.

Лявальянъ означаетъ Ляоянъ.

— Ты помнишь ходъ сраженія? Разскажи.

— Такъ что, ваше благородіе, мы лежали въ окопахъ, а ёнъ стрѣляетъ, ну, извѣстно, и мы тоже спуску не даемъ. Ну, а потомъ, стало быть, меня ранило осколкомъ въ руку... Больше ничего не видалъ, ушелъ на перевязочную пункту...

Другой, раненый въ грудь навылетъ и въ щеку, охотно разсказываетъ, какъ японцы «стражались» подъ Ляояномъ.

— Такъ что я до вечера 19-го августа былъ на позиціи. 18-го вечеромъ они полѣзли на наши окопы; штыки примкнули и ползутъ... Ну, мы всѣ патроны разстрѣляли, и у нихъ, видимо, нечѣмъ стрѣлять. Подошли близко, остановились, дальше не идутъ; стояли немного и давай въ насъ каменьемъ швырять... У насъ изъ роты всего-то двадцать человѣкъ уцѣлѣло, и офицеры всѣ выбыли изъ строя, и унтера, только одинъ фельдфебель и остался нами командовать... Ну, мы тоже не идемъ въ атаку и также начали швырять въ непріятеля каменьемъ. Скоро подошло подкрѣпленіе, и мы бросились на «ура»... Всѣхъ перекололи. Не умѣютъ они штыками драться.

Это разсказывалъ солдатъ съ восточнаго фронта; съ южнаго фронта разсказывалъ другой раненый, что онъ видѣлъ, какъ въ атаку шли совсѣмъ мальчуганы.

— Мы пачками ихъ обдавали. Дѣти - солдаты совсѣмъ обалдѣли, побросали ружья, а сами легли—дѣлайте, молъ, съ нами, что хотите.

Раненый утверждаетъ, что этихъ малышей-воиновъ подхлестывали шашками и револьверными выстрѣлами, заставляя итти въ атаку.

Отъ многихъ мнѣ приходилось слышать, что среди японцевъ много стариковъ и цѣлые батальоны дѣтей 12—15-лѣтняго возраста.

Въ 4 часа начался концертъ. Игралъ и пѣлъ граммофонъ; раненые слушали и на ихъ лицахъ выражалось истинное наслажденіе; потомъ прочитали имъ нѣсколько стихотвореній Некрасова. Балалаечники сыграли весьма недурно нѣсколько бравурныхъ вещичекъ.

Нужно было видѣть выраженіе радости и удовольствія на лицахъ больныхъ, чтобы вполнѣ оцѣнить идею инженера Тихомирова развлекать находящихся въ госпиталѣ больныхъ. Не одинъ солдатъ скажетъ симпатичному русскому инженеру, заброшенному волей судебъ на Дальній Востокъ, искреннее русское «спасибо».

Бои на Шахэ.

6-го октября.

Боевая жизнь кипитъ. Сраженія, т.-е. битвы, закипаютъ съ разсвѣтомъ и рѣдко умолкаютъ на ночь. Грохотъ орудій безъ перерыва, безъ передышки весь день, подчасъ въ теченіе всей ночи. «Господи», думаешь, «и когда этому конецъ?» А тамъ, за 15—17 верстъ двѣ арміи стремятся уничтожить другъ друга, ясно чувствуется, что японцами руководитъ жадное стремленіе завладѣть всей Кореей, Квантуномъ, Ляодуномъ, быть можетъ даже Китаемъ и всей Азіей, хотя они стараются увѣрить, что имъ нужна только маленькая, ничтожная Корея, загнанная и забитая, но все-таки пригодная къ тому, чтобы снимать богатую жатву съ ея тучныхъ нивъ, переодѣвать поселянъ въ форму японскихъ солдатъ и вести ихъ на бойню...

Такова этика войны у нашего противника; онъ, напримѣръ, не только не брезгаетъ загнан-

ными и забитыми корейцами, хунхузами, грабящими подъ знаменемъ Японіи мирныхъ китайцевъ, онъ въ Ляоянѣ, подъ видомъ найма рабочихъ, вооружаетъ 700 китайцевъ и ведетъ ихъ въ передовую линію...

— Вы немного постръляете, — говорятъ японскіе командиры,—а потомъ будете копать землю, строить укрѣпленія, и мы вамъ щедро заплатимъ. — И платятъ ничего нестоящими бумажками въ «пять», «десять», «двадцать пять» и «пятьдесятъ» копеекъ, которыми наводнена вся занятая ими территорія Квантуна и Ляодуна *). На этихъ бумажкахъ напечатано: «Предъявителю сего выдается изъ казначейства по окончаніи военныхъ дѣйствій и полученія контрибуціи»...

Осторожно, чрезвычайно осторожно: не упоминается, изъ какого казначейства имѣютъ быть выданы деньги по предъявленіи бумажки, видомъ своимъ весьма похожей на этикетки поддѣльныхъ винъ шанхайскихъ фирмъ; также не упоминается, съ кого ожидается контрибуція «по окончаніи военныхъ дѣйствій».

Хотя «мукденскіе бои» начинаются съ 23—24-го сентября, но я перейду прямо къ 26-му. Будемъ слѣдовать часъ за часомъ за охотничьей командой 36-го полка, дѣйствующей въ головѣ авангарда вмѣстѣ съ командой другого полка, кажется, 35-го, впрочемъ, вѣрно не упомню, а въ записную книжку забылъ занести.

Итакъ, начальникъ охотничьей команды 36-го восточно - сибирскаго стрѣлковаго полка, подпоручикъ Рутковскій, выступилъ вмѣстѣ съ авангардомъ.

Впереди, за тремя параллельными долинами, какъ два гиганта, распростерлись два горныхъ

*) Таково было наше мнѣніе о японцахъ и ихъ финансахъ въ періодъ боевъ на р. Шахэ.

кряжа. Перевалы черезъ эти массивы, «Тумынлинскій» и «Чапанлинскій», заняты сильными непріятельскими отрядами.

Утро холодное. На поляхъ еще не растаялъ снѣгъ.

Авангардъ, имѣя во главѣ двѣ охотничьихъ команды, двигался по долинамъ.

Признаки присутствія непріятеля встрѣчаются почти на всемъ пути.

Черезъ каждые двѣсти шаговъ попадаются небольшіе окопы, разбросанные тамъ и сямъ по склонамъ сопокъ. Очевидно, противникъ въ этихъ мѣстахъ готовился встрѣтить русскую рать, но почему-то раздумалъ и отодвинулся къ переваламъ.

Порою встрѣчаются слѣды кавалерійскихъ отрядовъ, еще остались легкіе гаоляновые навѣсы и коновязи. Но до деревни Дашичауза дошли безъ выстрѣла. Солнце уже плыло въ своемъ лазоревомъ ложѣ и грѣло обмерзшую за ночь природу.

Начальникъ авангарда остановилъ отрядъ въ деревнѣ, а подпоручику Рутковскому приказалъ выдвинуться съ своими двумя охотничьими командами впередъ «до соприкосновенія» съ непріятелемъ, осмотрѣть перевалы, если они заняты незначительными силами, выбить ихъ оттуда, занявъ своими командами, и остановиться въ южныхъ скатахъ за переваломъ, у деревни Тавагоу.

Охотничьи команды двинулись впередъ по долинѣ, выславъ разъѣзды. Одинъ изъ нихъ вскорѣ возвратился и сообщилъ, что деревня Сяодагай занята незначительнымъ отрядомъ японцевъ.

Сяодагай, заурядная китайская деревушка, съ десяткомъ убогихъ фанзъ, окруженныхъ глиняными стѣнами, расположена въ центрѣ долины. Справа и слѣва—крутыя сопки. Вблизи деревни встрѣтили небольшой казачій разъѣздъ, наблю-

давшій противника, однако не доставившій какихъ либо цѣнныхъ свѣдѣній о силахъ и расположеніи непріятеля.

Начальникъ охотничьихъ командъ выстроилъ свой отрядъ «казачьей лавой» и двинулся на деревню. Находившіеся въ послѣдней 30 всадниковъ дали по нашимъ нѣсколько выстрѣловъ и быстро удалились, отойдя къ слѣдующей деревнѣ Тавагоу, лежащей у входа въ лощину, ведущую къ переваламъ. Движеніе удаляющихся японскихъ кавалеристовъ видно было невооруженнымъ глазомъ; они вразсыпную, одинъ за другимъ, улепетывали къ лощинѣ.

Рутковскій остановилъ своихъ людей, спѣшилъ ихъ и двинулся дальше, держась по склонамъ сопокъ въ пѣшемъ строю. Съ разстоянія 800 шаговъ открыли огонь по селенію Тавагоу. Опять невооруженнымъ глазомъ замѣтно было смятеніе, происшедшее среди японцевъ, находившихся въ селѣ: они безпорядочно метались взадъ и впередъ по улицамъ, размахивали руками, а потомъ пустились «на утекъ», лишь пятки сверкали *).

Тѣмъ не менѣе они несли потери отъ мѣткаго ружейнаго огня нашихъ охотниковъ, которые спустились съ сопокъ и бѣгомъ бросились къ деревнѣ. Болѣе смѣлые изъ японцевъ, еще державшіеся около заборовъ фанзъ, также бросились бѣжать, повидимому, въ паническомъ страхѣ, потому что бѣжавшіе побросали раненыхъ и, удирая, какъ-то странно, смѣшно прикрывали руками затылки. Сзади деревни находились еще двѣ роты японцевъ. Бѣжавшіе образовали такой безпорядокъ, что и тѣ двѣ роты бросились бѣ-

*) Оставляю это очеркъ въ томъ видѣ, какъ онъ появился въ газетѣ. Онъ ярко рисуетъ взглядъ нашъ на японцевъ еще въ періодъ Шахэнскихъ боевъ. Бѣгство выдвинутыхъ впередъ японскихъ отрядовъ въ дѣйствительности являлось простымъ маневромъ, заранѣе обдуманнымъ.

жать въ паническомъ ужасѣ. Одни направились къ проходу на Тумынлинскій перевалъ, другіе на Чунгуанлинскій.

Въ это время прискакалъ дозорный и сообщилъ, что на Чунгуанлинскій перевалъ поднимается вьючный обозъ. Охотники кинулись къ перевалу въ намѣреніи отбить у непріятеля обозъ.

Съ этой цѣлью Рутковскій бросился съ частью команды къ подъему, гдѣ виднѣлись японцы, и убѣдился, что въ гору поднимаются 4 орудія съ прикрытіемъ, по крайней мѣрѣ, до 200 человѣкъ.

Силы охотничьей команды не превышали 130 человѣкъ вмѣстѣ съ пластунами поручика Каргера.

Едва японцы замѣтили нашихъ охотниковъ, они открыли по нимъ убійственный огонь. Японская стрѣльба вообще отличается необыкновенной силой и быстротой. Поражаешься, какъ они успѣваютъ выпускать такое количество пуль. Къ счастью, ружейный огонь у нихъ не отличается «дисциплиной», выдержкой и стрѣляютъ они весьма слабо.

Тѣмъ не менѣе, охотники въ мигъ потеряли 13 лошадей убитыми и 6 нижнихъ чиновъ ранеными, поэтому, не считая себя въ силѣ вступать въ борьбу съ сильнѣйшимъ противникомъ, отошли по направленію къ деревнѣ Тавагоу.

— Ваше благородіе! — крикнулъ вернувшійся карьеромъ дозорный, сдерживая коня передъ начальникомъ охотниковъ. — Въ деревнѣ японцы стоятъ съ гуртомъ скота.

Это извѣстіе подѣйствовало на людей какъ электрическій токъ. Немедленно команда ринулась къ опушкѣ деревни, откуда въ самомъ дѣлѣ выходилъ гуртъ скота подъ прикрытіемъ полуэскадрона кавалеристовъ и около полуроты пѣхотинцевъ. Прикрытіе было сбито и разсѣяно.

Всадники удрали къ ущелью, ведущему на перевалъ, а пѣхотинцы, вступившіе въ борьбу, были переколоты, за исключеніемъ двухъ, сдавшихся въ плѣнъ.

Гуртъ скота былъ отбитъ. Около 150 головъ, погоняемыя китайцами и нашими людьми, направились къ деревнѣ, оставляя позади огромный столбъ пыли.

Въ деревню вошли въ колоннѣ «справа по три». Улицы китайскихъ селеній не дозволяютъ итти широкимъ фронтомъ.

Непріятель, или извѣщенный китайцами, или замѣтивъ нашу команду по поднятой ею пыли, открылъ огонь по колоннѣ съ Тумынлинскаго перевала сначала двумя шрапнелями,—изъ нихъ одна «дала перелетъ», другая—«недолетъ»,—а потомъ пустилъ «бризантный» снарядъ, удачно попавшій въ арьергардъ изъ пластуновъ поручика Каргера. Произошло неизбѣжное въ подобныхъ случаяхъ замѣшательство.

Рутковскій разсказывалъ, что когда онъ оглянулся, глазамъ его представилась слѣдующая картина: громадный столбъ земли и мелкаго камня покрылъ большую часть всадниковъ арьергарда... Люди, нагнувшись, словно прилипли къ шеямъ коней... Въ такомъ-же положеніи былъ поручикъ Каргеръ, подъ конемъ котораго упалъ снарядъ... Но лошадь, вѣроятно, уже достаточно ознакомилась съ особенностями боевой жизни и стояла спокойно, только ноздри ея раздувались и она фыркала, очевидно недовольная забившеюся въ носовыя отверстія землею.

Прошло нѣсколько секундъ, земля разсѣялась. Все обошлось благополучно. Снарядъ не разорвался, а лишь зарылся глубоко въ землю, образовавъ яму аршина въ полтора глубиною.

Каргеръ былъ слегка контуженъ и оглушенъ, но остался въ строю. Остальные отдѣлались лег-

кимъ испугомъ. У всѣхъ, попавшихъ подъ земляной вихрь, поднявшійся отъ снаряда, лица почернѣли, какъ у «трубочистовъ». Скоро команда оправилась и поспѣшила скрыться за деревней.

Время уже приближалось къ тремъ часамъ дня. Дальнѣйшее движеніе затруднялось ранеными, которымъ необходимо было сдѣлать перевязки, но и перевалъ невозможно было оставить безъ наблюденія.

Выполнивъ послѣднее, отрядъ съ отбитымъ гуртомъ расположился въ деревнѣ Тавагоу, недавно, повидимому, покинутой непріятелемъ. Перевязавъ раненыхъ, въ томъ числѣ и двухъ плѣнныхъ японцевъ, двинулись къ деревнѣ гдѣ нашли остатки телефонныхъ и телеграфныхъ сооруженій, проволоки, звонки и другія принадлежности.

Плѣнные были оба драгуны. У одного изъ нихъ, старшаго унтеръ-офицера, что видно было по нашивкамъ на рукавахъ его мундира, нашли полевую книжку, очень хорошую карту мѣстности, нѣсколько фотографій, немного японскихъ ассигнацій и кипу квитанцій 10, 25 и 50 копеечнаго достоинства. Этими квитанціями японцы расплачиваются съ китайцами за пріобрѣтенный фуражъ, и нельзя сказать, чтобы они платили щедро. Въ то время, какъ наши поставщики выплачиваютъ за скотъ по 7 р. съ пуда, японцы уплачиваютъ китайцамъ квитанціями «за счетъ контрибуціи» по одному рублю за скотину... о чемъ свидѣтельствовали сами китайцы.

Раненыхъ оставили въ фанзахъ, въ деревнѣ, подъ присмотромъ фельдшера и небольшого конвоя, а команды пошли на Тумынлинскій перевалъ. На пути онѣ встрѣтили штабсъ-капитана Горностаева съ тридцатью молодцами, которые въ теченіе цѣлаго дня тѣснили японцевъ, гоняя ихъ съ сопки на сопку и, наконецъ, оттѣснили

ихъ къ самому Ченгуанлинскому перевалу, вблизи коего сами заняли наблюдательный постъ.

День склонялся къ вечеру. Солнце пряталось за горизонтомъ, оставивъ огромную кроваво-красную полосу. Вскорѣ темныя тѣни окружили сопки и массивы, и поползли по долинамъ, распространяя вокругъ таинственный мракъ... Зловѣщая тишина, заставляющая зорко взглядываться въ мглу при малѣйшемъ шорохѣ.

— Что намъ предпринять дальше?—обращается молодой подпоручикъ Рутковскій къ штабсъ-капитану Горностаеву.

— Мда...—задумчиво тянетъ штабсъ-капитанъ. —Надобно оставаться здѣсь... Рискованно, чортъ возьми! Могутъ окружить ночью... эти обезьяны ползутъ тихо, ихъ и не замѣтишь.

— Насъ мало,—возражаетъ Рутковскій.

— Трусите?—спрашиваетъ Горностаевъ, но въ его голосѣ не звучитъ иронія или насмѣшка. Ему хорошо извѣстна храбрость Рутковскаго, и спросилъ онъ только для того, чтобы нарушить ночную тишину звукомъ человѣческаго голоса.

— Шш... Слышите шорохъ... Идутъ... японцы... надо провѣрить посты, отдать приказаніе, чтобы не стрѣляли.

Рутковскій поползъ къ постамъ, а шорохъ все приближался.

— Неужто японцы? — мелькнуло въ его головѣ.—Черти, подождали-бы до утра... тоже лѣзутъ...

— Стой, кто идетъ?! — вдругъ раздается протяжный голосъ часового, а эхо подхватываетъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ, съ различныхъ сторонъ, и разноситъ по долинѣ *).

---

*) Наши солдаты въ аванпостахъ не пріучены къ выдержкѣ и выдавали присутствіе притаившагося отряда совершенно излишнимъ громкимъ окрикомъ.

Ни звука въ отвѣтъ. Шорохъ превращается въ мѣрный топотъ шаговъ. Ясно слышится лязгъ оружія.

— Смотри у меня! — шепчетъ Рутковскій, переползая отъ часового къ часовому. — Не стрѣлять до послѣдняго момента. Будь готовъ... Если врагъ, отойди къ намъ... Встрѣтимъ штыкомъ... А, можетъ быть, и наши... подкрѣпленіе идетъ...

— Стой, кто идетъ?!—снова раздается на другомъ посту, и опять эхо раскатами разноситъ окликъ по сопкамъ, ущельямъ и долинамъ.

— Ну, ну! Не ори, — отвѣчаютъ откуда то.— Свои, свои! Небось, думалъ, японцы.

И дѣйствительно, прибыло подкрѣпленіе изъ двухъ ротъ, съ приказаніемъ держаться до прихода всего авангарда. На завтра назначена атака по всѣмъ фронтамъ.

Пришедшіе расположились на ночь бивуакомъ, предварительно принявъ всѣ мѣры предосторожности, не лишнія съ такимъ противникомъ какъ японцы. Не разъ бывало, въ ночную пору врагъ осторожно подбирался къ нашимъ позиціямъ и, на окрики, отвѣчалъ «своя, своя» (вмѣсто «свои»). Иногда смѣльчакъ японецъ являлся въ нашемъ боевомъ расположеніи, переодѣтый русскимъ офицеромъ. Онъ или молча высматривалъ наши силы, или передавалъ приказаніе яко-бы отъ штаба «отступать»...

Рутковскій вдругъ прервалъ нить своего разсказа и глубоко вздохнулъ.

— Что это вы вздыхаете?—спросилъ я его.

— Да досадно, право. Прислали всего двѣ роты, а будь батальонъ, ей-Богу, ночью атакова-ли бы перевалъ и заняли его...

— Ну, какъ знать?.. Быть можетъ, именно

этого и слѣдовало избѣгать, — попытался я возразить Рутковскому *).

Дальнѣйшія дѣйствія охотничьихъ командъ, дѣйствующихъ подъ начальствомъ подпоручика Рутковскаго въ составѣ наступавшаго авангарда, выразились въ слѣдующемъ: авангардъ остановился сѣвернѣе деревни Тавангоу и открылъ огонь изъ своихъ 4-хъ орудій по Тумынлинскому перевалу. Непріятель безмолвствовалъ.

Послѣ получасового рокота орудій авангардная полубатарея замолкла, рѣшивъ, что «не стоитъ разговаривать съ нѣмымъ врагомъ».

Стрѣлки и команды расположились бивакомъ. Охотники, истомленные дневной работой, зажгли костры, и принялись грѣть воду, собираясь «чаевать».

Непріятель, замѣтивъ, что наши орудія замолкли, пустилъ нѣсколько снарядовъ по направленію нашего бивуака, но безрезультатно.

День быстро догоралъ и солнечный свѣтъ смѣнилъ осенній вечеръ, послѣ котораго также быстро наступила мглистая туманная ночь.

Пришло извѣстіе о предстоящемъ наступленіи по всей линіи. Войска подтягивались, стремясь незамѣтно охватить непріятельскія позиціи съ трехъ сторонъ.

А непріятель расположился на массивахъ Чингуанлинскаго перевала, переходилъ на Тумынлинъ и распростерся вдоль горнаго кряжа вплоть до деревни Банцзипу. Протяженіе его фронта составляло приблизительно шесть верстъ на сплошномъ массивѣ съ чрезвычайно крутыми подъ-

---

*) Къ нашимъ недостаткамъ въ текущую войну несомнѣнно слѣдуетъ отнести не только дробленіе большихъ боевыхъ единицъ на малыя, но и посылки слишкомъ ничтожныхъ силъ для выполненія серьезныхъ задачъ.

емами, командовавшими надъ впереди лежавшей мѣстностью.

Въ теченіе ночи на 27-е сентября восточный отрядъ занялъ всѣ подступы къ непріятельскимъ позиціямъ, и подпоручику Рутковскому было приказано занять Хоэнлинскій перевалъ составляющій единственный путь сообщенія между первымъ и третьимъ корпусами.

Темная и холодная ночь казалась безконечной. Всѣ мерзли отъ этой пронизывающей мглистой стужи и съ нетерпѣніемъ ждали утра. Едва бѣлая полоса обрисовалась на далекомъ горизонтѣ, раздалось нѣсколько одиночныхъ орудійныхъ выстрѣловъ съ нашихъ батарей. Казалось, это не начало смертнаго боя, а привѣтъ желанному красному солнышку. Но вотъ грянулъ залпъ, за нимъ другой, третій, и пошла канонада, та канонада, отъ которой у непривычнаго человѣка можетъ лопнуть барабанная перепонка, а у привычныхъ артиллеристовъ голова, по ихъ собственному выраженію, дѣлается «тяжелою», словно свинцомъ налитой.

Артиллерійскій бой длился безъ перерыва весь день. Непріятель отвѣчалъ слабо, словно нехотя. Спеціалисты объясняли это обстоятельство нежеланіемъ противника обнаружить расположеніе своей артиллеріи.

Стрѣлки въ теченіе дня лежали въ своихъ окопахъ, не проявляя особенной дѣятельности. Атаковать непріятеля днемъ считалось невозможнымъ и безполезнымъ вслѣдствіе крайне высокихъ подступовъ къ его позиціямъ.

Съ солнечнымъ закатомъ все стихло. Позади бивачнаго расположенія появились обычные огоньки. Подъѣхали на высокихъ колесахъ дымящіяся ротныя кухни. Подвезли ужинъ, служившій въ то-же время и обѣдомъ и завтракомъ не только за протекшій день, но, быть можетъ,

и на слѣдующій и еще на нѣсколько такихъ-же, полныхъ боевой лихорадки, дней...

По сопкамъ и долинамъ понеслись звуки «Отче Нашъ»...

Затѣмъ отужинали и вновь заняли свои мѣста въ ложементахъ. Огни приказано было потушить, чтобы не привлекать вниманія непріятеля.

Ночью пришло приказаніе выступить съ цѣлью атаковать высоты, занятыя противникомъ.

Безъ шума поднялся авангардъ съ своего бивака и двинулся къ чернѣвшимъ въ темной и мрачной дали массивамъ. Прошли три деревушки. Видимо, и китайцы не спали, молчаливо наблюдая за происходящей передъ ихъ глазами борьбой. Они стояли у своихъ воротъ и встрѣчали и провожали наши ряды долгимъ загадочнымъ взглядомъ...

Мѣстность впереди японскихъ позицій представляла неровную поверхность, перерѣзанную глубокими оврагами, съ невозможно крутыми спусками. Но роты шли спокойно, преодолѣвая препятствія. Двигались осторожно.

Вотъ, черные массивы стали яснѣе вырисовываться въ ночной тьмѣ. Стали подыматься въ горы. Подползли къ первымъ непріятельскимъ окопамъ.

Русскій воинъ не выдержалъ и съ крикомъ «ура» стремительно ринулся въ атаку.

Непріятель встрѣтилъ нѣсколькими безпорядочными выстрѣлами и, оставивъ окопы, какъ обезьяна карабкался на массивы, оттуда встрѣчая нашихъ смѣльчаковъ залпами почти въ упоръ, сверху внизъ...

Къ сожалѣнію, добраться до непріятельскихъ окоповъ на неприступныхъ скалахъ оказалось дѣломъ невыполнимымъ. Люди стояли у самой крутизны, но вскарабкаться на нее могли отдѣльные смѣльчаки, подсаживая одинъ другого... И

этихъ молодцовъ встрѣчалъ, выстрѣлъ въ упоръ и ножъ, примкнутый къ ружью. Атака въ эту ночь не была удачной... Пришлось отступить къ своимъ позиціямъ въ ожиданіи грядущаго дня, 28-го сентября *).

Дни 28-го и 29-го сентября ограничились артиллерійскими поединками. Ночью бывали попытки овладѣть той или другой непріятельской позиціей, но неприступныя скалы, разумѣется, не могли содѣйствовать успѣху. Атаки отражались противникомъ, повидимому недурно чувствовавшимъ себя за скалистыми, отвѣсными стѣнами.

Въ ночь на 30-е сентября пришло приказаніе отойти къ высотамъ Ваньяпуза и «окопаться».

Въ 11 час. ночи, подъ покровомъ густой тьмы, авангардъ оставилъ позиціи у дер. Тавагоу и двинулся къ старымъ позиціямъ. Подпоручику Рутковскому было приказано оставаться въ арьергардѣ и «держать» соприкосновеніе съ противникомъ.

Въ 2 часа пополуночи полковникъ Лешъ появился на линіи арьергарда и лично отдалъ слѣдующее приказаніе начальнику охотничьихъ командъ:

— «Я получилъ донесеніе, что японцы очистили свои позиціи и отошли назадъ. Это извѣстіе

---

*) Вообще атаки въ бояхъ на Шахэ, все время „въ лобъ“ неприступныхъ непріятельскихъ позицій слѣдуетъ считать „безумными атаками“. Нельзя не замѣтить по адресу нашихъ геніальныхъ стратеговъ,—что въ сраженіяхъ на Шахэ полки чаще водились не „въ бой“, а на „убой“. Мы всегда почему-то игнорировали движенія „въ обходъ“, предпочитая „лобовыя“ атаки, чѣмъ объясняются тяжкія потери на Шахэ. Замѣтимъ, что хорошо задуманный командующимъ планъ почему-то не удался, и обходъ японскихъ позицій не былъ выполненъ, хотя талантливому генералу Самсонову удалось пробраться въ тылъ непріятельскаго расположенія и даже безнаказанно переправиться черезъ рѣку Тайдзихэ, позади Бенсиху.

необходимо провѣрить. Продвиньтесь впередъ и изслѣдуйте хорошенько дѣйствія противника; если онъ отступаетъ, энергично преслѣдуйте его... Поняли?»

— Понялъ, г. полковникъ,— отвѣтилъ Рутковскій.

Лешъ представляетъ собою весьма интересную въ военномъ смыслѣ личность. Я познакомился съ полковникомъ въ маѣ мѣсяцѣ, въ квартирѣ извѣстнаго читателямъ полковника Кашубы. Тогда еще, вглядываясь въ мужественныя черты лица полковника Леша, я рѣшилъ, что этотъ «не струситъ», но сумѣетъ свести счеты съ непріятелемъ.

Геніальный скульпторъ—природа рѣзкими линіями нарисовала на лицѣ Леша черты отваги и рѣшимости.

Вся боевая жизнь Леша, отъ Вафангоу до Ляояна и теперь мукденскихъ боевъ, представляетъ сплошной рядъ чрезвычайно разумныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій.

Вездѣ, гдѣ участвовалъ полковникъ Лешъ съ своимъ полкомъ, потомъ и бригадой, все происходило не только въ великолѣпномъ порядкѣ, но доблесть, мужество и распорядительность полковника поражали бывалыхъ людей. Поэтому на Леша возлагались самыя серьезныя задачи, всегда блестяще имъ исполнявшіяся.

Подпоручикъ Рутковскій, получивъ приказаніе отъ стяжавшаго себѣ широкую популярность въ арміи полковника, немедленно выступилъ по направленію къ непріятельскимъ позиціямъ въ пѣшемъ строю.

Было 2 часа ночи. Расположеніе непріятельскихъ окоповъ—въ четырехъ верстахъ. Требовалась крайняя осмотрительность, чтобы не очутиться въ тяжеломъ положеніи, не попасть въ ловушку, на которыя такъ изобрѣтательны японцы.

Двигаясь шагъ за шагомъ, проползая мѣстами чуть не на брюхѣ, достигли оставленныхъ нами въ началѣ ночи позицій и оставались въ нерѣшительности. Кругомъ царила таинственная тишина. Даже собаки въ деревняхъ притаились; ни откуда не слышно ни звука, ни шороха.

Жутко становилось отъ этой тишины и непроглядной тьмы... Что дѣлается тамъ, въ двухъ верстахъ, на этихъ отвѣсныхъ, неприступныхъ скалахъ?.. Каковы планы нашего хитраго и ловкаго, какъ обезьяна, противника?..

Нѣсколько одиночныхъ смѣльчаковъ-охотниковъ проползли впередъ. Вскорѣ затихъ шорохъ, производимый ихъ движеніями, и опять воцарилась тишина... мрачная, зловѣщая... Всѣ напрягали и слухъ и зрѣніе. Казалось, вотъ, вотъ ктонибудь обратно проползетъ и сообщитъ вѣсти о непріятелѣ. Но кругомъ царило прежнее безмолвіе. Вновь ни звука, ни шороха.

Въ такомъ напряженіи прошелъ еще часъ, казавшійся цѣлой вѣчностью... Но вотъ стало свѣтать. Всѣ облегченно вздохнули, хотя призракъ ночи дѣлалъ ихъ болѣе неуязвимыми. Какъ ни опасно при свѣтѣ, но каждому легче считаться съ знакомой опасностью, чѣмъ скрываться подъ таинственнымъ покровомъ темной ночи.

Едва разсвѣло, пошли впередъ. Слѣдующія позиціи также оказались не заняты японцами, и охотники немедленно расположились въ неглубокихъ ложементахъ, вглядываясь въ пространство, занятое непріятелемъ, изъ-за земляныхъ валиковъ.

Японцы увидѣли горсточку охотниковъ и не замедлили открыть по нимъ свой безпорядочный ружейный огонь. Въ то-же время и наши замѣтили, какъ съ высокихъ сопокъ стали спускаться рѣдкія непріятельскія цѣпи, выказывая намѣреніе

взять насъ въ «подкову». Охотники, великолѣпно освоившіеся съ тактическими пріемами противника, отстрѣливаясь, отступали шагъ за шагомъ.

Оригинальная картина перестрѣлки отходящей по долинѣ охотничьей команды съ быстро надвигающимися съ горъ непріятельскими цѣпями, при скупомъ свѣтѣ ранняго осенняго утра, въ рамкѣ скалистыхъ сопокъ, съ мрачнымъ равнодушіемъ взирающихъ на смертный бой, на стремленіе одного во что бы то ни стало истребить другого...

Отступая шагъ за шагомъ и преслѣдуемые непріятелемъ, наши охотники достигли деревни Санчаоцзы. Тамъ встрѣтили пластуновъ 33-го стрѣлковаго восточно-сибирскаго полка, съ которыми соединились и продолжали отступленіе до деревни Баньяпуза, гдѣ расположился полковникъ Лешъ со своимъ арьергардомъ.

Онъ занялъ крѣпкую позицію и приготовился дать хорошій отпоръ назойливому противнику.

Отрядъ генерала Самсонова въ бояхъ подъ Шахэ.

(На лѣвомъ флангѣ).

20 октября 1904 г.

Медленное наступленіе дивизіи генерала Самсонова съ 22-го по 24-е сентября. Передовыя кавалерійскія части съ ранняго утра до темноты проявляютъ усиленную дѣятельность.

Тамъ снимаютъ постъ, тамъ тѣснятъ заставу, не рѣдко выбѣгающую въ безпорядкѣ и паническомъ страхѣ изъ деревни.

Безпорядочные выстрѣлы съ одной стороны и лихое преслѣдованіе съ другой продолжаются до

25 числа, пока есаулъ Пампиловъ не достигъ съ своими двумя сотнями весьма важнаго опорнаго пункта японцевъ, а именно деревни Егоу. Здѣсь онъ завязалъ съ гарнизономъ упорный бой, но, не имѣя въ распоряженіи пѣхоты, далъ знать генералу Самсонову о необходимости немедленной поддержки.

Дѣлаю маленькое отступленіе, чтобы дать характеристику ротмистра Памфилова и другихъ сподвижниковъ доблестнаго начальника кавалерійскаго отряда.

Памфиловъ—не молодой есаулъ. Природный казакъ, онъ былъ сподвижникомъ покойнаго генерала М. Д. Скобелева еще въ турецкую кампанію. Нашъ бѣлый генералъ отличалъ Памфилова изъ толпы кавалерійскихъ офицеровъ и самыя опасныя и трудныя порученія отдавалъ ему, вполнѣ довѣряя боевымъ качествамъ этого офицера. Въ результатѣ, Памфиловъ былъ четыре раза «тяжело» раненъ сь «проломомъ черепа», порчей колѣна и два раза въ грудь навылетъ.

Разумѣется, послѣ такихъ прелестей герою, о которомъ мало кто зналъ, ничего не оставалось, какъ уйти на покой.

Но война на Дальнемъ Востокѣ и его разбудила, и долго дремавшій Илья Муромецъ вновь появился въ дебряхъ Манджуріи, и чудный генералъ Самсоновъ также сумѣлъ оцѣнить его боевыя качества. Получивъ отъ Памфилова просьбу о поддержкѣ, онъ немедленно выслалъ ему на помощь 5-й сибирскій казачій полкъ, направившійся къ деревнѣ Егоу на рысяхъ, подъ командой войскового старшины Путинцева.

Путинцевъ представляетъ собою чрезвычайно интересный типъ сподвижника генерала Самсонова. Это типичный «Тарасъ Бульба», немного приземистъ, съ полнотой, переходящей въ тучность, съ огромными запорожскими усищами,

глубоко впавшими небольшими глазками, съ нависшими надъ ними густыми, почти сросшимися бровями. Вы невольно отличите его изъ толпы, едва замѣтите его мясистый круглый носъ, вьющіеся на вискахъ и подстриженные съ скобку волосы. Не взирая на полноту, очень подвиженъ,— другого движенія, кромѣ «впередъ», не признаетъ.

5-й казачій полкъ подъ командой Путинцева съ необыкновенною быстротою прилетаетъ къ позиціи, занятой Памфиловымъ, и послѣ непродолжительнаго боя, эти два лихихъ командира вышибаютъ противника изъ дерев. Егоу, которую немедленно занимаютъ.

Вслѣдъ за Путинцевымъ, ведетъ главныя силы самъ генералъ Самсоновъ. Движеніе производится по широкой площадкѣ широкимъ фронтомъ.

Площадь заключена въ черную раму горъ съ мрачными скалистыми вершинами. По долинѣ разбросаны рѣдкія деревушки.

Непріятельскіе посты и заставы послѣдовательно выбиваются изъ горныхъ вершинъ и селеній, позади коихъ отступаетъ къ Бенсиху дивизіи арміи Куроки.

Около полудня наши передовыя конныя части завладѣли окопами и позиціей на горѣ съ кумирней, откуда открывается дорога въ долину, ведущую на Тумынскій перевалъ.

Въ этотъ же день заняли долину, и конный отрядъ съ двумя игрушечными орудійками Заамурскаго округа пограничной стражи, подъ командой Малюшицкаго, предпринимаетъ боевую рекогносцировку съ цѣлью подготовленія атаки высотъ, занятыхъ непріятелемъ. Туда направили отдѣльную часть вмѣстѣ съ охотничьей комадой штабсъ-капитана Войта, который ночью устраиваетъ заставу у подножья перевала, снявъ предварительно вражескіе посты и взявъ нѣсколько человѣкъ въ

плѣнъ; далѣе, подъ покровомъ темноты, онъ выбиваетъ японцевъ изъ окружныхъ деревень и къ разсвѣту успѣваетъ укрѣпиться на сѣверныхъ высотахъ, окружающихъ перевалъ.

Съ первыми брызгами зари, едва солнечные лучи коснулись горныхъ утесовъ, открывается огонь по всей линіи, — тотъ бѣшеный огонь, о которомъ говорятъ, что цѣлыя площади поливаются дождемъ пуль и снарядовъ.

Противникъ находится на превосходной позиціи, на гребняхъ перевала и параллельныхъ кряжахъ, занятыхъ гвардейской резервной дивизіей и значительнымъ количествомъ горныхъ пушекъ. За боемъ, разгорающимся съ каждой минутой, наблюдаетъ генералъ Самсоновъ, избравшій для руководства одну изъ возвышенностей, съ которой великолѣпно видны всѣ движенія.

Вотъ, на какой-то сопкѣ замѣчается ослабленіе огня. Генералъ прекрасно понимаетъ причину и спѣшитъ устранить ее: командиру 8-го сибирскаго казачьяго полка приказывается усилить ослабѣвшую позицію двумя сотнями. Вскорѣ вслѣдъ за приказаніемъ замѣчается, какъ на ладони, движеніе этихъ двухъ сотенъ казаковъ. Они крупной рысью направляются къ подножью сопки, останавливаются, спѣшиваются и, пользуясь кустарникомъ, бѣгутъ къ вершинѣ сопки.

Командующій полкомъ Панковъ, съ адъютантомъ хорунжимъ Шостаковскимъ и конвоемъ изъ одиннадцати казаковъ, также спускается и скачетъ черезъ деревню къ сопкѣ, чтобы лично распорядиться дѣйствіями авангарда. Надъ деревнею съ гребней сопокъ, занятыхъ противникомъ, летятъ сотни и тысячи снарядовъ, каждый съ свойственнымъ ему «напѣвомъ», наводящимъ смертельный страхъ на непривычнаго человѣка. Шрапнели разрываются буквально надъ головами. Вотъ падаетъ раненый пулей въ бедро Шоста-

ковскій, за нимъ изъ группы скачущихъ сваливаются съ коней еще семь казаковъ, три лошади вдругъ какъ-то особенно присѣдаютъ, подавшись корпусомъ впередъ, и падаютъ какъ подкошенныя...

Являются санитары, словно изъ-подъ земли вынырнувшіе, и быстро уносятъ раненыхъ на перевязочный пунктъ, расположившійся позади деревни. Но и Красный Крестъ не щадятъ непріятельскіе снаряды горной батареи. Они систематически закидываютъ всю площадь, не пропуская даже отдѣльныхъ всадниковъ.

Сильно страдаетъ перевязочный пунктъ, нѣсколько разъ мѣняющій мѣста, но пули и снаряды ложатся тамъ, куда приносятъ раненыхъ и гдѣ героямъ подается первая медицинская помощь... Съ истиннымъ самоотверженіемъ, среди лопающихся шрапнелей и бризантокъ, подъ «проливнымъ» дождемъ пуль, работаютъ хирурги, молодые врачи,—изъ Петербурга Венгауптъ, и изъ Москвы—Арцимовичъ. Они находятся въ сферѣ ближайшаго огня, но исполняютъ высокій долгъ самоотверженно и съ героизмомъ, стоящимъ выше всякой похвалы.

Генералъ Самсоновъ замѣчаетъ бездѣйствіе игрушечныхъ пушекъ пограничной стражи и посылаетъ своего любимаго ординарца, вольноопредѣляющагося Арцишевскаго, справиться о причинѣ молчанія полубатареи, но онъ не успѣваетъ доскакать до мѣста расположенія пограничной полубатареи, какъ послѣдняя открываетъ огонь, приводящій первоначально въ недоумѣніе, а потомъ и ужасъ не менѣе храбраго непріятеля. То, что продѣлывали эти двѣ игрушечныя пушечки Малюшицкаго, не поддается описанію. Это была не стрѣльба, а картина. Съ поразительной быстротой вылетали изъ крошечныхъ черныхъ отверстій маленькіе снаряды и, какъ-бы

по заказу, направлялись прямо къ непріятельскимъ позиціямъ, разрывались въ самыхъ рядахъ японцевъ, и одна за другою, рядышкомъ, словно мѣрили линейкой.

Среди непріятельскихъ стрѣлковъ тотчасъ замѣчалось волненіе, и черныя фигуры ихъ подымались и убѣгали назадъ за сопку или гребень ея.

Разумѣется, японскія горныя батареи замѣтили пораженіе въ своихъ рядахъ, происходящее отъ мѣткаго огня русскихъ пушекъ, но отыскать ихъ, чтобы обезвредить своими страшными гудящими бризантками не могли: такъ ловко и умѣло скрывалъ Малюшицкій свои «игрушечныя орудія». Съ наблюдательнаго пункта замѣтно было, какъ японцы постепенно очищали одну позицію за другою.

Весь день 25 сентября, сраженіе развивалось не по часамъ, а по минутамъ. Отъ разсвѣта до полудня перевѣсъ казался на сторонѣ японцевъ. Они проявляли особенную энергію и быстроту въ передвиженіяхъ, въ обстрѣлѣ нашихъ позицій.

Вотъ непріятельская пѣхота выдвинулась и занимаетъ два гребня, господствующихъ надъ занятыми нами холмами. Оттуда великолѣпный обстрѣлъ, и они направляютъ массу огня на расположенныя лѣвѣе деревни охотничьи команды.

Послѣднимъ трудно становится отъ свинцоваго дождя. Пули поминутно вырываютъ изъ цѣпи молодцовъ охотниковъ; ихъ уносятъ на перевязочный пунктъ за деревню. Нѣкоторыхъ догоняютъ новыя пули, увеличиваютъ страданія героевъ «лишними» ранами или избавляютъ страдальцевъ отъ тяжкихъ мукъ, переселяя въ лучшій міръ.

Командующій полубатареей Малюшицкій зорко слѣдитъ за дѣйствіями непріятеля. Онъ замѣчаетъ положеніе охотниковъ и, ловко перемѣнивъ по-

зицію, замаскировавъ свои орудія гаоляновыми щитками, начинаетъ обстрѣлъ гребня, занятаго японской пѣхотой.

Но что это за стрѣльба! Она обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ и приводитъ ихъ въ неописуемый восторгъ. Все вниманіе начальствующихъ невольно сосредоточивается на этихъ двухъ небольшихъ пушкахъ, снаряды которыхъ ложатся въ непріятельскихъ рядахъ «одинъ къ одному», въ часъ выбиваютъ его изъ занятой позиціи. Генералъ Самсоновъ, восхищенный мѣткой стрѣльбой этой полубатареи, посылаетъ ординарца передать Малюшицкому и его командѣ благодарность.

Она радостью отдается въ сердцахъ чудо-богатырей, и радость эта двойная: выручили товарищей, отбросили противника и его позиція немедленно занята спѣшившимися казаками. Къ охотникамъ перебѣжками движутся на поддержку восточно-сибирскіе стрѣлки.

А бой разгорается все упорнѣе и упорнѣе... Непріятель увеличиваетъ количество горныхъ орудій, надѣясь сломать нашу стойкость и храбрость количествомъ стали, свинца и вонючаго лиддита...

Но и мы не дремлемъ. Намъ хорошо знакома тактика японцевъ, и наши подкрѣпленія быстро надвигаются. Вотъ слѣва глухо тарахтитъ полевая батарея, съ сѣвера - другая, и вслѣдъ за нею на горной площади вырисовывается головная часть дивизіи генерала Кондратовича.

Къ сожалѣнію, условія мѣстности не позволяютъ развернуть и влить въ бой пришедшихъ стрѣлковъ, и колоннѣ приходится остановиться внѣ сферы огня, иначе долина, по которой имъ пришлось бы двигаться, стала бы для нихъ долиной смерти! Дорога вьется по узкой долинѣ, представляющей подобіе коридора, великолѣпно обстрѣливаемаго японскими орудіями.

Вотъ выдвигается наша полевая батарея и

устраивается за группой деревьевъ, но мѣткій огонь японскихъ батарей немедленно сосредоточивается на нашей, и она терпитъ потери: раненые одинъ за другимъ уносятся и увозятся на перевязочный пунктъ. Опять является поручикъ Малюшицкій съ своими небольшими пушками; онъ скрытно приближается почти къ подножью перевала и, поминутно мѣняя позиціи, развиваетъ огонь поразительно быстрый и энергичный и приводитъ нѣкоторыя непріятельскія горныя батареи къ молчанію.

Заслуга Малюшицкаго въ бою этого дня неоцѣнима: онъ не только поражаетъ непріятеля мѣткостью своей стрѣльбы, но отвлекаетъ значительную часть огня японскихъ батарей на себя, чѣмъ даетъ возможность нашей полевой батареѣ воспользоваться уклономъ мѣстности и складками почвы и продвинуться впередъ.

Въ это время японцы съ яростнымъ озлобленіемъ ищутъ увертливыя пушки Малюшицкаго и... не находятъ ихъ: онѣ слишкомъ подвижны, легки, умѣло пользуются каждою неровностью и, ежеминутно мѣняя позиціи, бьютъ врага съ безпощаднымъ спокойствіемъ.

Наконецъ онѣ разстрѣляли всѣ снаряды и на лихомъ карьерѣ выскакиваютъ изъ адскаго огня, изъ-подъ самаго носа противника.

Такъ тянулся бой до глубокой ночи.

Въ этотъ день раненъ мѣдной пулей доблестный начальникъ охотничьей команды, штабсъ-капитанъ Войтъ.

Отвратительная мѣдная пуля пробила легкое и попортила печень героя-богатыря, и отрядъ великолѣпнаго генерала Самсонова несетъ невознаградимую потерю.

Густая тьма окутала горы и узкую долину.

Дивизія генерала Кондратовича смѣшалась съ отрядомъ Самсонова. Расположились на ночлегъ,

Генералъ-маіоръ Кондратовичъ.

на тревожный отдыхъ, когда сонъ ежеминутно можетъ быть прерванъ тревогою.

И генералъ Самсоновъ, усталый и измученный тяжкимъ трудомъ за нѣсколько дней безпрерывныхъ боевъ, отправляется въ сопровожденіи штаба на ночевку въ деревню, гдѣ располагаются на канѣ въ покинутой китайской фанзѣ послѣ ужина, котораго, конечно, никто не сочтетъ роскошнымъ...

Съ ранняго утра завязывается бой врага съ дивизіей генерала Кондратовича, а отрядъ Самсонова еще съ вечера получилъ приказъ произвести «рейдъ», т. е. отправиться въ тылъ врагу.

Вслѣдъ за извѣстнымъ всей Россіи да и всему міру приказомъ генералъ-адъютанта Куропаткина, послѣдовало наступленіе, начало коего относится къ 22 сентября по слѣдующей диспозиціи: три сибирскіе корпуса составляли группу восточнаго фронта подъ командой генерала Штакельберга.

Лѣвѣе восточной группы образовали самостоятельный отрядъ подъ начальствомъ генерала Ренненкампфа.

Въ задачу восточной группы генерала Штакельберга входило — ударить на Беньяпузу, главную укрѣпленную позицію противника, составлявшую правый флангъ.

Оперировала въ этой мѣстности армія Куроки.

Наступленіе открылось кавалерійскимъ отрядомъ генерала Самсонова, дѣйствовавшаго по диспозиціи, на лѣвомъ флангѣ. Онъ выдвинулся впередъ къ юго-востоку отъ Хаолюнзая съ 4, 5 и 8 сибирскими стрѣлковыми полками и конно-охотничьей командой 13 сибирскаго стрѣлковаго полка, уже стяжавшей громкую славу подъ командой доблестнаго штабсъ-капитана Войта.

Весь 13 полкъ находится въ крѣпости Портъ-Артуръ. Конноохотничья команда этой части, удалившись отъ осажденной многострадальной

крѣпости въ такъ называемую глубокую развѣдку, вдругъ очутилась отрѣзанной отъ своего полка и примкнула къ отряду нашего славнаго генерала Самсонова, съ которымъ все время и дѣйствуетъ.

Личность начальника охотничьей команды 13 восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка, штабсъ-капитана Войта представляетъ огромный интересъ по своимъ рѣдкимъ боевымъ качествамъ: неутомимая энергія и поразительное спокойствіе, которымъ дышитъ вся его оригинальная фигура. Средняго роста, плотный крѣпкій блондинъ, сѣрые, задумчивые глаза, немного суровыя линіи лица. Въ битвѣ и въ обыденной жизни совершенно одинаковъ, не обнаруживая ни малѣйшей суетливости подъ дождемъ шрапнелей и бризантокъ. Съ командой, обожающей своего командира, сроднился. Всегда впереди.

Множество произведенныхъ имъ развѣдокъ отличалось точностью свѣдѣній о противникѣ, необыкновенной лихостью, доходившей до дерзости.

Такою же замѣчательной личностью въ передовомъ отрядѣ генерала Самсонова несомнѣнно является и поручикъ Малюшицкій, командовавшій крошечными пушечками пограничной стражи.

Малюшицкій, какъ и Войтъ, средняго роста, тонкій, оброс лопатообразной бородой; черные усы, неимовѣрныхъ размѣровъ, и густыя черныя брови дѣлаютъ его мрачнымъ и неприступнымъ. Отличается непоколебимымъ и прямолинейнымъ характеромъ. Приказаніе стрѣлять выполнитъ лишь тогда, если у него имѣется убѣжденіе, что *всѣ* снаряды попадутъ въ цѣль.

Вслѣдъ за Самсоновымъ идетъ дивизія генерала Кондратовича, съ которымъ наши читатели должны быть знакомы по прежнимъ очеркамъ.

Затѣмъ слѣдуетъ отрядъ генерала Грекова съ

Приморскимъ драгунскимъ полкомъ и седьмымъ казачьимъ сибирскимъ, находящимся подъ командой флиг.-адъют. князя Трубецкого, служившаго до войны въ конногвардейскомъ полку.

Князь Трубецкой прибылъ на театръ военныхъ дѣйствій съ кавказской бригадой князя Орбеліани, въ полку нахичеванскомъ. Съ этимъ же полкомъ пріѣхалъ и графъ Шуваловъ, вскорѣ получившій отдѣльную конную часть.

Князь Трубецкой непремѣнно привлечетъ ваше вниманіе своимъ видомъ, всегда сохраняющимъ, не взирая на обстановку и погоду, свѣжесть, бодрость и чистоту блестящаго конно-гвардейца.

О немъ отзываются, какъ о прекрасномъ боевомъ командирѣ, сохраняющемъ въ бою невозмутимое спокойствіе.

Наступательныя дѣйствія отряда генерала Самсонова начинаются 22-го сентября усиленной полевой поѣздкой семи офицеровъ генеральнаго штаба, осматривающихъ непріятельскія позиціи у Беньяпузы.

Это—крѣпкія позиціи, расположенныя на грядѣ скалистыхъ, неприступныхъ горныхъ кряжей, поросшихъ на скатахъ мелкою жалкою кустарной порослью. Узкія долины, змѣевидныя ущелья носятъ пустынный и мрачный характеръ. Полное отсутствіе земледѣльческой культуры; деревни рѣдки; на каждомъ шагу натыкаешься на крутые перевалы, вслѣдствіе чего дѣйствія кавалеріи чрезвычайно затрудняются необходимостью спѣшивать людей и перетаскивать орудія.

Чтобы перетащить одну пушку черезъ перевалъ, приходится пользоваться услугами отъ 60 до 80 человѣкъ. Дорогъ нѣтъ, и саперы наши спѣшно трудятся надъ устройствомъ путей. Картина носитъ крайне дикій, но живописный характеръ. Мѣстами попадаются орѣшникъ и дикая груша, отвратительная на вкусъ. Въ горныхъ

породахъ встрѣчается чистый гранитъ. На вершинахъ конусообразныхъ сопокъ зловѣще высматриваютъ развалины древнихъ кумиренъ, и трещины развалинъ кажутся гримасами чудовищъ, злобно смѣющихся надъ происходящими событіями...

Подножія горъ, по ущельямъ, обвиваютъ змѣйки ручейковъ и рѣчекъ, быстрыхъ, шумящихъ въ своемъ каменистомъ ложѣ. Чистая, какъ хрусталь, прозрачная вода напѣваетъ странную однообразную пѣсню, и звуки этой пѣсни исчезаютъ въ таинственныхъ дебряхъ среди горныхъ массивовъ.

На крутыхъ спускахъ лошади иногда срываются и гибнутъ въ глубокихъ пропастяхъ...

Развѣдка семи офицеровъ генеральнаго штаба выяснила, что такую позицію атакой въ лобъ не возьмешь. Поэтому рѣшено было охватить ее съ трехъ сторонъ широкимъ фронтомъ тремя родами оружія. Съ зарею 23-го сентября начинается обходъ японскихъ позицій. Конница генерала Самсонова и Ренненкампфа держитъ направленіе на югъ, тщательно маскируя свои намѣренія. Маневръ блестяще удался. Врагъ, увидѣвъ себя окруженнымъ съ трехъ сторонъ грозными и непоколебимыми, какъ эти скалистые хребты, русскими войсками, отступилъ почти безъ боя, ограничившись ничтожными перестрѣлками; непріятель отошелъ по направленію къ юго-западу. Конница по пятамъ преслѣдовала японцевъ, нанося потери.

Итакъ, казачья дивизія генерала Самсонова оставляетъ занятыя спѣшенными сотнями сопки, на которыя взбираются пѣхотныя части дивизіи генерала Кондратовича. Размѣщеніе ротъ въ окопахъ происходитъ ночью подъ личнымъ наблюденіемъ доблестнаго подполковника генеральнаго штаба Пекуты, погибшаго на полѣ брани спустя два дня.

Съ утра, т. е. съ первыми лучами зари, закипаетъ ожесточенный бой у дивизіи Кондратовича съ японцами, расположенными на Тумынлинскомъ перевалѣ.

Казаки, спустившись съ позицій, размѣщаются въ опустѣвшихъ деревняхъ. Въ одной изъ уцѣлѣвшихъ фанзъ устраивается на ночь и самъ генералъ Самсоновъ со своимъ штабомъ. Но спать почти не приходится: фанза переполнена стонущими ранеными; бѣдныхъ страдальцевъ еще не успѣли увезти, за недостаточностью перевозочныхъ средствъ. Большинство пораненій отъ шрапнельныхъ снарядовъ, поэтому и раны тяжелыя, требующія спеціальнаго ухода и осторожности при перевозкѣ.

Пока разгорался бой у стрѣлковъ на позиціяхъ, казачья дивизія выстроилась въ полѣ въ ожиданіи новыхъ приказаній главнокомандующаго.

Вскорѣ получилось приказаніе двинуться на помощь 3-му корпусу; предстояло пройти къ деревнѣ Уньюнь по долинѣ, лежавшей у подножья Тумынлинскаго перевала, въ сферѣ непріятельскаго огня. Пространство это и безъ того забрасывалось непріятельскими снарядами, а при движеніи казачьей колонны, разумѣется, противникъ не преминулъ бы воспользоваться хорошею цѣлью.

Но генералъ Самсоновъ освоился съ тактикой японцевъ, и всѣмъ сотнямъ приказано было проскочить опасную долину маленькими группами, по три и четыре всадника, маскируясь всякой складкой мѣстности, кустарникомъ или отдѣльными деревьями.

Глазамъ открылась интересная картина: по узенькой долинѣ, отдѣляющей двухъ борющихся на жизнь и смерть противниковъ, перебѣгали отдѣльные всадники, иные, ведя коней въ по-

воду, шмыгали отъ куста къ кусту, а иные храбро гарцовали по полю, презирая японскіе пули и снаряды.

Но вотъ, наши молодцы казаки благополучно выбрались изъ «долины смерти» и вытянулись по великолѣпной дорогѣ черезъ перевалъ. Поразительная панорама открывается передъ вашими глазами: кругомъ, словно тысячелѣтніе гиганты, высматриваютъ горы, мрачныя, черныя и молчаливыя. Голыя, остроконечныя вершины, кажется, не вѣдаютъ ни времени, ни погоды. По склонамъ ползетъ жалкая, чахлая растительность, все больше мелкій кустарникъ. Дорога змѣей вьется между отвѣсными, словно высѣченными человѣческими руками, гранитными стѣнами. На высокихъ площадкахъ нерѣдко попадаются магометанскія мечети.

Эта мѣстность изобилуетъ магометанами-китайцами. Недавно здѣсь оперировала кавказская бригада, почти сплошь состоящая изъ послѣдователей Ислама, и магометане-китайцы встрѣчали ихъ съ распростертыми объятіями, оказывая всевозможныя услуги, давая свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія противника, иногда выручая изъ тяжелаго, почти безвыходнаго положенія.

Къ сожалѣнію, кавказскую бригаду, созданную самой природой для дѣйствія въ горахъ, къ тому же встрѣтившую единовѣрцевъ, перевели на равнину западнаго фронта, а казаковъ, годныхъ для дѣйствій на равнинѣ, отправили въ горы.. Но всякаго рода неожиданности, если хотите, вошли въ плоть и кровь нашихъ полководцевъ въ теченіе настоящей войны...

Казаки, подъ начальствомъ доблестнаго генерала Самсонова, двигались на деревню Уньюнь, обходя наши пѣхотныя позиціи, находившіяся на высотахъ, параллельныхъ Тумынлинскому перевалу, простираясь на юго-востокъ и закругляясь

у высотъ Бенсиху. На этихъ сопкахъ расположились части третьяго корпуса, лѣвый флангъ котораго прикрывалъ отрядъ изъ трехъ родовъ оружія генерала Ренненкампфа. Дивизія приближалась къ деревнѣ, гдѣ находился штабъ корпуса съ своимъ командиромъ генераломъ Ивановымъ. Остановились для небольшого отдыха и совѣщанія съ корпуснымъ командиромъ.

Бой шелъ вяло. Слышались залпы, довольно рѣдкіе и нерѣшительные, тарахтѣли ружейные выстрѣлы, словно гдѣ-то недалеко отбивали дробь, по какому-то особому странному инструменту. Генералу Самсонову показали «первыхъ» японскихъ перебѣжчиковъ: это были двое солдатъ, изъ которыхъ одинъ умышленно выбросился изъ окопа, находившагося на высокой сопкѣ. Внизу онъ разбилъ ружье и приблизился къ нашей цѣпи; другой явился раннимъ утромъ, также безоружный, дрожащій отъ холода.

День 27-го сентября прошелъ въ отрядѣ генерала Самсонова безъ боя. Въ теченіе дня наблюдали за ходомъ сраженія съ тыловыхъ возвышенностей. Ожидались результаты чрезвычайно важнаго маневра — обхода праваго фланга противника.

Съ наступленіемъ темноты расположились въ деревнѣ Уньюонь на ночлегъ, здѣсь-же находились генералы Ренненкампфъ и Эккъ (начальникъ одной изъ сибирскихъ стрѣлковыхъ дивизій).

28-го сентября на разсвѣтѣ дивизія генерала Самсонова направилась къ рѣкѣ Тайцзыхе, сопровождаемая громовыми раскатами орудійныхъ залповъ.

Около семи часовъ утра приблизились къ рѣкѣ и начали переправу въ бродъ. Хотя глубина брода не была особенно значительна, но усѣянное мелкой и острой галькой дно, весьма затрудняло переправу. На одномъ берегу оставили такъ называемый заслонъ изъ одного коннаго полка.

Ему указана была позиція на возвышенностяхъ, командующихъ надъ мѣстностью и къ сѣверу, и къ югу. Къ конному заслону присоединился батальонъ славныхъ сибирскихъ стрѣлковъ «семипалатинцевъ»,—всѣ подъ общей командой начальника штаба отряда Самсонова полковника генеральнаго штаба Данилова. На другомъ берегу выставили наблюденія, распространивъ ихъ къ югу и западу на пятнадцать верстъ. Дороги заняли болѣе или менѣе сильными заставами, выдѣливъ изъ нихъ глубокіе разъѣзды по всѣмъ направленіямъ. Съ главными-же силами доблестный начальникъ двинулся вдоль по берегу рѣки, къ конечной цѣли, на позиціи у деревни Бенсиху, въ тылу непріятеля.

Бенсиху—китайское селеніе, расположенное полукругомъ у незначительнаго притока р. Тайцзыхе. Съ сѣвера, сѣверо-востока, юга и отчасти юго-запада оно окружено высокими горами, представляющими великолѣпную естественную защиту. Гряды конусообразныхъ высокихъ сопокъ, крутыхъ, каменистыхъ и плѣшивыхъ, безъ признака растительности, кажутся гигантскими часовыми, мрачно высматривающими врага, осмѣлившагося нарушить дѣвственную тишину этой мѣстности; отлогіе скаты, спускающіеся къ рѣкѣ, покрыты мелкой, жалкой порослью; мѣстами чернѣетъ рѣдкій лѣсокъ.

Въ Бенсиху находится японскій «этапъ» со складами и магазинами. Для связи съ другимъ берегомъ японцы выстроили черезъ притокъ, огибающій Бенсиху, понтонный мостъ.

Наши казаки, осторожно, прикрываясь скатами массивовъ, подвигались впередъ и уже вытянулись съ запада расположенія непріятельскихъ позицій.

Къ сожалѣнію, голова колонны, по оплошности забайкальскаго казака, предоставленнаго генераломъ Любавинымъ въ распоряженіе Сам-

сонова въ качествѣ проводника, очутилась лицомъ къ лицу съ непріятельскими окопами.

Наши войска, расположенныя по склонамъ сопокъ и хорошо замаскированныя, не могли ихъ замѣтить, а хитрый врагъ притаился, пропустилъ головную часть конницы на 300 шаговъ и началъ ее буквально разстрѣливать въ то время, пока начальникъ дивизіи остановился, чтобы прочитать донесенія и сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія.

Защелкали пули по камнямъ, зашлепали по водѣ, засвистѣли надъ головами, но Богъ хранилъ нашихъ героевъ: вражескія пули почти никого не задѣли, ранивъ лишь двѣ лошади въ свитѣ Самсонова.

Начальникъ отряда быстро оріентировался и отвелъ голову колонны въ безопасное мѣсто за горой; туда же былъ доставленъ раненый въ голову начальникъ авангардныхъ сотенъ, войсковой старшина Черниковъ, также попавшій съ своими сотнями подъ огонь непріятельскихъ стрѣлковъ, притаившихся въ окопахъ на высокихъ скалистыхъ утесахъ.

За этой-же горой пристроился летучій отрядъ Краснаго Креста докторовъ Арцимовича и Вангаупта, слѣдовавшихъ всюду за конницей генерала Самсонова. Они открыли перевязочный пунктъ, перевязали Черникова и нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ; подошла тутъ-же группа казаковъ; они несли сѣдла, снятыя съ убитыхъ лошадей.

Генералъ, въ сопровожденіи штаба, поднялся на гору и занялся осмотромъ позиціи.

Съ вершины развертывалась вся впереди лежащая мѣстность. У подножія змѣей извивалась Тайдзыхе; на противоположномъ берегу виднѣлись линіи непріятельскихъ окоповъ, въ нѣ-

сколько ярусовъ изрѣзавшихъ склоны горныхъ массивовъ, загибавшихъ фронтъ къ сѣверо-востоку, вслѣдствіе чего избранная Самсоновымъ позиція очутилась почти «въ затылкѣ» непріятельскаго расположенія. Все было видно какъ на ладони.

Дивизія спѣшилась.

Въ это время на лѣвомъ берегу появился генералъ Любавинъ со своей бригадой. Генералъ Самсоновъ увеличилъ его силы еще восемью сотнями, приказалъ ему продвинуться нѣсколько лѣвѣе горы, имъ самимъ занятой, расположиться на позиціи и развить бой.

Къ югу выслали для наблюденія разъѣзды, а господствовавшую Столовую гору, возвышавшуюся позади позиціи генерала Самсонова, заняли довольно сильной заставой. Такимъ образомъ, получался превосходный обстрѣлъ непріятельскихъ позицій. Казалось невозможнымъ занять гору нашими орудіями вслѣдствіе крутизны подъема. Но для нашихъ орловъ и невозможное— возможно... На рукахъ втащили пушки на высокую гору. Двѣ сотни казаковъ впряглись и на канатахъ волокли тяжелыя орудія.

Установивъ ихъ на возвышенности, замаскировали, окопали и полили переднюю площадь возможнаго паденія вражескихъ снарядовъ водой. Это необходимо, во-первыхъ, чтобы непріятельскія шрапнели и бризантки не обнаруживали нашей батареи, во-вторыхъ, въ рыхломъ грунтѣ снаряды хуже разрываются.

Укрѣпились на позиціяхъ и открыли огонь.

Появленіе нашего отряда въ тылу непріятеля произвело на него удручающее впечатлѣніе. Съ наблюдательнаго поста очень хорошо видно было смятеніе, возбужденное нашими первыми выстрѣлами. Всѣмъ стало ясно, что у японцевъ произошла паника: они зажгли деревню, очевидно

намѣреваясь уничтожить хранившіеся тамъ запасы.

Генералъ Самсоновъ, помѣстившійся на вершинѣ сопки, нѣсколько впереди батареи, зорко наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ въ Бенсиху. Онъ поминутно указывалъ все новыя и новыя цѣли для обстрѣла, и мѣткость нашего огня побудила противника ослабить себя выдѣленіемъ крупной пѣхотной части противъ «Самсоновскихъ орловъ», угнѣздившихся на тыловыхъ высотахъ.

Вонъ вдали, съ цѣпи крутыхъ сопокъ, стали спускаться черныя точки. Спустившись въ долину, они начали быстро выстраиваться и двинулись по двумъ направленіямъ къ понтонному мосту. Генералъ угадалъ намѣреніе хитраго врага; онъ понялъ, что японцы намѣреваются выдвинуть черезъ мостъ сильную пѣхотную часть, чтобы «сдавить» нашъ лѣвый флангъ. Артиллеріи была указана цѣль, орудія грохнули, шрапнели полетѣли на мостъ и дорогу, по которой двигались массы противника...

Едва нѣсколько шрапнелей разорвалось надъ головами японской колонны, маленькіе, черные солдатики въ смятеніи шарахнулись назадъ, но офицеры, размахивая шашками, заставляли ихъ вновь и вновь двигаться на насъ. Однако всѣ попытки ни къ чему не привели. Въ этотъ день неудачи преслѣдовали врага. Озлобленные, они остановились на противоположномъ берегу, развернулись и открыли по нашей батареѣ и позиціямъ генерала Зарубаева убійственный огонь.

Вернулся съ перевязочнаго пункта войсковой старшина Черниковъ и на лошади ухитрился взобраться на гору, но генералъ послалъ ему сказать, что онъ съ своимъ конемъ съ горы представляетъ для непріятеля слишкомъ хорошую цѣль.

Храбрый войсковой старшина, забинтованный, не могъ двигаться пѣшкомъ и трое казаковъ подхватили его на руки, но цѣль все-таки оставалась достаточно замѣтной, и вражескіе снаряды полетѣли къ этой группѣ. Разумѣется, ей ничего не оставалось, какъ уйти въ болѣе безопасное мѣсто. Кстати и ординарецъ генерала Самсонова настоятельно требовалъ, чтобы Черниковъ не подвергалъ себя напрасно опасности, тѣмъ болѣе, что его присутствіе въ этомъ пунктѣ не могло принести существенной пользы.

Между тѣмъ, японскіе снаряды залетали на гору чаще и чаще, но, къ счастію, ложились всѣ значительно лѣвѣе очень хорошо замаскированной батареи и стрѣлковыхъ окоповъ, а наши шрапнели по нѣсколько разъ выбивали японцевъ изъ ихъ окоповъ. Невооруженнымъ глазомъ видны были удирающіе изъ ложементовъ японскіе стрѣлки, малѣйшее движеніе не ускользало отъ нашего наблюденія и мы невольно поражались храбрости непріятельскихъ офицеровъ, размахивавшихъ обнаженными шашками, чтобы остановить убѣгающихъ. Нерѣдко офицеры оставались одни или съ небольшой группой выдающихся смѣльчаковъ. Такъ силенъ и дѣйствителенъ былъ огонь нашей батареи.

Вотъ и наши стрѣлки, подъ прикрытіемъ огня батареи, постепенно продвигались впередъ къ непріятелю. Отдѣльныя группы переходили въ штыки и выбивали враговъ изъ ложементовъ «холоднымъ оружіемъ».

День склонялся къ вечеру. Грохотъ орудій неумолчно катился по горамъ и откуда-то издали ему вторило непрерывное эхо. Тарахтѣли сухіе ружейные выстрѣлы, свистѣли и шипѣли шныряющія по всѣмъ направленіямъ пули.

Позади, у подошвы горы, лихорадочно работалъ перевязочный пунктъ, куда приносили ра-

неныхъ. Иные, забинтованные, опять возвращались къ своимъ товарищамъ чудо-богатырямъ.

Небо заволакивало тучами. Сумерки спускались съ высотъ и окутывали низины, словно стремясь темнымъ покровомъ своимъ защитить ихъ отъ свирѣпствующей смерти.

Явился гонецъ отъ генерала Ренненкампфа съ сообщенiемъ, что генералъ намѣревается въ восемь часовъ вечера, когда наступитъ густая тьма, атаковать вражескiя высоты. Это извѣстiе быстрѣе молнiи облетѣло ряды и радостной волной охватило «сѣрыхъ героевъ». Наступленiе особенно радостно звучитъ въ сердцахъ русскихъ воиновъ и, сознаюсь, наше войско предпочитаетъ нападенiе защитѣ, хотя бы и подъ хорошими прикрытiями.

До наступившей темноты генералъ Самсоновъ приказалъ батареѣ разрушить понтонный мостъ японцевъ, чтобы помѣшать имъ ночью явиться у насъ въ тылу. Съ японцами такая предосторожность далеко не лишняя.

Грохнуло нѣсколько послѣднихъ залповъ. Ихъ раскаты пронеслись надъ горными массивами, эхо подхватило, и долгими переливами они плавали надъ гребнями, замирая гдѣ-то далеко, далеко...

Характерность этого дневного боя заключается въ томъ, что рѣшительно все великолѣпно было видно, и обѣ борющiяся стороны являлись одновременно и дѣйствующими лицами, и зрителями...

Вотъ нѣсколько снарядовъ, поставленныхъ на ударъ, разорвалось на мосту, еще, еще, и понтоны, въ особенности среднiе, на самомъ теченiи стало распластывать и отдѣльныя части уносило бурнымъ теченiемъ, что вызвало страшный энтузiазмъ среди нашихъ борцовъ...

Стемнѣло, но пальба все еще не унималась.

Перестрѣлка, хотя все болѣе ослабѣвавшая, тянулась до глубокой ночи.

Въ густомъ, зловѣщемъ мракѣ шуршали по кустамъ шальныя пули... .

Войска всего отряда въ продолженіе всей ночи не покидали своей позиціи, и лишь батарея была снесена съ горы да высшія начальствующія лица заняли въ пустовавшей деревушкѣ уцѣлѣвшую фанзу, гдѣ залегли спать на канѣ въ повалку, генералъ рядомъ съ своимъ ординарцемъ-корнетомъ или прямо вольноопредѣляющимся.

Конечно, объ ужинѣ нечего было и думать; его и некому было готовить и... не изъ чего... Кромѣ того, при такой близости противника огней разводить не полагается.

Въ фанзѣ и на позиціяхъ всѣ спали тревожнымъ сномъ, знакомымъ лишь на боевыхъ позиціяхъ подъ носомъ врага. Усталый солдатъ, судорожно прижавъ ружье, дремлетъ, но въ его ушахъ не прекращается звонъ боя; пульсъ бьется неровно, малѣйшаго шороха достаточно, чтобы онъ вскочилъ и выставилъ дуло ружья впередъ. А непроглядная тьма наполняется непонятными звуками: то раздается плачевный возгласъ невѣдомой ночной птицы, то вырывается откуда-то нѣсколько громкихъ человѣческихъ окриковъ, то вздохъ, протяжный и грустный, какъ бы дополняетъ эту гармонію странныхъ, таинственныхъ ночныхъ звуковъ.

Протекла тяжелая, тревожная ночь. Еще тьма не разсѣялась, еще сотни дремали въ своихъ рвахъ, и лишь часовые, опираясь на винтовку, напряженно всматривались въ таинственныя очертанія горъ, какъ затарахтѣли первые нерѣшительные выстрѣлы нетерпѣливаго и злобствующаго непріятеля.

Въ нашихъ окопахъ зашевелились, но на выстрѣлы противника отвѣчали презрительнымъ

молчаніемъ. Люди оправлялись, осматривали свои сумки и патронташи, слышалась повѣрка. Тихо пѣли молитвы, не торопясь, творили крестное знаменіе. Незамѣтно было ни малѣйшей суеты, никакого волненія.

Сумракъ ночи постепенно разсѣивался. Холодный утренній воздухъ становился прозрачнѣе. На востокѣ показалась бѣлая полоса утренней зари.

— Седьмая и десятая сотня! — послышался крикъ бородатаго урядника.

Двѣ сотни выстроились и стали спускаться съ горы. Черезъ полчаса потащили на толстыхъ канатахъ спущенныя ночью съ позиціи орудія. Началась перестрѣлка, суетливая, быстрая. Видимо, каждая сторона стремилась поразить врага количествомъ выпущенныхъ пуль

Заговорили и батареи. Загудѣла черная бризантка, заревѣли въ отвѣтъ наши шрапнели, и свѣжій утренній воздухъ наполнился злобнымъ воемъ смерти...

Упорный, жестокій бой возобновился съ четырехъ часовъ утра и разгорался съ страшной силой. Замѣчалось особое напряженіе врага, повидимому, подготовлявшаго намъ неожиданный сюрпризъ. Отрядъ былъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы самостоятельно бороться съ пѣхотными частями, чувствовалась настоятельная потребность въ помощи нашихъ пѣшихъ полковъ, но послѣдняя, какъ нарочно, не являлась.

Получилось непріятное извѣстіе о появленіи въ тылу нашей позиціи сильнаго отряда изъ трехъ родовъ оружія подъ начальствомъ принца Канино.

Въ это-же время наши дивизіи штурмовали Бенсиху, эти неприступныя позиціи на орлиныхъ высотахъ, откуда одна рота можетъ уничтожить нѣсколько батальоновъ.

Чудо-богатыри шли на штурмъ, безстрашно

ползли по почти отвѣснымъ скаламъ, срывались и падали, и вновь ползли, и опять падали, и могучее, громкое «ура»! смѣшивалось съ визгами «іа-іа-іа», «банзай»!

Мы должны были оставить мысль взять Бенсиху штурмомъ.

Отрядъ Самсонова геройски держался до пяти часовъ вечера, но приблизилась обходная колонна принца Канино и пошла штурмовать позиціи генерала Любавина.

Пришло приказаніе покинуть лѣвый берегъ Тайцзыхе и отходить къ востоку на присоединеніе къ третьему корпусу.

Оставленіемъ позицій у Бенсиху мѣнялась вся линія фронта.

Японцы даже пытались преслѣдовать насъ по пятамъ, однако, отходившія части останавливались и жестоко били преслѣдующихъ.

Конницѣ генерала Самсонова приходилось и при наступленіи и при отступленіи быть въ непосредственномъ соприкосновеніи съ противникомъ, сдерживать его страстные, такъ сказать, порывы, и передъ очами сдерживающей непріятелемъ конницы открывалась полная картина догорающаго боя, въ высшей степени характернаго, небывалаго со временъ изобрѣтенія пороха.

Съ одной стороны отходили широкимъ фронтомъ огромныя массы русскихъ войскъ, отходили спокойно, словно на маневрахъ; артиллерія наша, расположившись на равнинѣ, сѣвернѣе деревни Уньюнь, перебрасывала свои снаряды черезъ двойной рядъ узкихъ хребтовъ, съ разстоянія почти пяти верстъ. Какъ въ величественной панорамѣ виднѣлись разрывы шрапнелей на линіи хребтовъ. Въ дѣйствительности нашего огня нельзя было сомнѣваться.

Съ другой стороны безрезультатно злобствовалъ врагъ: тысячи снарядовъ, вылетая изъ хреб-

товъ, бѣшено летѣли впередъ, падали, или вѣрнѣе осыпали всѣ уклоны почвы, скаты сопокъ, взрывали тучи земли и камней, долго державшихся въ воздухѣ, но наши батареи оставались неуязвимы, наши колонны подъ прикрытіемъ такого мѣткаго огня отходили стороной восточнѣе деревни Уньюнь, безнаказанно, унося всѣхъ раненыхъ. Иныя бризантки залетали въ деревню, разрушали пустующую фанзу, превращали въ груды мусора ея глиняную или каменную ограду.

Пораненія все больше тяжелыя, отъ мѣдныхъ пуль, которыми исключительно стрѣляетъ гвардейская резервная дивизія Куроки.

Тутъ же по пути тянутся раненыя лошади, иныя являются съ перебитыми ногами или оторванными головами. Смертельно раненыя животныя лежатъ безъ сѣделъ, предусмотрительно унесенныхъ героями.

У нѣкоторыхъ глаза уже застыли, у другихъ еще замѣтно послѣднее трепетаніе, предсмертныя судороги.

День лихорадочной боевой жизни быстро догоралъ и смѣнялся темной, холодной ночью. Сумерки переходили въ густую тьму. Замирали послѣдніе выстрѣлы.

Вспыхнуло еще нѣсколько огоньковъ и безслѣдно исчезло въ таинственной мглѣ...

29-го сентября сильно досталось отряду генерала Самсонова. Съ наступленіемъ ночи, части, свободныя отъ сторожевого охраненія, спустились съ горъ въ маленькую безыменную деревушку. По фанзамъ размѣстили тяжело раненыхъ, остальные, не исключая и высшихъ начальствующихъ, размѣстились на дворахъ, прикрываясь отъ стужи кто чѣмъ могъ. Холодъ былъ нестерпимый, но разводить костры, разумѣется, не полагалось, чтобы не привлечь вниманіе противника.

Послѣ полуночи, около двухъ часовъ, пришло

приказаніе оставить лѣвый берегъ и, переправившись на правый, держаться въ передней линіи, прикрывая отступленіе пѣхоты. Послѣдняя, въ свою очередь, прикрываясь ночной мглой, оставляла высоты у Бенсиху и широкимъ фронтомъ вытягивалась въ сѣверо-восточномъ направленіи.

Бенсиху оставили, чтобы не терять слишкомъ много людей и времени. Неприступныя позиціи непріятеля потребовали-бы серьезной осады. Покинувъ-же высоты и отходя широкимъ фронтомъ, непріятель «сманивался» съ занятыхъ имъ каменистыхъ логовищъ; кромѣ того, обезпечилась безопасность отъ глубокаго обхода прибывшими къ японцамъ резервами.

Безшумно, насколько это возможно для кавалеріи, сняты сторожевые посты, осѣдланы кони, впряжены орудія, и отрядъ переправили на правый берегъ.

Моросилъ мелкій дождь. Вылъ на всевозможные лады порывистый манджурскій вѣтеръ.

Тьма непроглядная, хоть глазъ коли. Приходилось двигаться буквально ощупью, поминутно останавливаясь, чтобы не разорваться: въ десяти шагахъ ничего нельзя было различить. Шли не дорогой, а полемъ, усѣяннымъ острыми камнями.

Первою переправили артиллерію по заранѣе приготовленному мосту, за нею батальонъ семипалатинцевъ, единственную пѣхотную часть, находившуюся въ отрядѣ ген. Любавина; конницѣ предстояло уничтожить мостъ и затѣмъ выполнить немаловажную задачу въ смыслѣ обезпеченія сторожевого охраненія всего праваго побережья р. Тайдзыхе.

Эта задача выпала на долю восьмого сибирскаго казачьяго полка подъ командой полковника Панкова.

Полковникъ Панковъ прибылъ въ концѣ іюля

и сразу зарекомендовалъ себя съ лучшей стороны: оказался храбрымъ, лихимъ кавалеристомъ и его неизмѣнно видѣли впереди. Къ несчастію, какъ-то случалось, что его полкъ всегда попадалъ подъ убійственный огонь противника; ему нерѣдко приходилось нести тяжелыя потери. Однако, самого командира Богъ миловалъ... до 5-го октября. Онъ велъ полкъ на поддержку другимъ частямъ дивизіи лѣвѣе Кантулинскаго перевала. Около деревни, расположенной въ узкомъ ущельи, онъ попалъ подъ непріятельскій огонь... Шальная пуля поразила героя въ самомъ началѣ перестрѣлки... Миръ праху честнаго, славнаго, доблестнаго борца.

Оставивъ сторожевую цѣпь, остальные полки двинулись вслѣдъ за артиллеріей и пѣшимъ баталъономъ, но двигаться пришлось въ такой непроницаемой мглѣ, по отвратительной каменистой почвѣ, что, сдѣлавъ около шести верстъ, истомленный до крайности полкъ вынужденъ былъ остановиться. Рытвины, рвы и рыхлѣвшая отъ моросившаго дождя земля дѣлали движеніе мучительнымъ; кромѣ того необходимо принять во вниманіе, что и люди, и кони двое сутокъ не принимали никакой пищи, вслѣдствіе отдаленности отъ главныхъ силъ. Утомленіе, голодъ и стужу терпѣли всѣ безъ ропота: генералы и остальные начальствующіе чины подавали примѣръ солдатамъ, нужда переносилась съ истиннымъ героизмомъ, на который способенъ только русскій воинъ.

Двигаясь медленно, шагъ за шагомъ, набрели на какую-то кумирню и остановились.

Часа два провели въ полудремотѣ, чутко прислушиваясь въ царившей кругомъ зловѣщей тьмѣ.

Въ пять часовъ поднялись и двинулись дальше. Разсвѣтало. Сквозь густую пелену бѣловатаго тумана замелькали бивачные огни третьяго кор-

пуса. По мѣрѣ приближенія къ бивaку туманъ поднимался и разсѣивался. Развертывалась грандіозная картина бивачной жизни: правильными квадратами расположились роты и батальоны, ружья въ козлы, а сзади тянулись казавшіяся безконечными линіи патронныхъ двуколокъ. Повсюду разведены костры, окруженные группами грѣющихся и обсушивающихся воиновъ. Дымились ротныя кухни. Кое-гдѣ потрошили убитыхъ быковъ. У нѣкоторыхъ костровъ присѣдали на корточкахъ одиночные плѣнные японцы рядомъ съ нашими солдатами, которые подкармливали ихъ, поили чаемъ и угощали «цыгарками-самокрутками». Казалось, что и тѣ, и другіе забыли едва заглохшій грохотъ орудій, борьбу на жизнь и смерть, и думали лишь, какъ-бы обогрѣться и обсушиться.

Когда дивизія генерала Самсонова остановилась на линіи бивака, къ генералу подскакалъ ординарецъ командира третьяго корпуса, бывшій адъютантъ кавалергадскаго полка Скоропатскій. Блестящій гвардейскій офицеръ, котораго я привыкъ видѣть на «премьерахъ» нашихъ столичныхъ театровъ, и здѣсь на полѣ битвы мало измѣнился.

Скоропатскій, по порученію командира третьяго корпуса, былъ занятъ эвакуаціей раненыхъ и больныхъ, коихъ накопилось на бивакѣ до 2000 человѣкъ. Требовали отъ генерала Самсонова людей и лошадей для тѣхъ, кто лишенъ возможности двигаться собственными силами. Немедленно были наряжены двѣ сотни. Раненыхъ и больныхъ усаживали на коней, а казаки вели ихъ въ поводу.

Дивизія генерала Самсонова отдохнула нѣсколько часовъ и вновь получила серьезную задачу: сдержать напоръ противника по линіи Уньюмюницзы—Сянтянцзы—Бенсиху. Полки дви-

нулись по узкимъ ущельямъ, стѣсненнымъ высокими гранитными стѣнами.

Едва казаки заняли указанную линію, на что потребовалась вся ночь съ тридцатаго сентября по первое октября, непріятель выказалъ намѣреніе атаковать наши заставы и открылъ огонь, хотя довольно слабый. Казачьи сотни безъ особаго труда отбросили японцевъ.

Однако съ этого дня противникъ выказалъ усиленную дѣятельность по всей линіи, переходя въ энергичное наступленіе, выдвигая сильные передовые отряды съ пулеметами. Появились раненые. Вторично былъ раненъ эсаулъ 5-го сибирскаго казачьяго полка Евтинъ, едва оправившійся отъ раны въ голову, полученной лишь въ маѣ.

Сильный напоръ непріятеля заставилъ командира третьяго корпуса выслать въ передовую линію, на поддержку конницы, 21-й и 24-й восточносибирскіе стрѣлковые полки подъ командой генералъ-маіора Кречинскаго и полторы горныхъ батареи, недавно присланныхъ на театръ военныхъ дѣйствій. Горныя пушки совершенно новыя, такого-же типа, какъ и непріятельская горная артиллерія, отличаются необыкновенной легкостью: ихъ везетъ пара лошадей «гуськомъ», или цугомъ. При подъемѣ на высоты пушки разбираются: станокъ и хоботъ навьючиваются отдѣльно на особо приспособленныхъ сѣдлахъ. Зарядныхъ ящиковъ при горныхъ орудіяхъ не полагается, а снаряды также укладываются какъ вьюки особой системы и везутся на лошадяхъ.

Кромѣ горныхъ орудій, прислали еще игрушечную полубатарею пограничной стражи заамурскаго округа, всегда приносившую существенную пользу.

Выдвинутые пѣхотные полки заняли позицію на высотахъ Кантулинскаго перевала, на которыхъ немедленно окопались.

Конница же дѣйствовала нѣсколько впереди, въ чрезвычайно трудной мѣстности, окруженной со всѣхъ сторонъ каменными отрогами, параллельными рядами простирающимися съ сѣвера къ югу.

Перевалы черезъ эти неприступныя скалы— рѣдки; на обходъ кряжа требуется много времени, чтобы продвинуться по трудно проходимой мѣстности верстъ пятнадцать, между тѣмъ какъ по прямой линіи, если·бъ явилась возможность переброситься черезъ горные массивы, едва потребовалось-бы 45—50 минутъ.

Къ этому необходимо добавить, что обходы во флангъ и тылъ въ такихъ горныхъ дебряхъ вполнѣ возможны, почему приходится расходовать сотни на дальніе разъѣзды съ цѣлью охраненія себя отъ всякихъ случайностей.

Насколько эта мѣстность затрудняетъ дѣйствія конницы, можно судить по слѣдующимъ случаямъ: конные разъѣзды нерѣдко запутывались въ лабиринтѣ горъ и ущелій и пропадали на нѣсколько дней.

Поэтому рѣшено было въ этихъ дебряхъ боя не принимать, а заставить непріятеля выйти къ Кантулинскому перевалу.

Бой въ ущельяхъ и долинахъ за Кантулинскомъ переваломъ разгорался. Непріятель, видя передъ собою слабый кавалерійскій отрядъ, напиралъ со всей назойливостью, на которую способны японцы, когда они чувствуютъ себя сильными.

Лабиринты ущелій, похожіе на длинные коридоры, между высокими стѣнами безъ потолковъ, представляютъ значительныя удобства для обходовъ во флангъ и даже въ тылъ. Генералъ Самсоновъ прекрасно понималъ тяжесть своего положенія и осторожно отодвигался на простиравшіеся позади него горные массивы, уже заня-

тые пѣхотными частями и вновь прибывшими горными батареями.

Отодвигались медленно, шагъ за шагомъ, дорого уступая противнику каждый клочекъ земли.

Послѣдній день съ нависшими грозовыми тучами быстро смѣнился темной ночью. Поднялась буря. Вѣтеръ завылъ съ такой яростью, что жутко становилось, а тутъ еще ударилъ громъ, сверкнула молнія и зигзагами прорѣзывала воздухъ по всѣмъ направленіямъ...

Это была величественная картина разбушевавшейся стихіи.

По ущельямъ свистѣлъ и вылъ на всевозможные лады вѣтеръ; молніи поминутно, одна за другой, освѣщали своимъ яркимъ свѣтомъ отступающую конницу. Вдругъ посыпалъ градъ, крупный, величиной съ орѣхъ, больно ударялъ по крупамъ лошадей, билъ въ лицо всадниковъ... Переходъ становился мучительнымъ, люди и лошади изнемогали... Градъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ, перешелъ въ страшный ливень, превратившій долины и ущелья въ непроходимыя озера и рѣки... Вода неслась съ шумомъ и ропотомъ и влекла за собой все, что попадалось на пути.

Дальнѣйшее движеніе становилось невозможнымъ и небезопаснымъ.

Попалась деревушка, полуразрушенныя фанзы которой притаились за уклономъ возвышенности, и генералъ съ штабомъ кое-какъ размѣстились въ развалинахъ китайскихъ жилищъ, остановивъ отрядъ. Размѣстились въ тѣснотѣ, сырости и грязи. Но «на войнѣ какъ на войнѣ», говорятъ французы. Тутъ ничего не подѣлаешь, и всѣ сюрпризы стихійныхъ силъ природы приходится переносить одинаково, какъ солдату, такъ и главнокомандующему...

Къ полуночи гроза прекратилась, небо очисти-

лось отъ грозныхъ тучъ. Сквозь разорвавшіяся облака заблестѣли звѣзды и безучастно холодно взирали на происходившій на землѣ кровавый поединокъ.

Около часу ночи получилось извѣстіе о выяснившемся обходѣ лѣваго фланга сосѣдней долиной. Непріятель былъ близокъ. Дремать не приходилось.

Полкъ всталъ и вмигъ двинулся къ обходу, гдѣ, спѣшившись, занялъ позицію на высотахъ въ ожиданіи противника.

Стало холодно. Намокшую почву сковывалъ морозъ, достигшій къ утру пяти градусовъ по Реомюру. Это, повидимому, дало возможность непріятелю не прекращать наступленія, и онъ, противъ обыкновенія, напиралъ не останавливаясь. Онъ уже былъ близокъ, и снова затрещали ружейные выстрѣлы и грохнули орудія.

Бой возобновился. Но конные полки Самсонова постепенно отодвигались къ Кантулинскому перевалу, гдѣ были расположены стрѣлковыя позиціи и горныя батареи, усиленныя еще шестнадцатью полевыми орудіями.

Наступило утро,—ясное, свѣжее, морозное. Все было покрыто инеемъ, дороги обмерзли. Жаркая битва разгоралась у перевала; пришедшую конницу, спѣшивъ, перебросили въ сосѣднюю долину и разсыпали по горнымъ кряжамъ. Такимъ образомъ, образовался тупой уголъ, въ который вливался напирающій противникъ. Это сраженіе и замѣчательно тѣмъ, что конница дралась наравнѣ съ пѣхотой. Бой длился двое сутокъ. Японцы увидѣли, что одолѣть насъ имъ не въ мочь, и они остановились.

Въ этихъ горныхъ массивахъ расположились два доблестныхъ храбрыхъ противника почти другъ противъ друга. На этихъ укрѣпленныхъ всевозможнаго типа и вида окопами высотахъ

долго стояли они лицомъ къ лицу. Близость одного окопа къ другому достигала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до трехъ шаговъ. Слышны разговоры, команды сосѣдей и перебранка. Иногда наши стрѣлки безъ оружія сходятся съ непріятельскими, разговариваютъ, разумѣется больше мимикой, похлопываютъ другъ друга по плечу; покуривъ, мирно расходятся. Въ одной деревнѣ имѣется хашинный заводъ, куда сходятся за покупкой хмельной браги, необходимой при сырой и холодной обстановкѣ. Встрѣчи всегда дружественны, съ рукопожатіями и обмѣномъ папиросами. Одинъ разъ у единственнаго колодца, откуда черпали воду и наши и японскіе солдаты, произошла драка между враждующими сторонами,—драка въ рукопашную, но это былъ «исключительный» случай. Повидимому, попались особо здоровые и драчливые японцы и за это жестоко поплатились. Считаю не лишнимъ добавить, что дрались «кулаками» и перевѣсъ, конечно, оказался на нашей сторонѣ. Подѣломъ. Не задирай!

Одна изъ атакъ „Путиловской сопки“.

17-го октября 1904 г.

Бой въ центрѣ разгорѣлся съ разсвѣтомъ. Канонада шла безъ перерыва, безъ передышки. Грохотъ орудій громовыми раскатами разносился по долинамъ, ущельямъ и горамъ. Залпъ слѣдовалъ за залпомъ. Позади и впереди нашихъ позицій врывались глубоко въ землю бризантные снаряды. Иные лопались съ тѣмъ характернымъ звукомъ, который заставляетъ васъ предполагать, что въ одинъ моментъ лопнули тысячи стеколъ. Сначала поднимается громадный столбъ дыма, густой, черный... Бѣда очутиться вблизи него: зловоніе мо-

жетъ задушить васъ... Артиллеристы говорятъ, что это специфическій запахъ лиддита.

Самый слабый запахъ этого газа вызываетъ спазмы въ горлѣ.

Таковъ бризантный снарядъ, называемый еще фугаснымъ.

Странно, что непріятель питаетъ особое пристрастіе къ снаряду шимозе, хотя его боевыя качества, разумѣется, съ точки зрѣнія военной, не особенно высоки: радіусъ разрыва невеликъ, пораненія осколками, хотя и опасны, болѣзненны, зато количество пораненій незначительно. Шрапнель много опаснѣе, особенно при удачной группировкѣ огня и стрѣльбѣ по площадямъ *).

По общему отзыву, боевыя качества нашей артиллеріи много выше японской. Самый снарядъ нашъ отличается отъ японскаго и называется «унитарнымъ»; примѣненіемъ его достигается бо́льшая скорость въ стрѣльбѣ; непріятельскій же—составной, при его употребленіи теряется время на соединеніе «снаряда» съ «зарядомъ». Еслибъ японцы не пользовались услугами китайцевъ, подающихъ не только сигналы во время боя, но и снаряды, дѣйствія японской артиллеріи свелись-бы къ весьма незначительнымъ результатамъ и наши батареи всегда «заклевали-бы» непріятельскія, такъ по крайней мѣрѣ намъ казалось.

Но вернемся къ битвѣ центра нашего боевого расположенія. Рѣчь идетъ о сраженіи съ 3-го на 4-е октября изъ-за обладанія такъ называемой «безыменной» сопкой, или иначе,—сопкой съ однимъ деревомъ, окрещенной послѣ удачнаго штурма «Путиловской сопкой».

---

*) Мы, впрочемъ, въ концѣ концовъ поняли важность фугасныхъ снарядовъ. Своими разрывами они даютъ возможность опредѣлить паденіе снаряда, чѣмъ достигается вѣроятная пристрѣлка. Наша артиллерія крайне нуждается въ такихъ снарядахъ.

Вся тяжесть сраженія выпала на долю Нейшлотскаго полка. Роты его упорно и ожесточенно дрались, неся большія потери.

Ряды уже не просто «сѣрыхъ героевъ», а львовъ, неустрашимыхъ, идущихъ впередъ, не обращая вниманія на дождь шрапнелей и бризантныхъ чудовищъ, ряды «чудо-богатырей» приближались къ цѣли, не считая убыли товарищей, упорно стремясь лишь впередъ.

Имъ выслали на помощь 36-й восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ съ приказаніемъ обойти сопку съ праваго фланга и сбить упорствующаго врага во что-бы то ни стало.

Въ 3 часа утра полкъ выступилъ въ походной колоннѣ побатальонно со знаменемъ.

Батальоны двигались по долинѣ, еще недавно покрытой гаоляномъ, чумизой и бобами, а теперь освобожденной отъ растительности.

Вонъ, тамъ, на югѣ-западѣ, полуразрушенная снарядами опустѣвшая деревушка. Полкъ взялъ направленіе на деревню, хотя это казалось безцѣльнымъ: ни впереди, ни сзади, ни съ боковъ незамѣтно было признаковъ боевой жизни.

Прошлепавъ по черной липкой грязи версты двѣ, полкъ неожиданно развернулся въ боевой порядокъ, разведя свои батальоны «по-ротно», и круто перемѣнилъ направленіе.

Долину перерѣзывали два-три оврага. Цѣпи стрѣлковъ перебросились черезъ нихъ, перешли вбродъ рѣчку, огибавшую деревню, и вмѣстѣ съ резервомъ скрылись за высокими стѣнами фанзъ.

Противникъ замѣтилъ движеніе полка, или, вѣрнѣе, ему дали знать китайцы-сигнальщики, и онъ открылъ бѣшеный огонь по нашимъ цѣпямъ.

Полкъ остановили. Ему дали оправиться и разрѣшили снять и оставить въ деревнѣ всѣ лиш-

нія тяжести, вещевые мѣшки, сахарные запасы, словомъ все, что затрудняло движеніе.

Подъ шрапнельнымъ огнемъ вышли изъ деревушки, перешли вновь рѣчку вбродъ и взяли направленіе на слѣдующее селеніе, лежащее всего въ 200—250 саж.

Приблизившись безъ потерь къ этому пункту, командующій полкомъ подполковникъ Быковъ остановилъ батальоны.

— Братцы! — громко произнесъ подполковникъ Быковъ, — впереди слава, позади позоръ! Перекреститесь и съ Богомъ впередъ, за славой!

И поднялись заскорузлыя, мозолистыя руки; всѣ головы обнажились, солдаты сотворили крестное знаменіе, каждый про себя помолился.

— Полкъ, впередъ! – раздалась команда.

Словно на парадѣ двинулись цѣпи стрѣлковъ. Наблюдая со стороны, казалось, что въ красносельскомъ лагерѣ производится образцовое ученье. Цѣпи, пользуясь «складками» мѣстности, отдѣльными деревцами, оставленными снопами гаоляна, перебѣгали раздѣлявшее ихъ съ непріятелемъ пространство.

Широкимъ фронтомъ перекатывались онѣ съ мѣста на мѣсто и понемногу охватывали юго-восточный скатъ сопки съ однимъ деревомъ.

Саженяхъ въ десяти отъ подножья сопки течетъ рѣчка. Передъ нею — овраги, поросшіе колючимъ кустарникомъ, за оврагомъ волчьи ямы, очевидно служившія непріятельскимъ секретомъ и дозоромъ. Цѣпи стрѣлковъ быстрой волной перекатились черезъ всѣ естественныя и искусственныя препятствія.

Лишь когда цѣпи перешли рѣчку, непріятель замѣтилъ и понялъ цѣль нашего маневра.

На сопкѣ поднялась суматоха. Было слишкомъ

близко отъ непріятеля, чтобы не видѣть происходившаго въ его рядахъ смятенія. Вотъ рожокъ японскаго горниста сыгралъ, сбиваясь съ такта, «русскій отбой», суета увеличилась, солдаты въ черныхъ шинеляхъ бѣгали взадъ и впередъ; наконецъ ихъ удалось повернуть фронтомъ къ наступавшимъ цѣпямъ нашихъ, и они открыли безшабашный ружейный огонь, почти не причинявшій намъ вреда.

Сибирскимъ стрѣлкамъ приказано было безъ крика, молча ударить въ атаку. Но, воодушевленные своимъ командиромъ, чудо-богатыри не выдержали и неудержимой волной при могучихъ раскатахъ «ура» бросились на сопку къ окопамъ, не давая врагу притти въ себя. Произошла жестокая штыковая схватка. Сѣрые герои, мокшіе подъ дождемъ, переносившіе ночную стужу безъ костровъ, изголодавшіеся и озлобленные чудобогатыри не знали пощады, кололи и рубили направо и налѣво. Вмѣстѣ съ солдатами рубились офицеры. Солдаты перебѣгали изъ окопа въ окопъ и всюду настигали растерявшагося врага. Многіе залѣзли въ блиндажи и попрятались, нѣкоторые бросались въ рвы и притворялись мертвыми, однако, стрѣляли по нашимъ, лишь послѣдніе проходили мимо лежачаго врага, не тронувъ его.

Разумѣется, это еще больше озлобляло стрѣлковъ и они рубили, не зная пощады, находя коварнаго врага въ блиндированныхъ углубленіяхъ, вездѣ, всюду.

Вотъ рота японцевъ успѣла сбѣжать съ сопки. У ней хватило мужества выстроиться и открыть безпорядочный огонь по покинутой возвышенности, но не надолго. Давъ два-три безпорядочныхъ залпа, она кинулась къ деревнѣ. Но тамъ ее встрѣтили нейшлотцы и пластуны 36-го во-

сточно-сибирскаго стрѣлковаго полка, и вся рота японцевъ легла костьми.

Капитанъ Гржибовскій велъ 2-й баталіонъ въ обходъ сопки съ лѣвой стороны. Онъ натолкнулся на непріятельскій резервъ и разогналъ его штыками. Храбрый капитанъ при штыковомъ ударѣ самъ получилъ три раны: двѣ штыкомъ—въ ухо и голову и третью пулей—въ грудь на вылетъ.

Разсѣянный резервъ непріятеля пытался окружить сопку и открыть по ней огонь, крича нашимъ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ: «не стрѣляй, свои!» Но мы уже привыкли къ японскимъ боевымъ выходкамъ, и зловредный врагъ получилъ возмездіе по заслугамъ.

Бой кончился. По склонамъ сопки, по окопамъ, блиндажамъ валялись груды труповъ. Около рѣчки и за нею впереди лежали въ различныхъ позахъ раненые и тихо стонали.

Началась перевязка... Боевой пылъ стихъ... Звѣрскіе инстинкты улеглись и имъ на смѣну выступило, свойственное русскому, великодушіе и добросердечіе.

Наравнѣ съ нашими перевязывали и раненыхъ японцевъ.

Едва-ли я впаду въ преувеличеніе, если скажу, что врагу, распростертому у ногъ побѣдителя, оказывали преимущество, и нерѣдко раненому врагу подавалась помощь скорѣе, чѣмъ своему.

Вотъ удивительная картинка послѣ боя: нѣсколько раненыхъ японцевъ окружены нашими чудо-богатырями; они успокоились, пришли въ себя и уже являются закоптѣлыми въ пороховомъ дыму «сѣрыми героями».

Одинъ изъ нихъ ласково хлопаетъ по плечу японскаго капрала и суетъ ему «цыгарку».

— Ну, ну, не бойся, теперь не трону, — успокаиваетъ онъ врага, котораго за полчаса тому назадъ безпощадно кололъ штыкомъ.

Другой суетъ раненому сухарь, предварительно размочивъ его въ водѣ и посоливъ. Оба грызутъ мокрый сухарь, ласково и довѣрчиво смотря другъ другу въ глаза и улыбаясь.

Вотъ наши потери: подпоручикъ Кошелевъ, командовавшій первымъ батальономъ, раненъ и остался до конца боя въ строю, за невозможностью оставить часть безъ офицера; подпоручикъ 3-го батальона Каминскій, раненый,—также остался въ строю; командиръ роты Волобуевъ раненъ тяжело въ пахъ и правую руку съ поврежденіемъ кости; командиръ роты прапорщикъ (изъ запаса) раненъ въ ногу; къ сожалѣнію, никто не могъ сообщить мнѣ его фамилію; командиръ 6-й роты капитанъ Лундъ раненъ въ обѣ ноги; 7-й роты капитанъ Душкевичъ раненъ въ лопатку на вылетъ; командиръ 9-й роты Ранневъ — также въ лопатку на вылетъ; командиръ 11-й роты шт.-кап. Яковлевъ раненъ шрапнельнымъ осколкомъ въ правую руку и контуженъ въ голову.

Орудія были забраны Нейшлотскимъ и 19-мъ восточно-сибирскимъ стрѣлковыми полками.

Въ числѣ трофеевъ, кромѣ горныхъ орудій и пулеметовъ,—плѣнные, палатки, аммуниція, одежда, патроны съ ружьями и снаряды.

Охотники.

18 октября 1904 г.

Съ манджурской осенью что-то приключилось. Мѣстные метеорологи сулили намъ дивные осенніе дни въ теченіе сентября и октября. Въ дѣйствительности половина сентября погода «мокропогодилась», нерѣдко дождь лилъ по 30—40 ча-

совъ безъ передышки, а октябрь стоитъ такой холодный, какого я не помню въ Петербургѣ.

Холодно въ Харбинѣ, говорятъ: «за то на югѣ (здѣсь югомъ считается отъ Мукдена) тепло», однако въ Мукденѣ и за нимъ, далѣе, стоятъ непривычные для мѣстныхъ жителей холодные и сырые дни съ туманными утренниками.

Такая погода стояла 30-го сентября. Небо временами плакало, и его слезы считали «настрѣлянными».

Тѣмъ не менѣе ходъ событій не остановился. Грохотъ орудій смолкалъ передъ вечеромъ на 30—40 минутъ, и канонада возобновлялась съ большей силой. На позиціяхъ о снѣ ночью нечего было и думать, но и въ 15—18 верстахъ въ Мукденѣ грохотъ орудій заставлялъ учащенно биться ваше сердце, и вы невольно бодрствовали, съ тревогой прислушиваясь къ непрерывной пальбѣ.

Когда подпоручикъ Рутковскій съ своими командами охотниковъ и пластуновъ присоединился къ биваку авангарда, дѣйствовавшаго подъ начальствомъ полковника Леша, первому отдано было приказаніе войти въ связь съ третьимъ корпусомъ, которому предстояло занять выжидательное положеніе.

Полковнику Лешу требовалось держаться ночь и день перваго октября на занятыхъ позиціяхъ и «превратиться» нѣкоторымъ образомъ въ аріергардъ, пока наши войска не произведутъ необходимыхъ передвиженій. Такъ, отряду полковника Леша предстояло смѣнить третью дивизію, девятой дивизіи слѣдовало отодвинуться въ корпусный резервъ для приведенія себя въ порядокъ послѣ тяжкихъ боевъ 26, 27, 28 и 29 сентября; на нее, между прочимъ, возлагалась обязанность по уборкѣ раненыхъ и доставкѣ ихъ въ мукденскіе госпитали и тѣ санитарные поѣзда, которые не имѣли возможности приблизиться

къ позиціямъ вслѣдствіе расположенія ихъ вдали отъ линіи желѣзной дороги.

Такимъ образомъ, авангардъ или теперь арьергардъ полковника Леша остановился лицомъ къ лицу съ непріятелемъ въ холодный осенній вечеръ 30 сентября.

Дождь, сырость, слякоть, грязь и вѣтеръ, холодный, пронизывающій... Казалось, природа вооружилась противъ нашихъ сѣрыхъ героевъ, святыхъ русскихъ молчальниковъ, какъ ихъ называетъ генералъ Драгоміровъ.

Въ такую погоду полковникъ Лешъ ожидалъ столкновенія съ «насѣдавшимъ» непріятелемъ.

Ночь темная, студеная протекла спокойно.

Разводить костровъ не приказано.

Наступило, наконецъ, желанное утро. Сквозь бѣлесоватую полосу тумана легко было различить надвигающіяся цѣпи непріятеля. Онъ наступалъ, обычнымъ порядкомъ: рѣдкія цѣпи съ боковъ, стремящіяся охватить насъ во флангъ, и густая колонна въ лобъ...

Лешъ давно освоился съ тактикой японцевъ. У полковника все готово для встрѣчи непріятеля. Грохнула шрапнель и угодила въ центръ колонны. Произошло замѣшательство... Колоннѣ не дали оправиться и послали цѣлый рядъ шрапнелей, которыя буквально смели ее...

Въ то же время наши цѣпи изъ ложементовъ встрѣтили залпами цѣпи японцевъ. Но онѣ ползли впередъ... Однако до штыкового удара не дошло, и цѣпи были сметены до основанія...

Полковникъ Лешъ раскассировалъ непріятеля, да такъ, что весьма немногіе изъ нихъ вернулись обратно, къ своимъ главнымъ силамъ.

Прослѣдивъ дѣйствія лѣваго фланга и центра, остается добавить еще нѣсколько словъ, относящихся къ первому и второму октября. Первое октября, какъ читатель видѣлъ, закончилось пол-

нымъ пораженіемъ насѣдавшихъ на нашъ арьергардъ японцевъ. Второго числа девятую дивизію продвинули къ деревнѣ Фыньдяпу на помощь 4 сибирскому корпусу, который тѣснили японцы. Въ этотъ день нами взято было восемь непріятельскихъ полевыхъ орудій и нѣсколько пулеметовъ.

Не могу обойти молчаніемъ одинъ изъ эпизодовъ съ 37-й пѣхотной дивизіей, хорошо знакомой жителямъ нашей сѣверной Пальмиры.

37 дивизія занимала позиціи рядомъ съ другой дивизіей, находившейся подъ командой генерала Мау. Въ сраженіи 30 сентября 37-я дивизія понесла тяжкія потери, геройски отражая напиравшихъ на центръ огромныхъ силъ противника.

Генералъ Мау, по личнымъ соображеніямъ, перевелъ свою дивизію на другія позиціи, но это въ значительной мѣрѣ ухудшило положеніе 37-й дивизіи; открылись ея фланги и отступленіе крайне затруднялось.*)

Объ этомъ дано было знать генералу Мищенко, который спѣшилъ свою казачью бригаду и разсыпалъ ее въ цѣпь вмѣстѣ съ находившимся въ его распоряженіи 4-мъ восточно-сибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ. Этотъ маневръ задержалъ противника и вывелъ изъ затруднительнаго положенія 37-ю дивизію. Казачья бригада генерала Мищенко и стрѣлковый полкъ отошли не ранѣе, какъ подобравъ всѣхъ раненыхъ и предавъ землѣ убитыхъ на полѣ брани воиновъ.

---

*) Къ сожалѣнію, приходится констатировать фактъ оставленія начальниками отдѣльныхъ частей ввѣренныхъ имъ позицій, чѣмъ немедленно пользовался непріятель и наносилъ намъ *чувствительныя потери.*

Эпизодъ.

(Къ боямъ на Шахэ).

Пять часовъ вечера. Ласково грѣвшее осеннее солнышко стало тускнѣть, яркій свѣтъ его вдругъ, подъ вліяніемъ невѣдомыхъ причинъ, померкъ, и воздухъ тотчасъ остылъ. Подулъ сырой вѣтеръ. По небу поплыли тѣ облака, которыя въ Манджуріи имѣютъ особый характеръ и даже цвѣтъ—желтовато бурый. Мѣстные жители говорятъ, что это свирѣпый «тайфунъ» машетъ своими гигантскими крыльями. Въ эту пору года онъ всегда приноситъ стужу и дождь или градъ, падающій изъ облаковъ крупными жесткими крупинками, больно ударяющими по открытому лицу случайнаго путника.

Китаецъ прячется въ свою убогую фанзу, накаляя канъ, плохо согрѣвающій студеное жилище, но и этого плохого убѣжища лишенъ нашъ «сѣрый» герой; онъ съ поразительной стойкостью мерзнетъ на своихъ позиціяхъ, и вы не услышите недовольнаго звука, а увидите его добродушно-счастливое лицо, когда ему удастся развести костеръ. Онъ радостно подставляетъ окоченѣвшія руки къ пламени и испытываетъ наслажденіе истиннаго «философа», купаясь въ брызгахъ искръ.

Откуда у него берется это веселье, этотъ неистощимый запасъ юмора, чистаго, здороваго русскаго юмора?

Вотъ захудалый «сѣрый геройчикъ» съ впалыми щеками и впалой грудью, ежась отъ стужи,

насквозь пронизывающей «вѣтромъ подбитую» сѣрую шинель, тѣснится ближе къ желтому пламени костра.

— Помаленьку, землячокъ, — останавливаютъ его два сосѣда сразу,—справа и слѣва.—Аль смерзъ?.. Ничего, ничего... «Кикимора» какъ зачнетъ палить, сразу нагрѣетъ, ажъ въ потъ вдаритъ.

— Что ему «Кикимора»,—возражаетъ другой солдатикъ, примостившійся у самаго костра.—Яво и такъ цыганскій потъ прошибаетъ... Ишь, дрожитъ сердечный.

Въ этотъ моментъ откуда то изъ тьмы вынырнула маленькая фигура въ черномъ пальто и фуражкѣ съ желтымъ околышемъ. Ноги его обуты въ туфли и длинные черные чулки, старательно забинтованные чѣмъ то въ родѣ шнура. Человѣчекъ подходитъ къ костру, кривляясь и прыгая съ ноги на ногу. Разгорѣвшееся пламя озаряетъ его желтое лицо, бросаетъ обликъ на коротенькій носикъ. Всѣ невольно оборачиваются къ нему, съ недоумѣніемъ оглядывая незнакомую фигуру въ то время, какъ послѣдній шмыгаетъ глазами, пугливо озираясь по сторонамъ.

— Земляки!—неистово вскрикиваетъ солдатикъ со впалой грудью.—Нешто японецъ!! Ей-Богу, япоша, самая что ни есть настоящая... Эй, ты, косоглазый, откуда те черти принесли?..—оретъ солдатъ во всю глотку...

Въ мигъ вокругъ явившагося японца образовывается группа людей. Всѣ его разсматриваютъ, щупаютъ черную франтоватую шинель, запускаютъ руку въ капюшонъ, торчащій за спиною. Нѣкоторые выказываютъ намѣреніе «обревизировать» карманы японца.

— Не тронь!—командуетъ взводный унтеръ, исправляющій должность фельдфебеля, убитаго въ

бою въ этотъ день. — Сидоренко, Ахромѣевъ, Киселевъ, въ ружье! Это плѣнный... Кажется, самъ приволокъ себя къ намъ! Веди его въ штабъ.

Спустя минуту японца ведутъ трое рядовыхъ. Это оказался резервистъ гвардейской дивизіи. Онъ прибѣжалъ къ намъ и просится въ плѣнъ.

На вопросъ: «гдѣ ружье?» онъ отвѣчаетъ, что потерялъ его въ пути. Впрочемъ, утромъ винтовка добровольнаго плѣнника оказалась внизу подъ сопкой, сломанная. Это уже былъ не первый случай бѣгства къ намъ японцевъ. Въ отрядахъ генераловъ Мищенко и Самсонова нерѣдко являлись японскіе солдаты безъ ружей съ просьбами взять ихъ «въ плѣнъ». Инцидентъ съ появленіемъ плѣннаго японца вскорѣ былъ исчерпанъ, людей разсыпали по окопамъ, гдѣ они въ промежуткахъ между канонадою могли и вздремнуть.

На нѣсколько минутъ все погружается въ сонъ, однако, спустя полчаса, не болѣе, отчаянная канонада возобновляется, люди вскакиваютъ и слышится команда «полкъ въ ружье», «на коней» или «батарея въ передки». Пальба не прекращается до разсвѣта. Въ ночной мглѣ ясно видны и огоньки лопающихся снарядовъ, слышишь трескъ и звонъ «бжикой» пули, но самъ противникъ обозначается рѣдко. Иногда видятъ, какъ онъ упорно идетъ въ атаку густой колонной, раздается команда «пальба ротами», послѣ чего грянутъ нѣсколько мѣткихъ залповъ, и видно, какъ въ японской колоннѣ происходитъ замѣшательство, продолжающееся нѣсколько минутъ. Колонна неудержимо стремится назадъ, офицеры суетятся, размахиваютъ саблями, иногда стрѣляютъ въ упоръ и въ результатѣ все-таки бѣгутъ назадъ. Куда только дѣвался пресловутый фанатизмъ, о которомъ я, кстати сказать, собирался писать нѣсколько разъ. Въ японскій фанатизмъ я со-

вершенно не вѣрю. Не разъ приходилось мнѣ бесѣдовать съ начальникомъ развѣдывательнаго отдѣленія арміи, также утверждающаго, что японскій фанатизмъ слишкомъ «раздутъ». На допросѣ многіе откровенно сознаются, что они ждутъ не дождутся конца войны, чтобы приняться за домашнія работы, у всѣхъ дома остались жена, дѣти, также ожидающія съ нетерпѣніемъ конца войны.

Какъ-то зашелъ я въ вагонъ, гдѣ вмѣстѣ съ ранеными помѣщались плѣнные японцы. Удовольствіе, что они вырвались изъ ада шрапнелей и ружейнаго огня, ярко отражается въ ихъ желтыхъ лицахъ, и весь фанатизмъ ихъ объясняется хорошимъ кадромъ офицеровъ, не стѣсняющихся подгонять, а когда необходимо, и удерживать людей шашками и револьверными выстрѣлами.

Между плѣнными японцами, которыхъ я видѣлъ, двое изловлены вмѣстѣ съ хунхузами. Это изъ кадра японо-хунхузскихъ отрядовъ. Одинъ изъ японцевъ говоритъ по-русски. Онъ мнѣ разсказалъ, что китайцы всѣ на сторонѣ Японіи, что «шефы» хунхузовъ числятся въ спискахъ японскихъ офицеровъ.

— У васъ,—говоритъ японецъ,—вожди хунхузовъ служить не станутъ, не пожелаютъ. Мы ихъ обезпечили и на время войны, и послѣ нея: Всѣ вожди переѣдутъ въ Японію, гдѣ имъ пожизненно будутъ платить пенсію и каждому дадутъ по четыре жены.

— Почему по четыре жены, а не по пяти?— спрашиваю я.

— Четыре! такое условіе,—отвѣчаетъ японецъ и задумывается.

Я ухожу изъ вагона подъ впечатлѣніемъ, что японскій фанатизмъ — легенда, вымыселъ. Храбрость объясняется желѣзной дисциплиной.

Передъ Путиловской сопкой.

14-го ноября 1904 г.

Послѣ выпавшаго въ послѣднихъ числахъ сентября дождя, къ первому октября погода прояснилась, и скользкая глинистая почва Манджуріи пообсохла. Дороги вновь сдѣлались проходимыми. Только по небу то и дѣло выплывали облака, соединявшіяся въ грозовыя тучи, и заставляли измученныхъ героевъ съ щемящимъ сердцемъ всматриваться въ горизонтъ.

Было около трехъ часовъ дня, когда 3-му и 4-му батальонамъ Воронежскаго полка, расположеннымъ у деревни Сахепу, приказали покинуть свои окопы и передвинуться на востокъ, для занятія сопки по указанію командированнаго лично главнокомандующимъ офицера генеральнаго штаба.

Двигались быстро, чтобы до темноты размѣститься на новой позиціи.

Ночь протекла спокойно, хотя предположеніе, что сонъ въ окопахъ, передъ носомъ врага, можетъ быть спокойнымъ, будетъ нѣсколько рискованнымъ. Я видѣлъ, какъ спятъ на позиціяхъ, и, сознаюсь, тяжелый кошмаръ дома, пожалуй, дастъ больше отдыха усталому воину. Говорятъ, ко всему можно привыкнуть, и къ боевой обстановкѣ привыкаютъ, и даже на сторожевыхъ постахъ часовой забывается и засыпаетъ тяжелымъ непробуднымъ сномъ, но объ этомъ легко разсказывать, испытать же всѣ тяготы въ передовой линіи самому—совсѣмъ другое дѣло.

Забрезжило утро, и солнышко выглянуло изъ своего кроваво-краснаго ложа. Кое-гдѣ горѣло нѣсколько щепокъ, надъ которыми солдатъ приладилъ чайникъ и кипятилъ воду. По разнымъ направленiямъ двигались роты.

— Пятнадцатая рота, въ ружье! — раздалась громкая и отчетливая команда поручика Садовскаго.

Вмигъ рота воронежцевъ разобрала свои ружья и двинулась на гребень большой сопки съ кумирней. Съ противоположной стороны на опушкѣ деревни показалась непрiятельская пѣхота съ конными разъѣздами на флангахъ.

— Шестнадцатая рота подъ командой подпоручика Шнеура въ цѣпь! — слышится приказанiе начальника боевого участка.

Рота съ быстротой молнiи перебѣгаетъ въ окопъ и открываетъ выдержанные залпы по наступающему противнику. Послѣднiй, по привычкѣ, обдаетъ наши цѣпи «пачковымъ» огнемъ, но настолько безпорядочнымъ, что онъ не причиняетъ намъ чувствительныхъ потерь.

Если наблюдать картину боя со стороны, видишь перемѣны, какъ въ панорамѣ: непрiятель изъ деревни скрывается въ несмятыхъ густыхъ заросляхъ гаоляна. Оттуда съ особымъ свистомъ, напоминающимъ пѣнiе птички вылетаютъ пули. Наши роты имъ отвѣчаютъ, и въ то-же время, незамѣтно для врага, маневрируютъ другiя части. Вотъ правый флангъ перваго корпуса поровнялся съ лѣвымъ флангомъ 15 роты Воронежскаго полка, а послѣдняя усиленно обстрѣливаетъ залпами движущiяся въ гаолянѣ непрiятельскiя массы, которыя въ свою очередь направили силу своего огня на дивизiю перваго корпуса.

Бой разгорается. Непрiятель въ концѣ концовъ опрокинутъ, но получается неожиданное приказанiе отступить. 15-я рота воронежцевъ

отходитъ назадъ подъ прикрытіемъ 16-й роты того-же полка; отступаютъ съ видимымъ неудовольствіемъ.

Одинъ батальонъ за другимъ отходитъ на сѣверъ. Четвертый батальонъ занимаетъ еще свободную въ то время сопку съ однимъ деревомъ, но ему приказано спуститься въ лощину и стать въ резервѣ, а его мѣсто немедленно занимаетъ третій батальонъ, который тотчасъ устраивается по ротно на отличныхъ, почти неприступныхъ позиціяхъ. Однако, недолго пришлось этому батальону пользоваться выгодами своего положенія. Вновь получается приказаніе командира 1-го корпуса отступить, и роты покидаютъ свои позиціи.

Въ полдень получается приказаніе отъ генерала-адъютанта Куропаткина немедленно занять покинутую сопку съ однимъ деревомъ.

Подполковникъ Энвальдъ вновь принимаетъ подъ свою команду 3-й и 4-й батальоны и безъ промедленія опять переходитъ въ наступленіе. Продвинувшись впередъ шаговъ на двѣсти, батальоны были осыпаны сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ фронта и обоихъ фланговъ. Появились потери ранеными и убитыми.

Храбрый командиръ 3-го батальона, капитанъ Ульяновъ, былъ раненъ пулей въ лопатку, но не пожелалъ оставить поля брани безъ руководителя. Фельдшеръ ему наскоро перевязалъ рану, и онъ догналъ батальонъ, который размѣстилъ на позиціи и дружными залпами четырехъ ротъ отвѣтилъ на безпорядочные выстрѣлы непріятеля.

Пятнадцатая рота во главѣ съ своимъ единственнымъ офицеромъ, поручикомъ Садовскимъ, бросилась въ обхватъ лѣваго фланга противника. Впереди, на скатѣ горы, лежала деревня Нангалинъ.

Ее и предстояло обогнуть, чтобы ударить непріятеля по наиболѣе чувствительному мѣсту. 12-я рота двинулась на помощь 15-й правѣе расположенія деревни.

Цѣпи двухъ ротъ настойчиво двигались къ намѣченной цѣли, останавливаясь на нѣсколько минутъ, чтобы перевести духъ и послать японцу нѣсколько залповъ. Эти залпы удручающе дѣйствуютъ на непріятеля, и два три дружныхъ удара всегда заставляютъ его податься назадъ. Такъ было и въ описываемый бой. Врагъ не выдержалъ дружнаго натиска 3-го батальона воронежцевъ и бросился къ деревнѣ. Наши роты преслѣдовали его. Люди рвались впередъ и ихъ порывы трудно было сдерживать. Отдѣльные смѣльчаки выныряли изъ цѣпи, настигали японцевъ и били ихъ штыками. Трудно опредѣлить, кто кого перегонялъ въ 15-й ротѣ — нижніе чины своего ротнаго командира Садовскаго или послѣдній своихъ солдатъ.

Настигнутый японецъ нацѣлился въ храбраго поручика, но, къ счастью, не попалъ и легъ подъ ударомъ шашки.

Врагъ выбитъ изъ деревни, бросивъ значительное количество труповъ, рису, оружія и боевыхъ припасовъ.

Къ сожалѣнію, дальнѣйшее преслѣдованіе пришлось оставить: истощились патроны, а непріятельскими воспользоваться невозможно, такъ какъ калибръ японскихъ ружей не тотъ, что у насъ.

Кромѣ того, впереди расположенія 15-й роты показалась новая довольно густая непріятельская колонна. Остановка нашихъ цѣпей подѣйствовала на противника, и послѣдній усилилъ противъ насъ огонь, очевидно подготовляя ударъ въ штыки.

Съ каждой минутой сильнѣе чувствовался у насъ недостатокъ въ патронахъ. Уже передовыя

роты подались назадъ и японецъ «напиралъ», чувствуя за собой перевѣсъ. Загудѣли надъ русскими цѣпями и орудiйные снаряды, потери стали увеличиваться и дружно шедшiе въ атаку сѣрые герои отодвинулись назадъ къ первой позицiи. Въ это время, подъ густымъ огнемъ противника, прискакала патронная двуколка съ унт.-оф. Трошинымъ. Послѣднiй, не обращая вниманiя на лопающiяся непрiятельскiя шрапнели и дождь пуль, спокойно разгрузилъ патронную двуколку и снова поскакалъ за патронами.

Позади показалась помощь какой то пѣхотной части, и люди снабженные боевыми припасами прiободрились, вновь отвѣчая на пачечный огонь противника выдержанными залпами, но выдвинувшаяся поддержка не выдержала страшнаго непрiятельскаго огня и подалась назадъ, чѣмъ обнажила лѣвый флангъ цѣпи. Потери еще усилились, пришлось по неволѣ отходить изъ сферы огня, патроны опять изсякли, а новые не приходили. Тѣмъ не менѣе отступленiе было медленное, въ порядкѣ, словно на ученьи, не взирая на разразившуюся грозу и сильнѣйшiй дождь, который размягчилъ дороги и затруднялъ движенiе.

Изъ сферы огня пришлось выводить цѣпи по размокшей глинистой почвѣ, подъ дождемъ и выстрѣлами.

Но воронежцы пообстрѣлялись и привыкли къ манджурскимъ сюрпризамъ.

Спокойно вышли они изъ сферы непрiятельскихъ снарядовъ и остановились на отдыхъ, а также для подсчета убыли и приведенiя себя въ надлежащiй порядокъ.

Фельдфебеля и унтеръ офицеры выкрикивали фамилiи: «Ивановъ! Чупруновъ! Никоновъ! Голяшкинъ»! и т. д. Слышались отвѣты: «я!», а иногда на вызванную фамилiю отвѣчало... гробовое молчанiе. Это означало, что нижнiй чинъ выбылъ изъ

строя «раненымъ, убитымъ или безъ вѣсти пропавшимъ».

Въ то время, когда производилась повѣрка ротъ, къ батальонамъ подъѣхалъ извѣстный уже нашимъ читателямъ подполковникъ генеральнаго штаба Линда, герой битвы у деревни Лизавенъ, награжденный за это дѣло золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость».

Храбрый подполковникъ привезъ пріятное извѣстіе о приближающихся подкрѣпленіяхъ пѣхотныхъ частей и артиллеріи и, кромѣ того, поручилъ подполковнику Энвальду принять начальство надъ боевымъ участкомъ.

Какъ сообщеніе о приближающейся помощи, такъ и самъ вѣстникъ были встрѣчены батальонами съ большимъ воодушевленіемъ.

Воронежцы хорошо были знакомы съ подполковникомъ Линда по прежнимъ боямъ.

Люди отдохнули, оправились. Подвезли патроны; ихъ быстро роздали по ротамъ, скомандовали «въ ружье!» И борцы снова двинулись впередъ, на встрѣчу смерти.

Батальоны двигались, не взирая на скользкую грязную почву, скоро шлепая намокшими сапогами по липкой глинѣ, которая обволакивала ногу толстымъ слоемъ. Однако, въ полчаса достигли прежнихъ окоповъ на сопкѣ и деревушки Нанганцзы, не понеся особыхъ потерь.

— Двѣ роты третьяго батальона и три роты четвертаго въ цѣпь!—раздалась команда.—Остальные въ резервъ!

Молодцы быстрѣе молніи размѣстились въ окопахъ и открыли залповый огонь по непріятелю, спрятавшемуся на опушкѣ деревни. Залпы 15-й роты заставили храбрыхъ японцевъ зарыться въ свои окопы. Поручикъ Садовскій, не взирая на падавшій градъ непріятельскихъ пуль, стоя командовалъ своей ротой, намѣчая цѣли,

опредѣляя разстояніе и, главное, выдерживая огонь, стремясь, какъ принято выражаться среди военныхъ, увеличить «дѣйствительность».

Вотъ подошелъ къ поручику батальонный командиръ Энвальдъ.

— Поручикъ Садовскій, вы поберегли бы себя!—сказалъ ему заботливый начальникъ.

— Слушаю, господинъ полковникъ, — отвѣчаетъ поручикъ по привычкѣ къ строгому повиновенію, но словно спохватившись, говоритъ батальонному.—И вы не бережете себя!

Затѣмъ командуетъ:

— Рота!— Но не суждено было услышать ротѣ любимаго слова команды энергичнаго молодого офицера «пли». «А!» замерло въ воздухѣ, и юный офицеръ всей тяжестью грохнулся на землю. Герой этотъ былъ тяжело раненъ въ бедро отвратительной мѣдной пулей...

У искалѣченнаго совсѣмъ еще юнаго ротнаго командира Садовскаго хватило силы крикнуть:

— Старшій унтеръ офицеръ Самойловъ, принять командованіе ротою! Братцы! Надѣюсь, будете по прежнему молодцами! Да благословитъ васъ Господь!..

Подошли носилки и ослабѣвшаго отъ потери крови поручика унесли. Его провожали двѣ сотни глазъ, на рѣсницахъ которыхъ нависли слезы... Солдаты любили своего молодого ротнаго, прекраснаго боевого начальника.

Меня всегда интересовалъ вопросъ, «кто обыкновенно является боевымъ, т.-е. храбрымъ и разумнымъ, начальникомъ въ бою», и я всегда получалъ слѣдующій отвѣтъ:

— Хорошій человѣкъ, сердечный, отзывчивый въ жизни всегда беззавѣтно храбръ въ бою и заботливъ о ввѣренныхъ его командѣ людяхъ...

Приблизился Вильманстрандскій полкъ, извѣстный нашимъ петербуржцамъ, какъ нерѣдко зани-

мавшій въ столицѣ караулы въ лѣтнее время, когда гвардія въ лагерѣ. Онъ занялъ свободные окопы и открылъ рѣдкіе, выдержанные залпы. Въ это время полковникъ Линда прислалъ сообщеніе объ артиллеріи: она прибыла и заняла позицію; послѣ обстрѣла непріятеля артиллерійскимъ огнемъ, рекомендовалось перейти въ атаку. Начальникъ участка боевой линіи подполковникъ Энвальдъ, сталъ наскоро писать записку подполковнику Линда, но мѣдная пуля попала ему въ ступню и вывела изъ строя еще одного храбраго и распорядительнаго начальника.

Команда участкомъ перешла къ одному изъ штабсъ-офицеровъ Вильманстрандскаго полка; къ сожалѣнію, въ рапортѣ не сказано, къ кому именно. Энвальда унесли... А вслѣдъ за нимъ еще пала жертва молодой подпоручикъ Шнеуръ; за два дня до боя прибывшій изъ училища, и, не взирая на молодость и неопытность, велъ онъ свою роту въ бой, какъ старый опытный вояка и командовалъ своими солдатами съ спокойствіемъ, поражавшимъ бывалыхъ боевыхъ товарищей. Результатъ этого боя былъ подготовительный, завершившійся взятіемъ сопки съ однимъ деревомъ.

На чеку.

(Эпизодъ изъ боевой жизни заамурцевъ).

I.

Великолѣпное осеннее утро Чистое лазоревое небо, на которомъ плыветъ еще кусочекъ луны, блѣдной и прозрачной, какъ тонкая папиросная бумага. Кругомъ ни облачка; съ сопки ясно обрисовывается дорога, прорѣзывающая рѣчку

По сторонамъ ея еще торчитъ неснятый гаолянъ съ покраснѣвшимъ стеблемъ.

Отчетливо вырисовываются деревни, въ ближайшихъ не трудно различить улицы, даже валики, рвы и ямы полевыхъ укрѣпленій.

Вонъ по дорогѣ вытянулся незначительный пѣшій отрядъ, силою не болѣе 160 человѣкъ. Это охотничья команда пограничной стражи.

Она «выдвинута» впередъ,—точнѣе, она врѣзалась въ самое расположеніе непріятеля и ежеминутно можетъ попасть въ засаду японца.

Въ занятомъ имъ раіонѣ врагъ нашъ не церемонится, ничѣмъ не брезгаетъ и распоряжается, какъ въ завоеванной странѣ. Жителямъ онъ объявляетъ, что за малѣйшую помощь русскимъ, продажу провіанта, доставку свѣдѣній о непріятелѣ, послѣдуетъ жестокое мщеніе.

И дѣйствительно, японецъ мститъ даже и въ томъ случаѣ, когда у него является только подозрѣніе на кого-либо изъ деревенскихъ жителей: подозрѣваемые тотчасъ арестовываются и предаются казни «безъ суда и расправы».

Чтобы заставить китайцевъ служить себѣ въ качествѣ шпіоновъ, японцы берутъ въ плѣнъ престарѣлаго отца, мать или «бабушку» (бабушка — у китайцевъ означаетъ *жена*) и отпускаютъ ихъ на волю лишь по исполненіи сыномъ порученія, нерѣдко сопряженнаго съ опасностью для жизни.

Такимъ образомъ, разумѣется, не особенно трудно добывать дешевыхъ и даже даровыхъ развѣдчиковъ. Это, впрочемъ, старая исторія и читателямъ, вѣроятно, уже знакома.

Итакъ, возвращаюсь къ охотничьей командѣ. Ею предводительствуетъ молодой поручикъ Шелиховъ. Въ его распоряженіи еще два поручика— Лашкевичъ и Клярцевичъ, и одинъ подпоручикъ Рожанскій. Они движутся шагомъ, офицеры впе-

реди. Нѣсколько дозорныхъ углубились въ гаолянъ и исчезли въ его высокихъ заросляхъ.

— Ваше благородіе!—обращается фельдфебель изъ вольноопредѣляющихся Василій Тетерюковъ,—виденъ японскій часовой на сопкѣ.

Всѣ взоры устремились впередъ по ту сторону полей, нѣсколько лѣвѣе деревни Іохетай.

— Эхъ, — кряхтитъ правофланговый, бравый пограничникъ Трофимъ Семенюкъ.—Взгмуздать-бы его, япошку эфтаго.

— Молчи,—шопотомъ останавливаетъ рядового фельдфебель.

— Да,—задумчиво, про себя говоритъ поручикъ Шелиховъ:—очевидно, это японскій наблюдательный постъ.

— Взгмуздать-бы яво, ваше-бродь,—опять хрипомъ вырывается изъ груди охотника Семенюка, но на него тотчасъ накидывается фельдфебель.

— Тебѣ сказано молчать!—шопотомъ, но съ видимой яростью говоритъ онъ солдату, который уже успѣлъ съежиться, виновато понуривъ голову.

— Семенюкъ правъ, — замѣчаетъ начальникъ охотничьей команды.—Часового срѣзать не мѣшаетъ.

— Такъ точно, ваше благородіе!—обрадовался Семенюкъ.

— А ты снимешь?

— Коли прикажете, сниму.

— Поручикъ Клярцевичъ! Вы съ двумя взводами, совмѣстно съ поручикомъ Лашкевичемъ, продвиньтесь по гаоляну съ правой стороны сопки. Старайтесь пройти сколько возможно скрытно. Двигайтесь къ Іохетаю черезъ деревню Таумопуза. Это дальше, но безопаснѣе. Поле сплошь покрыто гаоляномъ, чумизой. По чумизѣ людямъ пройти ползкомъ. Слышите, братцы? На брюхѣ

ползти! Змѣей извивайся, но чтобы васъ непріятель до послѣдняго момента не примѣтилъ.

Два молоденькихъ поручика разсыпали каждый свой взводъ и поползли одинъ—въ высокомъ гаолянѣ, другой по чумизному полю, ползкомъ, почти «на брюхѣ», какъ училъ командиръ охотничьей команды.

Подпоручикъ Рожанскій, выпущенный изъ училища лишь полтора года назадъ, обнаруживаетъ нетерпѣніе и готовность наброситься на врага.

Повернули назадъ къ деревнѣ Схоберъ, откуда къ сопкѣ тянулись ровныя грядки гаоляноваго поля.

Въ деревнѣ Шелиховъ остановилъ стараго китайца съ вопросомъ:

— Ипенъ (японцы) ю-мыю?

— Ю, капитана! Іохетай—шибка многа ипенъ...

И старый китаецъ костлявой рукой указалъ по направленію къ деревнѣ Іохетай.

— Сколько ипенъ?—допытывается поручикъ.— Не бойся, говори, чена (деньги) дамъ.

— Чена мыю,—спокойно отвѣтилъ старикъ.— Путунда... Не надо чена... Ипенъ кантами!..—при этомъ онъ показалъ рукою на шею, показывая этимъ, что за разговоръ съ русскими японцы ему голову отрубятъ.

Поручикъ двинулся впередъ, скрывшись въ высокихъ стебляхъ гаоляна, разсыпавъ по сторонамъ дозоры.

— Смотри, братцы, внимательно! Зря не стрѣляй!

Осторожно, шагъ за шагомъ, движется цѣпь охотниковъ. Каждый думаетъ свою думку, но никому и въ голову не приходитъ мысль объ опасности, о витающей надъ головой жадной, ненасытной смерти.

Впереди, шаговъ на триста простиралась ровная площадь, увѣнчанная высокой сопкой съ

отлогими скатами. На вершинѣ ясно виденъ часовой, рядомъ съ нимъ стоитъ офицеръ въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, въ черной курткѣ и красныхъ штанахъ, китаецъ въ синей курмѣ, нѣсколько поодаль—человѣкъ 12—15 кавалеристовъ. Китаецъ, несомнѣнно, шпіонъ, разговариваетъ съ офицеромъ, размахивая руками и всѣмъ корпусомъ. Онъ, повидимому, что-то доказываетъ японскому офицеру, чему, быть можетъ, послѣдній неохотно вѣритъ, судя по равнодушію, съ которымъ онъ выслушиваетъ своего развѣдчика, поминутно поглядывающаго на деревню и лежащій между послѣдней и сопкой гаолянъ.

Поручикъ быстро разсыпалъ цѣпь по самой опушкѣ поля и скомандовалъ залпъ, одинъ, другой и третій... Свалился часовой. Остальные сѣли на лошадей и поскакали, сломя голову, по направленію къ деревнѣ Іохетай.

По дорогѣ свалился пораженный пулей шпіонъ, упало нѣсколько лошадей, а нѣкоторыя поскакали безъ всадниковъ.

II.

Постъ снятъ. На склонахъ сопки лежали убитые, въ томъ числѣ китаецъ. Его обыскали и нашли въ его карманахъ нѣсколько набросковъ мѣстности съ китайскими надписями. На вершинѣ сопки вблизи убитаго часового валялся маленькій серебряный компасъ съ японскими гіероглифами, повидимому принадлежавшій офицеру и оброненный имъ въ суматохѣ поспѣшнаго бѣгства. Валялись нѣсколько убитыхъ и раненыхъ лошадей. Однѣ вытянули свои мохнатыя ноги, на которыя былъ устремленъ кроткій недо-

умѣвающій взоръ, другія конвульсивно бились въ послѣднихъ предсмертныхъ судорогахъ.

Сопка была занята нашей охотничьей командой около двухъ часовъ. На ней оставили 14 человѣкъ для наблюденія, а остальные двинулись къ японской заставѣ у деревни Чантанъ.

Опять пошли со всѣми предосторожностями, пробираясь грядами гаоляна. Черезъ узкую извилистую рѣчку Тахэ-цоза, по каменистому дну которой кротко журчитъ прозрачная, какъ кристаллъ, вода, переправились въ бродъ, затѣмъ вытянулись по параллельнымъ тропкамъ къ деревнѣ Тауляпуза, вновь нырнули въ гущу гаоляна, осторожно подкрадываясь къ непріятельской заставѣ.

Движеніе по обработанной почвѣ крайне затруднительно: земля мягка и ноги въ ней увязаютъ; кромѣ того, неизвѣстный у насъ на родинѣ злакъ еще болѣе затрудняетъ движеніе. Шли медленно. День догоралъ. Уже было пять часовъ вечера, когда вдругъ изъ густыхъ и высокихъ зарослей раздались частые выстрѣлы... Очевидно, японцы устроили засаду въ гаолянѣ, потому что дозоры миновали мѣсто, откуда японцы открыли огонь.

Вмигъ часть команды была развернута и дала одинъ за другимъ три залпа по направленію стрѣлявшаго противника. Японцы сразу прекратили огонь. Все смолкло, и тишину нарушало шуршаніе стеблей гаоляна, колеблемыхъ разбушевавшимся вѣтромъ.

Зловѣщая тишина, когда и у храбрыхъ и обстрѣленныхъ воиновъ сердечко «екаетъ» отъ предстоящей неизвѣстности! Однако, наши молодцы хорошо освоились съ боевыми качествами своего противника. Сразу подбѣжала къ опушкѣ поля, куда вышла команда, пара дозорныхъ и сообщила, что японцы обходятъ гаоляномъ справа и слѣва...

Стало темнѣть. Около деревни показалась пѣхота и кавалерія. Пришлось отойти, чтобы не быть окруженнымъ. Вернулись къ оставленному на сопкѣ посту и сдѣлали маленькій привалъ, оказавшійся не лишнимъ послѣ почти безостановочнаго движенія съ 4 часовъ утра до сумерекъ.

— Заночуемъ здѣсь?—обратился Рожанскій къ начальнику охотничьей команды.

— Попробуй...—отвѣтилъ Шелиховъ.

— Ну, и попробую... — горячился юный офицеръ.

— И въ плѣнъ угодишь, — въ тонъ бросилъ ему Шелиховъ. — Господа,—обратился онъ къ остальнымъ товарищамъ,—намъ отсюда удалиться необходимо, но мы оставимъ японцамъ что-нибудь на память...

Всѣ недоумѣвающе взглянули на своего начальника.

— Вы удивлены? Эхъ, вояки! Понимаете, ночью японцы придутъ къ намъ въ гости... Нѣтъ, пожалуй, часа черезъ три они окружатъ сопку. Если мы уйдемъ, не оставивъ слѣда, они займутъ сопку. Сдѣлаемъ чучела, разставимъ ихъ; японцы нагрянутъ, начнутъ палить, пострѣляютъ и въ штыки на болванки полѣзутъ... Ну, а мы издали, вонъ, хотя бы съ той мѣстности, лежащей по ту сторону рѣчки, и станемъ наблюдать...

— Отлично! Превосходно!—подхватилъ Рожанскій.—Ай да молодчина! Вотъ штуку придумалъ! Ловко, ей-Богу, ловко!

Въ полчаса уладили нѣсколько болванокъ, разставили ихъ на сопку, разложили между ними пару костровъ, зажгли ихъ и отошли уже подъ покровомъ ночи къ деревнѣ Чантанъ, гдѣ и стали на ночлегъ, однако не забывъ о «предпріятіи» съ покинутой сопкой.

Предположенія оправдались. Около 11-ти часовъ японская застава окружила брошенную на-

шими охотниками сопку и подняла пальбу. Пострѣлявъ съ полчаса и не получая отвѣта, они осторожно стали подбираться къ вершинѣ. Можно себѣ представить разочарованіе враговъ, когда они на сопкѣ нашли, вмѣсто людей, болванчики и догорающіе костры?! На разсвѣтѣ нашъ часовой видѣлъ, какъ они съ злобой швыряли внизъ разставленныя чучела.

Часамъ къ восьми утра они въ количествѣ полуэскадрона подскакали на своихъ австралійскихъ коняхъ къ деревнѣ Чантанъ, очевидно, не подозрѣвая въ ней присутствія русскихъ, но данные по нимъ залпы заставили ихъ повернуть и, сломя голову, направиться на югъ.

Тѣмъ не менѣе, мысль окружить нашу охотничью команду, безпардонно разгуливавшую въ раіонѣ непріятельскаго расположенія, не покидала японцевъ. Шнырявшіе повсюду наши дозорные донесли, что противъ охотниковъ движется пѣхота съ кавалеріей. Развѣдка была произведена, свѣдѣнія о противникѣ собраны; оставалось убраться по-добру, по-здорову. Но справа, на горизонтѣ, уже вырисовывались черныя линіи непріятельской пѣхоты, а слѣва дробной рысью двигался по крайней мѣрѣ одинъ эскадронъ кавалеріи. Назадъ уходить, къ деревнѣ Ашнюръ, было рискованно. Китайскій бой, служившій ранѣе у капитана Гоганидзе (офицеръ изъ отряда полковника Мадритова), донесъ, что въ этой деревнѣ находятся 800 хунхузовъ изъ шайки атамановъ Тулиссана и Фуленгоо. Этими разбойниками предводительствуютъ два японскихъ офицера; стало быть оставался одинъ путь отступленія: дерзко, отважно пойти впередъ и переправиться черезъ рѣку Тахе-цоза, такъ сказать, подъ самымъ носомъ непріятеля.

Охотники двинулись вдоль рѣчки по гаоляну

и переправились на другой, командующій, берегъ ранѣе, чѣмъ японцы ихъ настигли.

Такимъ образомъ, храбрые до дерзости, охотники пограничной стражи увернулись отъ обхода непріятеля, не понеся никакихъ потерь, порядочно подурачивъ противника и лишивъ его нѣсколькихъ десятковъ цѣнныхъ австралійскихъ коней и людей.

III.

Охотничьи команды на войнѣ дѣлаютъ малозамѣтное, но чрезвычайно важное дѣло. Работа ихъ трудная, полна опасностей и неожиданностей. Необходимо каждую минуту быть «на чеку». упорно преслѣдовать свою цѣль, не забывая и мудрой осторожности.

Возвращаюсь къ дѣйствіямъ охотничьей команды поручика Шелихова съ его славными подвижниками: Клярцевичемъ, Рожанскимъ и Лашкевичемъ. Закончивъ развѣдку, они отошли къ нашимъ заставамъ, гдѣ выждали подкрѣпленія, чтобы продолжать свои «операціи».

Команду усилили пѣшимъ взводомъ и 25 конными пограничниками-заамурцами подъ начальствомъ поручика Попова; предстояла серьезная рекогносцировка деревни Каляма, гдѣ, по свѣдѣніямъ не всегда заслуживающимъ довѣрія шпіоновъ, предполагалось присутствіе значительной части японской пѣхоты, неизвѣстнаго количества кавалеріи при нѣсколькихъ горныхъ орудіяхъ, а, главное, до 800 хунхузовъ подъ командой уже знакомыхъ нашимъ читателямъ манджурскихъ фрадіаволо—Тулиссана и Фуленгоо.

Здѣсь кстати будетъ дать объясненіе слова хунъ-хузъ, которое мнѣ сообщилъ драгоманъ-китаецъ. Хунъ—означаетъ борода, хуза—рыжій.

Разбойничій «промыселъ» въ Китаѣ существуетъ тысячелѣтія; быть можетъ, исторія его такъ же стара, какъ и сама Поднебесная имперія. Въ стародавнія времена разбойники этой страны, отправляясь на грабежъ, одѣвали рыжія бороды и жители, завидѣвъ замаскированныхъ грабителей, въ паническомъ страхѣ кричали «хунъ-хуза! хунъхуза»!..

Итакъ, поручикъ Шелиховъ, получивъ подкрѣпленіе, приближается къ деревнѣ Каляма въ 4 часа 30 минутъ утра, когда еще было совершенно темно. Деревня оказалась хорошо укрѣпленной окопами и заставами съ трехъ сторонъ. Правый флангъ прикрывался сплошными грядами высокаго гаоляна. У опушки деревни торчали маленькія горныя орудія.

Охотники разсыпались полукругомъ шагахъ въ 300 отъ непріятеля и открыли огонь залпами. Имъ тотчасъ отвѣтили японскіе стрѣлки и даже горныя пушки, но цѣль была недостаточно ясна, и вражескій огонь не причинялъ нашимъ ни малѣйшаго вреда. Орудійные снаряды перелетали и разрывались далеко позади охотниковъ, а ружейныя пули не особенно безпокоятъ.

Перестрѣлка продолжалась до самаго утра, когда огонь вдругъ измѣнился: привычное ухо охотника уловило новый звукъ выстрѣла и другой «напѣвъ». Это, очевидно, стрѣляли хунхузы изъ четырехлинейнаго ружья, которымъ японцы вооружили наемныхъ грабителей.

Съ развитіемъ боя обнаружилось обычное стремленіе противника «охватить» фланги. Предусмотрительный начальникъ охотничьей команды «загнулъ» свой лѣвый флангъ взводомъ подъ командой Рожанскаго, а для наблюденія за правымъ флангомъ выслалъ конныхъ всадниковъ. Стрѣльба усиливалась съ каждой минутой; ясно стало, что непріятель по крайней мѣрѣ вдесятеро

сильнѣе маленькаго рекогносцировочнаго отряда, но отступать было рано. Требовалась упорная выдержка до полнаго обнаруженія силъ непріятеля.

Но лѣвый флангъ стала сдавливать напиравшая японская пѣхота, и пришло извѣстіе, что справа движется эскадронъ кавалеріи, часть коего уже переправляется въ бродъ черезъ рѣку Ляохе.

Съ фронта высыпали хунхузы и, безпорядочно стрѣляя, понемногу, не совсѣмъ смѣло, повели наступленіе.

Задача была исполнена. Силы непріятеля, расположенныя въ этой деревнѣ, вблизи Ляохе, вполнѣ выяснились и являлось возможнымъ закончить развѣдку.

Взводы, прикрывая одинъ другого, начали отступать. Обходъ японскаго эскадрона парализовали двадцать пять всадниковъ Заамурскаго округа пограничной стражи: они спѣшились почти передъ носомъ переправляющихся въ бродъ непріятельскихъ кавалеристовъ и открыли по нимъ залпы. Мѣткость ихъ тотчасъ опредѣлилась: видны были австралійскіе кони безъ всадниковъ. Въ то же время и отступающіе взводы такъ мѣтко стрѣляли, что привели непріятельскую артиллерію къ полному молчанію, очевидно, выбивъ орудійную прислугу.

Такимъ образомъ, небольшая охотничья команда съ нѣсколькими доблестными молодыми офицерами нерѣдко выдерживаетъ бой съ значительно сильнѣйшимъ противникомъ. Будучи сдавлены съ трехъ сторонъ, они ушли, понеся ничтожныя потери: одного убитаго нижняго чина и нѣсколько раненыхъ. Раненый поручикъ Клярцевичъ, а также фельдфебель Савватій Гамелинъ и унтеръ-офицеръ Дмитрій Хмелевскій не оставили строя до возвращенія на бивакъ ляо-хинскаго отряда.

Эпизодъ.

23 ноября 1904 г.

Полдень. Новочеркасскій полкъ вмѣстѣ съ первой батареей 43-й артиллерійской бригады стоялъ бивакомъ у деревни Тунсанхо.

Всѣ чувствовали нервное напряженіе, какое испытываютъ обыкновенно при ожиданіи неизвѣстнаго будущаго.

Шестой день шло общее наступленіе. Кругомъ не смолкала орудійная пальба, и наши новочеркассцы ждали съ минуты на минуту приказа о выступленіи, чтобы стать грудь съ грудью съ лихимъ врагомъ Руси.

Около полудня прискакалъ ординарецъ и привезъ приказаніе о немедленномъ выступленіи на позицію у Двурогой сопки съ кумирней.

— Полкъ въ ружье! Въ ружье! Въ ружье! — послышалось съ разныхъ сторонъ. Словно по мановенію волшебнаго жезла, опустѣлъ бивакъ, и полкъ въ колоннѣ, «поротно», вытянулся по дорогѣ, ведущей на югъ къ деревнѣ Тхая-Тунна.

Въ интервалѣ между третьимъ и четвертымъ батальономъ двигалась первая батарея 43-й артиллерійской бригады.

Шли со всѣми предосторожностями. Вскорѣ полкъ перестроился въ боевой порядокъ.

Батальоны развели «по-ротно въ двѣ линіи», а батарея съ прикрытіемъ изъ одной роты Новочеркасскаго полка, незамѣтно для подстерегающаго врага, укрываясь оврагомъ, приблизилась къ намѣченной позиціи, западнѣе Двурогой сопки и немного южнѣе китайской деревушки Тапу.

Передки и ящики оставили въ оврагѣ вблизи деревни Тхая-Тунна.

Батарея заняла позицію на отрогѣ, направивъ черныя жерла своихъ орудій противъ непріятеля, занимавшаго въ 1,200 шагахъ лѣсистую сопку; въ верстѣ южнѣе Двурогой сопки расположилась японская шести-орудійная батарея.

Наши новочеркассцы, разсыпавъ цѣпи, двинулись изъ оврага впередъ, а непріятель открылъ ружейный и орудійный огонь, направивъ его главнымъ образомъ по сопкѣ, нащупывая позицію батареи. Рой пуль, двухлинейныхъ и мѣдныхъ, полетѣлъ въ разныя направленія. Заныли шрапнели, загудѣла бризантка.

То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ раздавался трескъ лопающихся снарядовъ, поднимая столбы пыли, разбрасывая груды камней.

Но Богъ хранилъ батарею, и всѣ страсти непріятельскаго огня не причиняли ей ни малѣйшаго вреда.

Вражескія шесть орудій, по усвоенной японцами тактикѣ, стояли за великолѣпными прикрытіями, замаскированныя деревьями и кустарникомъ, и лишь молніеносныя вспышки выстрѣловъ указывали на ея мѣстоположеніе.

Батарейный командиръ высмотрѣлъ позицію непріятельскихъ орудій съ вершины Двурогой сопки и, опредѣливъ «угломѣръ» и «уровень», далъ залпъ изъ восьми орудій, послѣ чего пошелъ, такъ называемый, бѣглый огонь. Въ нѣсколько минутъ непріятельская батарея стала слабѣть и вскорѣ совершенно замолкла, «заклеванная» нашими снарядами. Иногда японцы пытались дать по нашей позиціи одинъ—два выстрѣла, но зорко слѣдившій за врагомъ батарейный командиръ, едва замѣчалъ вспышки непріятельскихъ орудій, обрушивался на нихъ бѣглымъ огнемъ

батарей, и пришибленный врагъ прекращалъ состязаніе.

Бой постепенно замиралъ. Наступили сумерки, а вслѣдъ за ними послѣдовала темнота южнаго осенняго вечера.

О приготовленіи ужина никто и не помышлялъ. Въ боевой линіи, въ виду противника, разводить огней не полагается и на позиціи царствуетъ полная тишина, изрѣдка нарушаемая тихо переданнымъ приказаніемъ. Часовъ около девяти батареѣ приказано перемѣнить позицію, выдвинуться впередъ на открытое мѣсто западнѣе Двурогой сопки.

Задвигались, какъ тѣни въ Дантовомъ «Аду», поднялась суматоха: орудія, чтобы не произвести шума и не привлечь вниманія враговъ, перекатывали на рукахъ, оставивъ коней и передки въ оврагѣ.

Тихая, темная ночь. Въ темной выси кротко и ясно мерцаютъ звѣзды. Онѣ кажутся равнодушными, холодными зрителями происходящей передъ ними кровавой драмы.

— Ишь ты, сколько ихъ падаетъ!—задумчиво говоритъ, ни къ кому не обращаясь, бомбардиръ Иванъ Филинъ, одинъ изъ сѣрыхъ молчаливыхъ героевъ. Онъ только-что установилъ на новомъ мѣстѣ «орудію» и, прислонившись къ лафету, любуется звѣзднымъ небомъ. И въ его мозгу роятся мысли, неопредѣленныя, неясныя, но тѣмъ не менѣе тревожащія его, и въ каждой упавшей звѣздочкѣ онъ видитъ улетающую въ лучшій міръ душу товарища, положившаго «животъ свой за други своя».

Одиннадцать часовъ ночи. Кажется, въ природѣ все заснуло: и Двурогая сопка, и торчащая на ней кумирня, и расположившіяся на сопкѣ цѣпи Новочеркасскаго полка, и темные силуэты пушекъ. Но что это краснѣетъ вдали, у деревни Тапу? Днемъ еще враговъ не было въ этомъ се-

леніи, а теперь, въ глухую полночь, оттуда взвился огненный шаръ. Онъ поднялся высоко—высоко и повисъ. Бомбардиръ въ недоумѣніи: привидѣніе это, что-ли, или врагъ высматриваетъ наши позиціи? Онъ вспоминаетъ приказъ «обо всемъ, что замѣчено, безъ промедленія «докладать» батарейному», и стремглавъ кидается къ кучѣ завернувшихся въ бурки офицеровъ; онъ, толкая офицеровъ за локоть, деликатно приговариваетъ: «ваше высокоблагородіе! Ваше высокоблагородіе!» Тревожно дремавшіе офицеры вскакиваютъ.

— Что случилось? А! ты, Иванъ Филинъ? Говори, что-нибудь замѣтилъ? Изъ секрета вернулся?

— Никакъ нѣтъ! Взгляните, ваше высокоблагородіе, на небѣ шаръ огненный.

Тутъ только всѣ замѣтили шаръ у деревни Тапу. Онъ медленно колыхался въ темной выси и вдругъ сталъ не спѣша спускаться.

— Нда,—произнесъ батарейный командиръ.— Сейчасъ японцы пойдутъ на приступъ. Люди по мѣстамъ!—раздается тихая, но внятная команда.— Зарядить картечью! Зря не стрѣлять, не суетиться. Помни, братцы, выдержка ведетъ къ побѣдѣ.

И дѣйствительно, вскорѣ обозначилось наступленіе японцевъ. Видны были темные силуэты движущихся массъ, явственно слышится шорохъ, шопотъ, почти дыханіе непріятеля. Съ Двурогой сопки раздался залпъ, ей отвѣтила трескотня изъ непріятельскихъ ружей. Прошло всего нѣсколько минутъ, и ночь огласилась могучимъ русскимъ «ура», смѣшавшимся съ дикими визгами «іа-іа-іа», «банзай». Новочеркассцы ворвались въ деревню, но японцы успѣли сосредоточить за ночь значительныя силы и наши роты были отбиты. Имъ пришлось отступить. Это замѣчалось по ослабѣвающему огню нашихъ порѣдѣвшихъ цѣпей, но все-же и подъ натискомъ огромныхъ силъ про-

тивника они отступали, какъ львы, жестоко отплачивая врагу за каждую пядь земли.

А батарея безмолвно стояла на занятой ею ночью позиціи. Она не открывала огня, помня строгій наказъ батарейнаго командира.

Рой пуль съ жужжаніемъ и свистомъ пролеталъ надъ головами орудійной прислуги, но никто не шелохнулся. Враговъ было много! Они визжали «банзай» «іа-іа-іай» и лѣзли на сопку, давя другъ друга... По счастливой случайности, они миновали мѣсто расположенія нашей батареи, двигаясь съ восточной стороны, гдѣ шла жестокая, безпощадная работа въ рукопашную. Все еще сливались крики «ура» съ дикими воплями «іа-іай іай», стонами раненыхъ и криками нашихъ офицеровъ: «не сдавай, братцы! Бей врага»... Въ отвѣтъ слышались ругательства японцевъ на нашемъ родномъ языкѣ.

Наступавшія подкрѣпленія непріятельскихъ колоннъ останавливались, кричали по-русски «гура». дѣлая удареніе на «гу». Они, очевидно, стремились обмануть нашихъ, но нѣкоторыя не выдерживали и крикъ «ура заканчивали визгомъ «банзай-іай-іай».

На батареѣ царствовала полная тишина. Офицеры стояли каждый у своего взвода и едва слышнымъ шопотомъ подбадривали солдатъ. А вражескія батальоны проходили мимо насъ, не подозрѣвая о присутствіи нашихъ орудій.

Въ четыре часа ночи сопка была наполовину занята японцами, только въ тылу расположенія батареи. Въ пять часовъ ночи сопка стала переходить въ руки противника.

Батарея должна отступить, иначе она неминуемо попала-бы въ руки непріятеля. Къ несчастію, путь отступленія къ передкамъ отрѣзанъ, и роты пѣхотинцевъ съ орудійной прислугой начали откатывать орудія руками къ оврагу. Но японцы услышали шумъ катящихся пушекъ. Не подозрѣвая,

что батарея находится въ такой близости отъ нихъ, всего въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ — они подняли пальбу въ сторону, или высоко, поверхъ батареи, и наши оставались невредимы.

Достигли оврага и въ него стали спускать орудія. Шальная пуля сразила штабсъ-капитана Радушкевича, ранивъ одного нижняго чина.

Оврагъ оказался непроходимымъ для орудій, и положеніе батареи становилось безвыходнымъ. Начинало свѣтать. Спасеніе батареи было еще возможно, если доставить ея передки, оставленные на первой позиціи. Вызвавшійся добровольно фейерверкеръ (артиллерійскій унтеръ-офицеръ) пробирается къ оврагамъ къ мѣсту, гдѣ расположены передки, и передаетъ имъ приказаніе двинуться спѣшно къ орудіямъ.

Передки на полномъ карьерѣ проскакали передъ сопкой, занятой врагами.

Прислуга у передковъ не знала, что батарея ночью перемѣнила позиціи, и летѣла къ прежнему мѣсту, гдѣ уже поджидали японцы... Къ счастью, помогла русская удаль,—бомбардиръ побѣжалъ на передокъ и повелъ ихъ къ оврагу. Налету раненъ рядовой, убита пара коней; рубятъ постромки и мчатся дальше...

Достигнувъ мѣсторасположенія батареи въ оврагѣ, передки одѣваютъ по одному на орудіе, подымаютъ его наверхъ и скачутъ на полномъ карьерѣ по открытому мѣсту къ деревнѣ, за которой залегли наши цѣпи. При слѣдованіи черезъ деревню, командиръ дивизіона останавливаетъ послѣднее орудіе, съ находившимся при немъ поручикомъ Аргамаковымъ, и приказываетъ открыть огонь по сопкѣ съ разстоянія не болѣе 400 саженъ. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ доблестный витязь, поручикъ Аргамаковъ, падаетъ замертво, пораженный пулей въ високъ. Ранены нѣсколько нижнихъ чиновъ.

Командованіе орудіемъ принимаетъ дивизіонный адъютантъ. Онъ стрѣляетъ по непріятелю мѣткимъ огнемъ до послѣдняго снаряда, послѣ чего присоединяется къ остальнымъ, которые уже далеко за деревней, избравъ новую позицію, поражаютъ японцевъ мѣткимъ огнемъ. Батарея спаслась чудомъ, она, можно сказать, выползла изъ пасти чудовища въ тотъ моментъ, когда оно готовилось проглотить ее.

Жизнь въ тылу и на передовыхъ позиціяхъ.

15 декабря 1904 г.

— Затишье! Ничего не будетъ! Не къ чему ѣхать на передовыя позиціи!—слышалъ я со всѣхъ сторонъ.

И дѣйствительно, до Харбина доходили слабые отголоски незначительныхъ перестрѣлокъ, въ большинствѣ случаевъ даже безъ всякихъ потерь. То японцы зададутъ концертъ изъ своихъ орудій: завоютъ бризантки, загудятъ шрапнели, ухнетъ десятокъ другой залповъ, а потомъ все смолкнетъ, и снова воцарится «миръ» и «тишина».

Иногда наши батареи, замѣтивъ гдѣ-нибудь усиливающуюся дѣятельность противника, загрохочутъ, выпустятъ нѣкоторое количество тяжелыхъ и легкихъ снарядовъ, и опять все смолкнетъ, и въ морозномъ воздухѣ повиснетъ зловѣщее таинственное безмолвіе.

Казалось «впереди» дѣлать нечего и стремиться туда не имѣетъ смысла, но и въ Харбинѣ сидѣть надоѣло, впечатлѣнія прежнихъ боевъ, свидѣтелемъ коихъ привелось быть, истощились, всѣ свѣдѣнія использованы, откровенно говоря, болѣе

нечѣмъ дѣлиться съ жаждущими новостей съ театра войны читателями, и я рѣшилъ разстаться съ теплой квартирой въ прекрасномъ благоустроенномъ домѣ, со всѣми удобствами жизни въ тылу дѣйствующей арміи и снова снаряжался въ путь-дорожку, поближе къ грохоту пушекъ.

Кстати представился удобный случай попасть въ наиболѣе интересное въ данный моментъ мѣсто, на крайній лѣвый флангъ, къ знаменитой манджурской водной артеріи—Ляохэ, куда получилъ приглашеніе отъ коннаго полка, занимающаго на этомъ флангѣ «самую первую линію».

Въ этомъ боевомъ участкѣ мнѣ привелось быть еще въ началѣ іюля, когда собственно о военныхъ дѣйствіяхъ тамъ и помину не было.

Я издали (изъ Давани) наблюдалъ лихорадочную дѣятельность японскихъ эмиссаровъ, вербовавшихъ въ свои ряды хунхузскія шайки, но собственно военныхъ операцій не было.

Въ настоящее время это видный пунктъ, которому, быть можетъ, суждено сыграть немаловажную роль въ текущую войну.

Итакъ, снарядившись по-зимнему, я отправился на вокзалъ, но тамъ ждало меня горькое разочарованіе: хотя почтовый поѣздъ отправляется въ Мукденъ ежедневно, однако получить мѣсто въ вагонѣ труднѣе, чѣмъ попасть въ оперу Маріинскаго театра. Оказалось, необходимо предварительно записаться и выждать очередь... Совсѣмъ, какъ у насъ въ Парижѣ, то бишь въ Петербургѣ.

Впрочемъ, эта маленькая канитель мнѣ даже понравилась: я замѣтилъ на вокзалѣ значительную толпу офицеровъ, жаждущихъ «очереди», и рѣшилъ пройти испытаніе, достающееся на долю каждаго офицера, стремящагося въ битву съ лихимъ врагомъ.

Пришелъ я къ комендантскому адъютанту и,

прикинувшись «тише воды и ниже травы», попросилъ записать меня въ очередь.

Записали на 11-е, а очередь меня достигла 12-го декабря, въ воскресенье.

— Посадка въ два съ половиною часа,—отчеканилъ молодой, безусый адъютантикъ. — Опоздаете, не попадете.

Съ двухъ часовъ назначеннаго дня я былъ уже на вокзалѣ, опасаясь «пропустить» очередь. На вокзалѣ стоялъ «дымъ коромысломъ». Новый обширный залъ, отдѣланный въ декадентскомъ стилѣ, былъ биткомъ набитъ стремящимися на югъ.

Всѣ столы, столики, диваны и стулья были заняты. Надъ столами вились змѣйки папироснаго дыма, поднимался паръ горячаго супа, въ воздухѣ пахло щами, скvернымъ масломъ и дешевыми духами.

— Господа офицеры! На посадку!— раздается голосъ комендантскаго адъютанта, и толпа съ лихорадочной быстротой спѣшитъ на дебаркадеръ, къ ожидающему своихъ пассажировъ «подвижному составу» поѣзда, т. е. къ тремъ десяткамъ воинскихъ теплушекъ, уже нагруженныхъ людьми, идущими на пополненіе убыли въ арміи, въ головѣ которыхъ торчитъ пара порядкомъ износившихся и потертыхъ классныхъ вагоновъ: одинъ тяжелый пульмановскій третьяго класса, другой россійскаго производства, окрашенный въ привычный для насъ цвѣтъ II класса. Началась выкличка. Вызванный пропускался въ вагонъ, который въ нѣсколько минутъ наполнялся значительно выше нормы. Такъ, на вагонѣ значилось: 34 мѣста, а впустили 48.

Осталось еще много «неудовлетворенныхъ», въ томъ числѣ и вашъ покорный слуга.

Перешли къ пульмановскому вагону III кл., и выкличка возобновилась. Большой вагонъ быстро

наполнялся. Наконецъ я услышалъ и собственную фамилію, разумѣется, обрадовался и поспѣшилъ занять отведенное мѣсто.

Поѣзду предстояло отправиться въ 3 ч. 40 м. Тронулся со станціи въ 4 часа, чѣмъ привелъ пассажировъ въ невыразимое удивленіе: всѣ такъ привыкли, чтобы поѣздъ отправлялся часовъ на 12 позже назначеннаго расписанія, что нѣкоторые, получивъ мѣсто и водрузивъ на него багажъ, покинули вокзалъ и такъ и остались въ Харбинѣ до слѣдующей очереди.

Вагонъ Пульмана III-го класса набитъ, словно сельди въ бочкѣ. На скамейкѣ помѣстились, правда, по два офицера, въ расчетѣ, что одинъ займетъ нижнюю, другой верхнюю скамейку, но кое-кто ухитрился пробраться въ вагонъ сверхъ комплекта и занялъ мѣсто... между скамейками. Въ пути предстоитъ пробыть около трехъ сутокъ «въ лучшемъ случаѣ», т.-е., когда поѣздъ помчится на всѣхъ парахъ и остановки на станціяхъ и разъѣздахъ не примутъ обычнаго болѣзненнаго характера. Однако, всѣ пассажиры, военные и статскіе, въ большинствѣ случаевъ, прекрасно ознакомились съ желѣзнодорожными порядками, и потому не могли не соболѣзновать несчастливцамъ, забравшимся въ поѣздъ «контрабандой», такъ сказать, сверхъ комплекта.

— М-да,—глубокомысленно замѣчалъ офицеръ, получившій мѣсто въ вагонѣ «на законномъ основаніи», — простоять на своихъ собственныхъ пару—другую сутокъ—дѣло нелегкое.

— Чортъ съ ними! — не безъ раздраженія въ голосѣ замѣчаетъ другой, — пускай не лѣзутъ, куда ихъ не просятъ.

Слѣдуетъ минутное молчаніе, послѣ котораго раздражительный офицеръ снова говоритъ, собственно ни къ кому не обращаясь:

— Лѣзутъ, проклятые, все тысячи зашибать,

грекосы, армяносы... и тому подобная сволочь. Лѣзутъ, какъ стервятники на падаль. Наживу чувствуютъ.

— А у насъ въ отрядѣ былъ удивительный маркитантъ изъ варшавскихъ жидковъ. Вотъ чудакъ! На войну прiѣхалъ деньгу зашибать, а оказался, можете себѣ представить, безсеребренникомъ, ей-Богу!

— Чушь! — замѣчаетъ какой-то капитанъ съ усами, изъ которыхъ можно связать канатъ.

— Какое тамъ чушь?! — горячится юный офицеръ. — Ей-Богу, правда. Можете вообразить, за все бралъ нормальныя цѣны: за пиво американское—schlitz—85 к., за бутылку Смирновки—1 р. 50 к. и за все вообще недорого. Въ то время, когда другiе маркитанты драли за коньякъ 10—15 руб., онъ продавалъ его за 3 р. 50 к. бутылку. Видите ли, во время отступленiя жидъ потерялъ весь товаръ и понесъ убытки; мы ему предложили прiѣхать съ новымъ товаромъ, повысивъ цѣны, разумѣтся, добросовѣстно, по-Божески, ну, тамъ на 20—25 процентовъ. И что же, онъ явился со свѣжими продуктами, которые отпускалъ по прежней таксѣ. На наше замѣчанiе, что ему разрѣшается поднять цѣны, жидъ отвѣтилъ: «Не надо, я и такъ достаточно зарабатываю!» Можете вообразить, мы всѣ его очень любимъ.

Капитанъ недовѣрчиво ухмыляется, а другой офицеръ предлагаетъ желающимъ заняться аферами въ дѣйствующей армiи. Его планъ очень смѣлъ и обѣщаетъ обогатить предпринимателя, а главное—все такъ просто до «генiальности»: на театрѣ военныхъ дѣйствiй ощущается недостатокъ въ молочныхъ продуктахъ и офицеръ предлагаетъ устроить молочную ферму, потому что корова его знакомыхъ въ Харбинѣ вырабатываетъ не больше, не меньше, какъ 450 рублей въ мѣсяцъ «чистоганомъ».

— Это какъ-же? По какому расчету?—допытывается недовѣрчивый капитанъ.

— А очень просто: мои знакомые продаютъ молоко своей коровы по 45 коп. за бутылку. Корова даетъ тридцать бутылокъ въ день, иначе сказать—вырабатываетъ почти пятнадцать рублей въ сутки, что составитъ 450 рублей въ мѣсяцъ.

— Чушь!—презрительно отвѣчаетъ капитанъ.—Передергиваете, подтасовываете цифры.

— Какъ такъ?

— Очень просто!—Видимо, капитанъ передразниваетъ манеру юнаго офицера говорить.—4 руб. 50 коп. не пять рублей; стало быть за тридцать бутылокъ, если онѣ всѣ окажутся проданными, выручатъ не пятнадцать рублей, а 13 р. 50 коп., и вообще—чушь. Никогда вамъ не продать тридцати бутылокъ.

— Ей-Богу! — пробуетъ увѣрить юнецъ, но въ его голосѣ уже не звучитъ прежней увѣренности. Пессимистически настроенный капитанъ сбилъ его «съ позиціи».

Въ вагонѣ.

16 декабря 1904 г.

I.

Вагонъ Пульмана III-го класса биткомъ набитъ. Негдѣ, что называется, яблоку упасть.

Не только всѣ скамейки заняты ѣдущими въ армію офицерами, но и въ проходахъ и прямо на полу втиснулись разныя личности, преимущественно кавказскаго и греческаго типа. Слоняется изъ отдѣленія въ отдѣленіе молодой китаецъ, одѣтый, по китайски, франтомъ. Всѣ обращаются

съ нимъ за панибрата, называютъ его почему-то по имени и отчеству «Василій Ивановичъ», и самъ онъ держится довольно непринужденно, чувствуя себя, повидимому, какъ рыба въ водѣ.

Имѣются еще двѣ «пассажирки» опредѣленнаго типа. Между собою говорятъ по англійски, почему офицерство называетъ ихъ «американками».

Странно, женщинамъ пропускъ на югъ не дается, исключая, разумѣется, имѣющихъ отношенія къ лазаретамъ и госпиталямъ, и для всѣхъ—тайна, какимъ образомъ удалось этимъ погибшимъ, но милымъ созданіямъ «прорваться»...

Наступилъ вечеръ. Въ вагонѣ царилъ полусвѣтъ, едва мерцавшій отъ желтоватаго пламени единственной стеариновой свѣчки. Накурено и дымъ папиросъ и сигаръ смѣшался съ кислымъ противнымъ запахомъ, которымъ вагонъ пропитался, кажется, насквозь. И мнѣ невольно приходятъ на память картинки въ нашихъ столичныхъ ночлежкахъ...

— Фу, душно!—вздыхаетъ офицеръ, растянувшійся на верхней скамейкѣ.

— О, господа! Словно «на днѣ» Горькаго, — замѣчаетъ другой.

Сравненіе всѣмъ нравится, и потому раздается непринужденный смѣхъ.

— Въ картишки-бы перекинуться...—предлагаетъ кто-то.

— Въ карты-бы недурно,—радостно подхватываетъ офицеръ, лежавшій на верхней скамейкѣ, и тотчасъ сползаетъ внизъ.

Спустя нѣсколько минутъ сооружается нѣчто въ родѣ стола изъ разныхъ корзинъ и чемодановъ и начинается игра, въ которой принимаетъ участіе и китаецъ «Василій Ивановичъ». Послѣднему вначалѣ сильно везетъ. Онъ срываетъ «банкъ за банкомъ», а когда очередь метать досталась ему, онъ равнодушно смотритъ на груду бума-

жекъ, не только учетверившихъ заложенный имъ банкъ, но и увеличившихъ его въ десять разъ.

— Чортъ, чего ты не снимаешься?—ругается офицеръ, которому не «везетъ» ни въ меткѣ, ни въ понтировкѣ.

— А тебѣ какое дѣло? — останавливаетъ его другой офицеръ, питающій надежду «поймать» банкомета на хорошей картѣ.

Грудка бумажекъ растетъ, а китаецъ Василій Ивановичъ спокойно продолжаетъ метать, не обращая вниманія на всѣ восклицанія и совѣты.

— Василій Ивановичъ, снимайся!—нетерпѣливо совѣтуютъ ему посторонніе зрители, обыкновенно образующіеся вокругъ играющихъ.

— Чортъ знаетъ, какъ везетъ этому китайцу! Онъ всѣхъ обираетъ.

И тутъ-же вновь уже съ сердцемъ совѣтуетъ не рисковать и сняться.

Сказывается психологія не игрока, а посторонняго наблюдателя, почему-то проникающагося доброжелательствомъ къ счастливцу въ ущербъ тѣхъ, кому онъ въ обыкновенное время охотнѣе желалъ-бы добра.

— Ничего!—равнодушно говоритъ Василій Ивановичъ. — Пускай иглаютъ. Мнѣ все лавно... солвутъ банку, я ставить буду... Лублу иглать... Наша подлядчика выглала у инженела четыле тысячи лублей...

Китайцы вообще большіе охотники до игры въ карты. Даже хунхузы, награбивъ достатоточно денегъ, нерѣдко появляются подъ видомъ простыхъ манзъ въ вертепахъ Харбина, съ цѣлью поиграть въ карты. Разумѣется, не обходится безъ ссоръ, разрѣшающихся весьма печально для играющихъ разбойниковъ. Ихъ ловятъ и имъ рубятъ головы.

Игра затягивается. Офицерамъ упорно не везетъ. Разговоры понемногу стихаютъ.

Неиграющіе удаляются по своимъ мѣстамъ; пассажиры понемногу погружаются въ сонъ. Желтоватое пламя стеариноваго огарка распространяетъ слабый свѣтъ, странно окрашивающій сосредоточенныя лица игроковъ.

17-го декабря 1904 г.

II.

Утро. Большинство пассажировъ погружено въ сонъ, что даетъ возможность помыться въ донельзя грязной уборной. Поѣздъ «медленно» мчится, оставляя позади себя необозримыя поля, покрытыя легкимъ налетомъ снѣга, напоминающимъ бѣлое ажурное покрывало, изъ-подъ котораго торчатъ, словно желтое кружево, стебли чумизы. Небо ясное, свѣтло-лазоревое, принимающее по краямъ горизонта бѣлесоватую окраску.

Въ вагонахъ нестерпимо душно и грязно. На откидныхъ столикахъ у оконъ валяются огрызки всякой снѣди: куски колбасы, ломтики хлѣба, стоятъ и валяются около скамеекъ опорожненные сосуды—пивныя и водочныя бутылки.

Сверху, снизу и съ боковъ доносятся легкій храпъ и посапываніе.

Поѣздъ медленно ползетъ, скрипя всѣми колесами и кряхтя, какъ разслабленный старецъ. Раздается свистокъ. Подходимъ къ станціи.

Всѣ сорокъ пять вагоновъ вздрагиваютъ, затѣмъ слѣдуетъ толчокъ, протяжный скрипъ, въ родѣ скрежета зубовъ, и поѣздъ останавливается. Выйти на станцію не стоитъ.

Буфета нѣтъ, а любоваться нечѣмъ. Знакомыя, давно надоѣвшія картины.

Дѣлаю попытку набрасывать свои замѣтки, но

это не удается: тѣснота мѣшаетъ самымъ «необходимымъ» движеніямъ, и я съ грустью и покорностью подчиняюсь неумолимому року или, вѣрнѣе, «обстоятельству мѣста и времени».

Солнечный день величественно плылъ по небесному своду, широко раскидывая свои теплые лучи. Изъ отдушинъ вагона, что на потолкѣ, закапали мутныя слезинки. Онѣ попадали на лица растянувшихся на полу между скамейками, отчего послѣдніе поневолѣ вскочили, посылая проклятія по адресу администраторовъ многострадальной Манджурской дороги.

Вслѣдъ за ними стали просыпаться и другіе пассажиры: вчерашніе игроки и зрители.

— О, чортъ возьми! Проклятіе!—ругался кто-то.— Все лицо каплями грязной воды залито...

— Не огорчайтесь, другъ мой, — отвѣтилъ молодой офицерикъ, собиравшій принадлежности для мытья. — Вотъ, если-бъ эта вода изъ отдушинъ испортила вашъ блестящій нарядъ, а то лицо... эка невидаль... Пойдите въ уборную и совершите по восточному обычаю утреннее омовеніе...

Китаецъ, оказавшійся приказчикомъ «шибико булсого купезы» Тифонтая, слѣзъ съ верхней скамейки, на которой обыкновенно кладется ручной багажъ...

— Что, Василій Ивановичъ, выспался? — обратился къ нему одинъ изъ вчерашнихъ партнеровъ.

— Холосо! Сибко холосо! — отвѣтилъ Василій Ивановичъ, оправляя свою длинную косу. Его желтое лицо казалось осунувшимся, нѣсколько грустнымъ. Въ узкихъ глазахъ легко было прочесть неудовольствіе.

— Вы что это носъ повѣсили, Василій Ивановичъ?—спросилъ я его.—Всѣхъ обыграли и еще дуетесь.

— Н-нэтъ... Я плоиглалъ все... Тунъ-тунъ...

— Врешъ, купезо! Потряхни себя хорошенько, окажется, что всѣ наши «чены» (деньги) у тебя въ карманѣ.

— Да въ калманэ у васъ...

Дѣйствительно, колесо фортуны повернулось, и купеза, или, вѣрнѣе, приказчикъ. Тифонтая, проигралъ выигрышъ и, быть можетъ, еще добавилъ малую толику хозяйскихъ денегъ.

— Скажите, Василій Ивановичъ, правду, какъ теперь китайцы относятся къ русскимъ?—обращаюсь я къ китайцу съ довольно щекотливымъ для него вопросомъ.

— Холосо...—односложно отвѣчаетъ онъ.

— Чортъ,—холосо.. передразниваетъ его бывшій партнеръ.—Ты объясни, какъ и почему? Ну, хотя-бы по вашему, по китайскому разумѣнію, кто побѣдитъ: русскій или японецъ?

— Конечно, лусскій,—съ убѣжденіемъ отвѣчаетъ Василій Ивановичъ.—Подумавъ немного, продолжаетъ:—Плежде мы, плавда, думали: ипенъ осилитъ лусскихъ, а тепель ннэтъ... Не мозно. У лусскихъ шибико много солдатъ: пушка, лужья... полохъ и патлоны...

— Скотъ ты, Василій Ивановичъ! Потомъ японцу скажешь то-же про насъ.

— Ннэтъ, зацэмъ? Лусскій шибко много холосій луди. О, шибко холосій. На Инкоу ипенъ убили сына сталаго китайскаго манза. Ипенъ— злой, шибко злой, убиваетъ всѣхъ китайцевъ, если моя умѣетъ говоли по лусски. Ну, сталый манза взялъ и поселъ по улицѣ и убивалъ два солдата ипенъ, а булсе не встлицалъ и поселъ на полиція и убивалъ офицела ипенъ.

— Ну, а потомъ что?

— Ну, а потомъ ипенъ сдѣлалъ кантами бѣдному сталому манзѣ,—закончилъ Василій Ивановичъ, показывая рукою на шею.

Прошли нѣсколько «перегоновъ» съ неболь-

шими остановками, т. е. на разъѣздахъ не задерживали болѣе 50 минутъ. Стали приближаться къ большой станціи Гунджулинъ. Поднявшіеся пассажиры повеселѣли; у каждаго свои вожделѣнія: одинъ—въ чаяніи стакана горячаго чая и закуски, другой—въ надеждѣ потѣшить себя «болѣе существеннымъ». Но въ Манджуріи свои понятія о скорости. Помню, одинъ изъ моихъ коллегъ по газетѣ, еще въ Петербургѣ, сѣтовалъ какъ-то на систематическія запаздыванія поѣздовъ, при чемъ онъ закончилъ свою замѣтку патетическимъ замѣчаніемъ по адресу администраціи дороги: «Опозданія нерѣдко превышаютъ пять и десять минутъ». Что-же сказалъ бы онъ, если-бы ему пришлось на разъѣздѣ, среди необозримыхъ полей, гдѣ кусочка хлѣба не достанешь за обѣщанія «полъ-міра съ милліономъ въ придачу», выждать девять часовъ, и главное, въ виду большой станціи, до которой дойти-то потребовалось-бы всего два часа времени. Одинъ разъ бѣдные натерпѣвшіеся пассажиры, выстоявъ на разъѣздѣ съ 9 часовъ утра до 10 вечера, послали управляющему дорогой «коллективную просьбу сжалиться надъ изголодавшимися пассажирами и дотащить ихъ до станціи, гдѣ имѣется буфетъ».

И въ моемъ мозгу невольно возникалъ вопросъ: вызывается-ли это необходимостью, неизбѣжною при неподготовленности дороги къ чрезвычайному движенію военнаго времени. Долженъ сказать съ убѣжденіемъ, что подобныя задержки исключительно происходятъ вслѣдствіе небрежности агентовъ службы движенія. Иной разъ стоишь на разъѣздѣ 8—10 часовъ и за это время пробѣжитъ два—три встрѣчныхъ поѣзда. Разумѣется, поѣздъ безусловно могъ-бы пройти и этотъ и нѣсколько другихъ перегоновъ.

Словомъ, я уже писалъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ «Въ тылу» о прелестяхъ движенія по-

ѣздовъ знаменитой Манджурки. Я даже обращался за разъясненіями къ компетентнымъ лицамъ, но изъ этого ничего не выходило: Ѳома кивалъ на Петра, а Петръ на Ѳому.

— —

— Василій Ивановичъ,—обращался то одинъ, то другой къ китайцу, — кого твоя больше «лубишь»? Мать или жену?

— Титайска (такъ многіе китайцы произносятъ вмѣсто китайскій или китайца) целовѣка лубитъ мать булса... Зена моя купи... Чена многа ю (денегъ много имѣю) - жена ю, а мать ны мозна купи,—заключаетъ Василій Ивановичъ.

Идутъ разговоры о боевыхъ столкновеніяхъ, о пуляхъ «гуманитарныхъ», т. е. обтянутыхъ никкелевой оболочкой, и мѣдныхъ, раны которыхъ крайне опасны.

— Мѣдной пулей нашему вахмистру,—разсказываетъ офицеръ-пограничникъ,—отрѣзало полчерепа, словно топоромъ отхватила, проклятая... Она «деформируется», и всякое пораненіе такой пулей калѣчитъ навѣки...

— А что, японцы правда фанатически храбры? — допытывается молодой офицеръ, только-что пріѣхавшій изъ Россіи.

— Поневолѣ будешь храбрымъ, — отвѣчаетъ пограничный офицеръ,—если задніе стрѣляютъ въ своихъ-же, едва они дрогнутъ... У нихъ дисциплина желѣзная... Я въ иностранныхъ газетахъ прочиталъ, что въ Дальнемъ японцы повѣсили пять человѣкъ за то, что они притворились больными... И все-же мы ихъ взлупимъ, такъ взлупимъ, что небо съ овчинку покажется,—заключаетъ онъ въ утѣшеніе и въ назиданіе еще необстрѣленнымъ воинамъ.

III.

Съ приближеніемъ къ югу тонкій снѣжный покровъ исчезалъ и его замѣняла желтая нѣсколько примерзшая пыль. Изрѣдка попадались замерзшія лужи, кое-гдѣ лежала тонкая почернѣвшая полоска снѣга. Въ общемъ пейзажъ напоминалъ наши раннія весны съ крѣпкими утренними заморозками.

Въ двухъ пассажирскихъ вагонахъ третьяго класса становится тѣсно, душно. Дымъ курящихъ безъ отдыха, истосковавшихся отъ безконечно долгой ѣзды пассажировъ застилаетъ глаза. Полъ загрязненъ до-нельзя и сплошь покрытъ папиросными окурками.

Темой для разговоровъ служатъ исключительно желѣзнодорожныя неурядицы. Ругаютъ на чемъ свѣтъ стоитъ желѣзнодорожную администрацію, на головы бѣдныхъ агентовъ службы движенія призываются всѣ проклятія, какія только возможны.

— Чортъ знаетъ,—ругается нетерпѣливый офицеръ,—въ трое сутокъ не могутъ протащить насъ 500 верстъ?! Пѣшкомъ скорѣе доползешь.

— Напрасно изволите возмущаться, — возражаетъ раненый, возвращающійся на позиціи, — мы въ трое сутокъ добрались до Телина, остается всего 60 верстъ до Мукдена, а поѣдете обратно вы отъ ст. Яомынь до Харбина, т.-е. разстояніе въ 150 верстъ пропутешествуете двое сутокъ. И это еще при благопріятныхъ условіяхъ.

— За то мы пропускаемъ поѣзда съ войсками.

— Ничуть... Эшелоны нисколько не мѣшаютъ движенію. Тамъ все дѣло въ водѣ. Паровозамъ воды и дровъ негдѣ набрать.

— Какъ такъ?

— Очень просто: понастроили колодцы, которые замерзаютъ. Я самъ на станціи Удзя сидѣлъ 12 часовъ въ ожиданіи паровоза, который отправился въ Харбинъ за водою и дровами.

Станція Удзя находится въ разстояніи 30 верстъ отъ Харбина.

— И эта причина неустранима?—допытываюсь я у командированнаго изъ Россіи агента на Восточно-Китайскую желѣзную дорогу.

— Знаете, здѣсь, въ Манджуріи, всѣ причины неустранимы,—съ раздраженіемъ въ голосѣ отвѣчаетъ симпатичный агентъ дороги. — Если я по возвращеніи въ Россію стану разсказывать о порядкахъ на этой дорогѣ, никто мнѣ не повѣритъ, назовутъ «басноплетомъ». Возьмите хотя бы участокъ Яомынь-Харбинъ: на станціяхъ нарыли колодцы, стоимостью до 9 и 10 тысячъ каждый, а подъ бокомъ нѣкоторыхъ станцій, какъ напримѣръ Лошагоу, Цейцзягку имѣются великолѣпныя рѣки, откуда провести трубы на водокачки стоило пустяки... И въ послѣднемъ случаѣ о недостаткѣ въ водѣ не могло бы быть и рѣчи. А вотъ еще объявили преміи за пропускъ наибольшаго количества поѣздовъ черезъ станціи, такъ стали задерживать поѣзда на разъѣздахъ. Пассажиры голодаютъ на этихъ стоянкахъ, за то на станціяхъ *поѣзда не задерживаются.* Всѣхъ курьезовъ, право, и не перечтешь.

— Скажите, почему такая нужда въ топливѣ?

— Чортъ его знаетъ, — уже совсѣмъ раздражается желѣзнодорожный агентъ. — Вѣроятнѣе всего потому, что «лѣто красное пропѣли». Виновата Паулина.... Впрочемъ, у высшей желѣзнодорожной администраціи и запасы дровъ имѣются, и топятъ сколько хотятъ, а младшая братія, несущая каторжную службу, не имѣетъ полѣна лишняго, чтобы хлѣба испечь.

Признаюсь, еще лѣтомъ я слышалъ угрозы о

возможности дровяного кризиса зимою. Указывали на безпорядочную заготовку, на отдачу подрядовъ ненадежнымъ лицамъ, но какъ то не хотѣлось вѣрить. Очевидно, и здѣсь спекуляція является главной причиной недостатка въ топливѣ, которое имѣетъ громадное значеніе, помимо частныхъ нуждъ, для пропускной способности линіи.

Пріѣхали мы въ Телинъ. Это настоящій тылъ дѣйствующей арміи. Прежняя маленькая станція расширена: къ тѣсной столовой прибавлена еще комната, столь же узкая и непомѣстительная. Первая комната набита проголодавшимися пассажирали, вторая — тыловыми завсегдатаями, около которыхъ увиваются «эти дамы». Охъ, ужъ эти дамы въ тылу арміи! Говорятъ, онѣ необходимы, и японцы даже покупаютъ ихъ для своей арміи.

Поѣздъ стоитъ долго. Пришелъ въ 4 часа безъ малаго, а уйдетъ около 10 часовъ вечера. Въ результатѣ шестьдесятъ верстъ до Мукдена протащимся еще 12—15 часовъ. Для развлеченія на маленькихъ станціяхъ Синтайцзы и Хушитаемъ открылись чайные буфеты съ холодной закуской. И за то спасибо. Все-таки видна чья-то заботливая рука, но ужъ, конечно, не желѣзнодорожной администраціи.

На передовыхъ позиціяхъ.

(Зимнія картинки).

21-го декабря 1904 г.

Отдохнувъ нѣсколько часовъ послѣ утомительнаго переѣзда въ вагонѣ 3-го класса изъ Харбина въ Мукденъ (500 верстъ—трое сутокъ и 14

часовъ), я испыталъ истинное удовольствіе, когда сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами отправился на передовыя позиціи въ ляохенскій отрядъ, на крайній правый флангъ.

Не обошлось безъ комическаго инцидента. Насъ было пять человѣкъ, у каждаго имѣлся ручной багажъ: легкая походная постель, сакъ съ провизіей и небольшой чемоданъ для бѣлья, кстати сказать, японскаго издѣлія.

Являлась необходимость въ изысканіи средствъ перевозки багажа. Вьючныхъ лошадей или муловъ въ Мукденѣ трудно раздобыть, а китайскіе извозчики-«фудутунки» охотно везутъ не далѣе города, но на позиціи ни за какія деньги ѣхать не соглашаются. Однако, не оставлять-же вещей, но вопросъ, какъ быть, такъ и остался-бы неразрѣшеннымъ, еслибъ не пришелъ на помощь ловкій вѣстовой одного изъ офицеровъ.

— Такъ что, дозвольте, ваше благородіе, я найму «фудутунки».

— Какъ ты наймешь, если они боятся?

— Такъ что, найму.

— Вали.

И дѣйствительно, спустя нѣсколько минутъ явилась пара фудутунокъ, влекомыхъ маленькими мулами. Возницы-китайцы, повидимому, ѣхали неохотно, что выражали недовѣрчиво высматривавшіе исподлобья глаза.

Укладывали вещи. Китайцы съ виду равнодушно взирали на работу солдатъ, но когда потребовалось двинуться впередъ подъ охраной отряженныхъ вѣстовыхъ, они загоготали на своемъ языкѣ, сильно размахивая руками. Солдаты толкали муловъ, но послѣдніе словно понимали своихъ хозяевъ и не трогались съ мѣста.

Одинъ китаецъ, надо полагать старшій, обратился ко мнѣ и жалобно-жалобно что-то залопоталъ на своемъ нарѣчіи, смѣшивая подобіе рус-

скихъ словъ съ характерными китайскими звуками:

— Капитана? Досяли (сколько верстъ?) Моя кушъ-кушъ мыю?.. דося чена (сколько заплатишь?) Твоя ва-ва-ва!..—бормоталъ онъ что-то, чего я понять не могъ.

— Санга-ли, чортъ, дьяволъ желторожій,— крикнулъ на него одинъ изъ офицеровъ...—Чена много получишь... Тунда твоя?

— Хау, хау!—отвѣтили въ одинъ голосъ оба китайца и быстро замотали головами.

Наконецъ тронулись.

Погода была довольно скверная. Дулъ холодный сѣверо-западный вѣтеръ при морозѣ градусовъ 12—15. Къ счастью наше направленіе было на югъ и ледяной порывистый вѣтеръ дулъ въ спину. Ѣхали перемѣннымъ аллюромъ—пять минутъ рысью, десять минутъ шагомъ. Проводникомъ былъ охранникъ пограничной стражи, типичный усатый хохолъ, который увѣряетъ, что много разъ ѣздилъ «у разъѣзды» и дорогу хорошо знаетъ.

По дорогѣ встрѣчались безконечные интендантскіе обозы, землянки для зимовки резервовъ—обычная картина тыла передовой линіи.

Проскакавъ около десяти верстъ по большой дорогѣ, мы сдѣлали остановку въ густо населенной китайской деревнѣ Нангантунь. Тамъ расположилось интентданство 5-го резервнаго корпуса, и намъ оказалъ гостепріимство офицеръ, завѣдывавшій, кажется, хлѣбопекарнями.

Его помѣщеніе въ довольно просторной фанзѣ было приспособлено для зимняго жилья: установлена желѣзная печка, накаленная до красна, и мы съ удовольствіемъ отогрѣвали свои окоченѣвшіе отъ холода члены. Подали самоваръ, привѣтливо напѣвавшій намъ знакомую пѣсню. Поминутно входили и выходили «купезы». Каж-

дый изъ нихъ старался выразить намъ чѣмъ нибудь знакъ одобренія, иные подходили къ офицерамъ, трогали грязными пальцами погоны, приговаривая «хау, капитана, шанго».

Сорока-пяти-минутный отдыхъ въ теплой фанзѣ и горячій чай благотворно подѣйствовали на насъ. Поблагодаривъ любезнаго хозяина за гостепріимство, мы двинулись далѣе, уклонившись въ сторону отъ большой дороги. Впереди и позади насъ тянулись необозримыя поля, кое гдѣ попадались деревни. Мы ихъ объѣзжали околицей, спѣша въ Джанъ-Танъ. Хотѣлось попасть до вечера. Около четырехъ часовъ лошади стали выказывать утомленіе. Пришлось уменьшить аллюръ.

День склонялся къ вечеру. Морозъ крѣпчалъ. Вѣтеръ, хотя дувшій то въ спину, то въ бокъ, давалъ себя чувствовать. Усы у всѣхъ заиндевѣли, на нихъ нависли толстыя ледяныя сосульки.

— Когда же наконецъ будетъ Джанъ-Танъ?— приставали мы къ проводнику.

— Якъ буде Хунхе, — лаконически мрачнымъ голосомъ отвѣтилъ проводникъ. Но вотъ мы уже стали кружить по извилистому берегу Хунхе, а Джанъ-Тана нѣтъ и нѣтъ... Миновали штабъ отряда генерала Мищенко, расположеніе частей генерала Грекова и снова потянулись по извилистому берегу Хунхе. Нѣсколько разъ переправлялись то на одинъ, то на другой берегъ. Наступили сумерки быстро смѣнившіяся темнымъ вечеромъ. На ясномъ небѣ зажглись звѣзды, а мы все ѣхали, ѣхали и, казалось, конца не предвидѣлось нашему пути...

Стало совсѣмъ темно и небезопасно. Мы уже давно двигались по району расположенія передовыхъ позицій обѣихъ армій и въ темнотѣ легко могли-бы попасть къ непріятелю. Всѣмъ

нами овладѣла неопредѣленная тревога, предчувствіе близкой опасности. Стало ясно, что мы заблудимся. Нѣсколько попытокъ разспросить о направленіи и близости Джанъ-Тана у встрѣчныхъ китайцевъ не увѣнчалось успѣхомъ. Они или отвѣчали «путунда» (не понимаю), или указывали совершенно противоположное направленіе.

Всѣ устали. Лошади съ трудомъ передвигали ноги. Хородно. Подъѣхали къ какой то деревнѣ и стали проситься на ночлегъ, разсчитывая, что «утро вечера мудренѣе». На вопросъ:

— До ся ли Джанъ-Тана?—китаецъ отвѣтилъ что-то вродѣ 8 ли (восемь ли или четыре версты; ли равна полуверстѣ).

Обстоятельство, что до Джанъ-Тана всего 4 версты пріободрило насъ. Мы захватили съ собой китайца и поѣхали далѣе. 4 ли мы протащились болѣе часа, и все-таки попали въ какую-то безыменную деревушку, гдѣ находилась драгунская застава Приморскаго полка.

Въ деревнѣ даже находился китайскій полковникъ, который отвелъ намъ помѣщеніе въ проѣзжей китайской фанзѣ (постояломъ дворѣ), до нельзя грязной и вонючей. Но мы сильно устали, изголодались, утомились и вѣстовые. Фудутунки съ вещали отстали, и мы ночью совсѣмъ потеряли ихъ изъ виду.

Дѣлать нечего. Пришлось располагаться на ночлегъ на китайскомъ постояломъ дворѣ.

Мы заночевали въ убогой и ветхой фанзѣ, въ деревушкѣ, разбросанной по берегу рѣки Хунъ-хэ. Грязныя стѣны, черный закопченный отъ дыма потолокъ, земляной полъ, пыльный и грязный; по угламъ его разбросана рухлядь: стоитъ высокая кувшинообразная, глиняная кадка, валяется колесо сломанной арбы, груда тряпокъ, откуда робко выглядываютъ кролики.

Въ другой половинѣ фанзы спятъ китайцы;

джанъ-гойда (хозяинъ дворика) и нѣсколько манзъ.

Еще было темно, когда я растолкалъ владѣльца заѣзжаго двора и попросилъ его приготовить «Кай-Суй».

— Кай-суй?.. Шанго, хау, капитана, — ласково бормоталъ манза, слѣзая съ кана и напяливая на голое темнобронзовое тѣло какую-то ватную хламиду.

Спустя нѣсколько минутъ вскочили и мои спутники, привели осѣдланныхъ коней и мы, расплатившись съ джанъ-гойдой за ночлегъ и услуги, поѣхали въ Джанъ-Танъ, гдѣ находилась застава пограничной стражи.

Утро было великолѣпное, хотя морозъ достигалъ градусовъ 9—10, зато ни малѣйшаго вѣтерка. Чудный зимній воздухъ, освѣжающій и бодрящій, привелъ всѣхъ въ прекрасное расположеніе духа. Одного не могли забыть — это ошибку проводника, увѣрявшаго насъ въ знаніи мѣстности, благодаря чему мы проплутали до глубокой ночи.

Но вчерашняго утомленія какъ не бывало. Лошади бодро сѣменили ножками.

Отъ деревни, гдѣ мы заночевали, опредѣляли пять-шесть верстъ до Джанъ-Тана. Однако, проскакавъ съ полчаса, цѣли нашей поѣздки все еще не было замѣтно, а между тѣмъ поле ровное, степного характера, и если бы не чахлыя деревья, попадающіяся около фанзъ, казалось бы, что ѣдешь по Тамбовской губ.

— Дозорный! Ты опять сбился съ дороги? — крикнулъ одинъ изъ офицеровъ проводнику.

— Такъ тошно... На югъ надо направленіе брать...—отвѣтилъ проводникъ.

Проѣзжая попутную деревню, мы вновь принялись разспрашивать китайцевъ:

— Джанъ-Тана? до ся ли?

И, такимъ образомъ, кое-какъ добрались до Джанъ-Тана часамъ къ десяти съ половиной.

Въѣзжаемъ въ деревню, бывшую всего лишь мѣсяца полтора тому назадъ въ рукахъ японцевъ. Здѣсь былъ бой. Отсюда охотничья команда Шелихова съ поручикомъ Клярцевичемъ вышибла японскую заставу и гнала ее до Каламы, гдѣ встрѣтила значительныя непріятельскія силы и отошла назадъ.

Глиняная стѣна, окружающая деревню, мѣстами разрушена. Попадаются разрушенныя фанзы. Въ уцѣлѣвшихъ видны наши пѣшіе и конные пограничники. Мы проскакали довольно широкую площадку, завернули въ кривую улицу и остановились у одного двора; у калитки стоялъ дневальный при холодномъ оружіи. Здѣсь находился командиръ сотни, и мы пріѣхали къ нему.

Чистый дворъ хорошо выметенъ. У коновязей стоятъ кони и жуютъ скудный кормъ, состоящій изъ чумизной соломы.

Зашли въ фанзу. Оказалось, двѣ квадратныя комнатки съ низкимъ потолкомъ, но обычные каны устланы чистыми циновками, потолокъ и стѣны оклеены бумагой, а въ китайскія окошечки даже вдѣланы по квадратному кусочку стекла, благодаря чему въ комнатахъ нѣтъ мрака, свойственнаго манджурскимъ жилищамъ.

Имѣются даже слѣды роскоши: хорошій крашеный столъ, два деревянныхъ «кресла» китайской работы, шкафчики, высокіе, отъ пола до потолка, со множествомъ шифоньерокъ и мѣдными украшеніями.

Эта деревня была въ полномъ смыслѣ слова— передовая позиція.

По другую сторону рѣчки, въ полутораста ша-

гахъ, не болѣе, расположилась японская застава. Наши часовые днемъ и ночью подстерегаютъ непріятеля, послѣдніе — насъ. Стоитъ выйти на берегъ и увидишь черненькаго человѣчка съ ружьемъ и нѣсколько другихъ, одѣтыхъ также въ черное, шныряющихъ по разнымъ направленіямъ съ связками гаоляна или мѣшками, очевидно, провіанта или фуража.

Столкновенія каждый день, а больше ночью.

Командиръ сотни принялъ всѣхъ чрезвычайно радушно. Особенно его обрадовалъ пріѣздъ назначеннаго ему въ помощь офицера. Явился самоваръ, и всѣ не безъ удовольствія принялись за горячій китайскій напитокъ.

— Закусите, господа, а въ часъ мы пойдемъ обѣдать къ командиру 55-й роты, штабсъ-ротмистру Артаблевскому, — заявилъ намъ гостепріимный сотенный командиръ.

— Какъ вы спокойны!—не могъ я не выразить своего удивленія.—Можно подумать, что вы живете въ совершенно мирной обстановкѣ.

— Чего-же намъ безпокоиться?—улыбаясь, возразилъ мнѣ поручикъ.

— Помилуйте, непріятель, можно сказать, въ двухъ шагахъ.

— Э, батенька, пустяки. Мы привыкли.

— Ну, а ночью: едва раздается выстрѣлъ, всѣ одѣты и выбѣгаютъ на какой-нибудь заранѣе условленный пунктъ?

Поручикъ отъ души расхохотался, какъ-будто я сказалъ самую несуразную глупость.

— Ничуть не бывало. Спимъ, какъ дома, раздѣваемся и на выстрѣлы не обращаемъ вниманія.

— Позвольте, въ такомъ случаѣ васъ могутъ вырѣзать, какъ барановъ!?

— Ну, это дудки. Напрасно безпокоитесь. Дежурныя части на своихъ мѣстахъ.

Въ этой фанзѣ и въ другой, гдѣ мы въ часъ

дня обѣдали, жили раненые японскіе офицеры. Фанзы были заняты японской пѣхотой, во дворахъ находились коновязи японскаго эскадрона. Все это было для меня ново и полно интереса. Въ такой близости отъ непріятеля я еще никогда не былъ. Лѣтомъ, правда, приходилось видѣть врага и даже съ тревогой и страхомъ озираться вокругъ и прислушиваться къ свисту и бжиканью пуль, но противникъ въ большинствѣ случаевъ находился на «приличной» дистанціи, насъ раздѣляли наши войска, отъ которыхъ меня также отдѣляло изрядное разстояніе, и опасаться слѣдовало одной случайности, возможной и на улицахъ нашей столицы, красавицы Сѣверной Пальмиры.

Однако, общее спокойствіе и видимое равнодушіе къ близости противника не могло не вліять и на меня, и я выразилъ желаніе полюбоваться на непріятельскихъ часовыхъ.

— А вотъ мы пойдемъ обѣдать. Фанза Артаблевскаго на самомъ берегу, выйдете за стѣну или станете на стѣну и будете любоваться японцемъ... Онъ вамъ пошлетъ привѣтствіе — двухлинейную пулю... Онъ всегда дѣлаетъ это, едва завидитъ кого-нибудь на стѣнѣ.

Къ часу мы отправились къ штабсъ-ротмистру Артаблевскому. Его помѣщеніе оказалось болѣе просторнымъ и «меблировка» побогаче: два стола, кажется шесть окрашенныхъ черной краской лакированныхъ креселъ, широкіе черные шкафы, также лакированные, во всю стѣну, отъ пола до потолка. Въ рамы вставлены квадратики стекла. Словомъ, чувствовалась зажиточность «исправныхъ» китайскихъ крестьянъ.

Штабсъ-ротмистръ оказался занятымъ развѣдчиками; онъ выслушивалъ ихъ донесенія. По ихъ словамъ, въ деревняхъ по ту сторону Хунхе сосредоточено до двадцати тысячъ японской пѣ-

хоты съ артиллеріей и большимъ количествомъ орудій.

До обѣда, въ ожиданіи конца бесѣды съ развѣдчиками, я вышелъ на стѣну. Сзади меня, подъ крышей фанзы, сидятъ пограничники и зорко смотрятъ вдаль въ крошечное окошечко, спеціально для этого прилаженное. За глиняной стѣной, шагахъ въ десяти, вьется покрытая льдомъ рѣчка. За нею широкая площадь полей; саженяхъ въ ста, не далѣе, деревушка. Невооруженнымъ глазомъ хорошо видны снующіе взадъ и впередъ японскіе солдаты. Одни съ ружьями, другіе съ ношами.

И дѣйствительно, едва я выглянулъ съ поручикомъ Клярцевичемъ за валикъ глинянаго забора, раздался выстрѣлъ... Между фанзами въ узкой улицѣ стояли арбы, сгружавшія провіантъ и фуражъ. Пулька шлепнулась въ колесо и, «деформировавшись», т. е. сплющившись, застряла въ деревѣ.

— Это резервная пуля,—замѣтилъ опытный поручикъ.—Не пуля, а шельма: даетъ отвратительныя пораненія.

Ктати, поручикъ въ бою у дер. Калама былъ раненъ и теперь вернулся въ строй принять охотничью команду еще даже не вполнѣ оправившійся. Таково было его собственное стремленіе на передовыя позиціи, и врачи не могли уговорить молодого офицера выждать окончательнаго выздоровленія. Въ концѣ октября я его видѣлъ на костыляхъ. На мой вопросъ, почему бы не выждать окончательной поправки ноги, онъ отвѣтилъ:

— Чортъ ее знаетъ, когда она поправится!.. Не могу сидѣть дома, когда здѣсь дѣло есть...

Рѣчка Хунхе змѣйкой вьется между обширными полями, но не слышно ея робкаго шопота, глазъ не ласкаетъ ея чистая, какъ кристаллъ,

вода. Она скована тонкой ледяной броней, словно скрываетъ отъ жадныхъ глазъ врага спящихъ красавицъ.

Въ излучинахъ этой ледяной ленточки приткнулись деревни, въ которыхъ много сотенъ лѣтъ мирно жили пахари манджуры, обработывавшіе свои плодородныя поля лѣтомъ, собиравшіе обильную жатву осенью и весело праздновавшіе свой праздникъ «дракона» зимою.

Какія у этихъ деревень странныя названія! Они кажутся смѣшными, и солдатъ нашъ говоритъ, что это не имена, а «собачьи клички».

По деревнямъ притаились наши и непріятельскія заставы.

Это, такъ сказать, самые передовые посты воюющихъ сторонъ.

Обѣ стороны другъ друга подстерегаютъ. Зазѣвается кто-нибудь, и нѣтъ его.

Надо правду сказать, японецъ, проявлявшій необыкновенную энергію и подвижность лѣтомъ, теперь, зимою, болѣе сонливъ, вялъ и неповоротливъ. Зимняя кампанія, очевидно, ему не по вкусу.

Вѣрность моего вывода подтверждается образомъ жизни людей на нашихъ заставахъ, въ занятыхъ нами селеніяхъ. И офицеры, и нижніе чины великолѣпно, чуть-ли не съ комфортомъ устроились въ китайскихъ фанзахъ. Каны выстланы чистыми плетенками, а офицерскія помѣщенія даже оклеены обоями. У нихъ довольно много вещей: чемоданы, коврики, узлы, походныя постели. Спятъ не раздѣваясь. За утреннимъ чаемъ, обѣдомъ или ужиномъ ничто не напоминаетъ близости врага.

И это поразительное спокойствіе кажется страннымъ непривычному пришельцу. Между деревнями шныряютъ конные вѣстовые, даже офицеры не рѣдко безъ всякаго конвоя.

— Господа, сегодня произведемъ развѣдку,— заявляетъ начальникъ охотничьей команды заамурцевъ, поручикъ Лашкевичъ.—Чортъ, соскучился отъ бездѣлья.

— Кстати, имѣется и распоряженіе изъ штаба. Генералъ Косаговскій приказалъ произвести усиленную развѣдку. Пойдетъ 55-я рота подъ командой штабсъ-ротмистра Артаблевскаго и, пожалуй, взводъ 40-й сотни,—заявляетъ начальникъ заставы.

Извѣстіе о распоряженіи изъ штаба произвести усиленную развѣдку всѣхъ замѣтно оживило. Всѣ какъ-то пріободрились. Началось общее движеніе. Изъ сосѣднихъ фанзъ выбѣгали солдаты съ ружьями и строились, выводили лошадей; не обходилось, конечно, безъ крѣпкихъ словъ.

Менѣе чѣмъ въ десять минутъ все было готово къ выступленію. Рота выстроилась въ одну линію, командиръ отдавалъ послѣднія распоряженія, охотничья команда съ лихимъ поручикомъ Лашкевичемъ и волонтеромъ Вехтеромъ уже переправилась черезъ Хунхе и быстро движется къ д. Манченъ. Вслѣдъ за ними 30 человѣкъ отдѣляется отъ роты и также быстро переходитъ черезъ рѣку и беретъ направленіе на «Эфіопію» (Вандіопу), другіе 30 человѣкъ съ десятью всадниками «освѣщаютъ» мѣстность, т. е. шныряютъ вблизи деревень, стараясь вызвать попрятавшихся въ фанзы японцевъ на опушку селенія, чтобы завязать «оживленный обмѣнъ мнѣній» изъ винтовокъ.

Поле ровно, гладкое, кое-гдѣ покрытое легкимъ снѣжнымъ налетомъ. Съ одного берега на другой смотришь невооруженнымъ глазомъ и видишь все, какъ на ладони.

Раздается нѣсколько выстрѣловъ, сухихъ, отрывочныхъ. Гдѣ-то, вѣроятно позади, пропѣла пуля. По ея звуку знаю, что это японская двухлинейная, хотя здѣсь, на вражескихъ заставахъ, много

хунхузовъ, несущихъ у японцевъ развѣдочную службу и вооруженныхъ четырехлинейными винтовками. Попадаются и японцы-резервисты съ старыми ружьями и мѣдными пулями.

Конные, только что гарцовавшіе вблизи деревни, занятой непріятелемъ, быстро, «наметомъ», скачутъ обратно. Ихъ встрѣчаетъ начальникъ заставы, которому они докладываютъ, что необходимо усилить лѣвый флангъ общей развѣдки. Одна изъ японскихъ заставъ оказалась укрѣпленной окопами, и чтобы выбить изъ нея противника, слѣдуетъ сдѣлать «охватъ» во флангъ.

Съ такой-же быстротой, хотя безъ малѣйшей суеты, словно прекрасно сыгравшіеся актеры, вылетаютъ изъ деревни 45 всадниковъ для охвата. Ими командуетъ молодой вахмистръ Собакинъ, ловкій и расторопный заамурецъ, понаторѣвшій еще въ мирное время въ стычкахъ съ хунхузами.

Не переходя рѣчку, онъ командуетъ «слѣзай», спѣшиваетъ свой взводъ, который разсыпается въ цѣпь и направляется бѣгомъ на опушку деревни Вандіопа, откуда тарахтятъ выстрѣлы, безпорядочные, одинъ за другимъ. Но всадники и не замѣчаютъ летящихъ надъ головами пуль,— не отвѣчая на выстрѣлы, быстро движутся къ селенію и уже съ разстоянія сотни шаговъ ложатся на обмерзшую землю и даютъ нѣсколько выдержанныхъ залповъ.

Да, это уже не безпорядочные выстрѣлы врага, это хорошій дисциплинированный огонь привычныхъ къ боевой обстановкѣ заамурцевъ. Эти люди знаютъ свою силу.

Изъ деревни врагъ выбитъ буквально въ нѣсколько минутъ, видны скачущіе всадники на слѣдующую деревню Сандяпу, откуда вскорѣ открываетъ огонь другая непріятельская застава, очевидно, разсчитывающая поддержать своихъ.

Это картина развѣдки съ лѣваго фланга. Съ

праваго наступаютъ на деревни Хэсантай и Ядзыпау. Взводомъ заамурцевъ командуетъ вахмистръ Гадомскій. Въ 200 шагахъ отъ окопа у деревни Ядзыпау онъ останавливается и открываетъ огонь залпами.

Ему въ свою очередь отвѣчаютъ перекрестнымъ огнемъ изъ деревень Вандіопа и Ядзыпау. Завязывается оживленная перестрѣлка на десять — пятнадцать минутъ, пока взводъ вахмистра не добѣжалъ до окопа и штыками не выгналъ оттуда японцевъ.

Солнце спускается съ своего зенита. Воздухъ охлаждается. Морозъ усиливается. Развѣдка, начавшаяся съ 11 часовъ утра, заканчивается атакой деревни Вандіопа, откуда выбитые японцы бѣгутъ къ слѣдующему селенію Ліутай. Ихъ преслѣдуетъ волонтеръ Вехтеръ, командующій пограничными развѣдчиками (заамурцами).

Уже передъ вечеромъ къ нему подоспѣваетъ помощь. Охотники Орскаго полка подъ командой поручика Пинягина вливаются въ цѣпь развѣдчиковъ заамурцевъ и ввязываются въ общій бой.

Въ 300 шагахъ отъ деревни Ліутехоу останавливаются, оправляются, провѣряютъ наличный составъ, справляются, нѣтъ-ли раненыхъ. Замираютъ послѣдніе выстрѣлы. День догораетъ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца прощаются съ грѣшной землей, злобствующими врагами, а морозъ становится чувствительнѣе и сковываетъ энергію непривыкшихъ къ холодамъ японцевъ.

Развѣдочныя части возвращаются обратно къ своей заставѣ.

Они выяснили силы противника въ непріятельскихъ заставахъ, словомъ, исполнили свой долгъ.

Не обошлось безъ потерь. Убитъ мѣдной пулей вахмистръ 55-й роты. Пуля, попавъ въ високъ, «деформировалась» и срѣзала почти пол-

черепа... Жаль героя. Онъ защищалъ и сжигалъ ляоянскій мостъ, онъ участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ до мукденскихъ включительно. Миръ праху героя, исполнившаго свой долгъ до послѣдняго момента.

Ранено еще 5 нижнихъ чиновъ и офицеръ Д'Андре, опасно, въ животъ...

Вечеромъ собрались въ фанзѣ и горячо обсуждали развѣдку.

Зимнія картинки на передовыхъ позиціяхъ.

8 января 1905 г.

Великолѣпное зимнее утро. Морозный воздухъ не мѣшаетъ лучамъ южнаго солнца испускать свою мягкую, ласковую теплоту. Зима какъ-то не чувствуется и даже не вѣришь, что она существуетъ въ Манджуріи.

Въ прошломъ году снѣжныя метели разгуливали по полямъ, заносили пути, останавливали движеніе поѣздовъ, а теперь снѣга очень мало. Кое-гдѣ тонкая бѣлая пелена плотно приникла къ пыльной, замерзшей землѣ и постепенно смѣшивается съ этой желтой глинистой пылью.

Правда, рѣчка скована льдомъ, но это плоды ноябрьскихъ морозовъ и декабрьскихъ ночныхъ заморозковъ, достигавшихъ иногда 10—15 градусовъ.

На крышахъ фанзъ селенія Чжанъ-танъ также не замѣтно снѣга, если не считать заиндевѣвшей гаоляновой соломы.

Село, или, вѣрнѣе, военная застава изъ сотни

заамурцевъ-пограничниковъ, одной пѣхотной роты того же округа, роты, кажется, юхновцевъ, проснулось, и жизнь закипѣла во-всю. Конные солдаты поятъ лошадей, чистятъ ихъ, сѣдлаютъ. Слышишь русскіе голоса, понукающіе монгольскихъ лошадокъ привычными китайскими односложными звуками:

— И-и! — произноситъ солдатъ, одѣтый въ короткій полушубокъ и толстыя валенки, вѣроятно привезенныя изъ Сибири, судя по краснымъ и синимъ каемкамъ, украшающимъ эту неуклюжую обувь.

— Первый и четвертый взводъ, сѣдлать коней! — слышится громкій, властный голосъ вахмистра-пограничника, молодого человѣка съ симпатичнымъ интеллигентнымъ лицомъ.

Со стороны новому неопытному наблюдателю покажется, что поднялась суматоха, что люди въ суетѣ не то дѣлаютъ, но, вглядѣвшись повнимательнѣе, увидишь каждаго у своего опредѣленнаго дѣла, исполняющаго его съ толкомъ и спокойнымъ сознаніемъ своей силы.

— Стало быть, въ набѣгъ,—произноситъ мрачный пограничникъ, рядовой, затягивая подсѣдельникъ.

Онъ произноситъ фразу ни къ кому не обращаясь, а словно отвѣчаетъ на собственную назойливую мысль.

— Въ набѣгъ, такъ въ набѣгъ, — резонно отвѣчаетъ рядомъ копошившійся товарищъ.—Онамеднись точно также въ набѣгъ отправлялись... Оно занятіе веселое, особливо ежели какого япошку изловишь... Кони у нихъ, словъ нѣтъ, хороши... Люблю я у врага коней отбивать...

— А по затылку не получалъ?

— Штожъ што получалъ... И я спуску не даю...

— Полусотня, смирно!—раздается команда.

Идетъ начальство: молодой начальникъ сотни, штабсъ-ротмистръ П—въ и младшій офицеръ кавказецъ М—зе. Сотенный командиръ дѣловито здоровается съ людьми, съ серьезнымъ лицомъ проходитъ по рядамъ лошадей, внимательнымъ окомъ осматриваетъ животныхъ съ головы до ногъ.

— Вахмистръ! У «Барыни» задняя нога болитъ.

Вахмистръ подскакиваетъ, держа развернутую ладонь руки у папахи, и отвѣчаетъ:

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе. Хитрая, подлѣющая кобыла... Одно слово баба. Въ нарядъ не хочетъ иттить.

— Разсказывай!.. — недовѣрчиво замѣчаетъ сотенный.

Но ловкій вахмистръ, до тонкости изучившій привычки своихъ четвероногихъ, толчкомъ ноги, обутой въ валенку заставляетъ «Барыню» вздрогнуть всѣмъ корпусомъ и стать на всѣ четыре короткія, толстыя мохнатыя ноги.

Сотенный командиръ дѣлаетъ распоряженіе.

— Смотри, братцы, не зарваться!.. Оглядывайся по сторонамъ, наблюдай осторожность... На развѣдкѣ требуется выманить непріятеля, заставить его обнаружить свои силы... Понимаешь?..

— Понимаемъ, ваше благородіе!

— Не гоняться за лошадьми, чтобы не было напрасныхъ потерь!..

Послѣдняя фраза звучитъ неувѣренно. Штабсъ-ротмистръ всегда радуется, когда ему приводятъ нѣсколько непріятельскихъ коней сѣрыхъ и бѣлыхъ тонконогихъ австралійцевъ.

Полусотня высыпала изъ-за высокихъ глиняныхъ заборовъ въ узкую кривую деревенскую улицу. Молодой корнетъ, полусотенный командиръ скомандовалъ: «справа по одному» и самъ поскакалъ впередъ, а за нимъ мелкой рысцой понеслись всадники.

Узкій, кривой переулокъ вливается въ широкую, просторную площадь.

Тамъ уже появились повозки, арбы, нагруженныя фуражемъ и топливомъ. Далѣе выстроилась рота. Она также отправляется на развѣдку. Конные быстро дѣлятся на двѣ части, одинъ взводъ спускается къ рѣчкѣ съ одной стороны деревни, другой бѣжитъ въ противоположную сторону, а рота медленно вытягивается посерединѣ и въ колоннѣ «рядами» также спускается къ рѣкѣ, гдѣ тотчасъ выстраивается въ боевой порядокъ.

Я наблюдаю изъ-за сноповъ гаоляна, разставленныхъ по стѣнѣ полуразрушеннаго забора, но когда взводы перешли рѣку и разсыпались по полю и начинаютъ наступленіе на противоположную деревню, я не выдерживаю и вылѣзаю изъ-за прикрытія и съ замираніемъ сердца слѣжу за открывающейся моимъ глазамъ картиной.

Вправо, въ разстояніи около полуверсты, быстрымъ аллюромъ куда-то скачутъ конные пограничники, прямо движутся уступами пѣхотные взводы. Затарахтѣли выстрѣлы. Ясно, какъ на ладони видно, какъ засуетились въ противоположной деревнѣ японцы. Однако, странно. Мало ихъ. Отдѣльныя черныя фигурки перебѣгаютъ улицу и исчезаютъ за глиняными заборами. А рота претъ, не обращая вниманія на сыплющіяся неизвѣстно откуда пули... Потомъ все объясняется. Небольшая часть японцевъ заняла окопъ впереди деревни и притаилась, а изъ крышъ фанзъ идетъ частая стрѣльба пачками.

Уступы нашей цѣпи бѣгутъ, ложатся, стрѣляютъ, опять вскакиваютъ и опять бѣгутъ, соблюдая очередь: одинъ взводъ бѣжитъ, а другой стрѣляетъ залпами. Японцы въ окопѣ, не дождавшись приближенія нашихъ, поодиночкѣ убѣгаютъ куда-то. Иной споткнется и приникнетъ

къ землѣ. Другой, неестественно покружившись разъ—другой, также падаетъ...

Закипаетъ слабый бой въ деревнѣ. Оттуда слышны отдѣльные крики и визги, и наша рота уже впереди деревни. Она выбила маленькую заставу, которая въ безпорядкѣ, даже побросавъ ружья, бѣжитъ къ слѣдующей деревнѣ. Наши преслѣдуютъ, но далѣе ихъ встрѣчаетъ «адскимъ» огнемъ болѣе сильный отрядъ японцевъ, повидимому, съ пулеметными и другими орудіями.

Вскорѣ слышится трещаніе пулемета, летитъ, свистя, нѣсколько шрапнелей, и нашъ развѣдывательный отрядъ движется обратно, отстрѣливаясь.

Весь бой, или вѣрнѣе стычка, длится часъ, полтора, нѐ болѣе, замираютъ послѣдніе звуки выстрѣловъ, и рота вступаетъ обратно въ занимаемую ею деревню, неся двухъ раненыхъ.

Послѣ развѣдки офицеры, какъ ни въ чемъ не бывало, собираются въ фанзѣ-столовой, гдѣ накрытъ столъ подобіемъ скатерти. Посрединѣ дымятся горячія щи, сваренныя вѣстовымъ или ротнымъ кашеваромъ изъ китайской капусты.

— А Вехтеръ молодчина!—говоритъ поручикъ, ведшій роту.

Вехтеръ—бывшій охранный офицеръ. Онъ въ отставкѣ. И я и мои товарищи-корреспонденты не разъ обѣдали въ его «гостиницѣ» въ Ляоянѣ, кумирни Ляоэ-Міяо. Это высокій субъектъ съ сѣрымъ лицомъ, обрамленнымъ жидкой порослью. Онъ очень любезенъ и недурно подкармливаетъ офицеровъ, заглядывающихъ въ его ресторанъ. Въ одинъ прекрасный день онъ покидаетъ гостиницу. Намъ сообщаютъ, что Вехтеръ возвращается «въ армію». Я его неожиданно встрѣчаю въ концѣ декабря на заставѣ въ Чжанъ-Танѣ и офицеры про него говорятъ, что онъ добровольцемъ слѣдуетъ за ротой въ каждую развѣдку,

отличается поразительнымъ хладнокровіемъ и неустрашимостью.

— Сегодня,—говоритъ поручикъ, — насъ изъ деревни встрѣтили сильнымъ перекрестнымъ огнемъ, а Вехтеръ претъ впередъ, точно на прогулкѣ... Ей-Богу, молодчина.

Всѣ соглашаются, что Вехтеръ молодчина, и предлагаютъ выпить за его здоровье, а самъ герой бесѣды молчаливо жуетъ жилистое мясо, будто говорятъ не о немъ, а о совершенно постороннихъ предметахъ.

Вскорѣ возвращается и полусотня. Она также привезла раненаго, потеряла товарища на мѣстѣ, зато притащила трофеи: нѣсколько винтовокъ австралійскихъ и коней съ сѣдлами и безъ нихъ.

Нападеніе.

(Изъ боевой жизни заамурцевъ).

31-го января 1905 г.

Примелькались эти маленькія кирпичныя строенія, окруженныя кокетливыми каменными заборами, словно крѣпостями. Какъ-то странно выглядываютъ многочисленныя бойницы, онѣ какъ-будто манятъ врага, безмолвно приглашая его: «А ну подойди-ка поближе»!..

Въ маленькомъ строеніи круглый годъ живетъ небольшая горсточка русскихъ солдатъ. Это постъ. Въ немъ всего двѣнадцать человѣкъ для смѣны часовыхъ на линіи дороги. Заброшенные изъ далекой Россіи люди чувствуютъ себя, въ этой крѣпостцѣ, среди необозримыхъ полей Манджуріи, теряющихся за предѣлами таинственной Монголіи, какъ дома.

Солдатъ уже выучился многимъ словамъ манджурскаго обихода, и, отправляясь на развѣдку въ сторону, онъ обязательно спроситъ встрѣчнаго манзу:

— Эй, дося-ли Фо-кумыня?

И онъ отлично пойметъ манзюка, отвѣчающаго, глотая звуки, «сыли». На вопросительно-недоумѣвающій взглядъ солдата онъ, впрочемъ, покажетъ два или три пальца, для вящшаго вразумленія.

Придетъ оборванный желтокожій на постъ безъ предметовъ торговли, часовой обязательно замѣтитъ непремѣнному соглядатаю,—не безъ строгости.

— Эй, манза, шима (чего тебѣ)? Ломайла захотѣлъ! Я тебя!

Иногда солдатикъ въ шутку вскинетъ ружье, чтобы попугать китайца, а послѣдній, съежившись, спѣшитъ «улирайла».

А внутри поста жизнь течетъ «своимъ чередомъ», по опредѣленному руслу.

Одинъ часовой зорко всматривается въ голубую даль съ вышки, другой бредетъ по посту, третій сидитъ около мостика, поминутно озираясь по сторонамъ, пропуская поѣзда съ множествомъ теплушекъ, или, какъ ихъ называютъ въ Россіи, «телячьихъ вагоновъ», откуда вырываются на просторъ полей лихія родныя пѣсни и звуки разухабистой гармошки.

Вотъ, съ поста идетъ на смѣну часовому рядовой Шаткусъ. Это типичный литвинъ, маленькій, круглолицый, пропорціонально сложенный.

Занявши «мостикъ», онъ усаживается, прислонивъ ружье между колѣнями, извлекаетъ маленькую книжечку, молитвенникъ на польскомъ языкѣ, и читаетъ молитвы. Это и развлекаетъ и успокаиваетъ его. Щемящая тоска по милой родинѣ, по роднымъ нивамъ и густымъ лѣсамъ, понемногу проходитъ.

Такъ Шаткусъ вышелъ на часы въ знойный лѣтній день.

Въ этотъ жаркій и душный день онъ испытывалъ какое-то неопредѣленное безпокойство. Тоска щемила сильнѣе обыкновеннаго, Шаткусъ пытался найти забвеніе въ маленькихъ пестрыхъ строчкахъ молитвенника.

Шаткусъ не замѣтилъ колыханія стеблей гаоляна, какъ не замѣтилъ и ползущаго на животѣ китайца. Послѣдній приблизился къ Шаткусу съ «тыла» и что есть мочи хватилъ его желѣзнымъ брускомъ по головѣ... Шаткусъ, безъ стона, замертво свалился. Манзѣ этого только и нужно было.

Онъ съ жадностью схватилъ ружье, снялъ съ убитаго патронташъ, пошарилъ по карманамъ, сдѣлалъ попытку стащить съ него сапоги, но вдали показалась смѣна, и манза быстрѣе молніи нырнулъ въ заросли гаоляна.

На посту ударили тревогу. Неожиданно, среди бѣлаго дня, убитъ часовой Шаткусъ.

Бѣднаго Шаткуса схоронили около полотна дороги, поставили на свѣжей могилкѣ бѣлый деревянный крестъ, и жизнь на посту вновь потекла по прежнену руслу, и лишь новые часовые, занявъ постъ у мостика зорко вглядывались въ зеленѣющую поверхность гаоляна.

Спустя два дня, въ темную ночь, двое часовыхъ скорѣе почувствовали чѣмъ услышали шорохъ въ гаолянѣ. Они молча переглянулись и стали зорко всматриваться въ темную даль. Шорохъ приближался. Ясно стало, что кто-то подкрадывается съ злымъ намѣреніемъ. Одинъ изъ часовыхъ вскинулъ ружье, и грянулъ выстрѣлъ. Вслѣдъ за нимъ раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ по линіи. Это другіе часовые подняли тревогу.

По гаоляну пробѣжала зыбь, а потомъ видны

были силуэты удирающихъ во всѣ лопатки хунхузовъ. Ясно стало, что гдѣ то, вблизи полотна, въ одной фанзѣ—импани существуютъ хунхузы, охотящіеся на часовыхъ, чтобы грабить оружіе.

На слѣдующій день былъ присланъ поручикъ Кислицынъ съ приказаніемъ произвести дознаніе, а главное изслѣдовать окрестности, обыскать импани вблизи дороги.

Кислицынъ—юный поручикъ, только что прибывшій изъ Россіи. Онъ, собственно, еще и не освоился съ опасной службой заамурца. Онъ взялъ съ поста всего четыре человѣка и отправился въ «экспедицію», какъ онъ въ шутку самъ назвалъ свою миссію.

Верстахъ въ пяти—шести отъ полотна дороги стояла одинокая импань. Она была окружена высокимъ глинянымъ заборомъ, изъ-за котораго едва чернѣли крыши фанзъ.

Не дойдя до импани ста шаговъ, поручика встрѣтили изъ этой степной крѣпостцы частымъ огнемъ. Завязалась перестрѣлка. Судя по выстрѣламъ, въ импани засѣло много хунхузовъ. Наступающихъ русскихъ было всего пять человѣкъ, въ томъ числѣ офицеръ Кислицынъ. Вскорѣ пуля ударила въ руку офицера и раздробила ее... Кровь полилась ручьемъ... Подбѣжалъ солдатикъ.

— Вы ранены, ваше благородіе? Позвольте я перевязку сдѣлаю.

— Ступай, дѣлай свое дѣло... Насъ мало... Отойти мы не можемъ, иначе всѣхъ насъ перебьютъ... Видишь, въ импани много враговъ...

И, дѣйствительно, какъ-бы въ отвѣтъ изъ импани выбѣжало человѣкъ двадцать пять вооруженныхъ и, стрѣляя, выказали намѣреніе окружить заамурцевъ. Положеніе становилось опаснымъ.

Хунхузамъ не трудно было-бы справиться съ четырьмя солдатами.

Поручикъ Кислицынъ догадался снять шапку и, поднявъ ее здоровой рукой кверху, махалъ ею, какъ-бы приказывая идущимъ на помощь обойти импань съ фланга.

Хунхузы повѣрили маневру, прекратили пальбу и скрылись.

Это не остановило поручика. Онъ приблизился съ четырьмя солдатами къ импани и, такъ сказать, взялъ ее приступомъ, т. е. взломалъ ворота и вошелъ во внутренность двора.

Нѣсколько фанзъ, однѣ побольше, другія поменьше, были разбросаны по широкому двору. Стояли арбы съ запряженными въ нихъ мулами.

Очевидно, тутъ готовились къ выступленію въ походъ. Было тихо. Словно все вымерло. Поручикъ оставилъ часового у воротъ, а съ остальными вошелъ въ фанзу. Тамъ онъ увидѣлъ нѣсколько китайцевъ, будто предававшихся мирнымъ занятіямъ.

— Хунхузъ ю-мыю!—спросилъ поручикъ.

— Мьюла,—отвѣтилъ одинъ изъ китайцевъ.

Однако, обыскавъ фанзу, нашли оружіе, наши винтовки, взятыя у убитыхъ часовыхъ, и патронташи. Поручикъ вмѣстѣ съ оружіемъ арестовалъ и трехъ китайцевъ, изъ которыхъ одинъ казался особенно подозрительнымъ. Связавъ арестованныхъ и сложивъ забранное оружіе и патроны въ арбу, отправились обратно къ посту.

По дорогѣ китайцы изумлялись, что не видятъ солдатъ, шедшихъ на помощь четыремъ отважнымъ заамурцамъ, подъ командой офицера забравшимся въ импань, гдѣ было болѣе 30 человѣкъ хунхузовъ.

— Капитана, — говоритъ въ пути одинъ изъ китайцевъ, обращаясь къ Кислицыну, — ломайла

тебѣ, еслибъ мы знали, что у тебя всего четверо солдатъ.

А кровь изъ раны поручика Кислицына лила ручьемъ. Достигши поста на мосту рѣки Дунь-Ляохэ, онъ потерялъ сознаніе отъ потери крови и отъ перенесеннаго напряженія.

Я описываю этотъ фактъ, ярко характеризующій отвагу нашихъ заамурцевъ, охраняющихъ полотно дороги. Едва ли кто повѣритъ, что четыре солдата и одинъ офицеръ выступили противъ хорошо вооруженной шайки хунхузовъ и не только одолѣли ее, но и отобрали оружіе, арестовавъ главныхъ разбойниковъ, а между тѣмъ это совершенно такъ, какъ я описалъ.

Старшій арестованный прикинулся «купезой», но это оказался типичный «пристанодержатель» и, пожалуй, самъ атаманъ шайки, что онъ на допросѣ, впрочемъ, упорно отрицалъ. Его постигла «законная участь». Ему отрубили голову. Но сколько такихъ еще гуляетъ по обширнымъ полямъ Манджуріи?

Сяо-цун-зыръ (эпопея „маленькаго" разбойника).

27 января 1905 г

Я видѣлъ его, Сяо-цун-зыра, подъ крѣпкимъ карауломъ въ маленькой свѣтлой комнаткѣ, въ зданіи штаба Заамурскаго округа. Ранѣе я слышалъ о немъ отъ русскихъ и китайцевъ, ведущихъ торговыя дѣла съ Монголіей. Это гроза цѣлой области. Этотъ маленькій человѣчекъ съ глазами, горящими, какъ у голоднаго волка ночью, наводилъ страхъ на весь округъ Дунь-Ляохе, Куанченцзы, Гуньчжулинъ и далѣе вглубь Монголіи.

У маленькаго разбойника, попавшаго къ намъ въ руки, благодаря неусыпной дѣятельности штаба Заамурскаго округа, имѣется своя исторія и даже цѣлая эпопея.

Сяо-цун-зыръ происходитъ изъ китайской семьи, исповѣдующей католицизмъ, слѣдовательно христіанской семьи, живущей въ извѣстномъ въ Манджуріи миссіонерскомъ округѣ Тапа-діа-за.

Едва Сяо-цун-зыръ подросъ, его опредѣлили въ миссіонерскую школу, но душа его еще съ дѣтства обнаруживала бурныя наклонности. Въ теченіе трехъ дней, проведенныхъ въ стѣнахъ школы, онъ передрался со всѣми маленькими товарищами, кое-кому переломалъ ребра, а кому вывихнулъ пальцы и бѣжалъ, спасаясь отъ заслуженнаго наказанія, въ городъ Бодунэ, къ дядѣ. Послѣдній принялъ племянника и нѣкоторое время держалъ у себя въ качествѣ свинопаса. Рѣзвость и крайне бурный характеръ мальчугана заставили дядю призадуматься надъ его участью. Къ чему приспособить эту загадочную натуру? Какое дать ей направленіе?

И дядя опредѣлилъ племянника въ ямынь фудутуна помощникомъ палача...

Нѣсколько лѣтъ мальчикъ учинялъ допросы «съ пристрастіемъ» подсудимымъ бодунэскаго фудутуна, ломалъ имъ кости, давилъ въ колодкахъ, досчатыхъ тискахъ, такъ что только кости хрустѣли, и зарабатывалъ своей жестокой профессіей отъ сорока до пятидесяти дяо въ годъ, т.-е. около двадцати пяти рублей, что составитъ немного болѣе двухъ рублей въ мѣсяцъ.

Однако ремесло палача, повидимому, не удовлетворяло бурныхъ потребностей Сяо-цун-зыра, и онъ оставилъ свою должность, когда ему минуло 17 лѣтъ, и поступилъ въ солдаты. Служба его текла довольно счастливо. Энергія и ловкость

молодого солдата были замѣчены и оцѣнены по достоинству: его повысили въ унтеръ-офицеры и вскорѣ даже назначили исправляющимъ высшую должность съ присвоеніемъ стекляннаго шарика 6-й степени. Но спустя нѣкоторое время что-то приключилось съ маленькимъ и ловкимъ китайцемъ, безъ всякаго образованія достигшимъ у китайскихъ властей нѣкотораго успѣха по службѣ. Фудутунъ намѣревался арестовать Сяо-цун-зыра и подвергнуть наказанію, быть можетъ обезглавленію. Это побудило офицера китайской милиціи бѣжать въ Монголію, гдѣ онъ сдѣлался хунхузомъ и вскорѣ, благодаря своей ловкости, жестокости и непреклонной волѣ, попалъ въ атаманы шайки.

Послѣ Тулисана, шайка Сяо-цун-зыра была самая грозная.

Она дѣлала много бѣдъ, грабила безъ пощады, убивая сопротивляющихся, высасывая всѣ соки трудолюбиваго земледѣльческаго населенія.

Но вотъ разыгралась кровавая драма на Дальнемъ Востокѣ. Японцы еще до объявленія войны стремились войти въ дружественныя сношенія съ атаманами большихъ шаекъ; нѣкоторые дали обѣщаніе присоединиться къ нимъ, когда наступитъ время, а нѣкоторые, въ томъ числѣ и Сяо-цун-зыръ, вступили въ переговоры съ «тифангуанами» и «фудутунами» о переходѣ на службу со своими шайками въ милицію цзянь-цзюней.

Сяо-цун-зыръ изъ маленькаго волка, грабившаго манджурское населеніе, превратился въ «шибко болсого» капитана. Еще-бы—онъ разбогатѣлъ грабежомъ, пріобрѣвъ такимъ образомъ возможность заплатить крупную взятку тифангуану изъ Тападьязы, который выхлопоталъ недавнему разбойнику чинъ ротмистра китайской милиціи, опредѣлилъ его со своей шайкой на службу къ мукденскому цзянь-цзюню, а послѣд-

ній, въ свою очередь, подчинилъ его тападьязскому тифангуану.

Съ этого момента волкъ манджурскихъ полей, гроза селъ и городовъ, превратился въ энергичнаго командира коннаго отряда китайской милиціи. Онъ не только прекращаетъ грабежи и разбои, но, наоборотъ, защищаетъ свой округъ отъ хунхузовъ, съ коими ведетъ борьбу, которыхъ уничтожаетъ безпощадно; мало того, строго наказываетъ своихъ бывшихъ разбойниковъ за причиненныя ими обиды мирнымъ пахарямъ и горожанамъ.

Молодой, всего 25 лѣтъ отъ роду, и энергичный китайскій «капитанъ», изъ бывшихъ пастуховъ, затѣмъ палачей и неумолимыхъ предводителей хунхузовъ, не могъ не обратить на себя вниманія японцевъ. Послѣдніе нѣсколько разъ посылали къ нему своихъ делегатовъ съ предложеніемъ перейти къ нимъ на службу. Ему присылали и денегъ и обмундировку для его солдатъ-хунхузовъ, но Сяо-цун-зыръ энергично отрицаетъ свое участіе въ качествѣ японскаго наемника, хотя его набѣги на желѣзнодорожную линію съ точностью установлены. Большинство людей его шайки вооружены винтовками и патронами, отнятыми у нашихъ убитыхъ солдатъ.

Городъ Тападьязы находится въ треугольникѣ между станціями Гуньжулинъ-Куанченцзы, верстахъ въ сорока отъ желѣзнодорожнаго пути. Это крупная миссіонерская колонія. Тамъ живетъ нѣсколько миссіонеровъ, изъ которыхъ наибольшей извѣстностью пользуется французскій миссіонеръ Фоссеръ.

Въ этомъ раіонѣ расположился Сяо-цун-зыръ съ своимъ отрядомъ или вѣрнѣе шайкой, и, разумѣется, такая близость хунхузовъ, хотя и стоящихъ у мукденскаго цзянь-цзюня, но фактически находящихся подъ вліяніемъ японцевъ, не могла

не безпокоить бодрствующихъ на охранѣ линіи заамурцевъ. Они слишкомъ хорошо знали бывшаго атамана разбойничьей шайки, замаскированнаго павлиньимъ перомъ и шарикомъ 5-го класса.

Въ это же время усилились нападенія на желѣзнодорожную линію, и извѣстный нашимъ читателямъ ротмистръ заамурскаго округа пограничной стражи Линицкій повелъ съ ними энергичную и непрерывную борьбу. Атаманы хунхузовъ прекрасно знали русскаго «капитана», подстерегающаго ихъ буквально на всѣхъ перекресткахъ.

И дѣйствительно ротмистръ Линицкій обладаетъ особыми качествами. Я познакомился съ этимъ типичнымъ выходцемъ изъ сердца Малороссіи еще въ сентябрѣ прошлаго года въ Кайюани. Странный офицеръ. Онъ соединяетъ въ своей типичной особѣ кротость голубя съ мудростью или хитростью змѣи и смѣлостью льва. Онъ заманилъ Толокадо съ его шайкой, о чемъ я писалъ еще въ декабрѣ прошлаго года, онъ же велъ борьбу съ Сяо-цун-зыромъ и, въ концѣ концовъ, не только уничтожилъ его шайку, но и его самого искусно завелъ въ ловушку, поймалъ и вмѣстѣ съ трофеями: оружіемъ, лошадьми, патронами и вьюкомъ, доставилъ въ Харбинъ, въ штабъ заамурскаго округа, гдѣ мнѣ удалось лично любоваться этимъ энергичнѣйшимъ и самымъ ловкимъ изъ манджурскихъ разбойничьихъ атамановъ.

Вотъ подробности поимки этого руководителя хунхузскихъ шаекъ. Второго января ротмистръ Линицкій выступилъ съ сотней изъ мѣста своей стоянки на городъ Сіо-ченцзы. На пути слѣдованія распускались умышленно ложныя свѣдѣнія о цѣли движенія отряда. Какъ разъ въ это время наши развѣдчики донесли, что въ Монголіи происходитъ какое-то движеніе, что крупныя шайки въ нѣсколько тысячъ всадниковъ, подъ предво-

дительствомъ японцевъ, движутся изъ Харбашаня на линію желѣзной дороги. Ротмистръ Линицкій воспользовался этими слухами, утверждая на всѣхъ привалахъ, что движется съ своей 16-й сотней на встрѣчу шайкамъ, предводительствуемымъ японцами, въ Харбашань.

На зарѣ третьяго января, подъ покровомъ густого тумана, бѣлыми волнами стлавшагося по полямъ, сотня приблизилась къ деревнѣ Си-дято-вона. Вблизи этой деревни находился постъ китайской милиціи изъ отряда Сяо-цун-зыра. Милиціонеры помѣщались въ импани, окруженной лѣсомъ. Наша сотня подошла къ посту незамѣтно и окружила его. Въ импани оказались люди Сяоцун-зыра, но его самого не было. Пришлось объяснить милиціонерамъ, что ихъ ошибочно сочли хунхузами, и послѣ короткаго привала сотня поскакала дальше, взявъ направленіе на другое село къ сѣверу, показывая этимъ, что главная цѣль нашего отряда—Харбашань.

Послѣ ночлега въ деревнѣ Ян-да-ченцзы сотня Линицкаго выступила на юго-западъ, гдѣ въ одной изъ попутныхъ деревень предполагался другой постъ Сяо-цун-зыра. На пути выяснилось, что отрядъ обнаруженъ солдатомъ Сяо-цун-зыра, ускакавшимъ, по показанію мѣстныхъ жителей, на постъ; тамъ несомнѣнно и находился капитанъ китайской милиціи, бывшій атаманъ грабителей.

Открыто двигаться на постъ было безполезно. Сяо-цун-зыръ, конечно, не сталъ бы дожидаться приближенія русскихъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ всей разбойничьей душой и въ то-же время боялся пуще огня. Пришлось хитрить, лавируя по полямъ и деревнямъ. На ночлегъ въ одномъ изъ поселковъ явился безоружный солдатъ Сяоцун-зыра. Онъ разсказалъ о своихъ недоразумѣніяхъ съ своимъ атаманомъ, о грозящихъ ему

якобы непріятностяхъ, о желаніи начальника учинить надъ нимъ судъ и расправу, что побудило его бѣжать къ русскимъ.

— Кантами!—говорилъ онъ командиру 16-й сотни, дѣлая движеніе рукой вокругъ шеи.

Опытный ротмистръ выслушалъ солдата и предложилъ ему остаться при отрядѣ въ качествѣ проводника на Монголію. Вахмистру-же своему приказалъ не спускать глазъ съ китайскаго солдата, но и не препятствовать его намѣренію бѣжать. Дѣйствительно, едва надвинулись сумерки, солдатъ Сяо-цун-зыра исчезъ. Его, впрочемъ, никто и не искалъ.

На разсвѣтѣ 6-го января сотня выступила въ путь и, кружа по селамъ и деревнямъ, къ вечеру, сдѣлавъ переходъ въ семьдесятъ пять верстъ, нагрянула на берлогу манджурскаго волка Сяо-цун-зыра.

Это было на одномъ изъ постовъ его милиціонеровъ. Отставной палачъ, а нынѣ капитанъ китайскихъ войскъ, находился въ импани вмѣстѣ съ своими людьми. Разбойничью крѣпостцу окружили. Заамурцы ураганомъ налетѣли, и Сяо-цун-зыру ничего не осталось какъ сдаться.

И онъ сдался съ оружіемъ и бывшими хунхузами. На допросѣ онъ отрицалъ свою прикосновенность къ японской арміи, отрекался отъ набѣговъ на линію желѣзной дороги съ разрушительными намѣреніями, но запирательства ни къ чему не привели. Отношенія китайскаго капитана Сяо-цун-зыра къ японцамъ, набѣги на дорогу и прочее установили съ несомнѣнною точностью.

Главная привычка Сяо-цун-зыра, безъ которой онъ дня прожить не можетъ—это куреніе опіума. Упорное молчаніе «маленькаго Цунъ-зыра» вынудило лишить его куренія любимаго яда, и въ три дня горящій взоръ волка потухъ, желтое лицо осунулось и въ чертахъ запечатлѣлись слѣды

страданій. Непреклонная воля атамана ех-палача и офицера была сломана. Онъ предложилъ не только разсказать откровенно все, все, безъ утайки, но, если ему дарують жизнь, оказать и милліонъ услугъ, неоцѣнимыхъ деньгами и даже его собственной головою.

Какъ поступитъ начальство съ бывшимъ кровопійцей, я не знаю.

Еще одна подробность. Лишь только капитанъ Сяо-цун-зыръ очутился въ клѣткѣ, хунхузы, съ нимъ враждовавшіе, ожили, что выразилось въ смѣломъ до наглости приближеніи къ полотну дороги, но сотня заамурцевъ нѣсколько дней тому назадъ подкараулила шайку въ нѣсколько сотъ хунхузовъ и всю ее уничтожила.

Этотъ лихой набѣгъ совершила сотня русскихъ людей подъ командой подполковника Троскова вмѣстѣ съ ученикомъ ротмистра Линицкаго, поручикомъ Павловымъ-Сильванскимъ. Китайцы сами утверждаютъ, что изъ этой шайки едва-ли спаслось болѣе 20 человѣкъ.

Туда имъ и дорога. Собакамъ, вѣрнѣе волкамъ—волчья смерть.

Трагедія на хунхузской свадьбѣ.

Леванчанъ—богатый хунхузъ. Онъ издавна занимается своимъ разбойничьимъ ремесломъ и успѣлъ накопить груды всякаго имущества и даже золота, которыя, говорятъ, хранятся въ надежныхъ мѣстахъ. Леванчану уже 50 лѣтъ, но его желтое лицо кажется совсѣмъ еще молодымъ. У него, какъ у разжившагося разбоемъ китайца, двѣ «бабушки», одна старая, съ прогнившими зубами и

тусклыми очами, отъ злоупотребленія опіумомъ, и одна молодая, круглолицая, съ быстрыми глазками и бѣлыми, какъ слоновая кость, зубами.

Первую «бабушку» Леванчанъ почиталъ за ея хозяйственность, умѣнье вышивать на всякіе манеры и, главное, за то, что въ первый годъ ихъ супружеской жизни она подарила ему сына, здороваго мальчугана съ блестящей темно-бронзовой кожей на тѣлѣ.

Этотъ мальчикъ являлся гордостью отца.

— О, изъ него выростетъ хунхузъ,—съ восторгомъ произносилъ Леванчанъ, играя въ минуты отдыха отъ набѣговъ на бѣдныхъ мирныхъ жителей съ пузатымъ мальчишкой.

По мѣрѣ того, какъ сынъ подросталъ, отецъ бралъ его въ набѣги, училъ стрѣлять изъ лука, револьвера и ружья. Въ промежутки сельскій бонза посвящалъ мальчика въ тайны буддизма и смыслъ іероглифовъ.

Когда сыну Леванчана минуло восемнадцать лѣтъ, наступила пора женить его, что очень озабочивало стараго хунхуза и старую «бабушку» (мать).

— Тяжелые времена,— говорилъ онъ своимъ товарищамъ и сподвижникамъ по разбоямъ.— Русъ тѣснитъ и не даетъ грабить мирныхъ жителей. Какой странный народъ эти русы? И что имъ за дѣло до глупыхъ манзюковъ, которыхъ мы стрижемъ и бреемъ, какъ барановъ? На то манзюкъ въ Манджуріи, чтобы хунхузъ не дремалъ и грабилъ его, чернорабочаго идіота.

Былъ Леванчанъ и у японцевъ. Обѣщали они ему большое жалованье и всякія милости, но обѣщаніе не держали, отчего шайка возмущалась и уходила грабить жителей селъ и городовъ.

А тутъ, какъ на бѣду, подросъ мальчикъ. Ему нужна бабушка. Хунхузы не любятъ холостыхъ

атамановъ. Стараго атамана Леванчана могутъ убить и некому будетъ замѣнить его.

И рѣшилъ старый Леванчанъ женить сына, и пошли его друзья искать по деревнямъ подходящую невѣсту для опытнѣйшаго изъ хунхузовъ.

Въ двадцати пяти верстахъ отъ станціи Факумынь, въ сѣверо-западу, лежитъ большое село Кудяза, окруженное высокимъ глинянымъ забором, у ногъ котораго распростерты поля. Каждую весну манзы селенія обрабатываютъ свои квадратики, въ теченіе цѣлаго лѣта ухаживаютъ за своими грядками, очищая ихъ отъ сорныхъ травъ и булыжника. Осенью растенія съ полей убираются, и жизнь манзюка обезпечена до слѣдующаго года. Осенью онъ женитъ своихъ сыновей, осенью просватываютъ дѣвицъ, воскуривая ѳиміамъ передъ богами, кладя имъ земные поклоны и принося жертвы бонзамъ.

Въ Кудязѣ росла красивая дѣвушка, дочь манзы Ли. Ей минуло тринадцать лѣтъ. Она еще, правда, мало подросла, но ея пышный бюстъ и естественный румянецъ на бронзовыхъ щечкахъ, ея быстрые, какъ у газели, и темные, какъ манджурская ночь, глаза приковывали вниманіе всѣхъ, кто хоть разъ видѣлъ ее на чистомъ дворѣ, между рядами фанзъ и хозяйственныхъ пристроекъ.

Всѣ деревенскіе парни, послушные сыны манзюковъ, въ тайнѣ мечтали объ обладаніи прекрасной дочерью Ли. Въ тиши ночной, гуляя на просторѣ полей и напѣвая родные мотивы, съ тоской мечталъ о прекрасной манджуркѣ двадцатилѣтній сынъ сосѣда Ли, манзы Чу. Отецъ обѣщалъ сыну высватать красавицу-сосѣдку, но Ли не отвѣчалъ ни да, ни нѣтъ. Послѣдній какъ-то неопредѣленно мычалъ, глядя вдаль, а когда сосѣдъ приставалъ къ нему, ставя вопросъ ребромъ, онъ просилъ мало-мало обождать.

Между тѣмъ хитраго Ли нерѣдко навѣщалъ

атаманъ шайки Леванчанъ. Онъ всегда пріѣзжалъ со своими хунхузами, которымъ предоставлялъ распоряжаться во всѣхъ фанзахъ, кромѣ Ли; у него онъ самъ находилъ пристанище вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, восемнадцатилѣтнимъ Джу.

— Слушай, Ли,—сказалъ въ одну изъ темныхъ осеннихъ ночей атаманъ хунхузовъ.—Мы идемъ разрушить желѣзную дорогу русскихъ. Завтра къ ночи вернемся, и я пошлю къ тебѣ сватовъ. Понимаешъ, мой сынъ долженъ жениться на твоей дочкѣ.

— Хау!—отвѣчалъ манза, поднимая въ знакъ почтенія и согласія толстый палецъ кверху, нѣсколько отогнувъ его назадъ. — Хау! присылай подарки, и дочь моя пойдетъ къ твоему сыну.

Нападеніе на желѣзную дорогу не удалось. Хунхузы были отогнаны «двумя солдатами» заамурцами, изъ коихъ одинъ «разсыпался, въ цѣпь», а другой остался «въ лезервѣ», какъ они сами донесли объ этомъ по начальству.

Хунхузы возвратились въ селеніе Кудяза, и Леванчанъ засваталъ для своего сына красивую дочку манзы Ли. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, женихъ прислалъ невѣстѣ богатые дары, пару носилокъ и музыкантовъ, лично явившись вслѣдъ за ними.

Послѣ поклоновъ родителямъ невѣсты и передъ богами, къ нему вывели манджурку, накрытую покрываломъ изъ красной шелковой фанзы. Невѣста сѣла въ однѣ носилки, женихъ въ другія и, предшествуемые музыкантами, извлекавшими изъ своихъ инструментовъ невозможно дикіе звуки, отправились въ другой конецъ деревни, гдѣ молодой избралъ фанзу для брачной ночи.

Сынъ манзы Чу, съ невыразимой тоской прижимая руки къ груди, бѣжалъ безъ оглядки по большой дорогѣ къ станціи Факумынь. Злоба и ревность душили его. Онъ шепталъ невнятныя слова, вѣроятно призывая проклятія на голову хунхуза, отбившаго у него невѣсту.

Прибѣжавъ на станцію, онъ разыскалъ ротмистра, начальника поста.

— Куда прешь, манза?— остановилъ его вѣстовой, пораженный блуждающимъ взоромъ пришедшаго китайца.

— Капитана, капитана,—лепеталъ парень, сжимая кулаки.—Моя хочетъ, капитана... хуза ю Кудяза... Минога, шибко минога хуза... Иглабъ-иглой.

Привели китайца къ ротмистру, командиру 38 сотни заамурскаго округа, Безладнову. Позвали переводчика, и китаецъ сообщилъ о хунхузахъ, пирующихъ въ деревнѣ Кудяза на свадьбѣ сына Леванчана.

Сотня вмигъ выстроилась и на рысяхъ отправилась къ деревнѣ Кудяза. Уже свѣтало, когда высланная впередъ полусотня, подъ командой поручика Чмелева, приблизилась къ деревнѣ. Хунхузы встрѣтили заамурцевъ огнемъ, но послѣдніе ворвались въ деревню и начали работу въ рукопашную. Во время подоспѣла другая полусотня подъ командой поручика Кистовскаго.

Хунхузы, видя себя окруженными, бросились бѣжать. Нѣкоторые даже не успѣвали сѣсть на своихъ коней. Шайка была частью разбита и разсѣяна.

Въ рукахъ заамурцевъ остались въ видѣ трофеевъ хунхузскія лошади, винтовки, патроны и сѣдла. Нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и самого сына Леванчана, захватили живыми.

У насъ убитъ рядовой Тарасъ Отченашъ и раненъ конь «Ардаганъ».

Когда бой стихъ и въ воздухѣ замерли послѣдніе выстрѣлы, влюбленный сынъ сосѣда Ли пробрался въ фанзу, гдѣ находилась молодая. Юная красавица сидѣла на канѣ и тряслась отъ страха, какъ въ лихорадкѣ.

Отверженный долго любовался своей красавицей, но она словно не замѣчала его. Онъ пробовалъ окликнуть ее, но послѣдняя упорно молчала, трясясь всѣмъ тѣломъ и глядя въ землю.

— Красавица,—съ нѣжностью, возможной для молодого манзы, произнесъ парень, придвигаясь къ молодой манджуркѣ,—я люблю тебя!.. Я люблю тебя больше Нирваны, обѣщанной намъ святымъ Буддой, я обожаю тебя больше всѣхъ благъ нашей страны! Будь моей женой, мы пойдемъ къ русскимъ! О, русски хау! Хорошіе люди русскіе! Они не даютъ насъ въ обиду хунхузамъ...

Но красавица молчала. Въ фанзѣ было тихо. Со двора и улицы долеталъ неясный говоръ людей, топотъ и отдѣльные крики, непонятные манзамъ.

— Красавица! Ты молчишь?

Молодой китаецъ приблизился къ китаянкѣ и нѣжно обвилъ ея шею своими руками.

— Не бойся, голубка,—страстно шепталъ онъ, крѣпче и крѣпче прижимая ее къ своей груди.— Мы съ тобой зажив...

На порогѣ фанзы, словно дьяволъ изъ преисподней, выросъ Леванчанъ. Его лицо было перекошено отъ злобы, глаза налиты кровью. Да, казалось, это былъ не человѣкъ, а самъ чортъ въ образѣ человѣка, прицѣлившійся винтовкой въ приникшую другъ къ другу парочку... Грянулъ выстрѣлъ, другой, и къ кану тихо склонились, сжавъ другъ друга въ своихъ объятіяхъ, молодой китаецъ съ красавицей манджуркой...

Когда на выстрѣлы въ фанзу явились русскіе

въ сопровожденіи толпы мѣстныхъ жителей, тамъ нашли два еще неостывшихъ трупа.

Мукденскія сраженія.

7-го марта 1905 г.

Минуя «пресловутый» набѣгъ на Инкоу, набѣгъ, кстати сказать, прозванный какимъ-то зоиломъ изъ дѣйствующей арміи, «наползомъ» (отъ глагола ползать),—и операціи подъ Сандепу, перехожу къ впечатлѣніямъ послѣднихъ боевъ на правомъ флангѣ подъ Мукденомъ. Описываю только-то, что самъ видѣлъ и испыталъ.

Приступить къ описанію происходившихъ передъ моими глазами событій тотчасъ, непосредственно послѣ этихъ событій, я не могъ. Четверо сутокъ я провелъ въ боевой линіи, а пятыя сутки находился при отступленіи отъ Мукдена къ Телину. Онѣ произвели на меня потрясающее впечатлѣніе... Нервы отъ непривычнаго напряженія пришли въ такое состояніе, что первые дни послѣ того, какъ мнѣ удалось выбраться изъ линіи огня, меня неотступно преслѣдовали грохотъ орудій, тарахтѣнье пулеметовъ,—отвратительная музыка, способная доставить не мало волненій самому отчаянному любителю «самыхъ сильныхъ ощущеній», — сухіе звуки пачечнаго огня и гудѣнье бризантки шимозе, отъ звука которой, по пословицѣ, «душа въ пятки уходитъ».

Стоило закрыть глаза, и передъ мною выростали цѣпи, движущіяся и лежащія, съ чуть-чуть приподнятыми головами, или кучки раненыхъ съ усталыми, измученными лицами, въ выраженіи которыхъ можно было прочесть одно тупое равно-

душіе ко всему, кромѣ болящей раны, наскоро перевязанной окровавленной тряпкой.

Въ такомъ состояніи о работѣ нечего было и помышлять...

Являлась, кромѣ того, необходимость въ оріентировкѣ, въ обработкѣ фактовъ, не поддаваясь личнымъ впечатлѣніямъ, нерѣдко могущимъ привести къ неправильнымъ выводамъ.

Итакъ, попытаюсь разобраться въ происходившихъ передъ моими очами событіяхъ.

Начну съ праваго фланга. На лѣвомъ я лично не участвовалъ вслѣдствіе значительной отдаленности боевой линіи отъ станціи Мукденъ. Боевая обстановка на правомъ флангѣ вдругъ приняла совершенно неожиданный оборотъ. Кажется, 16-го февраля большая колонна противника появилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мукдена къ сѣверо-западу, вблизи, такъ называемой, Синминтинской дороги.

Тамъ находился въ люнетѣ незначительный отрядъ нашей пѣхоты съ нѣсколькими орудіями и пулеметами, которые встрѣтили нежданнаго гостя съ такимъ «радушіемъ», что маленькіе солдатики, одѣтые въ желтаго цвѣта балахоны поверхъ теплыхъ безрукавокъ, шарахнулись, какъ угорѣлые, назадъ, бросившись по направленію Синмитинской дороги.

Очевидно, это была авангардная колонна, обошедшая нашъ правый флангъ у Синминтина, т. е. черезъ нейтральную полосу. Мы уже имѣли свѣдѣнія о занятіи японцами Синминтинской желѣзной дороги, принадлежащей, какъ извѣстно, англійской акціонерной компаніи. Такимъ образомъ, у нашего противника явилась лишняя «база», усиливавшая его какъ для маневрированія, такъ и для подвоза боевыхъ снарядовъ и продовольствія.

Затѣмъ слѣдуетъ рядъ чрезвычайно удачныхъ

для насъ боевъ на лѣвомъ флангѣ, въ арміи генерала Линевича, нынѣ главнокомандующаго нашими вооруженными сухопутными и морскими силами на Дальнемъ Востокѣ, иначе говоря, на театрѣ военныхъ дѣйствій.

На фронтѣ арміи генерала Линевича не только отбиваются многочисленныя яростныя атаки японцевъ съ огромнымъ для нихъ урономъ, но, въ концѣ концовъ, дивизіи сибирскихъ стрѣлковъ сами переходятъ въ наступленіе и сгоняютъ непріятеля съ укрѣпленныхъ позицій.

Положеніе можно было до 20-го февраля считать положительно блестящимъ. Корпусъ генерала Засулича жестоко отомстилъ японцамъ за тюренченскую неудачу, уничтоживъ почти всю гвардію. Говорятъ, былъ моментъ, когда генералъ Даниловъ съ его дивизіей оказался окруженнымъ. Но доблестный начальникъ не только не отступилъ передъ хитрымъ врагомъ, но бился съ такимъ мужествомъ, что отъ окружавшей его арміи остались жалкія отребья, бѣжавшія въ паническомъ страхѣ, побросавъ оружіе и припасы.

Но все это относится къ лѣвому флангу, гдѣ, повторяю, я лично быть не могъ. Съ 19-го февраля слѣдуетъ считать настоящее начало боя на правомъ флангѣ. Оба противника сблизились настолько, что въ нѣкоторыхъ участкахъ цѣпи залегли въ разстояніи тысячи или полуторы тысячи шаговъ другъ отъ друга.

Штабъ командующаго второй арміей генерала Каульбарса находился въ деревнѣ Хау-Хо, небольшомъ селеніи изъ двухъ-трехъ десятковъ фанзъ, расположенныхъ у подножія древней башни Тхаваны.

Деревня Хау-Хо построена на возвышенности, съ которой легко наблюдать за происходящимъ на впереди лежащей мѣстности.

У подножія этой возвышенности тянется Син-

минтинская дорога. Вокругъ амфитеатромъ расположился рядъ деревень: Тинзятунь, Люзя-хуань, Ташичао, Чуанванче, Цынхантунь и Юхуантунь—Мадяпу, вплоть до полотна желѣзной дороги, откуда начинается фронтъ расположенія третьей арміи, или центра.

Разстояніе боевой линіи отъ станціи — всего 6—7 верстъ.

Въ теченіе дня 19-го февраля (воскресенье) происходитъ маневрированье силъ, занимающихъ свои боевые участки. По полю движутся въ различныхъ направленіяхъ полки и батальоны. Такъ, у маленькой деревушки расположился обозъ, далѣе впереди, батальонъ, словно кротъ, роется въ землѣ, устраивая люнетъ, справа громко шумитъ батарея, а еще впереди версты на полторы высоко на небѣ виднѣются дымки: это разрывы шрапнелей.

Отправляюсь въ компаніи нѣсколькихъ корреспондентовъ, изъ среды которыхъ выдѣляется длинная, смѣшная фигура американца мистера Литль, представителя газеты «Чикаго Нюсъ», въ передовую линію. Къ намъ присоединяется извѣстный петербуржцамъ художникъ Бакмансонъ и фотографъ Булла.

Послѣдній совсѣмъ еще мальчикъ, симпатичный и скромный. Его нерѣдко видятъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ съ аппаратомъ. Храбрый и славный юнецъ производитъ на всѣхъ отличное впечатлѣніе.

Мы спускаемся съ горы и направляемся къ деревнѣ, лежащей впереди Хау-Хо, въ разстояніи 1½—2 верстъ. Тамъ стоятъ обозы и артиллерійскіе парки. Мы продвигаемся дальше.

Ровное поле, почти безъ складокъ. Справа и слѣва слышатся рѣдкіе выстрѣлы, впереди копошится кучка людей. Подъѣзжаемъ. Батальонъ сооружаетъ сомкнутое укрѣпленіе, такъ назы-

ваемаго полевого профиля. Булла немедленно пристраивается съ аппаратомъ и снимаетъ картину, которую слѣдуетъ озаглавить «позиція передъ боемъ».

Сдѣлавъ нѣсколько снимковъ, мы садимся на коней и скачемъ влѣво, откуда доносится неясный грохотъ ружейной перестрѣлки.

Проскакавъ четверть часа, случайно попадаемъ въ боевую линію между залегшими цѣпями нашихъ стрѣлковъ и японской пѣхоты. Разумѣется, это была случайность, которая могла стоить жизни одному или нѣсколькимъ изъ нашей кавалькады. Пули засвистѣли буквально между ногами коней и надъ нашими головами.

Солдаты нашей цѣпи поднимаютъ головы и съ любопытствомъ смотрятъ на насъ, очевидно, не понимая, въ чемъ дѣло. Первый приходитъ въ себя художникъ Бакмансонъ.

— Господа! — нѣсколько дребезжащимъ голосомъ обращается онъ къ намъ. – Куда мы попали? Мы заблудились... Насъ могутъ убить ни за что ни про что!.. Мы не для этого пріѣхали сюда...

Умные монгольскіе кони, окрещенные нами «манзюками», пофыркиваютъ, шевелятъ торчащими въ стороны ушами, предупреждая по-своему о грозящей опасности.

Разумѣется, мы вмигъ направили своихъ четвероногихъ въ обратную сторону и сами «пулями» вылетѣли изъ сферы огня. Пробродивъ по позиціямъ, гдѣ бой еще не разгорался, вернулись передъ солнечнымъ закатомъ къ деревнѣ Хау-Хо. Тамъ происходила оживленная дѣятельность. То пріѣзжали, то отправлялись въ разныя стороны ординарцы. Генералъ Каульбарсъ работалъ въ фанзѣ, составляя диспозицію на ночь и слѣдующій день.

Вскорѣ послѣ нашего возвращенія командую-

щій со своимъ штабомъ направился къ башнѣ Тхаваль, гдѣ былъ приготовленъ обсерваціонный пунктъ изъ мѣшковъ съ зерномъ.

Генералъ взошелъ на верхнюю площадку и принялся разсматривать впереди лежащую мѣстность въ подзорную трубу.

— Занять генералу Д. вонъ тѣ бугры слѣва— слышу отчетливое распоряженіе.

Я стою у обрыва, вблизи извивающейся въ горы дороги. Мимо меня проходитъ полкъ въ колоннѣ «повзводно». Люди бодро шагаютъ. Офицера отъ рядового трудно отличить. Всѣ одѣты почти одинаково. Папахи обтянуты сѣрыми чехлами, лица въ пыли, но утомленія еще не замѣтно.

Наступаютъ сумерки, быстро смѣняющіяся густой тьмой. Всѣ отправляются на станцію на ночлегъ.

Завтра, въ понедѣльникъ, 20-го февраля, грянетъ бой, жестокій, безпощадный бой...

Съ надвинувшейся надъ раіономъ, охваченнымъ пожаромъ войны, темнотой выстрѣлы замерли. Теплый денекъ смѣнился холодной ночью, къ счастью, безъ вѣтра, приносящаго не мало огорченій нашему войску, располагающемуся отдыхать послѣ тяжелаго боевого дня на голой мерзлой землѣ.

Вернувшись на станцію, гдѣ имѣлъ ночлегъ, я обрадовался возможности отдохнуть послѣ проведенныхъ часовъ на полѣ сраженія. Однако, сонъ былъ неровный, безпокойный. Мнѣ все чудились выстрѣлы и маневрирующія войска. Еще было темно, когда въ воздухѣ пронеслись раскаты орудійныхъ залповъ. Отъ пальбы стекла задребезжали.

— Начинается!—произнесъ ординарецъ командующаго второй арміей, корнетъ Рыбасовъ, спавшій на полу, рядомъ съ моей походной постелью.

Ген.-лейт. Л. Н. Соболевъ.

Мы оба вскочили, какъ встрепанные и, не умываясь, осѣдлали коней и поскакали къ штабу генерала Гернгросса, также расположившемуся въ одной изъ фанзъ деревни Хау-Хо.

Темнымъ силуэтомъ впереди вырисовывалась высокая башня Тхавань, молчаливая свидѣтельница многихъ кровопролитныхъ войнъ. На темномъ фонѣ манджурской ночи она казалась величественнымъ гигантомъ, безстрастнымъ и равнодушнымъ къ грому орудій, кровавой распрѣ, стону раненыхъ и послѣднимъ судорогамъ умирающихъ.

Въ штабѣ 1-го сибирскаго стрѣлковаго корпуса всѣ уже были на ногахъ. Высокая фигура генерала Гернгросса стояла, нагнувшись надъ «двухверсткой», и казалась приникшей къ этимъ чернымъ точкамъ и тонкимъ извилистымъ линіямъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ его старшій адъютантъ, капитанъ генеральнаго штаба Давборъ, очень интересный офицеръ, серьезный и работящій, о которомъ всѣ отзывались съ высокой похвалой.

— Изъ этихъ двухъ деревень мы сегодня во что бы то ни стало должны вышибить непріятеля,—произнесъ генералъ.

— Тинзятунь и Чуанванче?—переспросилъ капитанъ Давборъ.

— Именно. Пошлите кого-нибудь къ полковнику Лешу съ приказаніемъ, что я жду отъ него рѣшительной атаки.

— Къ полковнику Лешу? — словно переспросилъ адъютантъ.—Этотъ самъ великолѣпно понимаетъ свою задачу. Этому и напоминать не къ чему. Пойди, онъ уже перешелъ въ наступленіе.

— Правѣе расположена бригада полковника Запольскаго, — задумчиво произноситъ генералъ Гернгроссъ.—Онъ человѣкъ рѣшительный. Вотъ,

еслибы ему удалось загнуть флангъ, могла бы сегодня рѣшиться участь Ташичао.

— Ваше превосходительство! — обращается къ генералу бравый подпоручикъ милиціи Дзюгаевъ, — чаю не прикажете-ли?.. Чай готовъ.

Подали мутную, темную жидкость подъ названіемъ чая. Пришли нѣсколько генераловъ: начальникъ штаба 1-го корпуса, начальникъ артиллеріи, явились ординардцы и корреспондентъ Табурно въ сопровожденіи мистера Литль, котораго здѣсь успѣли перекрестить въ Донъ-Кихота за его неимовѣрно тощее туловище на длинныхъ, тонкихъ ногахъ.

— А, господа криппаденты! — произнесъ кто-то изъ ординарцевъ и разразился хохотомъ: однако, сочувствія своей плоской квази-остротѣ ни у кого не встрѣтилъ. Стало почти свѣтло, и всѣ высыпали изъ штабной фанзы на высокую площадку впереди деревни, откуда наблюдали за развивающимся боемъ.

Глазамъ открывается странная панорама, причудливая, величественная и... грозная... страшная. Между станціей и деревнями, гдѣ происходитъ борьба, тянутся безконечной лентой артиллерійскіе парки. Это подвозятъ снаряды. Въ падяхъ, прикрывшись за деревнями, стоятъ обозы, ротныя кухни, немного впереди расположены резервы, а на горизонтѣ, высоко въ небѣ виднѣются дымочки разрывающихся шрапнелей. Они кажутся брызгами невидимаго фонтана, или причудливыми букетами, смѣняющими одинъ другой. Да, это представленіе, которое стоитъ не мало жизней, издали, съ высоты площадки у башни Хау-Хо, не кажется ни жестокимъ, ни гнуснымъ. Рѣдкая живая картина съ громомъ и молніей — ничего больше. Однако, подойдите поближе къ самой линіи огня и отъ этой картины вамъ «небо съ овчинку покажется».

Но вотъ скачетъ ординарецъ съ донесенiемъ отъ полковника Леша, и все вниманiе обращено къ нему, къ вѣстнику радости или печали. Верховой нижнiй чинъ, подъѣхавъ къ группѣ устремившихся къ нему офицеровъ, передаетъ одному изъ нихъ крошечный конвертикъ. Послѣднiй быстро вручается генералу, который, распечатавъ его, внятно читаетъ: «занялъ деревню Чуанванге, выбивъ непрiятеля штыками. Взяли испорченный пулеметъ и оружiе, брошенное бѣжавшимъ противникомъ».

Всѣ облегченно вздыхаютъ, нѣкоторые радостно крестятся, произнося «слава Богу».

Бой разгорается. Залпы орудiй доносятся справа, слѣва и съ поля впереди лежащей мѣстности. Количество разрывовъ увеличивается. Дзюгаеву поручается отправиться къ Лешу съ приказанiемъ.

— Корреспондентъ,—обращается ко мнѣ Дзюгаевъ,—если ны боишься, страха если твоя душа ны имѣетъ, поѣдемъ со мной туда...—И онъ указываетъ рукой на сѣверо-западъ, откуда доносится ружейная трескотня и ритмитическое тарахтѣнье пулеметовъ.

Разумѣется, «душа моя страха имѣетъ», но признаться стыдно, и я принимаю предложенiе храбраго кавказца.

— Въ чемъ дѣло?—подходитъ Табурно.

— Да вотъ, поручикъ предлагаетъ ѣхать къ деревнѣ Людзяхуань, которую сейчасъ будутъ брать штурмомъ.

— Позвольте и мнѣ поѣхать съ вами?—просится Табурно.

Черезъ двѣ-три минуты мы скачемъ по Симинтинской дорогѣ къ деревнѣ Людзяхуань, около которой происходитъ жаркiй бой.

Передъ отправленiемъ съ Дзюгаевымъ на участокъ полковника Леша привели нѣсколько плѣнныхъ японцевъ: одинъ фельдфебель съ нѣсколь-

кими обшивками вокругъ рукава изъ зеленоватой тесьмы и желтаго галуна, остальные рядовые. Всѣ маленькаго роста, солдаты кажутся мальчиками-подростками, повидимому изъ новобранцевъ, а фельдфебель значительно старше, обросъ черной бороденкой и сѣдѣющими усиками.

Приближаясь къ группѣ штаба генерала Гернгросса, онъ что-то шепталъ своимъ солдатамъ; вѣроятно, давалъ инструкціи, какъ держать себя, а главное, что показывать на допросѣ.

Всѣ были изъ арміи Ноги, прибывшіе изъ-подъ Портъ-Артура.

Разумѣется, «япоши» немедленно были окружены любопытными. Кто разсматривалъ ихъ одежду, щупая руками матерію, кто выворачивалъ мѣховую кофточку-безрукавку, поверхъ которой напяленъ желтый балахонъ изъ хаки, обязательно съ капюшономъ.

Одинъ изъ плѣнныхъ плюхнулся на землю и тихо застоналъ.

Онъ оказался раненымъ штыкомъ въ грудь. Конвойный стрѣлокъ перваго полка, взявшій въ плѣнъ всю группу, заявилъ, что онъ его «маленько штыкомъ пхнулъ въ грудь».

— За что?—спросили не безъ оттѣнка жалости и сочувствія къ раненому.

— Извѣстно, за что...—угрюмо отвѣтилъ стрѣлокъ.—Такъ что въ плѣнъ не сдавался, ну, я его и пхнулъ... Они презлющіе, только отойди, онъ чичасъ, это, сзади норовитъ выстрѣлить изъ винтовки...

Итакъ, познакомившись съ плѣнниками, я поѣхалъ къ деревнѣ Тинзятунь, гдѣ находился полковникъ Лешъ. Путь лежалъ по Синминтинтинской дорогѣ.

Влѣво отъ дороги, между безымянной деревней и Тинзятунь, происходилъ жаркій бой.

Цѣпи, кажется, перваго сибирскаго стрѣлко-

ваго полка, наступали на деревню Лидзяфань. Для наблюдателя корреспондента картина поразительная, величественная, если хотите, не безъ торжественности. На очень близкомъ разстояніи видишь наступающую часть и невольно поражаешься этими людьми, пренебрежительно относящимися къ летающей по всѣмъ направленіямъ смерти. На этотъ разъ я даже не видалъ, чтобы цѣпь ложилась, какъ полагается по уставу, и «дѣлала перебѣжки частями».

Это было шествіе впередъ, окружая деревню съ необыкновеннымъ спокойствіемъ. «Ученье, какъ на парадѣ», замѣчаетъ Табурно.

Падаютъ раненые, словно подкошенные, валятся убитые, но цѣпь на ходу смыкается и стремительно идетъ впередъ подъ страшную музыку изъ ритмическаго тарахтѣнья пулеметовъ, ружейной трескотни и разрыва воющей «шимозе» (бризантный, фугаснаго дѣйствія снарядъ) и шипящей шрапнели...

У перевязочнаго пункта мы останавливаемся посмотрѣть на раненыхъ и перевязку.

Здѣсь картина мѣняется... Это, такъ сказать, изнанка, оборотная сторона картины. Тутъ видишь разрушительное дѣйствіе смертоносныхъ снарядовъ, слышишь стоны раненыхъ, кровь, увѣчье... ужасъ и всю жестокую гнусность войны...

Вотъ — нѣсколько десятковъ стрѣлковъ, здоровыхъ, молодыхъ и, представьте себѣ, веселыхъ и довольныхъ. Они всѣ легко ранены, просятъ поспѣшить перевязкой, чтобы вернуться въ строй, «взгмуздать япошку». Такъ они выражаются. Повидимому, выраженіе сибирское, и я не совсѣмъ понимаю, что они хотятъ выразить словомъ «взгмуздать», но разспрашивать некогда. Тамъ лежитъ раненый на носилкахъ. Однако, на лицѣ не замѣчается отпечатка страданій, хотя

Ген.-маіоръ В. В. Церпицкій.

онъ не въ состояніи двинуть ногами.. Онѣ перебиты. Въ его глазахъ я вижу апатію отъ утомленія и полное равнодушіе ко всему происходящему.

А вотъ солдатикъ ползетъ на четвереenькахъ и стонетъ жалобно, жалобно, надрывая душу...

Бѣдняга! Осколки бризантки, отличающіеся кривизной и зубчатостью по краямъ, впились въ тѣло и причиняютъ сильно болѣзненныя ощущенія.

Перевязка производится нѣсколькими военными врачами въ фанзѣ, обстрѣливаемой съ трехъ сторонъ. Угодитъ въ нее пара бризантокъ, и отъ фанзы, врачей и раненыхъ останется груда труповъ...

Тѣмъ не менѣе работа происходитъ спокойно, безъ малѣйшей суеты. Въ двухъ мѣстахъ стоятъ котлы; въ нихъ кипятятъ воду. Раненые или сами подходятъ, или ихъ ведутъ подъ руки, или несутъ на рукахъ и носилкахъ.

Изъ перевязочнаго пункта мы удаляемся съ тяжелымъ чувствомъ, и стоны страдальцевъ преслѣдуютъ насъ, но чувство самосохраненія и смертные звуки снарядовъ, поющихъ свои странные, злобные напѣвы, быстро изглаживаютъ впечатлѣніе, произведенное картиной перевязочнаго пункта.

Дзюгаевъ лихо скачетъ, поощряя и насъ слѣдовать за нимъ. Шагахъ въ ста отъ деревни, гдѣ находился полковникъ Лешъ, опасность въ значительной степени увеличивается. Пули буквально летаютъ по всѣмъ направленіямъ, и только слышишь ихъ свистъ, особый, кажущійся пѣніемъ невѣдомой птички. Жужжанья не слышно, сталобыть, рикошетовъ нѣтъ. Если пуля просвистѣла, значитъ, она уже далеко впереди.

— Ваше благородіе! — обращается ко мнѣ вѣстовой Гудаевъ, рядовой третьей сотни погра-

ничной стражи, сопровождающій меня по распоряженію командира этой сотни.

— Чего тебѣ?

— Здѣся больно опасно... Не равенъ часъ, скотинку прибьетъ...—заботливо замѣчаетъ онъ, поглядывая на коней.

Дѣло въ томъ, что конь у меня, по наряду, казенный, и солдатъ опасается за гибель «казеннаго имущества». Имѣя въ виду лошадь, числящуюся по списку въ сотнѣ, я нахожу замѣчаніе Гудаева резоннымъ, тѣмъ паче, что и страхъ понемногу охватываетъ меня и, повидимому, умныхъ животныхъ, безпокойно вздрагивающихъ и нервно шевелящихъ ушами.

Высокая насыпь дороги, съ перекинутымъ черезъ высохшій ручеекъ мостомъ изъ дикаго камня, даетъ возможность укрыться, чѣмъ и спѣшимъ воспользоваться. Мимо насъ то и дѣло носятъ раненыхъ или ведутъ ихъ подъ руки. Нѣкоторые ковыляютъ, опираясь на ружье.

Проходитъ подъ конвоемъ партія плѣнныхъ. Между ними опять старшій, не то капралъ, не то фельдфебель. На груди нѣсколько японскихъ орденовъ, среди которыхъ обращаетъ на себя вниманіе звѣздообразный крестъ, говорятъ, соотвѣтствующій нашему Георгію.

Плѣнные при встрѣчѣ съ вами берутъ подъ козырекъ. Вообще японскіе плѣнники подкупаютъ своей дисциплинированностью. Даже раненый, видя приближающагося къ нему офицера, пытается приподняться и отдать честь.

Простоявъ немного подъ насыпью, любопытство беретъ верхъ, и я выглядываю на ту сторону дороги. Цѣпи скрылись. По полю видны нѣсколько убитыхъ людей и лошадей... Вдругъ, гудя, пролетаетъ бризантка, и я невольно ныряю подъ насыпью. Ей въ догонку летитъ другая, третья, и много, много другихъ. Оказывается,

ѣдутъ двуколки со снарядами. Японцы съ батареи замѣтили движенiе обоза и пытаются помѣшать ему подойти къ деревнѣ.

Улучивъ моментъ, мы садимся на коней и спѣшимъ выбраться изъ огня. Но это оказывается не легко выполнимой задачей. И наше движенiе замѣчено, и бризантки гудятъ, пролетая высоко надъ нашими головами. Уфъ, какъ страшно!.. И вѣстовой Гудаевъ замѣчаетъ, что ничего страшнѣе шимпанзе (такъ пограничники прозвали шимозе), не бываетъ...

— Она тебѣ рождество испортитъ, искалѣчитъ, а пуля што, пустяки, — съ пренебреженiемъ къ ружейному снаряду говоритъ Гудаевъ.

Однако, опасность увеличивается, и намъ приходится слѣзать съ коней и двигаться пѣшкомъ, ведя коней въ поводу и укрываясь насыпью дороги.

Мы миновали перевязочный пунктъ, но бризантки все летятъ и летятъ. Насыпь кончилась и приходится ѣхать по открытому мѣсту! По обѣимъ сторонамъ дороги торчатъ ветлы, тополя и осока.

— Остановимся!—предлагаетъ корреспондентъ «Новаго Времени», Табурно. — Переждемъ немного. Я знаю тактику японцевъ: они пообстрѣляютъ дорогу и перенесутъ огонь въ другое мѣсто.

Проходитъ нѣсколько тяжелыхъ минутъ ожиданiя, но японцы, повидимому, не намѣреваются искать новой площади для обстрѣла.

— Ѣдемъ,—рѣшительно замѣчаю я, занося ногу въ стремя.

Едва мы сѣли на коней, какъ они сами понеслись во весь духъ, и въ нѣсколько минутъ бѣшеной скачки умныя животныя вынесли насъ изъ опаснаго мѣста.

Вернулись въ деревню Хау-Хо. Во дворѣ фанзы

штаба командующаго второй арміею собрались ординарцы, начальствующія особы и офицеры генеральнаго штаба. Тутъ пріятно ласкала глазъ дымящаяся походная кухня и огромный самоваръ, что-то и кому-то шумно шептавшій.

Завѣдывающій хозяйствомъ командующаго любезно предложилъ чаю и даже «прикусить» чѣмъ Богъ послалъ, т.-е. разогрѣтымъ консервомъ и такими жесткими галетами, для которыхъ необходимо обладать зубами грызуновъ... Но угощеніе показалось много вкуснѣе обѣда въ первоклассномъ ресторанѣ.

Уже было около трехъ часовъ пополудни. Пальба немного стихла. Пришло донесеніе о взятіи деревни Лидзяфань, откуда японцы были выбиты штыками.

— Цѣлыя груды навалили ихъ,—разсказывалъ Дзюгаевъ, вернувшійся отъ начальника участка, полковника Леша.

Полковникъ Запольскій поминутно присылалъ требованія снарядовъ, но японскія батареи обстрѣливали путь, не давая паркамъ подойти.

Обыкновенно съ двухъ до четырехъ часовъ огонь противника ослабѣваетъ.

Повидимому, у нихъ истощаются снаряды и они выжидаютъ подвоза, а быть можетъ и отдыхаютъ и подкрѣпляются пищей. Вообще у насъ скудныя свѣдѣнія о происходящемъ у непріятеля во время боя.

Выбивъ его изъ деревни, всегда находятъ въ фанзахъ нѣсколько человѣкъ, укрывшихся въ китайскихъ шкафахъ. При обыскѣ у нихъ находятъ различныя вещи, необходимыя въ походѣ: коробочку съ вареньмъ рисомъ, нерѣдко скисшимъ, какія-то пилюли, говорятъ возбуждающія, у кого имѣется фляга, она обыкновенно наполнена отвратительнымъ ханшемъ, обладающимъ свойствомъ опьянять на нѣсколько дней.

У унтеръ-офицеровъ непремѣнно имѣется компасъ, часы, бинокль и карты мѣстности, говорятъ, представляющія точную копію съ нашихъ картъ.

Въ сумкахъ у каждаго солдата множество открытокъ съ рисунками, иногда фотографіи, вѣроятно женъ или родныхъ, но въ большинствѣ случаевъ особъ женскаго пола.

Передъ вечеромъ канонада усиливается. Замѣчается усиленная лихорадочная дѣятельность. Съ солнечнымъ закатомъ бой догораетъ, замирая вмѣстѣ съ наступившей темнотой.

Чтобы не возвращаться рано утромъ изъ Мукдена, я остаюсь для ночевки при штабѣ генерала Гернгросса.

12-го марта 1905 г.

Канонада стихла. Еще грохнули два орудійныхъ выстрѣла какъ-то нерѣшительно и замерли. Тьма окутала поля и деревни, ложементы, редуты и люнеты, и въ этомъ густомъ сумракѣ, таинственномъ и мрачномъ, чудились отдаленный шорохъ, неясный шопотъ, иногда казалось, чувствуешь у своего носа чье-то прерывистое, злобное дыханіе.

Фанзы наполнились штабными. Писались диспозиціи, т.-е. распоряженія, касающіяся ночного боя и предстоящихъ съ раннимъ утромъ передвиженій. Во дворѣ, тускло освѣщенномъ нѣсколькими фонарями, кое-кто устроился около ящиковъ изъ подъ продуктовъ и наскоро прихлебывалъ горячую мутноватую жидкость, серьезно считая ее чаемъ. Бѣлая галета уже являлась роскошью. Ее замѣнялъ простой чернаго хлѣба сухарь.

Кто-то громко зѣвнулъ, напомнивъ о необходимости отдыха послѣ утомительнаго боевого дня.

А утомленіе дѣйствительно чувствовалось: все тѣло, руки и ноги ныли неимовѣрно отъ двѣнадцатичасовой ѣзды верхомъ.

— Послушайте, — обращается ко мнѣ одинъ

изъ самыхъ старательныхъ корреспондентовъ,— поѣдемте ночевать въ окопъ.

— Много разъ испыталъ это удовольствіе,— отвѣчаю я.

— Трусите?

— Не трушу, а рисковать быть пронзеннымъ не стрѣлой амура, а штыкомъ—удовольствіе не изъ особо пріятныхъ.

— Зато ощущеній сколько,—пытается сломать мое упорство настойчивый корреспондентъ, рисуя заманчивую перспективу дѣйствительно сильныхъ ощущеній.—Ну, составьте-же компанію!

— Видно, одному-то страшновато?

— Разумѣется. Все на міру «смерть красна».

Дѣлать нечего. Закутываюсь въ бурку и, отдавъ распоряженіе вѣстовому Гурчеву, отправляюсь вмѣстѣ съ г. Б. ночевать въ окопъ, находящійся за впереди лежащею деревнею, верстахъ въ 1$^1/_2$ отъ штаба.

Двигаемся со всей осторожностью, зорко вглядываясь въ окружающую темноту. Въ обозахъ еще жизнь не замерла. Кашевары очищаютъ свои кухни отъ остатковъ, обозные хлопочутъ около коновязей, поодаль собаки гложутъ брошенныя кости, рыча при нашемъ приближеніи.

Вблизи окопа насъ окликнули обычнымъ окрикомъ: «Стой, кто идетъ»?

— Не ори, дура!—остановилъ кто-то часового.

Это оказался офицеръ, ожидавшій насъ, такъ какъ мой спутникъ сговорился съ капитаномъ ранѣе.

— Здравствуйте, здравствуйте, господа корреспонденты! Просимъ пожаловать. Сегодня ночью ждемъ нападенія. Не хотите-пока закусить чѣмъ Богъ послалъ?

Отъ закуски мы отказались, имѣя въ виду скудость запасовъ, но нашъ офицеръ всегда гостю отдаетъ послѣднее, забывъ о собственной

хронической нуждѣ во всемъ необходимомъ. Намъ подали по стакану, вѣрнѣе, по кружкѣ горячаго чая, по куску консервированнаго мяса и сухари. Люди лежали въ окопахъ; нѣкоторые изъ нихъ сладко похрапывали, словно они спали не на мерзлой голой землѣ, а по крайней мѣрѣ на сѣновалѣ въ родной деревнѣ. Нѣкоторые шопоткомъ перебрасываются отдѣльными словами, и я невольно сталъ прислушиваться къ солдатской бесѣдѣ въ глухую ночь, въ глубинѣ рва.

Рѣчь шла не о текущихъ событіяхъ и даже не о далекой родинѣ. Мудрено проникнуть психологію солдата, чѣмъ онъ руководствуется въ выборѣ темы для разговора.

Думается, это—взрослыя дѣти, разсуждающія такъ, для практики, чтобы не забыть родного языка на чужбинѣ, хотя иныя фразы заставляли меня глубоко задумываться.

— Енъ хитрый, — говоритъ темная фигура, приткнувшаяся головою къ скату рва.

— На што хитрѣе,—замѣчаетъ его сосѣдъ.

— Словно Лиса наша Патрикѣевна, право.

— И образованность у яво... Вишь, пытаютъ плѣннаго, а завтра у него въ сумочкѣ письма всякія, стало быть грамотный, а то еще на рукѣ канпасъ... Чортъ его дери! А посмотришь, тьфу!—обезьяна-обезьяной.

— А водку пить гораздъ,—не безъ оттѣнка зависти замѣчаетъ другой сосѣдъ...—И откуда онъ добываетъ этого винища проклятаго?

— Извѣстно откуда: чай, у нихъ маркитанты есть.

Въ другомъ мѣстѣ солдатикъ сообщаетъ слышанную будто у офицеровъ новость: «Генералъ Мищенко броненосецъ въ плѣнъ забралъ»,— но въ это время раздается выстрѣлъ, вслѣдъ за нимъ другой, третій, цѣлая трескотня, безпорядочная, нервная.

Однако, тревога оказывается фальшивой. Часовому почудилось, что впереди непріятель надвигается и напряженные нервы не выдержали. Онъ далъ выстрѣлы, вызвавшіе трескотню.

Все вновь успокоилось, однако, не надолго. Между двумя окопами замѣтили двухъ ползущихъ японцевъ. Одного удалось схватить, а другой успѣлъ удрать, не взирая на выстрѣлы.

Вслѣдъ за этимъ раздался залпъ, очевидно, непріятельскій, но, повидимому, съ не особенно близкаго разстоянія, потому что не слышно было пѣнія пуль надъ головами. Наши не отвѣтили, а притаились, приготовивъ свои ружья. Прошло полчаса томительнаго ожиданія, еще часъ; наступленіе противника не обнаруживалось.

Около двухъ часовъ мимо насъ прошла колонна. Ее послали атаковать селеніе Юхуантунь. Утромъ я узналъ, что колонна пробродила всю ночь и къ утру остановилась въ боевой лииіи, усталая и измученная. Всѣ забыли о шрапнеляхъ и шимозахъ, да такъ и заснули, какъ убитые, пока не раздалась команда: «Въ ружье!».

Часовъ около $4^1/_2$, когда на горизонтѣ обозначилась бѣлая полоска предутренней зари, показались наступающія цѣпи противника. Начался боевой день послѣ безсонной ночи. Я съ товарищемъ, измученные непривычной обстановкой, заснули, но грохотъ орудій и залпы нашихъ изъ окопа разбудили насъ. Тутъ я впервые видѣлъ близко наступленіе храбраго непріятеля.

Онъ лѣзъ, какъ ошалѣлый. Съ одной стороны его поражали мѣткіе залпы молодцовъ стрѣлковъ, съ другой стороны надъ самыми головами наступающихъ разрывались шрапнели, посылаемыя съ боковой батареи.

Изъ окопа выглядывать на поле, признаюсь, довольно страшно... Жутко становится, хотя наружно сохраняешь полное спокойствіе; такъ, по

крайней мѣрѣ, мнѣ самому казалось. Наблюдать за другими—трудно, думаешь больше о себѣ и о надвигающихся врагахъ.

— Не суетись!—слышу ровный голосъ командующаго окопомъ...—Зря пуль не бросай... Подпусти его близко, шаговъ на двѣсти... Внимательно слушай команду!

Любопытство беретъ верхъ надъ страхомъ, и я выглядываю изъ окопа... Впереди движется колонна. Кажется, она небольшой силы. Можетъ быть, два батальона. По бокамъ густыя цѣпи. И онѣ не идутъ, а бѣгутъ.

— Рота-а-а... Пли!...

Раздается нѣсколько залповъ... Изъ цѣпей нѣкоторые падаютъ, нѣкоторые присѣдаютъ... Колонна шарахнулась назадъ, а цѣпи залегли и открываютъ безпорядочную пальбу... Надъ нашими головами рвутся шрапнели, посылаемыя непріятельскими батареями, очевидно, поддерживающими наступающихъ. Среди противника происходитъ что-то непонятное.

Шарахнувшаяся назадъ колонна вновь сомкнулась и, нагнувъ головы, рѣшительно двигается впередъ.

Нѣсколько залповъ кладутъ рядъ за рядомъ; вижу замѣшательство... Все происходитъ предо мною словно во снѣ...

Непріятель безпорядочно бѣжитъ назадъ; многіе, бывшіе впереди, а теперь очутившіеся сзади, побросали ружья и стремятся обогнать товарищей. Ихъ преслѣдуетъ жестокій огонь изъ нашего окопа.

— Эхъ, если-бы у насъ пулеметы были!—съ сожалѣніемъ замѣчаетъ молодой заурядъ-прапорщикъ изъ вольноопредѣляющихся.

Но строгій взглядъ начальника заставляетъ его умолкнуть.

Наконецъ разсвѣло. Атака непріятеля была

отбита. Въ окопѣ какъ-то всѣ повеселѣли. Потери незначительны. Всего трое раненыхъ шрапнельными пулями. Ихъ увели на перевязочный пунктъ. Свирѣпствующій врагъ, вѣроятно, замѣтилъ движеніе въ окопѣ и снова перенесъ на него огонь, но безсонная ночь до того утомила солдатъ, что большинство забыло о витающей надъ головами смерти и, какъ-то причудливо свернувшись, заснуло богатырскимъ сномъ.

Я вскочилъ на лошадь и въ сопровожденіи вѣстового Гудаева поскакалъ къ деревнѣ Хау-Хо. Тамъ и безопаснѣе, и горячимъ чаемъ побалуютъ люди добрые, и свѣдѣнія о событіяхъ за ночь соберешь. Въ деревнѣ также всѣ были на ногахъ. Генералъ Гернгроссъ читалъ, или, вѣрнѣе, слушалъ донесенія, которыя молодой штабсъ-капитанъ, недавно окончившій академію, читалъ вслухъ, отчетливо отчеканивая каждое слово.

У полковника Леша, узнаю я, большія потери. За три дня жестокой, упорной, безпощадной кровавой битвы убыло больше тысячи «сѣрыхъ героевъ», кажется, 26 офицеровъ, и все же доблестный полковникъ не уступилъ ни одной пяди земли, а наоборотъ, овладѣлъ непріятельскими позиціями.

Правѣе ведетъ борьбу полковникъ Запольскій. Днемъ наканунѣ его отрядъ разстрѣлялъ всѣ патроны, артиллерія—всѣ снаряды, но пополнить огнестрѣльные припасы оказалось невозможнымъ. Едва на дорогѣ вытягивались двуколки и парки, ихъ закидывали «шимозами», и они вынуждены были возвращаться, не исполнивъ назначенія. Томительно тяжкій день протекъ для отряда полковника Запольскаго и лишь ночью удалось пополнить снаряды.

23-го февраля, около 10 часовъ утра, пришло извѣстіе о геройской смерти полковника Запольскаго. Находясь въ передовой линіи, онъ былъ

убитъ наповалъ осколкомъ снаряда и нѣсколькими пулями. Миръ праху честнаго героя, борца за Русь святую.

Однако, извѣстіе о гибели героя, начальника отряда, стушевалось въ общей суматохѣ кипучей боевой дѣятельности. Прочитали записку, привезенную ординарцемъ. Кое-кто вздохнулъ, быть можетъ, подумавъ: «Сегодня ты, а завтра я», кое-кто перекрестился набожно, и опять всѣ окунулись въ неотложныя заботы и распоряженія.

Погода стояла теплая, но «день былъ жаркій». Былъ героическій день. Это кровавая страничка въ исторіи борьбы двухъ народовъ и славная— въ исторіи русскаго воинства. Вчера три раза переходили изъ рукъ въ руки деревни Тинзятунь и Людзяхуань, сегодня три раза овладѣвали наши герои деревней Юхуантунь и вынуждены были оставить ее подъ напоромъ превосходныхъ силъ непріятеля и его страшнаго огня, о которомъ генералъ Даниловъ говорилъ мнѣ:

— Это смертоносный дождь, отъ котораго никакой зонтикъ не спасетъ.

Подскакалъ къ генералу Гернгроссу адъютантъ командующаго 2-й арміей.

— Командующій ждетъ отъ вашего превосходительства рѣшительной атаки деревни Юхуатунь,— произноситъ молодой офицеръ въ погонахъ съ бѣлой каемочкой (кантомъ), держа руку подъ козырекъ.

— Капитанъ Давборъ, — приказываетъ Гернгроссъ,—выдвинуть изъ резерва батальоны Лифляндскаго полка и ударить на деревню.

— Слушаю!

И капитанъ генеральнаго штаба Давборъ летитъ по направленію къ деревнѣ. А Лифляндскій полкъ въ это время безстрашно шелъ «въ штыки» на оспариваемую полуразрушенную деревушку.

Поскакалъ къ этой деревнѣ и пишущій эти строки. На полдорогѣ поле усѣяно обозами и дымящимися ротными кухнями, около которыхъ копошились обозные и кашевары. Въ сторонѣ отъ дороги валялись обглоданные собаками скелеты лошадей. Они производили непріятное, тяжелое впечатлѣніе, но я лечу мимо, стараясь не замѣтить ужасной картины смерти. Вслѣдъ за обозами, подъ горкой, лежитъ дюжина убитыхъ воиновъ. Десять изъ нихъ нижніе чины, двое зауряд-прапорщики.

Боже, въ какихъ ужасныхъ позахъ застыли трупы этихъ борцовъ! Вонъ зауряд-прапорщикъ, кажется, Голубевъ, говорятъ—доброволецъ изъ Петербурга, лежитъ, раскинувъ руки и заложивъ одну ногу на другую. Онъ едва прикрытъ сѣрой шинелью, на которой змѣйкой вьется георгіевская ленточка. Лицо спокойное, кажется заснувшимъ, если бы не желто-восковой оттѣнокъ. Рядомъ другой прапорщикъ съ пробитой головой и окровавленнымъ лицомъ, это сибирякъ. Его лицо представляетъ сплошное кровавое пятно. Выраженія, разумѣется, не подмѣтить. Затѣмъ рядышкомъ, словно уснувшіе братья, вытянулись десять «сѣрыхъ героевъ»—для шеренговаго ученья въ лучшемъ изъ міровъ,— мелькнуло въ моей головѣ. У кого ликъ не разбитъ,—выраженіе спокойное, незамѣтно предсмертнаго ужаса.

Въ двухъ шагахъ группа живыхъ людей копаетъ братскую могилу. Когда ее «изготовятъ», придетъ священнослужитель, совершитъ надъ мучениками литію, послѣ чего ихъ положатъ рядышкомъ въ послѣдній окопъ и надъ нимъ понимется курганъ, который украсится послѣдней наградой—крестомъ деревяннымъ.

Всюду поспѣвающій Булла, милый, живой мальчикъ, направляетъ аппаратъ и снимаетъ картину подъ заглавіемъ «изнанка войны».

Съ тяжелымъ чувствомъ покидаю братскую могилу и двигаюсь къ деревнѣ Юхуантунь. По пути меня встрѣчаютъ шумливыя шимозе. Онѣ падаютъ и разрываются далеко въ полѣ, иная, прошумѣвъ своимъ особымъ урчаньемъ, упадетъ на мягкую почву, и я радуюсь непріятельской неудачѣ. Вотъ я уже въ сферѣ шрапнельнаго огня. На дорогѣ валяется убитая лошадь. Она грохнулась на моихъ глазахъ, какъ подкошенная.

— Ишь ты,—произноситъ Гудаевъ.—Должно шклянкой въ лобище угодило... (Солдаты называютъ дистанціонную трубку шклянкой). Сердешная, и не гадала, что сегодня ея жисти рѣшеніе,—пробуетъ философствовать мой вѣстовой. Онъ набожно истово крестится и, вздохнувъ, умолкаетъ.

Жутко. Слышу біеніе своего сердца. Въ вискахъ стучитъ. Страхъ парализуетъ руки. Уздечка едва держится въ дрожащихъ пальцахъ. Однако, не спрятаться же. И я рѣшительно устремляюсь впередъ и конь мой семенитъ ногами, тревожно вздрагиваетъ и пошевеливаетъ ушами.

Впередъ, впередъ, не оглядываясь. Только оглянись, и васъ охватываетъ неудержимое стремленіе назадъ. Я почти нагналъ цѣпи Лифляндскаго полка и, чтобы унять свое волненіе, считаю количество цѣпей. Ихъ всего шестнадцать. Онѣ слѣдуютъ одна за другой. Какъ красиво!.. Съ трехъ сторонъ ровными рядами врываются роты въ деревню безъ выстрѣла, при громкомъ крикѣ «ура», подъ аккомпаниментъ ритмической трескотни пулеметовъ и оригинальныхъ пачечныхъ ударовъ японскихъ ружей.

— Тра-та-та-та! Та!-Та! Та!-Та!

Но «ура» быстро заглушаетъ трескотню!

Въ деревнѣ закипаетъ рукопашная, но я не рѣшаюсь итти въ деревню и остаюсь ожидать около глиняной стѣны.

Слышу крики, взвизгиванія, до моихъ ушей долетаютъ стоны, ругательства и проклятія... Загорается одна фанза, другая, третья... Бой продолжается недолго... И Гудаевъ выводитъ меня изъ тяжелаго забытья и зоветъ въ деревню:

— Поглядѣть, ваше благородіе! Наши въ штыки больно охочи драться, а «енъ» не того, не обожаетъ...

— Чего не обожаетъ? — машинально переспрашиваю я.

— Штыка, ваше благородіе... Потому «енъ» маленькій, плюгавка... Яво ткни въ морду прикладомъ и плюнь... Все одно, что гадъ, мразь.

Бой затихъ, и у Гудаева развязывается языкъ; онъ говоритъ охотно и много, словно сто лѣтъ живого существа не видалъ.

Куда ни взглянешь, вездѣ трупы, груды труповъ, ужасные, съ раскроенными черепами, лицами, превращенными въ одинъ сплошной кровоподтекъ... Впервые различаю у мертвецовъ застывшее въ глазахъ выраженіе ужаса и злобы...

Всюду кровь; не знаю, куда направить все еще нервничающаго коня, и я поворачиваю его назадъ. У опушки деревни встрѣчаю генерала Каульбарса со штабомъ, немного дальше меня нагоняетъ капитанъ Давборъ и есаулъ Гирсъ. Оба также усталые и измученные. Первый спѣшитъ въ Хау-Хо къ Гернгроссу, а второй присоединяется ко мнѣ и шепчетъ:

— Маленькій отдыхъ и я воспряну духомъ... Измученъ... Усталъ...

Я самъ измученъ видѣнной картиной и думаю лишь объ одномъ: гдѣ-бы свалиться и уснуть на часъ мертвымъ сномъ... Забыть эти ужасы, кровь, трупы, хрипы и ярость разъяренныхъ противниковъ...

Возвращаюсь въ деревню Хау-Хо. Древняя башня въ мрачномъ спокойномъ безразличіи взи-

раетъ съ своего естественнаго пьедестала на окружающую кровавую картину. Не тревожитъ ея орудійный грохотъ, не страшатъ рвущіяся вблизи шимозе... Пораненія отъ зубчатыхъ осколковъ этого бризантнаго снаряда не причиняютъ ей болѣзненныхъ ощущеній. И мрачное молчаніе башни кажется мнѣ равнодушіемъ старца, пережившаго вѣка, перенесшаго на своихъ плечахъ ураганы міровыхъ страданій.

Впрочемъ, не до философіи мнѣ. Я усталъ и... и голоденъ. И подъ вліяніемъ настойчивыхъ «запросовъ» желудка забываю о пережитыхъ за день ужасахъ. Нѣсколько другихъ офицеровъ, также изголодавшихся, тоскливо заглядываютъ во дворы фанзъ, гдѣ еще вчера дымилась кухня, распространяя пріятный запахъ яствъ, правда, крайне неприхотливыхъ... Какая-нибудь жестяночка съ консервомъ изъ «тушенаго» мяса показалась-бы теперь роскошью, а жесткая, какъ камень, галета—вкуснѣе Филипповскихъ калачей.

Выручилъ случай или, вѣрнѣе, знакомство. Подходитъ одинъ изъ ординарцевъ и предлагаетъ побаловаться чайкомъ съ солдатскими сухарями.

Въ одной изъ фанзъ казакъ не только вскипятилъ воду, кстати сказать, настолько мутную, что въ обыкновенное время едва-ли даже страдающій жаждой рискнулъ-бы ею пользоваться, но гдѣ-то раздобылъ нѣсколько солдатскихъ порцій въ жестянкахъ, которыя были приняты прямо съ восторгомъ.

Ахъ, не даромъ говоритъ пословица: «голодъ не тетка». Всѣ забыли о страданіяхъ тамъ, въ двухъ верстахъ отъ деревни, и занялись уничтоженіемъ скудной, но казавшейся намъ превкусной провизіи.

А справа, слѣва и впереди раздавались выстрѣ-

лы, бой не утихалъ, а наоборотъ, чувствовалось, что разгорался.

Утоливъ голодъ, мы снова заняли наблюдательный пунктъ съ возвышенности Хау-Хо. Тамъ сидѣлъ на камнѣ генералъ Гернгроссъ и пытливо всматривался въ даль, напряженно прислушиваясь къ грохоту пальбы.

Прискакалъ ординарецъ. Онъ сообщилъ подробности о боѣ у Юхуантунь и разсказалъ эпизодъ съ командующимъ второй арміей.

Вблизи деревни командующій встрѣтилъ раненаго солдатика.

— Ты куда, братецъ, раненъ? — спрашиваетъ генералъ нижняго чина.

— Пальца рѣшился (солдаты не рѣдко употребляютъ выраженіе «рѣшился» вмѣсто «лишился»), ваше высокопревосходительство!

— На перевязочный пунктъ? — допытывается генералъ.

— Не могу знать, ваше высоко—ство! Не то возвращаться къ ротѣ, не то иттить на пунхту.

— Ступай, ступай, братецъ, ты заслужилъ право на отдыхъ,—говоритъ командующій и, какъ-бы спохватившись, снова спрашиваетъ:

— Первый разъ раненъ?

— Четвертый, ваше—ство.

И солдатикъ, снявъ шапку, обнаруживаетъ глубокій слѣдъ отъ пулевой раны нѣсколько ниже височной кости, послѣ онъ показываетъ на руку у локтя и на грудь. Всѣ эти пораненія солдатъ получилъ въ бояхъ подъ Ляояномъ и Шахэ.

Командующій слѣзаетъ съ своего коня и, трижды облобызавъ солдата, жалуетъ его знакомъ отличія военнаго ордена (георгіевскимъ крестомъ), послѣ чего растроганный герой рѣшительно направляется къ фронту нашихъ позицій.

Еще позднѣе пріѣзжаетъ офицеръ отъ гене-

рала Церпицкаго и разсказываетъ объ атакѣ какой-то деревни, названіе которой не помню. Командиръ корпуса, генералъ Церпицкій, лично повелъ въ атаку Бузулукскій полкъ. Безъ выстрѣла подошелъ онъ къ укрѣпленной непріятельской позиціи.

Вмигъ японцы были вышиблены изъ окоповъ и отброшены.

Вообще въ теченіе всего дня всѣ на правомъ флангѣ были увѣрены въ перевѣсѣ съ нашей стороны. Мы имѣли нѣсколько положительно блестящихъ успѣховъ; нѣкоторыхъ я лично былъ свидѣтелемъ и могу засвидѣтельствовать, что героизмъ и офицеровъ, и нижнихъ чиновъ привелъ бы въ восторгъ самаго заклятаго пессимиста.

Неоднократно пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ героизма нашихъ чудо-богатырей, какъ и обратныхъ случаевъ, случаевъ паники и бѣгства, но въ послѣднемъ я видѣлъ только обозныхъ и нестроевыхъ.

Въ такомъ случаѣ, какая причина постигшихъ насъ пораженій?—спросите вы.—На это отвѣтятъ будущіе историки настоящей войны, болѣе меня компетентные въ стратегическихъ вопросахъ. Я критиковать не берусь уже потому, что критика вообще легка и пріятна въ особенности для тѣхъ, у кого языкъ подлиннѣе.

Что же касается результата мукденскихъ боевъ, то неудача наша въ значительной степени зависѣла отъ необыкновенно растянутаго фронта и, пожалуй, главнымъ образомъ, отъ свирѣпствовавшаго 24-го февраля «тайфуна».

Этотъ злой буранъ нанесъ на наши позиціи съ юга тучи песку. Въ двухъ шагахъ невозможно было различить и замѣтить что-либо. Разсвирѣпѣвшая стихія ополчилась на нашихъ героевъ, ослѣпляла имъ глаза въ то время, когда японцы, имѣя вѣтеръ сзади, напирали на нашъ центръ и

двигались на сѣверъ, намѣреваясь ударить въ тылъ праваго фланга или отрѣзать вторую армію отъ Телина.

Имѣли-ли японцы превосходство въ силахъ?

Быть можетъ имѣли, а возможно, что и не имѣли. Несомнѣнно, что успѣху врага въ значительной степени способствовала прибывшая изъ Портъ-Артура армія Ноги, генерала настойчиваго, энергичнаго, храбраго и подвижнаго. Позволю себѣ замѣтить, что многіе серьезные военные умы, съ коими мнѣ удалось сблизиться на театрѣ военныхъ дѣйствій, искренно сожалѣли объ отсутствіи генерала Самсонова, который сумѣлъ побороть Куроки подъ Янтаемъ, великолѣпно освоившись съ японскою тактикою.

Доблестный генералъ Самсоновъ представляетъ собою рѣдкаго по энергіи и подвижности кавалерійскаго генерала. Съ нимъ случилось несчастіе, а генералъ Мищенко, хотя и появлялся на позиціяхъ, но едва передвигалъ раненую ногу.

На хунхузовъ.

(Листки изъ дневника капитана генеральнаго штаба Чеснокова).

I.

Станція Гундьжулинъ... Въ мирное время вы минуете этотъ незначительный пунктъ Восточно-Китайской желѣзной дороги, не обративъ на него ни малѣйшаго вниманія. Теперь въ тѣсномъ буфетѣ невзрачнаго вокзала съ утра и далеко за полночь толпится народъ: офицеры, подозрительные штатскіе люди кавказской породы, чиновники съ перевязями Краснаго Креста и безъ нихъ, доктора, сестры милосердія. Царитъ оживленіе,

которому смѣло можетъ позавидовать любой первоклассный вокзалъ.

Въ углу, за столомъ, сидитъ совсѣмъ еще юный капитанъ, одѣтый въ такъ-называемую гимнастерку изъ матеріи хакки, желто-песочный цвѣтъ которой такъ гармонируетъ съ его молодымъ безусымъ лицомъ. Передъ офицеромъ стоитъ китаецъ въ своемъ національномъ костюмѣ, но въ русскихъ сапогахъ. Онъ вооруженъ почему-то офицерской шашкой и револьверомъ. Нѣсколько нагнувшись, онъ что-то шепчетъ капитану, быстро и хорошо выговаривая русскія слова.

— Булсой, Петла Владиміловичъ. Шибко булсой... Хунхуза очень многа... я былъ близко... Дынемъ плятался въ гаолянѣ, ночью выходилъ...

— Смотри, Чуда-сю, не спутай, не наври, а то, честное офицерское слово, я тебѣ «кантами» (отрублю голову) сдѣлаю и суда не побоюсь!—грозится юный капитанъ, повидимому, стараясь внушить страхъ китайцу-развѣдчику.

— Не влу, Петла Владиміловичъ, ей Богу не влу,—божится Чуда-сю.

— Гдѣ, говоришь, находятся теперь шайки?

— Эта не можна знать, Петла Владиміловичъ.

— Какъ? Что ты говоришь? Ты только что докладывалъ, что самъ ихъ лагерь высмотрѣлъ?

— Такъ точно,—рапортуетъ развѣдчикъ, а глазки его плутовски шмыгаютъ по сторонамъ и словно смѣются надъ молодостью и неопытностью капитана.

— Извѣстно,—вновь начинаетъ развѣдчикъ,—станъ хунхуза никогда нельзя холосо знать... Сегодня тамъ, завтла за пятьдесятъ или сто велстъ...

Чуда-сю оглядывается по сторонамъ, словно боится, что его подслушаютъ, потомъ нагибается къ самому уху капитана и шепчетъ едва слышнымъ голосомъ.

— Многа, шибко многа хунхуза плишелъ изъ

монгольскихъ гланицъ... 500 человѣкъ лазглабили голодъ Юшитай...

— Гдѣ городъ Юшитай? — спрашиваетъ капитанъ, перебивая Чуда-сю и въ то-же время расправляя карту, въ которую впивается глазами. Чуда-сю не только опытный развѣдчикъ, но до нѣкоторой степени и образованный. Онъ умѣетъ читать карту, очень скоро находитъ на ней городъ Юшитай и указываетъ капитану.

— Здѣся... Тута... — съ торжествомъ произноситъ онъ, тыкая длиннымъ грязнымъ ногтемъ въ какую-то точку.—Недалеко,—всего 45 велстъ... Выступимъ лано, или на ночь, къ утлу ихъ настигнемъ, если они не ушли, — шепчетъ онъ, и глаза его горятъ, какъ у волка.

— Вѣрно ты знаешь, Чуда-сю, что хунхузы тамъ?—допытывается юный капитанъ. — Помни, если подведешь—кантами.

— Капитана, я давно служу лусскимъ... Сплоси полковникъ Богдановичъ, онъ булсой, шибко булсой капитанъ, его никогда не обманывалъ... Онъ мнѣ вѣлитъ... Хунхуза будутъ еще глабить нѣсколько голодовъ, а потомъ пойдутъ на желѣзную дологу, мосты взлывать...

— Ѣдемъ, — вскрикиваетъ капитанъ и направляется къ выходу, а Чуда-сю продолжаетъ нашептывать, шмыгая по сторонамъ своими проворными глазками.

— Хунхуза имѣетъ капитана японца, хлаблый, шибко хлаблый... Онъ потомъ съ хунхузами пойдетъ къ японской арміи,—но тутъ Чуда-сю, считая, что достаточно разжегъ юнаго капитана, умолкаетъ.

— Да, ты правъ, Чуда-сю. Если мы ихъ не разобьемъ вдребезги на ставкѣ, они ринутся на дорогу. Черезъ часъ выступаемъ... Я пойду въ казармы. Будь и ты готовъ не позже, какъ черезъ часъ.

— Слушаю!..—отвѣчаетъ по военному развѣдчикъ.—Холосо!..

II.

Было жарко, невыносимо душно, когда капитанъ Чесноковъ подошелъ къ казармѣ.

Отыскавъ горниста, онъ приказалъ ему сыграть тревогу, дежурнаго по казармѣ послалъ предупредить сотеннаго командира и вызвать командующаго взводомъ батареи, расположенной въ Гундьжулинѣ.

Горнистъ игралъ сборъ.

— Тра-та-та-та-та-ти,—рѣзко и медленно разносились по казармѣ и на улицѣ звуки трубача въ то время, какъ заамурцы быстро выбѣгали изъ помѣщеній, одѣтые уже по походному, съ патронташами, сумками черезъ плечо и винтовками. Въ нѣсколько минутъ вся сотня выстроилась развернутымъ фронтомъ и словно застыла въ ожиданіи своихъ офицеровъ.

— Должно, дождь будетъ,—произнесъ унтеръ, обращаясь къ старому усатому вахмистру, закаленному въ набѣгахъ на хунхузовъ. Онъ сидѣлъ на своемъ монголѣ, молчаливый и величественный.

— Не растаешь! — лаконически отрѣзалъ вахмистръ, истолковавъ это замѣчаніе, какъ намекъ на неудачно выбранный моментъ для выступленія въ походъ.

Подобныхъ замѣчаній вахмистръ не переносилъ, и если бы онъ считалъ время удобнымъ для выговора, онъ обязательно сказалъ-бы «нерадивому» рѣчь:

«Кажинный солдатъ долженъ живота своего не щадить, долженъ, и голодъ и холодъ переносить безропотно и всякую непогодь... Служба... Понялъ, образина»?

На небѣ съ поразительной быстротой нависли

грозовыя тучи. Сталъ накрапывать дождь, перешедшій черезъ нѣсколько секундъ въ настоящій ливень. Засверкали молніи, сопровождаемыя ударами грома, солдаты вмигъ развернули короткія непромокаемыя накидки, надѣли ихъ, и сотня, не взирая на ливень, вытянулась вдоль дороги, имѣя сзади два орудія—маленькія пограничныя пушечки, извѣстныя здѣсь подъ названіемъ «лилипутиковъ».

Къ счастію, ливень такъ-же быстро прошелъ, какъ и явился. Онъ только смочилъ изсохшую землю, не попортивъ дороги. Отрядъ слѣдовалъ въ глубокомъ молчаніи, сознавая важность цѣли, форсированнымъ маршемъ.

Наступила ночь, темная, какъ всегда на югѣ, непроглядная: въ десяти шагахъ человѣка не различишь. Пришлось отъ «перемѣннаго аллюра» отказаться, двигаясь впередъ шагомъ, съ дозорами и патрулями.

На прояснившемся небѣ ярко блестѣли звѣзды. По нимъ оріентировались, чтобы не сбиться съ пути. Проѣхавъ отъ станціи Гундьжулинъ верстъ двадцать пять безъ остановки, замѣтили, что въ непроглядной тьмѣ сбились съ дороги.

— Вахмистръ Вахроменко! — крикнулъ начальникъ отряда.

Вахроменко изучилъ дороги и тропинки, нравы и обычаи разбойниковъ Манджуріи.

— Чего изволите, ваше благородіе? — откликнулся Вахроменко.

— Мы сбились съ дороги?

— Такъ точно, сбились.

— Какъ-же ты не замѣтилъ?

— Такъ что, ваше благородіе, тьма египетская. Гдѣ тутъ замѣтишь? Прикажите остановиться, а я тѣмъ временемъ къ фанзѣ, вонъ тамъ, подъѣду и разспрошу.

— Хорошо, ступай. «Стой!»—скомандовалъ начальникъ отряда.—«Оправиться!»

Однако, оправляться не пришлось. Едва вахмистръ исчезъ въ темнотѣ, раздался съ той стороны, куда онъ направился, ружейный залпъ. Вслѣдъ за этимъ подскакалъ вахмистръ и доложилъ, что въ той «импани», что на дорогѣ, заночевала шайка хунхузовъ.

Съ быстротой, свойственной привычнымъ замурцамъ, окружили импань. Началась перестрѣлка, грохнулъ выстрѣлъ изъ фальконета.

По всему видно было, что хунхузы намѣрены защищаться.

На штурмъ начальникъ отряда не рѣшался, не желая нести напрасныя потери, неизбѣжныя въ ночномъ нападенiи на укрѣпленную фанзу. Поэтому онъ вызвалъ одно орудiе и приказалъ пустить снарядъ въ импань. Грянулъ орудiйный выстрѣлъ и произвелъ большой переполохъ среди хунхузовъ. Ружейная трескотня прекратилась, и нѣсколько всадниковъ выскочили изъ импани въ гаолянъ, росшiй по обѣимъ сторонамъ дороги. Благодаря темнотѣ, имъ удалось скрыться.

Съ разныхъ сторонъ послышались залпы и фальконетные выстрѣлы.

Это сигнализировали, предупреждая разбросанную по разнымъ деревнямъ шайку о близкой опасности.

III.

Стихли выстрѣлы. Изъ гаоляна слышался протяжный стонъ, изъ деревни доносились отдѣльные крики, лай собакъ; вдали вспыхивали огоньки и тотчасъ потухали.

Начальникъ отряда наскоро провѣрилъ наличный составъ и, убѣдившись, что раненыхъ и уби-

тыхъ нѣтъ, перекрестился, снялъ фуражку и скомандовалъ:

— Впередъ, мааршъ!..

Отрядъ проскакалъ минутъ пятнадцать, когда послѣдовала команда: «Стой!».

— Чуда-сю! Гдѣ Чуда-сю?

Но Чуда-сю все время держался около капитана.

— Здѣся! — произнесъ онъ шопотомъ почти надъ самымъ ухомъ начальника.

— Гдѣ теперь хунхузы?

— Хунхуза? Хунхуза надо подстелегать, надо шибка мунога ума... Такъ не мозна...

— Какъ не можно? Что ты городишь?

— Такъ точно, Петла Владиміловичъ, не мозна, потому у хунхуза шибко холоса конь, мастакъ, иноходь, бѣжитъ шибко сколо..

Ясно стало юному капитану, что преданный развѣдчикъ не одобряетъ его тактическихъ пріемовъ и «съ присущей китайцамъ политичностью» старается дать это понять.

И дѣйствительно, у хунхузовъ особая тактика, съ которой необходимо считаться. Отъ боя съ русскими, особенно съ заамурцами, они почти всегда уклоняются и если принимаютъ «вызовъ», то стремятся обмануть, пострѣлявъ для вида, а потомъ улепетнуть безъ оглядки. Удирать хунхузамъ очень легко. Лошадей не жалѣютъ. Павшаго коня замѣняютъ въ первой встрѣчной деревнѣ, конечно, «безданно», «безпошлинно».

Начальникъ отряда былъ полонъ рѣшимости во что бы то ни стало настигнуть шайку хунхузовъ и уничтожить ее.

«Необходимо замести слѣды», — разсуждалъ юный капитанъ самъ съ собою.

— Вахроменко!—крикнулъ онъ.—Возьми переводчика Чуда-сю и отправляйся къ этимъ фанзамъ, скажи китайцамъ, что мы сбились съ пути,

не можемъ найти направленіе на желѣзную дорогу... Понялъ?

— Такъ точно.

Спустя нѣсколько минутъ вернулся вахмистръ съ переводчикомъ. Они приволокли съ собою стараго китайца, усадили его на лошадь, и весь отрядъ круто повернулъ. Проскакавъ не болѣе двухъ верстъ, отрядъ былъ остановленъ.

— Вахроменко! Волоки сюда китайца! Чуда-сю, ко мнѣ!

Привели китайца. Начался допросъ.

— Говори, чортова кукла, гдѣ хунхузы?

— Мы-юла,—пропищалъ манза, дрожа всѣмъ тѣломъ.—Путунда.

— А, путунда! Я тебѣ покажу «путунда», говори, гдѣ хунхузы? Куда они пошли?

Переводчикъ Чуда-сю, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ манзой на родномъ языкѣ, добился отъ него сознанія, что хунхузы были у него, и что, угадавъ нападеніе храбрыхъ русскихъ, они удрали на Юшитай. Китаецъ оправдывался тѣмъ, что невозможно было отказать хунхузамъ въ ночлегѣ, иначе они кантами «сдѣлаютъ».

Населеніе Манджуріи дѣйствительно находится въ неописуемомъ страхѣ передъ азіатскими Фра-Діаволами, которые за малѣйшее подозрѣніе въ сношеніяхъ съ нашими войсками и въ доставленіи имъ свѣдѣній о мѣстѣ нахожденія шаекъ выжигаютъ всю деревню, предварительно разграбивъ ее. Китайскія власти откровенно заявляютъ, что онѣ не въ силахъ бороться со своими доморощенными рыцарями индустріи. Въ моихъ скитаніяхъ по дебрямъ этой удивительной страны мнѣ не разъ приходилось убѣждаться, что нѣкоторые китайскіе чиновники покровительствуютъ шайкамъ хунхузовъ, скрывая ихъ или предупреждая о предполагаемыхъ нами противъ нихъ экспедиціяхъ.

На ст. «Пограничная» мѣстный полиціймейстеръ мнѣ показывалъ записку мандарина къ одному изъ Фра-Діаволовъ Манджуріи слѣдующаго содержанія: «Русскіе ушли, дѣйствуйте смѣлѣе». Изъ предосторожности гіероглифы писалъ секретарь китайскаго чиновника.

Когда начальникъ отряда узналъ отъ манзы о хунхузахъ, онъ отдалъ его подъ наблюденіе вахмистра и повернулъ на Юшитай.

На востокѣ заалѣла бѣлая полоска, предвѣстница утренней зари. Стало свѣтать. Сотня заамурцевъ двигалась молча, озираясь по сторонамъ. Дозоры зорко всматривались въ гущу гаоляна, необозримыя поля, засѣянныя чумизой и уже колосившейся пшеницей.

Легкій паръ, словно бѣлая пелена, висѣлъ надъ полями. Кругомъ было пустынно и безмолвно. Ничто не указывало на близость хунхузовъ или ихъ дозорныхъ.

Взошло солнце и сразу обдало своимъ горячимъ дыханіемъ обагренную кровью и слезами долину, гдѣ все, кажется, располагало къ мирной сельской жизни. Въ Манджуріи въ іюлѣ и августѣ почти не бываетъ утренней прохлады. Воздухъ быстро накаляется, и жара становится нестерпимой даже для привычныхъ туземцевъ, которые спасаются отъ палящихъ лучей въ густыхъ заросляхъ полей, почти безъ одежды. Часовъ около 8 вдали показалась стѣна Юшитая.

Городъ, повидимому, находился въ осадномъ положеніи. На толстой глиняной стѣнѣ, обнесенной глубокимъ рвомъ, торчалъ часовой въ остроконечной соломенной шляпѣ; онъ держалъ на лѣвомъ плечѣ ружье, не такъ, какъ европейскіе солдаты, а прикладомъ кверху, дуломъ книзу. Жители «предмѣстья» грязные, нищіе, полуголые манзы говорили, что «хуза» ночью грабилъ городъ и ушелъ на сѣверъ. Разумѣется, китайцамъ никто

не повѣрилъ. На маленькомъ «военномъ» совѣтѣ рѣшено было посѣтить городъ, предварительно вызвалъ туда небольшой головной разъѣздъ подъ начальствомъ офицера.

IV.

Описывать Юшитай не стоитъ, онъ ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ китайскихъ городовъ, но теперь произвелъ ужасное впечатлѣніе: всюду слѣды грабежа, картина полнаго разгрома, въ магазинахъ выломаны двери и окна, разбросанные товары валяются по улицѣ; прохожіе и проѣзжіе топчутъ ихъ. Полуголые мальчуганы подбираютъ все, что еще не потеряло цѣнности, и тащатъ въ помѣщенія лавчонокъ. Желтолицые и косоглазые хозяева-купезы стоятъ у разграбленныхъ магазиновъ и со слезами созерцаютъ свой погромъ.

Изъ разспросовъ жителей выяснилось, что еще 27-го іюля на городъ налетѣлъ ночью атаманъ Туинзеръ со своей шайкой, численностью не менѣе 500 человѣкъ. Храбрая китайская милиція бѣжала въ паническомъ страхѣ, побросавъ оружіе; такимъ образомъ хунхузы очутились въ городѣ полными властелинами и хозяйничали посвоему. Два дня и двѣ ночи грабили разбойники беззащитный городъ. Забравъ все цѣнное, ушли, прихватили «бабушекъ поможе и покрасивѣе», разумѣется, въ китайскомъ вкусѣ. На ханшинномъ заводѣ сообщили, что Туинзеръ тамъ бражничалъ и хвасталъ своей дружбой съ японскими полководцами, называлъ себя полковникомъ японской арміи. По порученію начальниковъ этой арміи, онъ идетъ грабить и другіе города, «симпатизирующіе» русскимъ, затѣмъ ему предстоитъ разрушить желѣзнодорожный путь и соединеніе съ храбрыми японскими полками, гдѣ его сдѣлаютъ за все «шибко булсимъ» капитаномъ.

Изъ разсказовъ стало яснымъ, что хунхузы находятся поблизости, что ихъ необходимо настичь во что-бы то ни стало.

Администраціи города капитанъ Чесноковъ заявилъ, что отъ преслѣдованія шайки онъ отказывается, что останется въ городѣ на отдыхъ и раннимъ утромъ слѣдующаго дня выступитъ въ Гундьжулинъ. Для вящшей убѣдительности онъ даже потребовалъ десятокъ арбъ съ фуражемъ, мотивируя это желаніемъ воспользоваться случаемъ купить фуражъ по дешевымъ сельскимъ цѣнамъ.

Населеніе Юшитая встрѣтило нашъ отрядъ выраженіями непритворной радости. Когда они услышали, что «шибко булшой капитана» отказывается отъ преслѣдованія хунхузовъ, на ихъ желтыхъ лицахъ и въ ихъ глазахъ отразились искреннее горе и разочарованіе.

Они наперерывъ старались задобрить русскихъ, предлагая свои фанзы, фуражъ и всякое «угощеніе». Начальникамъ, т. е. офицерамъ, отвели лучшее помѣщеніе, солдатъ размѣстили по фанзамъ.

Хозяева китайцы выказали поразительное, при ихъ скупости, гостепріимство: кто таскалъ орѣхи въ сахарѣ, кто несъ печеніе и всевозможные манджурскіе деликатесы въ родѣ морской капусты, плавниковъ акулы и молодого бамбука, употребляемаго китайцами во всѣхъ тонкихъ блюдахъ. Натаскали арбузовъ, дынь, чаю и табаку въ такомъ количествѣ, что всѣ невольно поразились неожиданной щедростью жителей, готовыхъ за «чоху» (чоха равна отъ $^1/_{10}$ до $^1/_{16}$ копейки) перегрызть другъ другу глотки. У дверей и воротъ толпились любопытные и, завидя русскихъ, добродушно улыбались, кивали головами, поднимая толстый палецъ кверху, и произносили: «хау, шанго, шибко шанго капитана».

Нѣкоторые китайцы, посолиднѣе, изъ среды

«купезовъ», заходили въ помѣщеніе офицеровъ, садились на корточки, закуривали трубки. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчаливаго созерцанія, они, оглядываясь по сторонамъ, изъ опасенія, чтобы ихъ не подслушали, таинственно нашептывали приблизительно слѣдующее:

— Капитана, шанго, хуза много, шибко много.

Нежеланіе капитана Чеснокова преслѣдовать хунхузовъ они, очевидно, объяснили по-своему, предполагая, что небольшой отрядъ русскихъ боится большой шайки разбойниковъ.

— Капитану не надо бояться,—говорили они,— у капитана «булсой пушка».

Однако, начальникъ отряда твердо стоялъ на своемъ, серьезно увѣряя, что не намѣренъ преслѣдовать разбойниковъ Манджуріи, которыхъ китайцы съ такой тщательностью скрываютъ.

—Сами виноваты,—съ укоромъ говорилъ имъ капитанъ,—зачѣмъ скрываете эту сволочь, отчего заблаговременно не даете знать русскимъ, гдѣ скрываются ваши «хуза»?

Назойливыхъ посѣтителей пришлось выгнать въ концѣ концовъ. Усталось послѣ безсонной ночи брала свое. Хотѣлось хоть немного отдохнуть и, кромѣ того, необходимо было обдумать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Передъ вечеромъ внезапно явился храбрый капитанъ китайской милиціи. Узнавъ о прибытіи «высокочтимыхъ» гостей, онъ счелъ долгомъ вернуться изъ своего «скромнаго» убѣжища, чтобы оказать честь русскому отряду.

Разумѣется, и онъ совѣтовалъ преслѣдовать хунхузовъ и предлагалъ въ помощь свою милицію, кстати оставшуюся «безоружной».

Какъ ни была велика усталость, пришлось считаться съ китайскими церемоніями и немедленно отдать визитъ храброму начальнику юшитайской

милиціи, чѣмъ послѣдній былъ чрезвычайно польщенъ.

Отрядъ, повидимому, принялъ увѣренія начальника о нежеланіи преслѣдовать шайку хунхузовъ за чистую монету. Всѣ улеглись огорченные, что экспедиція не выполнитъ намѣреніе «уничтожить» шайку разбойниковъ, вѣчно тревожащихъ разбросанныхъ по линіи дороги часовыхъ и крейсирующихъ разъѣздовъ и патрулей.

V.

Когда начальникъ отряда вернулся отъ храбраго китайскаго капитана, его встрѣтилъ во внутреннемъ дворѣ фанзы развѣдчикъ Чуда-сю. Съ таинственнымъ видомъ приблизился онъ къ юному начальнику и, приложивъ два пальца къ губамъ, указалъ свободной рукой на фанзы, гдѣ спали офицеры и нѣкоторые изъ старшихъ нижнихъ чиновъ сотни, состоявшіе при офицерахъ въ качествѣ вѣстовыхъ и ординарцевъ.

— Капитана!—шопотомъ произнесъ Чуда-сю.— Важныя новости!

— Что такое?—Говори скорѣе.

— Моя видалъ сегодня Туинзеръ...

— Что ты городишь?! Какой Туинзеръ...

— Сама атамана хунхузовъ, сама Туинзеръ... Какъ тигръ лютый... Какъ шакала бросался по фанзамъ...

— Почему его не схватили?

— Не схватили? — переспросилъ Чуда-сю и устремилъ свои плутовскіе глаза въ ясное, усѣянное звѣздами, небо, словно старался найти тамъ разгадку, почему не схватили смѣлаго атамана.

— Машинка твоя, — внѣ себя крикнулъ капитанъ («машинка твоя» означаетъ на «русско-манджурскомъ» жаргонѣ:—«Ты мошенникъ. Ты насъ продалъ»...)

— Тссъ! капитана! Твоя не говоли гломко (китайцы вмѣсто буквы «р» всегда произносятъ «л»). Тссъ!.. Твоя не селдись... слушай!.. Поймать атаманъ Туинзелъ шибко тлудно... Ува... тлудно... У атамана здѣсь по всему городу агенты бродятъ и все ему доносятъ. Атаманъ тепелича спокойно уѣхалъ къ шайкѣ. Онъ сама знаетъ, что твоя не хочетъ его преслѣдовать... Завтла, утломъ, когда солнце будетъ на небѣ высоко, вся шайка соберется недалеко, верстахъ въ пятнадцати отъ Юшитая... За чефаномъ твоя сотня ихъ настигаетъ... и кантами... всѣмъ, тупъ-тупъ кантами.

Послѣднія слова Чуда-сю произнесъ съ видимымъ удовольствіемъ и отъ полноты чувства показалъ рукою по шеѣ, желая этимъ дать понять, что, настигнувъ неожиданно, во время чефана (обѣда) хунхузовъ, отрядъ истребитъ ихъ всѣхъ до одного.

Въ душѣ этого развѣдчика гнѣздилась глубокая ненависть къ хунхузамъ и, какъ говорили, онъ имѣлъ на это важныя основанія: когда онъ жилъ въ Нингутѣ мирнымъ «конходемъ», т. е. работникомъ, хунхузы напали на деревню, гдѣ жила его семья, разграбили все и сожгли, а атаманъ Туинзеръ увелъ его жену.

Семейныя начала у китайцевъ свято чтутся, и въ каждомъ простомъ манзѣ вы легко подмѣтите глубокую любовь и преданность своей семьѣ.

Часто видишь китаянку, безобразную, грязную, въ лохмотьяхъ, но голова ея украшена желѣзной «короной» — признакъ, что китаянка (вѣрнѣе — манджурка) замужняя, честная, имѣющая дѣтей.

Попробуйте обидѣть ее, и на васъ набросятся всѣ, вѣчно бродящіе по улицамъ, китайцы. Мужъ относится къ своей уродливой «бабушкѣ» съ невыразимой нѣжностью, и чтобы доставить ей

грошевую роскошь, пойдетъ на самую тяжелую «конходю» (работу). Но если желтолицая красавица до замужества продана въ вертепъ, презрѣніе будетъ преслѣдовать ее до могилы.

Мнѣ передавали, что потеря жены такъ подѣйствовала на Чуда-сю, что онъ поклялся въ кумирнѣ отомстить атаману Туинзеру.

— Слушай, Чуда-сю,—сказалъ капитанъ Чесноковъ,—отрядъ разбуди не позже 5 часовъ утра. Понимаешь?

— Понимаемъ.

— Я возьму съ собою 10 конныхъ и вмѣстѣ съ тобою пойду по слѣдамъ шайки. Если мы ихъ настигнемъ, ты поскачешь къ отряду и передашь ему мои распоряженія, я же разставлю дозоры, которые скроются въ гаолянѣ до прихода отряда. Будь остороженъ, веди ихъ такъ, чтобы дозоры хунхузовъ не примѣтили... Понимаешь?

— Понимаемъ. Будьте спокойны. Исполнимъ все, какъ слѣдуетъ...

VI.

Раннимъ утромъ сотня и два орудія тронулись въ путь.

Начальникъ отряда съ десятью испытанными заамурцами и развѣдчикомъ поскакалъ впередъ.

Пройдя десять верстъ, онъ остановился въ деревнѣ поразспросить о хунхузахъ. Китайцы сообщили, что шайка дѣйствительно заночевала, но на зарѣ разъединилась; одна часть человѣкъ въ 300 направилась на сѣверъ грабить гор. Яндаченцзы, другая, около 200 всадниковъ, пошла на востокъ, вѣроятно, грабить гор. Сіонченцзы.

Это заставило призадуматься начальника отряда. Но Чуда-сю былъ тутъ какъ тутъ.

— Капитана! Хуза разграбятъ Яндаченцзы и Сіонченцзы, а потомъ пойдутъ на соединеніе...

Прикажи отряду пойти на перерѣзъ, между этими городами. Мы ихъ тамъ настигнемъ. О, моя хорошо знаетъ уловки хуза...

Вездѣ на пути были слѣды прохожденія шайки хунхузовъ. Озлобленные жители открыто указывали ихъ направленіе. Иногда отъ страха и на вопросъ:

— Хуза ю? — китайцы качали головами, громко отвѣчая «Мы юла», а потихоньку шептали, оглядываясь по сторонамъ:

— Ю-ю, капитана, — и указывали, по какому пути ушли манджурскіе рыцари индустріи.

Около часа пополудни, проскакавъ 60 верстъ, вмѣсто предполагавшихся 15, остановились у маленькой деревни, окруженной подросшимъ гаоляномъ.

Зная организацію хунхузовъ, капитанъ Чесноковъ приказалъ окружить селеніе, чтобы оставленный тамъ агентъ не предупредилъ шайки о приближеніи опасности.

Мѣстность представляла волнистое пространство, засѣянное ровными, словно разлинованными грядами чумизы, ячменя, пшеницы, гаоляна, бобовъ и всевозможныхъ огородныхъ овощей. Между ними узенькой лентой извивалась рѣчка, извѣстная здѣсь подъ названіемъ Дунь-Ляохе.

Черезъ Дунь-Ляохе переправились вбродъ и расположились у дер. Силутай, выславъ два разъѣзда по шесть человѣкъ съ приказаніемъ никого не выпускать изъ селенія и не пропускать къ нему.

Разъѣзды маленькой иноходью пошли къ слѣдующей деревнѣ, расположенной верстахъ въ двухъ отъ рѣчки, носящей, по картѣ, прозвище Ванцзятунь. Вблизи деревни показались шесть конныхъ всадниковъ. Они открыли огонь по разъѣзду, но послѣдній въ мигъ окружилъ разбойниковъ и изрубилъ ихъ.

Манзы селенія сообщили, что въ сосѣдней деревнѣ, верстахъ въ трехъ, находится часть шайки Туинзера, около 200 всадниковъ, о чемъ немедленно извѣстили начальника отряда.

Капитанъ направилъ на деревню взводъ заамурцевъ подъ командой штабсъ-ротмистра Павлова-Сильванскаго. Ему дано было распоряженіе обойти деревню, ударить на шайку и гнать ее на главныя силы отряда.

У деревни они увидѣли болѣе ста всадниковъ, высыпавшихъ изъ деревенской улицы и полнымъ ходомъ направившихся къ находившемуся шагахъ въ 600 отъ строеній кирпичному заводу, откуда открыли учащенный огонь. Нашъ передовой взводъ быстро спѣшился и, обстрѣлявъ заводъ, перешелъ въ наступленіе. Тѣмъ временемъ сталъ приближаться начальникъ отряда съ остальными людьми. Орудія попали на топкое мѣсто и двигались медленно, а конные скакали прямо на заводскія строенія.

Хунхузы открыли по нимъ бѣшеный огонь.

Привычные, обстрѣлянные заамурцы быстро шли въ атаку.

Хунхузы сообразили маневръ штабсъ-ротмистра Павлова-Сильванскаго и бросились къ своимъ конямъ, черезъ мгновеніе они уже скакали къ рѣчкѣ, но ихъ настигъ командиръ сотни ротмистръ Линчицкій, врубился въ орду, и пошла работа въ рукопашную.

VII.

У рѣчки хунхузовъ встрѣтилъ дружный залпъ остальныхъ взводовъ сотни заамурцевъ. Манджурскіе шакалы не выносятъ нашего огня. Они въ паникѣ бросились въ кустарникъ, откуда открыли

безпорядочную пальбу изъ своихъ разнокалиберныхъ ружей и фальконетовъ.

У насъ пострадали двое нижнихъ чиновъ: одному раздробило кость предплечья, другому часть заряда изъ фальконета угодила въ животъ.

Юный капитанъ Чесноковъ не желалъ нести потери; во избѣжаніе ихъ онъ спѣшилъ команду, она залегла за естественными прикрытіями и открыла огонь пачками.

Павловъ-Сильванскій со своимъ взводомъ, обогнувъ кустарникъ, напалъ на флангъ хунхузовъ. Онъ также спѣшился и открылъ частый огонь.

На поддержку Павлову выслали еще взводъ, а начальникъ отряда вывелъ карьеромъ на позицію подоспѣвшія орудія и далъ по спрятавшимся въ кустахъ разбойникамъ два выстрѣла картечью.

Выстрѣлы привели въ ужасъ хунхузовъ. Они, по одиночкѣ выскакивали изъ-за кустовъ и метались изъ стороны въ сторону, какъ угорѣлые. Заамурцы дружно бросились «въ шашки» и снова пошла работа «въ рукопашную».

Крики «ура» смѣшались съ гортанными всхлипываніями желтолицыхъ разбойниковъ, лязгомъ оружія и звуками одиночныхъ выстрѣловъ. Вотъ ротмистръ Линицкій врѣзался въ сбившихся въ кучу десятокъ хунхузовъ и замахалъ шашкой «направо» и «налѣво».

Этотъ скромный командиръ, котораго всѣ знали за добряка, неспособнаго и мухи обидѣть, рубилъ съ остервенѣніемъ.

Послѣ боя онъ самъ мнѣ говорилъ, краснѣя и конфузясь:

— Никогда я не думалъ, что могу превратиться въ «человѣка-звѣря»... Что дѣлать? Война...

Изъ шайки въ 200 хунхузовъ удалось удрать не болѣе 7 или 9 разбойникамъ. Остальные всѣ были перебиты.

Въ видѣ трофеевъ намъ досталось много коней, прекрасныхъ «мастачковъ-иноходцевъ», оружія и патроновъ. Картина боя обыкновенно представляется въ видѣ сумбура, каши, въ которой ничего не разберешь: стрѣляютъ, колятъ, рубятъ, отдѣльные крики, но въ общемъ, что-то ужасное, гнетущее... Разумѣется, ничего похожаго на парадъ или даже красивое ученье.

Послѣ боя сумбуръ понемногу исчезаетъ, является возможность нѣсколько разобраться въ впечатлѣніяхъ. Артиллеристы разсказываютъ, что послѣ большихъ сраженій они глохнутъ на нѣсколько дней, а голова не въ состояніи мыслить, становится тяжелой, какъ-бы «не своя, а чужая».

Послѣ истребленія хунхузовъ, въ кустахъ и въ гаолянѣ валялись трупы изрубленныхъ и убитыхъ пулями разбойниковъ; одни лежали съ раскрытыми, полными ужаса глазами и словно искали причину своей смерти; другіе лицомъ къ землѣ, зарывшись въ сѣрую пыль; казалось, они обняли землю, стиснули ее своими объятіями и въ этой позѣ на вѣки застыли.

Одинъ раненый, еще не потерявшій способности двигаться, сползалъ къ рѣкѣ, очевидно, въ намѣреніи смыть рану или смочить измученное жаждой горло... Валялись убитыя лошади, а иныя, безъ всадниковъ, скакали по полю, и за ними гнались пограничники. Изловивъ коня, они съ торжествомъ тащили его къ сотенному. Наши солдаты, въ огромномъ большинствѣ, всѣ пріобрѣтенные трофеи всегда «волокутъ» прежде всего къ своимъ начальникамъ, и я это отмѣчаю, какъ признакъ существующей между нижними чинами и офицерами сердечной связи и прекрасныхъ человѣческихъ отношеній.

VIII.

Бой съ хунхузами, начавшись въ началѣ второго, кончился въ 4 часа. Но задача не считалась

выполненной. Необходимо было настигнуть другую часть шайки, направившуюся на сѣверъ.

Нашихъ раненыхъ устроили въ повозкѣ и, давъ имъ прикрытіе, приказали слѣдовать съ обозомъ. Главныя-же силы перемѣннымъ аллюромъ поскакали по слѣдамъ другой части хунхузовъ; по свѣдѣніямъ, было ихъ болѣе трехсотъ человѣкъ.

Утомленія отъ недавняго сраженія и форсированнаго 60-верстнаго перехода въ накаленномъ солнечными лучами воздухѣ какъ не бывало.

Отрядъ двигался съ быстротою не менѣе двѣнадцати верстъ въ часъ. Наконецъ, лошади стали утомляться, люди окончательно вымокли въ собственномъ поту.

Солнце склонилось къ западу.

На горизонтѣ, за гаоляномъ и чумизой вырисовывались башенки со стѣны города Яндаоченцзы. Справа отъ дороги стояла импань, окруженная высокой толстой глиняной стѣной. Это была знаменитая импань Джай-ю-тунъ, гнѣздо хунхузовъ.

Но манджурскіе шакалы уже успѣли узнать объ участи, постигшей ихъ товарищей. Всего за полчаса до прихода нашего отряда, они покинули импань, второпяхъ бросивъ обозъ и много лошадей.

При нашемъ приближеніи изъ импани выскочилъ рослый, здоровенный китаецъ въ франтовской курткѣ свѣтло-голубого шелка.

Онъ скорчилъ печальную рожу и залопоталъ на ломанномъ русскомъ языкѣ жалобнымъ голосомъ:

— Капитана!.. Хуза били... грабили (вѣроятно грабили), тли тисца лубъ карапачи (три тысячи рублей отняли).—Ай-ай-ай, ломайло... капитана!..

— Молчи, ефіопская образина!—крикнулъ подскочившій къ нему вахмистръ. — Знаю я тебя:

такой-же мерзавецъ хунхузъ!.. «ломайла» и «карапачи», — смѣшно передразнивалъ его вышедшій изъ себя Вахроменко.

Но рослый китаецъ слезливо моргалъ глазами, бросался на колѣни и умолялъ настигнуть «хуза» и отнять его «тли тисца лубъ». Для большей убѣдительности онъ даже навязывался въ проводники, увѣряя, что хорошо знаетъ, куда ушли «хуза».

Начальникъ отряда былъ въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны, желательно было закончить начатое съ такимъ успѣхомъ дѣло до вечера, съ другой—люди да и лошади утомились, а въ голосѣ китайца изъ импани слишкомъ ясно сквозила неискренность...

Однако, рѣшено было не прерывать преслѣдованія.

Въ импани оставили караулъ, а съ остальными людьми пустились въ дальнѣйшую погоню, прихвативъ китайца. Вскорѣ подозрѣнія на китайца оправдались, но привычные въ преслѣдованіи хунхузовъ заамурцы сами напали на слѣдъ удиравшей шайки.

Стало темнѣть. Лошади уже съ трудомъ передвигали ноги. Дальнѣйшая скачка становилась невозможной и безполезной. Оглядѣлись. Въ темнотѣ показались островерхія крыши фанзъ. Это была деревня, къ которой и направился отрядъ.

Тамъ схватили «пару» подозрительныхъ китайцевъ и начали допрашивать.

— Хуза-ю? — спрашивалъ начальникъ отряда, пользуясь своимъ убогимъ лексикономъ китайскаго языка.

— Мы-юла...—пищалъ китаецъ, несомнѣнно переодѣтый хунхузъ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ мѣстныхъ жителей выяснилось, что хунхузы только что поки-

нули эту деревню, переодѣвшись манзами, и спрятали свое вооруженіе въ гаолянѣ, гдѣ при обыскѣ нашли характерныя хунхузскія куртки, широкополыя шляпы, отороченныя синимъ шелкомъ, и оружіе.

IX.

Обыскавъ всю деревню, занялись осмотромъ брошеннаго хунхузами обоза. Въ арбахъ было найдено много инструментовъ для порчи желѣзнодорожнаго пути и, такъ-называемаго, «подрывного» матеріала, т.-е. пачки съ пироксилиномъ.

Хозяиномъ импани оказался богатый китаецъ. По всему видно было, что его дворы, фанзы и дворики служатъ постоянными притонами для разбойниковъ.

Начали допрашивать хозяина. Послѣдній пытался отмалчиваться или отвѣчалъ односложнымъ мычаніемъ:

— Путунда...—и онъ отрицательно кивалъ головой, при этомъ смѣшно выпучивъ глаза.

Тѣмъ не менѣе, для насъ было вполнѣ ясно, что этотъ переодѣтый простымъ манзой китаецъ причастенъ къ шайкѣ хунхузовъ. Его отдали подъ строгій караулъ, нарядили разъѣздъ въ развѣдку по окрестнымъ селамъ, а остальные прилегли на отдыхъ, размѣстившись по фанзамъ.

Въ четыре часа утра примчался на вспѣнившейся мокрой лошади взводный и торопливо сталъ будить всѣхъ.

— Въ десяти верстахъ на бивакѣ хунхузы, — торопливо произнесъ онъ.

Команда въ мигъ была готова къ выступленію. Въ 5 часовъ она двинулась впередъ, въ расчетѣ неожиданно напасть на разбойничій станъ, выславъ два небольшихъ разъѣзда въ обходъ.

Начальникъ отряда на рысяхъ пошелъ къ

мѣсту стоянки хунхузовъ. Быстрота движенія дала возможность подойти къ стану версты на двѣ, не будучи замѣченными.

Но ближе къ расположенію хунхузовъ стояли ихъ обычные дозоры, которые, завидѣвъ отрядъ русскихъ, начали свою сигнализацію выстрѣлами изъ винтовокъ и фальконетовъ и даже флагами съ крышъ фанзъ ближайшей деревни.

Отрядъ усилилъ аллюръ, но, приблизившись къ мѣсту ночлега, никого уже на немъ не засталъ. Предупрежденные выстрѣлами хунхузы за десять минутъ до прибытія отряда успѣли покинуть стоянку.

Начальникъ съ отрядомъ тотчасъ бросился въ погоню за хунхузами. Вотъ вдали показалась куча всадниковъ, бѣшено скачущихъ вдоль дороги и по полямъ.

Отрядъ почти настигалъ ихъ, но въ 60—70 саженяхъ разстоянія толпа хунхузовъ неожиданно разбивается на двѣ группы и бросается по полямъ вразсыпную.

Наши пытаются прибѣгнуть къ такому же маневру, но поздно. Эти группы въ свою очередь раздвоились, каждая отдѣльно, а затѣмъ вся толпа хунхузовъ разбилась на маленькіе разъѣзды по 5—7 всадниковъ и исчезла въ высокомъ гаолянѣ.

Послѣ двухчасовой бѣшеной скачки пришлось остановиться. Дальнѣйшее преслѣдованіе становилось безполезнымъ. Утомленные вчерашнимъ днемъ кони не были въ состояніи настигнуть разбойниковъ. Пришлось сыграть «сборъ» и послѣ небольшого отдыха вернуться.

Населеніе всюду на обратномъ пути встрѣчало отрядъ съ искренними, неподдѣльными выраженіями радости. Общины во главѣ съ старшинами приходили благодарить капитана за уничтоженіе хунхузовъ. На улицахъ деревень и встрѣчныхъ

городовъ отрядъ встрѣчали толпы китайцевъ и кричали:

— Хау! Шанго, капитана! — Ихъ радости, по всѣмъ видимостямъ, не было границъ.

Токара-Фуне, или судно сокровищъ.

Предо мною лежитъ уродливый рисунокъ: причудливое судно, гонимое волнами безбрежнаго моря, наполнено семью главными богами Японіи.

На первомъ планѣ, въ центрѣ полотна, сидитъ уродливая фигура съ флагомъ въ десницѣ, изображеннымъ полулуніемъ, а быть можетъ и «полусолнцемъ», если судить по зубчикамъ, вѣнчающимъ флагъ.

Это — богъ славы, осѣняющій десницей своей и скипетромъ «богиню граціи и красоты», именуемую «Бензайтеня».

Подъ бокомъ послѣдней возсѣдаетъ круглолицый Фудо — богъ возмездія или наказанія. Его круглый ликъ, очевидно, олицетворяетъ безпристрастіе, хотя какое пристрастіе можетъ изобразить шаровидное очертаніе, напоминающее луну съ ея пятнами, которой приставили туловище «ваньки-встаньки» съ нашего вербнаго базара.

Далѣе слѣдуетъ Эбизу—богиня плодородія или дневного пропитанія, Футемъ — богъ вѣтровъ и погоды, Дай-Коку—богъ здоровья и Фу-ку-року-Цзынь—богъ счастья и мудрости.

Всѣ эти семь боговъ страны «Восходящаго Солнца» носятъ еще общее названіе «Сичи-Фуку-Джень», что означаетъ—семь боговъ счастья.

Въ теченіе цѣлаго года каждый изъ нихъ несетъ свои обязанности самостоятельно, функціонируя, такъ сказать, въ одиночку.

Одинъ разъ въ году они соединяются и со-

вершаютъ прогулку въ «суднѣ сокровищъ». Волны морскія аккомпанируютъ сопровождающей свитѣ, поющей хвалебныя пѣсни, вѣтеръ реветъ злые, жестокіе напѣвы, все падаетъ ницъ передъ плывущими на божественномъ кораблѣ властелинами вселенной.

День этотъ—японскій новый годъ.

Сильная и слабая половины Японіи ложатся въ эту ночь въ свои постели со страхомъ и трепетомъ передъ покрытымъ непроницаемой завѣсой грядущимъ.

«Счастье или горе ждетъ меня въ новомъ году»... думаетъ каждая женщина, будь-то гейша изъ чайнаго домика, принцесса крови или сама супруга микадо.

«Что ждетъ меня?» — мечтаетъ воинъ, ложась въ эту для него трепетную ночь на свое ложе.— Слава или безславіе»?..

Обѣ половины страны Солнца обуреваемы однѣми и тѣми же мыслями, одними и тѣми же желаніями.

И вотъ, проходя мимо чайнаго домика въ темную новогоднюю ночь и услышавъ дѣтскій наивный лепетъ гейши, поющей свою пѣсню, знайте, ея пѣсня заключаетъ слѣдующія слова:

«Уже проснулась отъ десятаго сновидѣнья
И слышу чудную симфонію.
Волны морскія разносятъ ея дивные звуки
Изъ-подъ катящагося судна по моей чудной странѣ».

Но этого мало, по вѣрованіямъ японцевъ обоего пола, чтобы достать счастья славы. Даже недостаточно положить самое изображеніе Сичи-Фуку-Джень подъ голову, чтобы обезпечить себѣ счастье на весь годъ.

Въ темную новогоднюю ночь выползаютъ изъ всѣхъ дыръ и щелей Японіи злые духи страны, которую необходимо защищать отъ ихъ злокозненныхъ намѣреній.

Эти порожденія ада имѣютъ зеленый цвѣтъ, обладаютъ страшными глазами, а волосы, густые и длинные, покрывающіе всю спину до пятъ, горятъ особымъ зеленымъ пламенемъ.

Разумѣется, необходимо защищаться отъ адскихъ намѣреній духовъ зла. Для этого въ распоряженіи каждой японки имѣется такъ много средствъ, напримѣръ: жареный горохъ, разбросанный вокругъ жилища...

Зеленый чортъ съ козьими рогами и копытами, даже покрывшись тигровой шкурой, не проникнетъ въ жилище. Онъ обожжетъ копыта, обломаетъ рога, а маскирующая его шкура задушитъ его на-вѣки.

Но и жареный горохъ, разсыпанный заботливой рукой, не спасетъ, если трижды не пропѣты слова: «фуку ва-учи о ни ва-сото», означающія: «злой духъ уйди, счастье прилети».

Въ послѣднемъ случаѣ воину непремѣнно приснится соколъ, парящій въ поднебесьи, а женщина во снѣ увидитъ гору Фудзи-Яма (гора-благодать), или величественное зрѣлище восходящаго Тайсо—солнца.

Видѣнный мною рисунокъ, изображающій Токара-Фуне — судно сокровищъ, отпечатанъ былъ въ милліонахъ экземпляровъ и навѣвалъ въ новогоднюю ночь текущаго 1904 года пріятныя сновидѣнія на жительницъ и жителей страны «Восходящаго Солнца».

Полководцы Куроки и Оку видѣли соколовъ, падающихъ у самаго ночного ложа.

Того любовался не только во снѣ, но и на яву соколомъ, парящимъ надъ его головой и падающимъ на борты кораблей, которымъ, быть можетъ, суждено прожить послѣдній годъ.

А красавицы, желанныя, соблазнительныя гейши, что онѣ видѣли во снѣ въ новогоднюю ночь?

Бѣдняжки! Тайсо, его прекрасный лучезарный ликъ, освѣщалъ причудливые хребты, то сурово скалистые, то поросшіе кустарникомъ, ярко зеленымъ, покрытымъ каплями росы, дрожащими на листьяхъ, словно слезы убогихъ вдовицъ и сиротъ, а у подножія этихъ горъ, совсѣмъ не похожихъ своими очертаніями на желаннаго Фудзи-Яма, простираются зеленѣющія долины, усѣянныя трупами братьевъ, жениховъ и мужей. .

Одной принцессѣ приснилось безбрежное море. Среди клокочущихъ волнъ его она видѣла обломки кораблей и искаженное ужасомъ лицо славнаго Ойямы, стремившагося въ страну вѣтровъ и... смерти...

Вѣщій сонъ, новогодній сонъ жителей и жительницъ страны Восходящаго Солнца, сбывается на яву...

СОДЕРЖАНІЕ.

